А. ПОЗДНЕЕВ.

ОБРАЗЦЫ
НАРОДН. ЛИТЕР. МОНГОЛ
ПЛЕМЕН в.1.

О 33/447

XIII 2892
Уважаемому П. А. Сырку
14 февраля 1881. Спб. отъ автора.
Ф 442
О 33/447

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МОНГОЛОВЪ.

СОБРАНЫ И ИЗДАНЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПРИМѢЧАНІЙ О ХАРАКТЕРѢ НАРОДНОЙ ПѢСЕННОЙ ПОЭЗІИ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПРІЕМАХЪ СТИХОСЛОЖЕНІЯ У МОНГОЛОВЪ

А. Позднѣевымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1880.

О 33
447

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МОНГОЛОВЪ.

§ 1 2/X 34

СОБРАНЫ И ИЗДАНЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПРИМѢЧАНІЙ О ХАРАКТЕРѢ НАРОДНОЙ ПѢСЕННОЙ ПОЭЗІИ МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПРІЕМАХЪ СТИХОСЛОЖЕНІЯ У МОНГОЛОВЪ

А. Позднѣевымъ.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф.32-4649

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1880.

Печатано по опредѣленію факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго Университета, 4-го февраля 1880 г.

Деканъ *В. Васильевъ*.

2007096202

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I — VI
Возстановленный текстъ халхаскихъ, ӧлӧтскихъ и бурятскихъ пѣсенъ, представляемыхъ въ изслѣдованіи	1— 43
Предварительныя замѣчанія о значеніи и общемъ характерѣ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ	45— 74
Пѣсни Халхаскихъ Монголовъ	74—134
Пѣсни Ӧлӧтовъ	134—185
Пѣсни Бурятъ забайкальскихъ	185—263
Пѣсни Бурятъ добайкальскихъ	263—297
Замѣтка о литературныхъ стихотвореніяхъ монгольскихъ племенъ	297—319
Различные пріемы монгольскаго стихосложенія	319—346

Habent sua fata libelli.

Предлагаемая книга силою обстоятельствъ является предъ читателями совершенно не въ той формѣ, въ которой должна была она явиться по моему первоначальному плану. Дѣло въ томъ, что, составивъ во время путешествія своего по Монголіи, Чжунгаріи и степямъ Забайкалья сборникъ образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ, я, намѣреваясь предпринять изъ Иркутска обратный путь въ Россію по Монголіи же, счелъ за лучшее не подвергать свои коллекціи всѣмъ неудобствамъ тяжелаго восьми-мѣсячнаго передвиженія подъ открытымъ небомъ и на спинѣ верблюда, а передалъ ихъ Восточно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Географ. Общ. для пересылки въ Петербургъ Возвратившись изъ Монголіи, я надѣялся найти свои коллекціи уже въ Петербургѣ, но вмѣсто нихъ меня ожидало здѣсь извѣщеніе, что переданныя мною книги и рукописи были своевременно отправлены въ Петербургъ, затѣмъ почтовымъ вѣдомствомъ возвращены снова Отдѣлу и 24 іюня сгорѣли вмѣстѣ съ зданіемъ Отдѣла въ стражный пожаръ г. Иркутска. Такимъ образомъ, вмѣсто обширнаго сборника, который давалъ значительныя средства къ уясненію характера народной литературы и могъ служить богатымъ матеріаломъ для изслѣдованій современной намъ живой рѣчи монголовъ, у меня осталось въ рукахъ не болѣе полусотни пѣсенъ, да около ста пословицъ, поговорокъ и загадокъ, записанныхъ во время обратнаго пути по Монголіи. Зная одна-

ко, что и этотъ сборникъ превосходитъ своею величиною и достоинствомъ все извѣстное намъ количество памятниковъ устнаго, народнаго творчества монголовъ, я тогда же рѣшился обнародовать его въ печати, приложивъ къ тексту и переводу пѣсенъ краткій литературный очеркъ пѣсенной поэзіи монголовъ вообще и, въ видѣ примѣчаній, замѣтки объ особенностяхъ народнаго языка монголовъ, насколько выясняли то представляемыя мною пѣсни. Было уже готово около двухъ-третей моего изслѣдованія въ означенномъ планѣ, какъ получилъ я новое увѣдомленіе изъ Иркутска, которымъ давали мнѣ знать, что мои «случайно уцѣлѣвшія отъ пожара» коллекціи представлены Отдѣлу и въ непродолжительномъ времени будутъ высланы въ Петербургъ снова. Въ февралѣ я получилъ эти сборники народной литературы халхаской, ӧлётской, и бурятской и нѣсколько прежде того древнѣйшій памятникъ монгольской письменности — Юань-чао-ми-ши. Это обогащеніе побудило меня на первыхъ же порахъ разширить свое изслѣдованіе особливо въ изложеніи наблюденій надъ составомъ языка монгольскихъ племенъ: текстъ Юань-чао съ его обширностію и, хотя нѣсколько своеобразною, но отмѣнною опредѣлительностію китайскаго іероглифическаго письма, извѣстные намъ памятники квадратной письменности монголовъ, принадлежащій библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета богатый сборникъ монгольской литературы XVIII вѣка, наконецъ пріобрѣтенныя мною позднѣйшія литературныя произведенія монголовъ вмѣстѣ съ собранными образцами ихъ устнаго творчества давали къ тому полную возможность. Я разширилъ свои примѣчанія и увеличилъ количество образцевъ, представляемыхъ мною пѣсенъ; но въ апрѣлѣ, когда былъ уже напечатанъ монгольскій текстъ этой книги, я получилъ еще часть своихъ коллекцій, при чемъ мой сборникъ народной литературы обогатился главнымъ образомъ по отдѣлу пословицъ, поговорокъ и загадокъ халхаскихъ и бурятскихъ (всего 515 образцовъ). Понятно, что въ это время, когда начато уже было печатаніе книги, новая передѣлка изслѣдованія была невозможна, — я рѣшился оставить его та-

кимъ, какимъ оно тогда представлялось; желая же обнародовать массу имѣющагося у меня матеріала, который долженъ былъ послужить какъ основою для моихъ собственныхъ изслѣдованій по языку, такъ и могъ представить для другихъ средство къ изученію народной литературы и языка монголовъ, я положилъ измѣнить планъ всего своего труда. Habent sua fata libelli; — книга, вмѣсто того чтобы быть моимъ законченнымъ изслѣдованіемъ о народной литературѣ монгольскихъ племенъ, обратилась только въ часть его и, по отношенію къ преслѣдуемой мною цѣли, пожалуй, не можетъ быть названа иначе какъ введеніемъ.

Согласно этому, вновь составленному плану, я намѣренъ издать свое изслѣдованіе и матеріалы для онаго въ четырехъ выпускахъ. Первый изъ нихъ, нынѣ представляемый читателямъ, заключаетъ въ себѣ образцы пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ въ количествѣ 85 и характеристику этого рода твореній у монголовъ вообще. Я старался выяснить здѣсь общій духъ пѣсенной поэзіи монголовъ, изложить основные мотивы монгольской пѣсни, указать способы ихъ развитія и опредѣлить какимъ образомъ извѣстный мотивъ могъ найти свою основу въ народной жизни того или другаго монгольскаго племени, а равно въ силу какихъ обстоятельствъ получилъ онъ ту или другую сторону развитія. Чтобы придать возможно большую полноту своему очерку, я выбиралъ самыя характерныя черты изъ всего, имѣвшагося у меня матеріала для сужденій о пѣсенной поэзіи монголовъ и такимъ образомъ построилъ свое зданіе не на однихъ представляемыхъ образцахъ, но и на тѣхъ, изданіе которыхъ войдетъ въ составъ втораго выпуска этого изслѣдованія Читатели поэтому не найдутъ новыхъ темъ въ пѣсняхъ, имѣющихъ быть представленными во второмъ выпускѣ: по содержанію онѣ будутъ служить только подтвержденіемъ того, что говорится въ настоящей книгѣ и если я съ своей стороны все таки намѣренъ предпринять ихъ обнародованіе въ печати, то это потому, что остающіяся у меня неизданными пѣсни могутъ представить собою бо̀льшій матеріалъ для пожелающихъ взглянуть на пѣсенную поэзію монголовъ съ

другой какой либо стороны и во вторыхъ потому, что онѣ несомнѣнно открываютъ собою новый и богатый источникъ для монгольскаго языковѣденія. Еще болѣе цѣннымъ именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляется для меня третій выпускъ, въ содержаніе котораго войдутъ пословицы, поговорки и загадки монголовъ. Этотъ послѣдній выпускъ нынѣ почти приготовленъ мною къ печати и работы надъ нимъ болѣе всего побудили меня къ измѣненію общаго плана изданія своего труда. Такимъ образомъ богатство данныхъ для лингвистическихъ изысканій, которое представляетъ собою языкъ пословицъ и поговорокъ, побудили меня прежде всего изъять совершенно свои примѣчанія къ настоящему выпуску. Содержаніемъ ихъ было, по преимуществу, изложеніе моихъ наблюденій и изысканій о происхожденіи, существѣ и видоизмѣненіяхъ грамматическихъ формъ монгольскаго языка; но, являясь въ видѣ примѣчаній къ издаваемому тексту и находясь такимъ образомъ въ безусловной зависимости только отъ этихъ 85-ти пѣсенъ, мои изслѣдованія по языку конечно не могли быть изложенными здѣсь во всей своей полнотѣ и опредѣленности. Я сознавалъ, что каждый новый выпускъ потребовалъ бы отъ меня новыхъ примѣчаній и всѣ они вмѣстѣ имѣли бы все таки видъ безсвязной массы данныхъ, на основаніи которыхъ трудно было бы сдѣлать какіе либо лингвистическіе выводы только въ силу того, что эти данныя не имѣли у себя ни какой системы. Все это побудило меня не разбрасывать своихъ замѣтокъ по лингвистикѣ въ отдѣльныхъ выпускахъ, а собравъ ихъ въ одно цѣлое, представить въ стройной системѣ, уже послѣ изданія всѣхъ матеріаловъ, въ четвертой книгѣ этого труда, которая потому будетъ ничѣмъ инымъ, какъ историческою грамматикою монгольскаго языка.

Обращаясь теперь къ настоящему труду, я вполнѣ сознаю, что онъ, какъ по своему содержанію, такъ и по зависящей отъ содержанія формѣ изложенія, весьма во многомъ не сходствуетъ съ тѣми изслѣдованіями произведеній народнаго творчества, которыя появлялись у насъ и къ которымъ уже привыкли мы за

послѣднее время. Сочиненія этого рода обыкновенно заключаютъ теперь въ себѣ критическій разборъ народныхъ произведеній съ цѣлью опредѣлить для каждаго изъ нихъ мѣсто и время происхожденія, выяснить — принадлежитъ ли извѣстное произведеніе къ числу памятниковъ оригинальнаго народнаго творчества, или же оно заимствовано у какого либо другаго народа и у какого именно. При такихъ задачахъ современныя наши изслѣдованія народныхъ произведеній естественно должны наполняться разнаго рода историческими соображеніями и представлять собою сборники научнаго сличенія и сопоставленій разбираемыхъ образцовъ съ такими же памятниками всемірной литературы; но мнѣ казалось, что въ изслѣдованіи памятниковъ народнаго творчества монголовъ еще не приложимы, или по крайней мѣрѣ не такъ полезны и важны подобныя изысканія. Для насъ прежде всего необходимо имѣть представленіе объ общемъ характерѣ народной поэзіи монголовъ, а между тѣмъ кто до сего времени основательно, т. е. съ изложеніемъ доказательствъ, говорилъ когда либо хотя бы то о содержаніи монгольскихъ пѣсенъ? Собравъ все, что было у насъ написано въ отрывистыхъ, короткихъ и малодоказательныхъ сказаніяхъ путешественниковъ по сему предмету, можно было думать, что любимыя темы монгольской пѣсни суть воспоминанія о минувшихъ славныхъ временахъ, воспѣваніе доблестей древнихъ героевъ и хвала вѣрному и постоянному другу монгола — коню; но на дѣлѣ оказывается, что эпическія пѣсни положительно у всѣхъ монгольскихъ племенъ можно находить только какъ рѣдкость, а воспѣваніе похвалъ коню далеко уступаетъ свое мѣсто изліяніямъ благоговѣйныхъ чувствъ передъ буддою. Вотъ почему я и счелъ нужнымъ установить правильный взглядъ на содержаніе монгольской пѣсенной поэзіи, указавъ главнѣйшія темы монгольскихъ пѣсенъ и выяснивъ отношеніе и связь ихъ съ жизнью и бытомъ народа: безъ этого знанія основнаго характера народныхъ пѣсенъ мы не могли бы, мнѣ кажется, и отличить оригинальной пѣсни отъ заимствованной и передѣланной, или даже переводной сполна.

Не могу не сказать далѣе, что при изученіи образцовъ народнаго творчества монголовъ мое вниманіе занимали главнымъ образомъ изслѣдованія по языку; оттого настоящій трудъ, равно какъ и два послѣдующіе за нимъ выпуска «образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», представлялись для меня лично не болѣе какъ матеріаломъ, на которомъ должны основаться мои лингвистическія изслѣдованія. Читатель знаетъ теперь, что матеріалы для изученія увеличивались у меня постепенно, что прошло уже довольно времени съ той поры, какъ оконченъ этотъ трудъ и что въ это время мною былъ разработанъ еще цѣлый отдѣлъ народной литературы. Я не скрою, что эти новыя изслѣдованія привели меня и къ новымъ заключеніямъ, которыя уже теперь даютъ мнѣ возможность видѣть нѣкоторыя погрѣшности и опущенія въ настоящемъ трудѣ; для примѣра я укажу хоть на самую важную мою оплошность въ транскрипціи, по которой я не отмѣчалъ ничѣмъ глухихъ гласныхъ звуковъ, а между тѣмъ они играютъ важную роль въ различныхъ видоизмѣненіяхъ какъ отдѣльныхъ слоговъ, такъ и цѣлыхъ словъ и даже при взаимныхъ сочетаніяхъ словъ въ рѣчи. На эту то сторону труда, т. е. какъ на матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій, я и попросилъ бы благосклонныхъ читателей, знакомыхъ съ монгольскимъ языкомъ, обратить по преимуществу свое вниманіе и всякое дѣльное замѣчаніе ихъ будетъ принято мною съ глубокою благодарностію.

А. Позднѣевъ.

25-го ноября
1880 г.

١ سورة الفاتحة

بسم الله الرحمن الرحيم ۞ الحمد لله رب العالمين ۞ الرحمن الرحيم ۞ ملك يوم الدين ۞ إياك نعبد وإياك نستعين ۞ اهدنا الصراط المستقيم ۞ صراط الذين أنعمت عليهم ۞ غير المغضوب عليهم ولا الضالين ۞

۞

سورة البقرة ٢ ﴿ ١ ﴾ الم ۞ ذلك الكتاب لا ريب فيه هدى للمتقين ۞ الذين يؤمنون بالغيب ويقيمون الصلاة ومما رزقناهم ينفقون ۞ والذين يؤمنون بما أنزل إليك وما أنزل من قبلك وبالآخرة هم يوقنون ۞ أولئك على هدى من ربهم وأولئك هم المفلحون ۞ إن الذين كفروا سواء عليهم أأنذرتهم أم لم تنذرهم لا يؤمنون ۞ ختم الله على قلوبهم وعلى سمعهم وعلى أبصارهم غشاوة ولهم عذاب عظيم ۞

۞

﴿ ٢ ﴾ ومن الناس من يقول آمنا بالله وباليوم الآخر وما هم بمؤمنين ۞ يخادعون الله والذين آمنوا وما يخدعون إلا أنفسهم وما يشعرون ۞ في قلوبهم مرض فزادهم الله مرضا ولهم عذاب أليم بما كانوا يكذبون ۞ وإذا قيل لهم لا تفسدوا في الأرض قالوا إنما نحن مصلحون ۞ ألا إنهم هم المفسدون ولكن لا يشعرون ۞ وإذا قيل لهم آمنوا كما آمن الناس قالوا أنؤمن كما آمن السفهاء ألا إنهم هم السفهاء ولكن لا يعلمون ۞ وإذا لقوا الذين آمنوا قالوا آمنا وإذا خلوا إلى شياطينهم قالوا إنا معكم إنما نحن مستهزئون ۞ الله يستهزئ بهم ويمدهم في طغيانهم يعمهون ۞ أولئك الذين اشتروا الضلالة بالهدى فما ربحت تجارتهم وما كانوا مهتدين ۞ مثلهم كمثل الذي استوقد نارا فلما أضاءت ما حوله ذهب الله بنورهم وتركهم في ظلمات لا يبصرون ۞ صم بكم عمي فهم لا يرجعون ۞ أو كصيب من السماء فيه ظلمات ورعد وبرق يجعلون أصابعهم في آذانهم من الصواعق حذر الموت والله محيط بالكافرين ۞ يكاد البرق يخطف أبصارهم كلما أضاء لهم مشوا فيه وإذا أظلم عليهم قاموا ولو شاء الله لذهب بسمعهم وأبصارهم إن الله على كل شيء قدير ۞

ꠀ ꠀ ꠀ

* ٢٠ ٢٠ ٢٠

٢٠ ٢٠ ٢٠

٢٠ ٢٠ ٢٠

٢٠ ٢٠ ٢٠

٢٠ ٢٠ ٢٠

⁂

﴿ ٦ ﴾ وَلَقَدْ خَلَقْنَا الْإِنسَانَ مِن سُلَالَةٍ مِّن طِينٍ ⁂ ثُمَّ جَعَلْنَاهُ نُطْفَةً فِي قَرَارٍ مَّكِينٍ ⁂ ثُمَّ خَلَقْنَا النُّطْفَةَ عَلَقَةً فَخَلَقْنَا الْعَلَقَةَ مُضْغَةً فَخَلَقْنَا الْمُضْغَةَ عِظَامًا فَكَسَوْنَا الْعِظَامَ لَحْمًا ثُمَّ أَنشَأْنَاهُ خَلْقًا آخَرَ ⁂ فَتَبَارَكَ اللَّهُ أَحْسَنُ الْخَالِقِينَ ⁂ ثُمَّ إِنَّكُم بَعْدَ ذَٰلِكَ لَمَيِّتُونَ ⁂ ثُمَّ إِنَّكُمْ يَوْمَ الْقِيَامَةِ تُبْعَثُونَ ⁂ ﴿ ٨ ﴾ وَلَقَدْ خَلَقْنَا فَوْقَكُمْ سَبْعَ طَرَائِقَ وَمَا كُنَّا عَنِ الْخَلْقِ غَافِلِينَ ⁂ وَأَنزَلْنَا مِنَ السَّمَاءِ مَاءً بِقَدَرٍ فَأَسْكَنَّاهُ فِي الْأَرْضِ وَإِنَّا عَلَىٰ ذَهَابٍ بِهِ لَقَادِرُونَ ⁂ فَأَنشَأْنَا لَكُم بِهِ جَنَّاتٍ مِّن نَّخِيلٍ وَأَعْنَابٍ لَّكُمْ فِيهَا فَوَاكِهُ كَثِيرَةٌ وَمِنْهَا تَأْكُلُونَ ⁂ وَشَجَرَةً تَخْرُجُ مِن طُورِ سَيْنَاءَ تَنبُتُ بِالدُّهْنِ وَصِبْغٍ لِّلْآكِلِينَ ⁂ وَإِنَّ لَكُمْ فِي الْأَنْعَامِ لَعِبْرَةً نُّسْقِيكُم مِّمَّا فِي بُطُونِهَا وَلَكُمْ فِيهَا مَنَافِعُ كَثِيرَةٌ وَمِنْهَا تَأْكُلُونَ ⁂ وَعَلَيْهَا وَعَلَى الْفُلْكِ تُحْمَلُونَ ⁂ ﴿ ٩ ﴾ وَلَقَدْ أَرْسَلْنَا نُوحًا إِلَىٰ قَوْمِهِ فَقَالَ يَا قَوْمِ اعْبُدُوا اللَّهَ مَا لَكُم مِّنْ إِلَٰهٍ غَيْرُهُ أَفَلَا تَتَّقُونَ ⁂ فَقَالَ الْمَلَأُ الَّذِينَ كَفَرُوا مِن قَوْمِهِ مَا هَٰذَا إِلَّا بَشَرٌ مِّثْلُكُمْ يُرِيدُ أَن يَتَفَضَّلَ عَلَيْكُمْ وَلَوْ شَاءَ اللَّهُ لَأَنزَلَ مَلَائِكَةً مَّا سَمِعْنَا بِهَٰذَا فِي آبَائِنَا الْأَوَّلِينَ ⁂ إِنْ هُوَ إِلَّا رَجُلٌ بِهِ جِنَّةٌ فَتَرَبَّصُوا بِهِ حَتَّىٰ حِينٍ ⁂ قَالَ رَبِّ انصُرْنِي بِمَا كَذَّبُونِ ⁂ فَأَوْحَيْنَا إِلَيْهِ أَنِ اصْنَعِ الْفُلْكَ بِأَعْيُنِنَا وَوَحْيِنَا فَإِذَا جَاءَ أَمْرُنَا وَفَارَ التَّنُّورُ فَاسْلُكْ فِيهَا مِن كُلٍّ زَوْجَيْنِ اثْنَيْنِ وَأَهْلَكَ إِلَّا مَن سَبَقَ عَلَيْهِ الْقَوْلُ مِنْهُمْ وَلَا تُخَاطِبْنِي فِي الَّذِينَ ظَلَمُوا إِنَّهُم مُّغْرَقُونَ ⁂ فَإِذَا اسْتَوَيْتَ أَنتَ وَمَن مَّعَكَ عَلَى الْفُلْكِ فَقُلِ الْحَمْدُ لِلَّهِ الَّذِي نَجَّانَا مِنَ الْقَوْمِ الظَّالِمِينَ ⁂ وَقُل رَّبِّ أَنزِلْنِي مُنزَلًا مُّبَارَكًا وَأَنتَ خَيْرُ الْمُنزِلِينَ ⁂ إِنَّ فِي ذَٰلِكَ لَآيَاتٍ وَإِن كُنَّا لَمُبْتَلِينَ ⁂ ثُمَّ أَنشَأْنَا مِن بَعْدِهِمْ قَرْنًا آخَرِينَ ⁂ فَأَرْسَلْنَا فِيهِمْ رَسُولًا مِّنْهُمْ أَنِ اعْبُدُوا اللَّهَ مَا لَكُم مِّنْ إِلَٰهٍ غَيْرُهُ أَفَلَا تَتَّقُونَ ⁂ وَقَالَ الْمَلَأُ مِن قَوْمِهِ الَّذِينَ كَفَرُوا وَكَذَّبُوا بِلِقَاءِ الْآخِرَةِ وَأَتْرَفْنَاهُمْ فِي الْحَيَاةِ الدُّنْيَا مَا هَٰذَا إِلَّا بَشَرٌ مِّثْلُكُمْ يَأْكُلُ مِمَّا تَأْكُلُونَ مِنْهُ وَيَشْرَبُ مِمَّا تَشْرَبُونَ ⁂ وَلَئِنْ أَطَعْتُم بَشَرًا مِّثْلَكُمْ إِنَّكُمْ إِذًا لَّخَاسِرُونَ ⁂ أَيَعِدُكُمْ أَنَّكُمْ إِذَا مِتُّمْ وَكُنتُمْ تُرَابًا وَعِظَامًا أَنَّكُم مُّخْرَجُونَ ⁂ هَيْهَاتَ هَيْهَاتَ لِمَا تُوعَدُونَ ⁂ إِنْ هِيَ إِلَّا حَيَاتُنَا الدُّنْيَا نَمُوتُ وَنَحْيَا وَمَا نَحْنُ بِمَبْعُوثِينَ ⁂ إِنْ هُوَ إِلَّا رَجُلٌ افْتَرَىٰ عَلَى اللَّهِ كَذِبًا وَمَا نَحْنُ لَهُ بِمُؤْمِنِينَ ⁂ قَالَ رَبِّ انصُرْنِي بِمَا كَذَّبُونِ ⁂ قَالَ عَمَّا قَلِيلٍ لَّيُصْبِحُنَّ نَادِمِينَ ⁂ فَأَخَذَتْهُمُ الصَّيْحَةُ بِالْحَقِّ فَجَعَلْنَاهُمْ غُثَاءً فَبُعْدًا لِّلْقَوْمِ الظَّالِمِينَ ⁂ ثُمَّ أَنشَأْنَا مِن بَعْدِهِمْ قُرُونًا آخَرِينَ ⁂ مَّا تَسْبِقُ مِنْ أُمَّةٍ أَجَلَهَا وَمَا يَسْتَأْخِرُونَ ⁂ ثُمَّ أَرْسَلْنَا رُسُلَنَا تَتْرَىٰ كُلَّ مَا جَاءَ أُمَّةً رَّسُولُهَا كَذَّبُوهُ فَأَتْبَعْنَا بَعْضَهُم بَعْضًا وَجَعَلْنَاهُمْ أَحَادِيثَ فَبُعْدًا لِّقَوْمٍ لَّا يُؤْمِنُونَ ⁂ ثُمَّ أَرْسَلْنَا مُوسَىٰ وَأَخَاهُ هَارُونَ بِآيَاتِنَا وَسُلْطَانٍ مُّبِينٍ ⁂ إِلَىٰ فِرْعَوْنَ وَمَلَئِهِ فَاسْتَكْبَرُوا وَكَانُوا قَوْمًا عَالِينَ ⁂ فَقَالُوا أَنُؤْمِنُ لِبَشَرَيْنِ مِثْلِنَا وَقَوْمُهُمَا لَنَا عَابِدُونَ ⁂ فَكَذَّبُوهُمَا فَكَانُوا مِنَ الْمُهْلَكِينَ ⁂ وَلَقَدْ آتَيْنَا مُوسَى الْكِتَابَ لَعَلَّهُمْ يَهْتَدُونَ ⁂ وَجَعَلْنَا ابْنَ مَرْيَمَ وَأُمَّهُ آيَةً وَآوَيْنَاهُمَا إِلَىٰ رَبْوَةٍ ذَاتِ قَرَارٍ وَمَعِينٍ ⁂ يَا أَيُّهَا الرُّسُلُ كُلُوا مِنَ الطَّيِّبَاتِ وَاعْمَلُوا صَالِحًا إِنِّي بِمَا تَعْمَلُونَ عَلِيمٌ ⁂ وَإِنَّ هَٰذِهِ أُمَّتُكُمْ أُمَّةً وَاحِدَةً وَأَنَا رَبُّكُمْ فَاتَّقُونِ ⁂ فَتَقَطَّعُوا أَمْرَهُم بَيْنَهُمْ زُبُرًا كُلُّ حِزْبٍ بِمَا لَدَيْهِمْ فَرِحُونَ ⁂ فَذَرْهُمْ فِي غَمْرَتِهِمْ حَتَّىٰ حِينٍ ⁂ أَيَحْسَبُونَ أَنَّمَا نُمِدُّهُم بِهِ مِن مَّالٍ وَبَنِينَ ⁂ نُسَارِعُ لَهُمْ فِي الْخَيْرَاتِ بَل لَّا يَشْعُرُونَ ⁂ إِنَّ الَّذِينَ هُم مِّنْ خَشْيَةِ رَبِّهِم مُّشْفِقُونَ ⁂ وَالَّذِينَ هُم بِآيَاتِ رَبِّهِمْ يُؤْمِنُونَ ⁂ وَالَّذِينَ هُم بِرَبِّهِمْ لَا يُشْرِكُونَ ⁂ وَالَّذِينَ يُؤْتُونَ مَا آتَوا وَّقُلُوبُهُمْ وَجِلَةٌ أَنَّهُمْ إِلَىٰ رَبِّهِمْ رَاجِعُونَ ⁂ أُولَٰئِكَ يُسَارِعُونَ فِي الْخَيْرَاتِ وَهُمْ لَهَا سَابِقُونَ ⁂ وَلَا نُكَلِّفُ نَفْسًا إِلَّا وُسْعَهَا وَلَدَيْنَا كِتَابٌ يَنطِقُ بِالْحَقِّ وَهُمْ لَا يُظْلَمُونَ ⁂ بَلْ قُلُوبُهُمْ فِي غَمْرَةٍ مِّنْ هَٰذَا وَلَهُمْ أَعْمَالٌ مِّن دُونِ ذَٰلِكَ هُمْ لَهَا عَامِلُونَ ⁂ حَتَّىٰ إِذَا أَخَذْنَا مُتْرَفِيهِم بِالْعَذَابِ إِذَا هُمْ يَجْأَرُونَ ⁂ لَا تَجْأَرُوا الْيَوْمَ إِنَّكُم مِّنَّا لَا تُنصَرُونَ ⁂ قَدْ كَانَتْ آيَاتِي تُتْلَىٰ عَلَيْكُمْ فَكُنتُمْ عَلَىٰ أَعْقَابِكُمْ تَنكِصُونَ ⁂ مُسْتَكْبِرِينَ بِهِ سَامِرًا تَهْجُرُونَ ⁂ أَفَلَمْ يَدَّبَّرُوا الْقَوْلَ أَمْ جَاءَهُم مَّا لَمْ يَأْتِ آبَاءَهُمُ الْأَوَّلِينَ ⁂ أَمْ لَمْ يَعْرِفُوا رَسُولَهُمْ فَهُمْ لَهُ مُنكِرُونَ ⁂ أَمْ يَقُولُونَ بِهِ جِنَّةٌ بَلْ جَاءَهُم بِالْحَقِّ وَأَكْثَرُهُمْ لِلْحَقِّ كَارِهُونَ ⁂ وَلَوِ اتَّبَعَ الْحَقُّ أَهْوَاءَهُمْ لَفَسَدَتِ السَّمَاوَاتُ وَالْأَرْضُ وَمَن فِيهِنَّ بَلْ أَتَيْنَاهُم بِذِكْرِهِمْ فَهُمْ عَن ذِكْرِهِم مُّعْرِضُونَ ⁂ أَمْ تَسْأَلُهُمْ خَرْجًا فَخَرَاجُ رَبِّكَ خَيْرٌ وَهُوَ خَيْرُ الرَّازِقِينَ ⁂ وَإِنَّكَ لَتَدْعُوهُمْ إِلَىٰ صِرَاطٍ مُّسْتَقِيمٍ ⁂ وَإِنَّ الَّذِينَ لَا يُؤْمِنُونَ بِالْآخِرَةِ عَنِ الصِّرَاطِ لَنَاكِبُونَ ⁂ وَلَوْ رَحِمْنَاهُمْ وَكَشَفْنَا مَا بِهِم مِّن ضُرٍّ لَّلَجُّوا فِي طُغْيَانِهِمْ يَعْمَهُونَ ⁂ وَلَقَدْ أَخَذْنَاهُم بِالْعَذَابِ فَمَا اسْتَكَانُوا لِرَبِّهِمْ وَمَا يَتَضَرَّعُونَ ⁂ حَتَّىٰ إِذَا فَتَحْنَا عَلَيْهِم بَابًا ذَا عَذَابٍ شَدِيدٍ إِذَا هُمْ فِيهِ مُبْلِسُونَ ⁂ وَهُوَ الَّذِي أَنشَأَ لَكُمُ السَّمْعَ وَالْأَبْصَارَ وَالْأَفْئِدَةَ قَلِيلًا مَّا تَشْكُرُونَ ⁂ وَهُوَ الَّذِي ذَرَأَكُمْ فِي الْأَرْضِ وَإِلَيْهِ تُحْشَرُونَ ⁂ وَهُوَ الَّذِي يُحْيِي وَيُمِيتُ وَلَهُ اخْتِلَافُ اللَّيْلِ وَالنَّهَارِ أَفَلَا تَعْقِلُونَ ⁂ بَلْ قَالُوا مِثْلَ مَا قَالَ الْأَوَّلُونَ ⁂ قَالُوا أَإِذَا مِتْنَا وَكُنَّا تُرَابًا وَعِظَامًا أَإِنَّا لَمَبْعُوثُونَ ⁂ لَقَدْ وُعِدْنَا نَحْنُ وَآبَاؤُنَا هَٰذَا مِن قَبْلُ إِنْ هَٰذَا إِلَّا أَسَاطِيرُ الْأَوَّلِينَ ⁂ قُل لِّمَنِ الْأَرْضُ وَمَن فِيهَا إِن كُنتُمْ تَعْلَمُونَ ⁂ سَيَقُولُونَ لِلَّهِ قُلْ أَفَلَا تَذَكَّرُونَ ⁂ قُلْ مَن رَّبُّ السَّمَاوَاتِ السَّبْعِ وَرَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ ⁂ سَيَقُولُونَ لِلَّهِ قُلْ أَفَلَا تَتَّقُونَ ⁂ قُلْ مَن بِيَدِهِ مَلَكُوتُ كُلِّ شَيْءٍ وَهُوَ يُجِيرُ وَلَا يُجَارُ عَلَيْهِ إِن كُنتُمْ تَعْلَمُونَ ⁂ سَيَقُولُونَ لِلَّهِ قُلْ فَأَنَّىٰ تُسْحَرُونَ ⁂ بَلْ أَتَيْنَاهُم بِالْحَقِّ وَإِنَّهُمْ لَكَاذِبُونَ ⁂ مَا اتَّخَذَ اللَّهُ مِن وَلَدٍ وَمَا كَانَ مَعَهُ مِنْ إِلَٰهٍ إِذًا لَّذَهَبَ كُلُّ إِلَٰهٍ بِمَا خَلَقَ وَلَعَلَا بَعْضُهُمْ عَلَىٰ بَعْضٍ سُبْحَانَ اللَّهِ عَمَّا يَصِفُونَ ⁂ عَالِمِ الْغَيْبِ وَالشَّهَادَةِ فَتَعَالَىٰ عَمَّا يُشْرِكُونَ ⁂ قُل رَّبِّ إِمَّا تُرِيَنِّي مَا يُوعَدُونَ ⁂ رَبِّ فَلَا تَجْعَلْنِي فِي الْقَوْمِ الظَّالِمِينَ ⁂ وَإِنَّا عَلَىٰ أَن نُّرِيَكَ مَا نَعِدُهُمْ لَقَادِرُونَ ⁂ ادْفَعْ بِالَّتِي هِيَ أَحْسَنُ السَّيِّئَةَ نَحْنُ أَعْلَمُ بِمَا يَصِفُونَ ⁂ وَقُل رَّبِّ أَعُوذُ بِكَ مِنْ هَمَزَاتِ الشَّيَاطِينِ ⁂ وَأَعُوذُ بِكَ رَبِّ أَن يَحْضُرُونِ ⁂ حَتَّىٰ إِذَا جَاءَ أَحَدَهُمُ الْمَوْتُ قَالَ رَبِّ ارْجِعُونِ ⁂ لَعَلِّي أَعْمَلُ صَالِحًا فِيمَا تَرَكْتُ كَلَّا إِنَّهَا كَلِمَةٌ هُوَ قَائِلُهَا وَمِن وَرَائِهِم بَرْزَخٌ إِلَىٰ يَوْمِ يُبْعَثُونَ ⁂ فَإِذَا نُفِخَ فِي الصُّورِ فَلَا أَنسَابَ بَيْنَهُمْ يَوْمَئِذٍ وَلَا يَتَسَاءَلُونَ ⁂ فَمَن ثَقُلَتْ مَوَازِينُهُ فَأُولَٰئِكَ هُمُ الْمُفْلِحُونَ ⁂ وَمَنْ خَفَّتْ مَوَازِينُهُ فَأُولَٰئِكَ الَّذِينَ خَسِرُوا أَنفُسَهُمْ فِي جَهَنَّمَ خَالِدُونَ ⁂ تَلْفَحُ وُجُوهَهُمُ النَّارُ وَهُمْ فِيهَا كَالِحُونَ ⁂ أَلَمْ تَكُنْ آيَاتِي تُتْلَىٰ عَلَيْكُمْ فَكُنتُم بِهَا تُكَذِّبُونَ ⁂ قَالُوا رَبَّنَا غَلَبَتْ عَلَيْنَا شِقْوَتُنَا وَكُنَّا قَوْمًا ضَالِّينَ ⁂ رَبَّنَا أَخْرِجْنَا مِنْهَا فَإِنْ عُدْنَا فَإِنَّا ظَالِمُونَ ⁂ قَالَ اخْسَئُوا فِيهَا وَلَا تُكَلِّمُونِ ⁂ إِنَّهُ كَانَ فَرِيقٌ مِّنْ عِبَادِي يَقُولُونَ رَبَّنَا آمَنَّا فَاغْفِرْ لَنَا وَارْحَمْنَا وَأَنتَ خَيْرُ الرَّاحِمِينَ ⁂ فَاتَّخَذْتُمُوهُمْ سِخْرِيًّا حَتَّىٰ أَنسَوْكُمْ ذِكْرِي وَكُنتُم مِّنْهُمْ تَضْحَكُونَ ⁂ إِنِّي جَزَيْتُهُمُ الْيَوْمَ بِمَا صَبَرُوا أَنَّهُمْ هُمُ الْفَائِزُونَ ⁂ قَالَ كَمْ لَبِثْتُمْ فِي الْأَرْضِ عَدَدَ سِنِينَ ⁂ قَالُوا لَبِثْنَا يَوْمًا أَوْ بَعْضَ يَوْمٍ فَاسْأَلِ الْعَادِّينَ ⁂ قَالَ إِن لَّبِثْتُمْ إِلَّا قَلِيلًا لَّوْ أَنَّكُمْ كُنتُمْ تَعْلَمُونَ ⁂ أَفَحَسِبْتُمْ أَنَّمَا خَلَقْنَاكُمْ عَبَثًا وَأَنَّكُمْ إِلَيْنَا لَا تُرْجَعُونَ ⁂ فَتَعَالَى اللَّهُ الْمَلِكُ الْحَقُّ لَا إِلَٰهَ إِلَّا هُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْكَرِيمِ ⁂ وَمَن يَدْعُ مَعَ اللَّهِ إِلَٰهًا آخَرَ لَا بُرْهَانَ لَهُ بِهِ فَإِنَّمَا حِسَابُهُ عِندَ رَبِّهِ إِنَّهُ لَا يُفْلِحُ الْكَافِرُونَ ⁂ وَقُل رَّبِّ اغْفِرْ وَارْحَمْ وَأَنتَ خَيْرُ الرَّاحِمِينَ ⁂

"ئەم مەسەلەيە ھەر ھېچ." ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتتى. ئەمما ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتكەن بولسىمۇ، ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىدى. ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. "ئەم ھەممىسى ھېچ نەرسە ئەمەس." ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. "ئەم ھەممىسى ھېچ نەرسە ئەمەس." ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق ھېس قىلمىغانلىقى ئۈچۈن ئۇ ئۆزىنى ئۇنداق قىلىپ كۆرسەتمىدى. "ئەم ھەممىسى ھېچ نەرسە ئەمەس."

* * *

ئۇنىڭدىن كېيىن ئۇ ئۆزىنى ھەممىدىن ئۈستۈن ھېس قىلدى.

ᠳᠡᠭᠡᠭᠡᠷ ᠬᠡᠰᠡᠭ᠃ ᠬᠣᠶᠠᠷ ᠳᠠᠪᠤᠷᠠᠯ ᠪᠤᠶᠤ ᠭᠤᠷᠪᠠᠯ ᠪᠤᠶᠤ ᠬᠡᠪ ᠪᠡᠷ ᠪᠠᠢᠬᠤ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠤ ᠶᠡᠬᠡ ᠬᠡᠮᠵᠢᠶᠡᠲᠡᠢ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠢᠳᠠᠯ᠂ ᠬᠠᠷᠢᠴᠠᠭᠤ ᠪᠠᠢᠬᠤ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠤ ᠪᠠᠭᠠ

10 "ئەسەر ئەدەبىياتىمىزدا ئۆتكەن ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرىنى كۈچەيتىش توغرىسىدا" ماقالە ئېلان قىلىنىپ، ئۇنىڭدا ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرىنى كۈچەيتىش ھەققىدە كۆرسەتمە بېرىلگەن ئىدى. ئۇنىڭدىن كېيىن ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرى ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىشنىڭ ئاساسلىق تېمىسى بولۇپ قالدى. ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىش ساھەسىدە ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرى ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىشنىڭ ئاساسلىق تېمىسى بولۇپ قالدى. ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىش ساھەسىدە ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرى ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىشنىڭ ئاساسلىق تېمىسى بولۇپ قالدى. ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىش ساھەسىدە ئۆتمۈشتىكى ئەدەبىي ئەسەرلەرنى ئۆگىنىش ۋە تەتقىق قىلىش ئىشلىرى ئۇيغۇر ئەدەبىياتىنى تەتقىق قىلىشنىڭ ئاساسلىق تېمىسى بولۇپ قالدى.

11 "﴿ ثم أرسلنا من بعدهم موسى بآياتنا إلى فرعون وملئه فظلموا بها ۚ فانظر كيف كان عاقبة المفسدين ۝ وقال موسى يا فرعون إني رسول من رب العالمين ۝ حقيق على أن لا أقول على الله إلا الحق ۚ قد جئتكم ببينة من ربكم فأرسل معي بني إسرائيل ۝ قال إن كنت جئت بآية فأت بها إن كنت من الصادقين ۝ فألقى عصاه فإذا هي ثعبان مبين ۝ ونزع يده فإذا هي بيضاء للناظرين ۝ قال الملأ من قوم فرعون إن هذا لساحر عليم ۝ يريد أن يخرجكم من أرضكم فماذا تأمرون ۝ قالوا أرجه وأخاه وابعث في المدائن حاشرين ۝ يأتوك بكل سحار عليم ۝ وجاء السحرة فرعون قالوا إن لنا لأجرا إن كنا نحن الغالبين ۝ قال نعم وإنكم لمن المقربين ۝ قالوا يا موسى إما أن تلقي وإما أن نكون نحن الملقين ۝ قال ألقوا ۚ فلما ألقوا سحروا أعين الناس واسترهبوهم وجاءوا بسحر عظيم ۝ وأوحينا إلى موسى أن ألق عصاك فإذا هي تلقف ما يأفكون ۝ فوقع الحق وبطل ما كانوا يعملون ۝ فغلبوا هنالك وانقلبوا صاغرين ۝ وألقي السحرة ساجدين ۝ قالوا آمنا برب العالمين ۝ رب موسى وهارون ۝ قال فرعون آمنتم به قبل أن آذن لكم ۖ إن هذا لمكر مكرتموه في المدينة لتخرجوا منها أهلها ۖ فسوف تعلمون ۝ لأقطعن أيديكم وأرجلكم من خلاف ثم لأصلبنكم أجمعين ۝ قالوا إنا إلى ربنا منقلبون ۝ وما تنقم منا إلا أن آمنا بآيات ربنا لما جاءتنا ۚ ربنا أفرغ علينا صبرا وتوفنا مسلمين ۝ وقال الملأ من قوم فرعون أتذر موسى وقومه ليفسدوا في الأرض ويذرك وآلهتك ۚ قال سنقتل أبناءهم ونستحيي نساءهم ۚ وإنا فوقهم قاهرون ۝ قال موسى لقومه استعينوا بالله واصبروا ۖ إن الأرض لله يورثها من يشاء من عباده ۖ والعاقبة للمتقين ۝ قالوا أوذينا من قبل أن تأتينا ومن بعد ما جئتنا ۚ قال عسى ربكم أن يهلك عدوكم ويستخلفكم في الأرض فينظر كيف تعملون ۝ ولقد أخذنا آل فرعون بالسنين ونقص من الثمرات لعلهم يذكرون ۝ فإذا جاءتهم الحسنة قالوا لنا هذه ۖ وإن تصبهم سيئة يطيروا بموسى ومن معه ۗ ألا إنما طائرهم عند الله ولكن أكثرهم لا يعلمون ۝ وقالوا مهما تأتنا به من آية لتسحرنا بها فما نحن لك بمؤمنين ۝ فأرسلنا عليهم الطوفان والجراد والقمل والضفادع والدم آيات مفصلات فاستكبروا وكانوا قوما مجرمين ۝ ولما وقع عليهم الرجز قالوا يا موسى ادع لنا ربك بما عهد عندك لئن كشفت عنا الرجز لنؤمنن لك ولنرسلن معك بني إسرائيل ۝ فلما كشفنا عنهم الرجز إلى أجل هم بالغوه إذا هم ينكثون ۝ فانتقمنا منهم فأغرقناهم في اليم بأنهم كذبوا بآياتنا وكانوا عنها غافلين ۝ وأورثنا القوم الذين كانوا يستضعفون مشارق الأرض ومغاربها التي باركنا فيها ۖ وتمت كلمة ربك الحسنى على بني إسرائيل بما صبروا ۖ ودمرنا ما كان يصنع فرعون وقومه وما كانوا يعرشون ۝ وجاوزنا ببني إسرائيل البحر فأتوا على قوم يعكفون على أصنام لهم ۚ قالوا يا موسى اجعل لنا إلها كما لهم آلهة ۚ قال إنكم قوم تجهلون ۝ إن هؤلاء متبر ما هم فيه وباطل ما كانوا يعملون ۝ قال أغير الله أبغيكم إلها وهو فضلكم على العالمين ۝ وإذ أنجيناكم من آل فرعون يسومونكم سوء العذاب ۚ يقتلون أبناءكم ويستحيون نساءكم ۚ وفي ذلكم بلاء من ربكم عظيم ۝ وواعدنا موسى ثلاثين ليلة وأتممناها بعشر فتم ميقات ربه أربعين ليلة ۚ وقال موسى لأخيه هارون اخلفني في قومي وأصلح ولا تتبع سبيل المفسدين ۝ ولما جاء موسى لميقاتنا وكلمه ربه قال رب أرني أنظر إليك ۚ قال لن تراني ولكن انظر إلى الجبل فإن استقر مكانه فسوف تراني ۚ فلما تجلى ربه للجبل جعله دكا وخر موسى صعقا ۚ فلما أفاق قال سبحانك تبت إليك وأنا أول المؤمنين ۝ قال يا موسى إني اصطفيتك على الناس برسالاتي وبكلامي ۖ فخذ ما آتيتك وكن من الشاكرين ۝ وكتبنا له في الألواح من كل شيء موعظة وتفصيلا لكل شيء فخذها بقوة وأمر قومك يأخذوا بأحسنها ۚ سأريكم دار الفاسقين ۝ سأصرف عن آياتي الذين يتكبرون في الأرض بغير الحق ۖ وإن يروا كل آية لا يؤمنوا بها ۖ وإن يروا سبيل الرشد لا يتخذوه سبيلا ۖ وإن يروا سبيل الغي يتخذوه سبيلا ۚ ذلك بأنهم كذبوا بآياتنا وكانوا عنها غافلين ۝ والذين كذبوا بآياتنا ولقاء الآخرة حبطت أعمالهم ۚ هل يجزون إلا ما كانوا يعملون ۝ واتخذ قوم موسى من بعده من حليهم عجلا جسدا له خوار ۚ ألم يروا أنه لا يكلمهم ولا يهديهم سبيلا ۘ اتخذوه وكانوا ظالمين ۝ ولما سقط في أيديهم ورأوا أنهم قد ضلوا قالوا لئن لم يرحمنا ربنا ويغفر لنا لنكونن من الخاسرين ۝ ولما رجع موسى إلى قومه غضبان أسفا قال بئسما خلفتموني من بعدي ۖ أعجلتم أمر ربكم ۖ وألقى الألواح وأخذ برأس أخيه يجره إليه ۚ قال ابن أم إن القوم استضعفوني وكادوا يقتلونني ۖ فلا تشمت بي الأعداء ولا تجعلني مع القوم الظالمين ۝ قال رب اغفر لي ولأخي وأدخلنا في رحمتك ۖ وأنت أرحم الراحمين ۝ إن الذين اتخذوا العجل سينالهم غضب من ربهم وذلة في الحياة الدنيا ۚ وكذلك نجزي المفترين ۝ والذين عملوا السيئات ثم تابوا من بعدها وآمنوا إن ربك من بعدها لغفور رحيم ۝ ولما سكت عن موسى الغضب أخذ الألواح ۖ وفي نسختها هدى ورحمة للذين هم لربهم يرهبون ۝ واختار موسى قومه سبعين رجلا لميقاتنا ۖ فلما أخذتهم الرجفة قال رب لو شئت أهلكتهم من قبل وإياي ۖ أتهلكنا بما فعل السفهاء منا ۖ إن هي إلا فتنتك ۖ تضل بها من تشاء وتهدي من تشاء ۖ أنت ولينا فاغفر لنا وارحمنا ۖ وأنت خير الغافرين ۝ واكتب لنا في هذه الدنيا حسنة وفي الآخرة إنا هدنا إليك ۚ قال عذابي أصيب به من أشاء ۖ ورحمتي وسعت كل شيء ۚ فسأكتبها للذين يتقون ويؤتون الزكاة والذين هم بآياتنا يؤمنون ۝ الذين يتبعون الرسول النبي الأمي الذي يجدونه مكتوبا عندهم في التوراة والإنجيل ۖ يأمرهم بالمعروف وينهاهم عن المنكر ويحل لهم الطيبات ويحرم عليهم الخبائث ويضع عنهم إصرهم والأغلال التي كانت عليهم ۚ فالذين آمنوا به وعزروه ونصروه واتبعوا النور الذي أنزل معه ۙ أولئك هم المفلحون ۝ قل يا أيها الناس إني رسول الله إليكم جميعا ۖ الذي له ملك السماوات والأرض ۖ لا إله إلا هو يحيي ويميت ۖ فآمنوا بالله ورسوله النبي الأمي الذي يؤمن بالله وكلماته واتبعوه لعلكم تهتدون ۝ وممن خلقنا أمة يهدون بالحق وبه يعدلون ۝ وقطعناهم اثنتي عشرة أسباطا أمما ۚ وأوحينا إلى موسى إذ استسقاه قومه أن اضرب بعصاك الحجر ۖ فانبجست منه اثنتا عشرة عينا ۖ قد علم كل أناس مشربهم ۚ وظللنا عليهم الغمام وأنزلنا عليهم المن والسلوى ۚ كلوا من طيبات ما رزقناكم ۚ وما ظلمونا ولكن كانوا أنفسهم يظلمون ۝ وإذ قيل لهم اسكنوا هذه القرية وكلوا منها حيث شئتم وقولوا حطة وادخلوا الباب سجدا نغفر لكم خطيئاتكم ۚ سنزيد المحسنين ۝ فبدل الذين ظلموا منهم قولا غير الذي قيل لهم فأرسلنا عليهم رجزا من السماء بما كانوا يظلمون ۝ واسألهم عن القرية التي كانت حاضرة البحر ۘ إذ يعدون في السبت إذ تأتيهم حيتانهم يوم سبتهم شرعا ويوم لا يسبتون ۙ لا تأتيهم ۚ كذلك نبلوهم بما كانوا يفسقون ۝ وإذ قالت أمة منهم لم تعظون قوما ۙ الله مهلكهم أو معذبهم عذابا شديدا ۚ قالوا معذرة إلى ربكم ولعلهم يتقون ۝ فلما نسوا ما ذكروا به أنجينا الذين ينهون عن السوء وأخذنا الذين ظلموا بعذاب بئيس بما كانوا يفسقون ۝ فلما عتوا عن ما نهوا عنه قلنا لهم كونوا قردة خاسئين ۝ وإذ تأذن ربك ليبعثن عليهم إلى يوم القيامة من يسومهم سوء العذاب ۗ إن ربك لسريع العقاب ۖ وإنه لغفور رحيم ۝ وقطعناهم في الأرض أمما ۖ منهم الصالحون ومنهم دون ذلك ۖ وبلوناهم بالحسنات والسيئات لعلهم يرجعون ۝ فخلف من بعدهم خلف ورثوا الكتاب يأخذون عرض هذا الأدنى ويقولون سيغفر لنا ۚ وإن يأتهم عرض مثله يأخذوه ۚ ألم يؤخذ عليهم ميثاق الكتاب أن لا يقولوا على الله إلا الحق ودرسوا ما فيه ۗ والدار الآخرة خير للذين يتقون ۖ أفلا تعقلون ۝ والذين يمسكون بالكتاب وأقاموا الصلاة ۖ إنا لا نضيع أجر المصلحين ۝ وإذ نتقنا الجبل فوقهم كأنه ظلة وظنوا أنه واقع بهم ۚ خذوا ما آتيناكم بقوة واذكروا ما فيه لعلكم تتقون ۝ وإذ أخذ ربك من بني آدم من ظهورهم ذريتهم وأشهدهم على أنفسهم ألست بربكم ۖ قالوا بلى ۛ شهدنا ۛ أن تقولوا يوم القيامة إنا كنا عن هذا غافلين ۝ أو تقولوا إنما أشرك آباؤنا من قبل وكنا ذرية من بعدهم ۖ أفتهلكنا بما فعل المبطلون ۝ وكذلك نفصل الآيات ولعلهم يرجعون ۝ واتل عليهم نبأ الذي آتيناه آياتنا فانسلخ منها فأتبعه الشيطان فكان من الغاوين ۝ ولو شئنا لرفعناه بها ولكنه أخلد إلى الأرض واتبع هواه ۚ فمثله كمثل الكلب إن تحمل عليه يلهث أو تتركه يلهث ۚ ذلك مثل القوم الذين كذبوا بآياتنا ۚ فاقصص القصص لعلهم يتفكرون ۝ ساء مثلا القوم الذين كذبوا بآياتنا وأنفسهم كانوا يظلمون ۝ من يهد الله فهو المهتد ۖ ومن يضلل فأولئك هم الخاسرون ۝ ولقد ذرأنا لجهنم كثيرا من الجن والإنس ۖ لهم قلوب لا يفقهون بها ۖ ولهم أعين لا يبصرون بها ۖ ولهم آذان لا يسمعون بها ۚ أولئك كالأنعام بل هم أضل ۚ أولئك هم الغافلون ۝ ولله الأسماء الحسنى فادعوه بها ۖ وذروا الذين يلحدون في أسمائه ۚ سيجزون ما كانوا يعملون ۝ وممن خلقنا أمة يهدون بالحق وبه يعدلون ۝ والذين كذبوا بآياتنا سنستدرجهم من حيث لا يعلمون ۝ وأملي لهم ۚ إن كيدي متين ۝ أولم يتفكروا ۚ ما بصاحبهم من جنة ۚ إن هو إلا نذير مبين ۝ أولم ينظروا في ملكوت السماوات والأرض وما خلق الله من شيء وأن عسى أن يكون قد اقترب أجلهم ۖ فبأي حديث بعده يؤمنون ۝ من يضلل الله فلا هادي له ۚ ويذرهم في طغيانهم يعمهون ۝ يسألونك عن الساعة أيان مرساها ۖ قل إنما علمها عند ربي ۖ لا يجليها لوقتها إلا هو ۚ ثقلت في السماوات والأرض ۚ لا تأتيكم إلا بغتة ۗ يسألونك كأنك حفي عنها ۖ قل إنما علمها عند الله ولكن أكثر الناس لا يعلمون ۝ قل لا أملك لنفسي نفعا ولا ضرا إلا ما شاء الله ۚ ولو كنت أعلم الغيب لاستكثرت من الخير وما مسني السوء ۚ إن أنا إلا نذير وبشير لقوم يؤمنون ۝ هو الذي خلقكم من نفس واحدة وجعل منها زوجها ليسكن إليها ۖ فلما تغشاها حملت حملا خفيفا فمرت به ۖ فلما أثقلت دعوا الله ربهما لئن آتيتنا صالحا لنكونن من الشاكرين ۝ فلما آتاهما صالحا جعلا له شركاء فيما آتاهما ۚ فتعالى الله عما يشركون ۝ أيشركون ما لا يخلق شيئا وهم يخلقون ۝ ولا يستطيعون لهم نصرا ولا أنفسهم ينصرون ۝ وإن تدعوهم إلى الهدى لا يتبعوكم ۚ سواء عليكم أدعوتموهم أم أنتم صامتون ۝ إن الذين تدعون من دون الله عباد أمثالكم ۖ فادعوهم فليستجيبوا لكم إن كنتم صادقين ۝ ألهم أرجل يمشون بها أم لهم أيد يبطشون بها أم لهم أعين يبصرون بها أم لهم آذان يسمعون بها ۗ قل ادعوا شركاءكم ثم كيدون فلا تنظرون ۝ إن وليي الله الذي نزل الكتاب ۖ وهو يتولى الصالحين ۝ والذين تدعون من دونه لا يستطيعون نصركم ولا أنفسهم ينصرون ۝ وإن تدعوهم إلى الهدى لا يسمعوا ۖ وتراهم ينظرون إليك وهم لا يبصرون ۝ خذ العفو وأمر بالعرف وأعرض عن الجاهلين ۝ وإما ينزغنك من الشيطان نزغ فاستعذ بالله ۚ إنه سميع عليم ۝ إن الذين اتقوا إذا مسهم طائف من الشيطان تذكروا فإذا هم مبصرون ۝ وإخوانهم يمدونهم في الغي ثم لا يقصرون ۝ وإذا لم تأتهم بآية قالوا لولا اجتبيتها ۚ قل إنما أتبع ما يوحى إلي من ربي ۚ هذا بصائر من ربكم وهدى ورحمة لقوم يؤمنون ۝ وإذا قرئ القرآن فاستمعوا له وأنصتوا لعلكم ترحمون ۝ واذكر ربك في نفسك تضرعا وخيفة ودون الجهر من القول بالغدو والآصال ولا تكن من الغافلين ۝ إن الذين عند ربك لا يستكبرون عن عبادته ويسبحونه وله يسجدون ۝﴾ "

12 "﴿ وإلى ثمود أخاهم صالحا ۚ قال يا قوم اعبدوا الله ما لكم من إله غيره ۖ قد جاءتكم بينة من ربكم ۖ هذه ناقة الله لكم آية ۖ فذروها تأكل في أرض الله ۖ ولا تمسوها بسوء فيأخذكم عذاب أليم ۝ واذكروا إذ جعلكم خلفاء من بعد عاد وبوأكم في الأرض تتخذون من سهولها قصورا وتنحتون الجبال بيوتا ۖ فاذكروا آلاء الله ولا تعثوا في الأرض مفسدين ۝ قال الملأ الذين استكبروا من قومه للذين استضعفوا لمن آمن منهم أتعلمون أن صالحا مرسل من ربه ۚ قالوا إنا بما أرسل به مؤمنون ۝ قال الذين استكبروا إنا بالذي آمنتم به كافرون ۝ فعقروا الناقة وعتوا عن أمر ربهم وقالوا يا صالح ائتنا بما تعدنا إن كنت من المرسلين ۝ فأخذتهم الرجفة فأصبحوا في دارهم جاثمين ۝ فتولى عنهم وقال يا قوم لقد أبلغتكم رسالة ربي ونصحت لكم ولكن لا تحبون الناصحين ۝ ولوطا إذ قال لقومه أتأتون الفاحشة ما سبقكم بها من أحد من العالمين ۝ إنكم لتأتون الرجال شهوة من دون النساء ۚ بل أنتم قوم مسرفون ۝ وما كان جواب قومه إلا أن قالوا أخرجوهم من قريتكم ۖ إنهم أناس يتطهرون ۝ فأنجيناه وأهله إلا امرأته كانت من الغابرين ۝ وأمطرنا عليهم مطرا ۖ فانظر كيف كان عاقبة المجرمين ۝ وإلى مدين أخاهم شعيبا ۚ قال يا قوم اعبدوا الله ما لكم من إله غيره ۖ قد جاءتكم بينة من ربكم ۖ فأوفوا الكيل والميزان ولا تبخسوا الناس أشياءهم ولا تفسدوا في الأرض بعد إصلاحها ۚ ذلكم خير لكم إن كنتم مؤمنين ۝ ولا تقعدوا بكل صراط توعدون وتصدون عن سبيل الله من آمن به وتبغونها عوجا ۚ واذكروا إذ كنتم قليلا فكثركم ۖ وانظروا كيف كان عاقبة المفسدين ۝ وإن كان طائفة منكم آمنوا بالذي أرسلت به وطائفة لم يؤمنوا فاصبروا حتى يحكم الله بيننا ۚ وهو خير الحاكمين ۝ قال الملأ الذين استكبروا من قومه لنخرجنك يا شعيب والذين آمنوا معك من قريتنا أو لتعودن في ملتنا ۚ قال أولو كنا كارهين ۝ قد افترينا على الله كذبا إن عدنا في ملتكم بعد إذ نجانا الله منها ۚ وما يكون لنا أن نعود فيها إلا أن يشاء الله ربنا ۚ وسع ربنا كل شيء علما ۚ على الله توكلنا ۚ ربنا افتح بيننا وبين قومنا بالحق وأنت خير الفاتحين ۝ وقال الملأ الذين كفروا من قومه لئن اتبعتم شعيبا إنكم إذا لخاسرون ۝ فأخذتهم الرجفة فأصبحوا في دارهم جاثمين ۝ الذين كذبوا شعيبا كأن لم يغنوا فيها ۚ الذين كذبوا شعيبا كانوا هم الخاسرين ۝ فتولى عنهم وقال يا قوم لقد أبلغتكم رسالات ربي ونصحت لكم ۖ فكيف آسى على قوم كافرين ۝ وما أرسلنا في قرية من نبي إلا أخذنا أهلها بالبأساء والضراء لعلهم يضرعون ۝ ثم بدلنا مكان السيئة الحسنة حتى عفوا وقالوا قد مس آباءنا الضراء والسراء فأخذناهم بغتة وهم لا يشعرون ۝ ولو أن أهل القرى آمنوا واتقوا لفتحنا عليهم بركات من السماء والأرض ولكن كذبوا فأخذناهم بما كانوا يكسبون ۝ أفأمن أهل القرى أن يأتيهم بأسنا بياتا وهم نائمون ۝ أو أمن أهل القرى أن يأتيهم بأسنا ضحى وهم يلعبون ۝ أفأمنوا مكر الله ۚ فلا يأمن مكر الله إلا القوم الخاسرون ۝ أولم يهد للذين يرثون الأرض من بعد أهلها أن لو نشاء أصبناهم بذنوبهم ۚ ونطبع على قلوبهم فهم لا يسمعون ۝ تلك القرى نقص عليك من أنبائها ۚ ولقد جاءتهم رسلهم بالبينات ۖ فما كانوا ليؤمنوا بما كذبوا من قبل ۚ كذلك يطبع الله على قلوب الكافرين ۝ وما وجدنا لأكثرهم من عهد ۖ وإن وجدنا أكثرهم لفاسقين ۝ ثم بعثنا من بعدهم موسى بآياتنا إلى فرعون وملئه فظلموا بها ۚ فانظر كيف كان عاقبة المفسدين ۝ وقال موسى يا فرعون إني رسول من رب العالمين ۝ حقيق على أن لا أقول على الله إلا الحق ۚ قد جئتكم ببينة من ربكم فأرسل معي بني إسرائيل ۝ قال إن كنت جئت بآية فأت بها إن كنت من الصادقين ۝ فألقى عصاه فإذا هي ثعبان مبين ۝ ونزع يده فإذا هي بيضاء للناظرين ۝ قال الملأ من قوم فرعون إن هذا لساحر عليم ۝ يريد أن يخرجكم من أرضكم فماذا تأمرون ۝ قالوا أرجه وأخاه وابعث في المدائن حاشرين ۝ يأتوك بكل سحار عليم ۝ وجاء السحرة فرعون قالوا إن لنا لأجرا إن كنا نحن الغالبين ۝ قال نعم وإنكم لمن المقربين ۝ قالوا يا موسى إما أن تلقي وإما أن نكون نحن الملقين ۝ قال ألقوا ۚ فلما ألقوا سحروا أعين الناس واسترهبوهم وجاءوا بسحر عظيم ۝ وأوحينا إلى موسى أن ألق عصاك فإذا هي تلقف ما يأفكون ۝ فوقع الحق وبطل ما كانوا يعملون ۝ فغلبوا هنالك وانقلبوا صاغرين ۝ وألقي السحرة ساجدين ۝ قالوا آمنا برب العالمين ۝ رب موسى وهارون ۝ قال فرعون آمنتم به قبل أن آذن لكم ۖ إن هذا لمكر مكرتموه في المدينة لتخرجوا منها أهلها ۖ فسوف تعلمون ۝ لأقطعن أيديكم وأرجلكم من خلاف ثم لأصلبنكم أجمعين ۝ قالوا إنا إلى ربنا منقلبون ۝ وما تنقم منا إلا أن آمنا بآيات ربنا لما جاءتنا ۚ ربنا أفرغ علينا صبرا وتوفنا مسلمين ۝ وقال الملأ من قوم فرعون أتذر موسى وقومه ليفسدوا في الأرض ويذرك وآلهتك ۚ قال سنقتل أبناءهم ونستحيي نساءهم ۚ وإنا فوقهم قاهرون ۝ قال موسى لقومه استعينوا بالله واصبروا ۖ إن الأرض لله يورثها من يشاء من عباده ۖ والعاقبة للمتقين ۝ قالوا أوذينا من قبل أن تأتينا ومن بعد ما جئتنا ۚ قال عسى ربكم أن يهلك عدوكم ويستخلفكم في الأرض فينظر كيف تعملون ۝ ولقد أخذنا آل فرعون بالسنين ونقص من الثمرات لعلهم يذكرون ۝ فإذا جاءتهم الحسنة قالوا لنا هذه ۖ وإن تصبهم سيئة يطيروا بموسى ومن معه ۗ ألا إنما طائرهم عند الله ولكن أكثرهم لا يعلمون ۝ وقالوا مهما تأتنا به من آية لتسحرنا بها فما نحن لك بمؤمنين ۝ فأرسلنا عليهم الطوفان والجراد والقمل والضفادع والدم آيات مفصلات فاستكبروا وكانوا قوما مجرمين ۝ ولما وقع عليهم الرجز قالوا يا موسى ادع لنا ربك بما عهد عندك لئن كشفت عنا الرجز لنؤمنن لك ولنرسلن معك بني إسرائيل ۝ فلما كشفنا عنهم الرجز إلى أجل هم بالغوه إذا هم ينكثون ۝ فانتقمنا منهم فأغرقناهم في اليم بأنهم كذبوا بآياتنا وكانوا عنها غافلين ۝ وأورثنا القوم الذين كانوا يستضعفون مشارق الأرض ومغاربها التي باركنا فيها ۖ وتمت كلمة ربك الحسنى على بني إسرائيل بما صبروا ۖ ودمرنا ما كان يصنع فرعون وقومه وما كانوا يعرشون ۝ وجاوزنا ببني إسرائيل البحر فأتوا على قوم يعكفون على أصنام لهم ۚ قالوا يا موسى اجعل لنا إلها كما لهم آلهة ۚ قال إنكم قوم تجهلون ۝ إن هؤلاء متبر ما هم فيه وباطل ما كانوا يعملون ۝ قال أغير الله أبغيكم إلها وهو فضلكم على العالمين ۝ وإذ أنجيناكم من آل فرعون يسومونكم سوء العذاب ۚ يقتلون أبناءكم ويستحيون نساءكم ۚ وفي ذلكم بلاء من ربكم عظيم ۝ وواعدنا موسى ثلاثين ليلة وأتممناها بعشر فتم ميقات ربه أربعين ليلة ۚ وقال موسى لأخيه هارون اخلفني في قومي وأصلح ولا تتبع سبيل المفسدين ۝ ولما جاء موسى لميقاتنا وكلمه ربه قال رب أرني أنظر إليك ۚ قال لن تراني ولكن انظر إلى الجبل فإن استقر مكانه فسوف تراني ۚ فلما تجلى ربه للجبل جعله دكا وخر موسى صعقا ۚ فلما أفاق قال سبحانك تبت إليك وأنا أول المؤمنين ۝ قال يا موسى إني اصطفيتك على الناس برسالاتي وبكلامي ۖ فخذ ما آتيتك وكن من الشاكرين ۝ وكتبنا له في الألواح من كل شيء موعظة وتفصيلا لكل شيء فخذها بقوة وأمر قومك يأخذوا بأحسنها ۚ سأريكم دار الفاسقين ۝ سأصرف عن آياتي الذين يتكبرون في الأرض بغير الحق ۖ وإن يروا كل آية لا يؤمنوا بها ۖ وإن يروا سبيل الرشد لا يتخذوه سبيلا ۖ وإن يروا سبيل الغي يتخذوه سبيلا ۚ ذلك بأنهم كذبوا بآياتنا وكانوا عنها غافلين ۝ والذين كذبوا بآياتنا ولقاء الآخرة حبطت أعمالهم ۚ هل يجزون إلا ما كانوا يعملون ۝ واتخذ قوم موسى من بعده من حليهم عجلا جسدا له خوار ۚ ألم يروا أنه لا يكلمهم ولا يهديهم سبيلا ۘ اتخذوه وكانوا ظالمين ۝ ولما سقط في أيديهم ورأوا أنهم قد ضلوا قالوا لئن لم يرحمنا ربنا ويغفر لنا لنكونن من الخاسرين ۝ ولما رجع موسى إلى قومه غضبان أسفا قال بئسما خلفتموني من بعدي ۖ أعجلتم أمر ربكم ۖ وألقى الألواح وأخذ برأس أخيه يجره إليه ۚ قال ابن أم إن القوم استضعفوني وكادوا يقتلونني ۖ فلا تشمت بي الأعداء ولا تجعلني مع القوم الظالمين ۝ قال رب اغفر لي ولأخي وأدخلنا في رحمتك ۖ وأنت أرحم الراحمين ۝ إن الذين اتخذوا العجل سينالهم غضب من ربهم وذلة في الحياة الدنيا ۚ وكذلك نجزي المفترين ۝ والذين عملوا السيئات ثم تابوا من بعدها وآمنوا إن ربك من بعدها لغفور رحيم ۝ ولما سكت عن موسى الغضب أخذ الألواح ۖ وفي نسختها هدى ورحمة للذين هم لربهم يرهبون ۝ واختار موسى قومه سبعين رجلا لميقاتنا ۖ فلما أخذتهم الرجفة قال رب لو شئت أهلكتهم من قبل وإياي ۖ أتهلكنا بما فعل السفهاء منا ۖ إن هي إلا فتنتك ۖ تضل بها من تشاء وتهدي من تشاء ۖ أنت ولينا فاغفر لنا وارحمنا ۖ وأنت خير الغافرين ۝ واكتب لنا في هذه الدنيا حسنة وفي الآخرة إنا هدنا إليك ۚ قال عذابي أصيب به من أشاء ۖ ورحمتي وسعت كل شيء ۚ فسأكتبها للذين يتقون ويؤتون الزكاة والذين هم بآياتنا يؤمنون ۝ الذين يتبعون الرسول النبي الأمي الذي يجدونه مكتوبا عندهم في التوراة والإنجيل ۖ يأمرهم بالمعروف وينهاهم عن المنكر ويحل لهم الطيبات ويحرم عليهم الخبائث ويضع عنهم إصرهم والأغلال التي كانت عليهم ۚ فالذين آمنوا به وعزروه ونصروه واتبعوا النور الذي أنزل معه ۙ أولئك هم المفلحون ۝ قل يا أيها الناس إني رسول الله إليكم جميعا ۖ الذي له ملك السماوات والأرض ۖ لا إله إلا هو يحيي ويميت ۖ فآمنوا بالله ورسوله النبي الأمي الذي يؤمن بالله وكلماته واتبعوه لعلكم تهتدون ۝ وممن خلقنا أمة يهدون بالحق وبه يعدلون ۝ وقطعناهم اثنتي عشرة أسباطا أمما ۚ وأوحينا إلى موسى إذ استسقاه قومه أن اضرب بعصاك الحجر ۖ فانبجست منه اثنتا عشرة عينا ۖ قد علم كل أناس مشربهم ۚ وظللنا عليهم الغمام وأنزلنا عليهم المن والسلوى ۚ كلوا من طيبات ما رزقناكم ۚ وما ظلمونا ولكن كانوا أنفسهم يظلمون ۝ وإذ قيل لهم اسكنوا هذه القرية وكلوا منها حيث شئتم وقولوا حطة وادخلوا الباب سجدا نغفر لكم خطيئاتكم ۚ سنزيد المحسنين ۝ فبدل الذين ظلموا منهم قولا غير الذي قيل لهم فأرسلنا عليهم رجزا من السماء بما كانوا يظلمون ۝ واسألهم عن القرية التي كانت حاضرة البحر ۘ إذ يعدون في السبت إذ تأتيهم حيتانهم يوم سبتهم شرعا ويوم لا يسبتون ۙ لا تأتيهم ۚ كذلك نبلوهم بما كانوا يفسقون ۝ وإذ قالت أمة منهم لم تعظون قوما ۙ الله مهلكهم أو معذبهم عذابا شديدا ۚ قالوا معذرة إلى ربكم ولعلهم يتقون ۝ فلما نسوا ما ذكروا به أنجينا الذين ينهون عن السوء وأخذنا الذين ظلموا بعذاب بئيس بما كانوا يفسقون ۝ فلما عتوا عن ما نهوا عنه قلنا لهم كونوا قردة خاسئين ۝ وإذ تأذن ربك ليبعثن عليهم إلى يوم القيامة من يسومهم سوء العذاب ۗ إن ربك لسريع العقاب ۖ وإنه لغفور رحيم ۝ وقطعناهم في الأرض أمما ۖ منهم الصالحون ومنهم دون ذلك ۖ وبلوناهم بالحسنات والسيئات لعلهم يرجعون ۝ فخلف من بعدهم خلف ورثوا الكتاب يأخذون عرض هذا الأدنى ويقولون سيغفر لنا ۚ وإن يأتهم عرض مثله يأخذوه ۚ ألم يؤخذ عليهم ميثاق الكتاب أن لا يقولوا على الله إلا الحق ودرسوا ما فيه ۗ والدار الآخرة خير للذين يتقون ۖ أفلا تعقلون ۝ والذين يمسكون بالكتاب وأقاموا الصلاة ۖ إنا لا نضيع أجر المصلحين ۝ وإذ نتقنا الجبل فوقهم كأنه ظلة وظنوا أنه واقع بهم ۚ خذوا ما آتيناكم بقوة واذكروا ما فيه لعلكم تتقون ۝ وإذ أخذ ربك من بني آدم من ظهورهم ذريتهم وأشهدهم على أنفسهم ألست بربكم ۖ قالوا بلى ۛ شهدنا ۛ أن تقولوا يوم القيامة إنا كنا عن هذا غافلين ۝ أو تقولوا إنما أشرك آباؤنا من قبل وكنا ذرية من بعدهم ۖ أفتهلكنا بما فعل المبطلون ۝ وكذلك نفصل الآيات ولعلهم يرجعون ۝ واتل عليهم نبأ الذي آتيناه آياتنا فانسلخ منها فأتبعه الشيطان فكان من الغاوين ۝ ولو شئنا لرفعناه بها ولكنه أخلد إلى الأرض واتبع هواه ۚ فمثله كمثل الكلب إن تحمل عليه يلهث أو تتركه يلهث ۚ ذلك مثل القوم الذين كذبوا بآياتنا ۚ فاقصص القصص لعلهم يتفكرون ۝ ساء مثلا القوم الذين كذبوا بآياتنا وأنفسهم كانوا يظلمون ۝ من يهد الله فهو المهتد ۖ ومن يضلل فأولئك هم الخاسرون ۝ ولقد ذرأنا لجهنم كثيرا من الجن والإنس ۖ لهم قلوب لا يفقهون بها ۖ ولهم أعين لا يبصرون بها ۖ ولهم آذان لا يسمعون بها ۚ أولئك كالأنعام بل هم أضل ۚ أولئك هم الغافلون ۝ ولله الأسماء الحسنى فادعوه بها ۖ وذروا الذين يلحدون في أسمائه ۚ سيجزون ما كانوا يعملون ۝ وممن خلقنا أمة يهدون بالحق وبه يعدلون ۝ والذين كذبوا بآياتنا سنستدرجهم من حيث لا يعلمون ۝ وأملي لهم ۚ إن كيدي متين ۝ أولم يتفكروا ۚ ما بصاحبهم من جنة ۚ إن هو إلا نذير مبين ۝ أولم ينظروا في ملكوت السماوات والأرض وما خلق الله من شيء وأن عسى أن يكون قد اقترب أجلهم ۖ فبأي حديث بعده يؤمنون ۝ من يضلل الله فلا هادي له ۚ ويذرهم في طغيانهم يعمهون ۝ يسألونك عن الساعة أيان مرساها ۖ قل إنما علمها عند ربي ۖ لا يجليها لوقتها إلا هو ۚ ثقلت في السماوات والأرض ۚ لا تأتيكم إلا بغتة ۗ يسألونك كأنك حفي عنها ۖ قل إنما علمها عند الله ولكن أكثر الناس لا يعلمون ۝ قل لا أملك لنفسي نفعا ولا ضرا إلا ما شاء الله ۚ ولو كنت أعلم الغيب لاستكثرت من الخير وما مسني السوء ۚ إن أنا إلا نذير وبشير لقوم يؤمنون ۝ هو الذي خلقكم من نفس واحدة وجعل منها زوجها ليسكن إليها ۖ فلما تغشاها حملت حملا خفيفا فمرت به ۖ فلما أثقلت دعوا الله ربهما لئن آتيتنا صالحا لنكونن من الشاكرين ۝ فلما آتاهما صالحا جعلا له شركاء فيما آتاهما ۚ فتعالى الله عما يشركون ۝ أيشركون ما لا يخلق شيئا وهم يخلقون ۝ ولا يستطيعون لهم نصرا ولا أنفسهم ينصرون ۝ وإن تدعوهم إلى الهدى لا يتبعوكم ۚ سواء عليكم أدعوتموهم أم أنتم صامتون ۝ إن الذين تدعون من دون الله عباد أمثالكم ۖ فادعوهم فليستجيبوا لكم إن كنتم صادقين ۝ ألهم أرجل يمشون بها أم لهم أيد يبطشون بها أم لهم أعين يبصرون بها أم لهم آذان يسمعون بها ۗ قل ادعوا شركاءكم ثم كيدون فلا تنظرون ۝ إن وليي الله الذي نزل الكتاب ۖ وهو يتولى الصالحين ۝ والذين تدعون من دونه لا يستطيعون نصركم ولا أنفسهم ينصرون ۝ وإن تدعوهم إلى الهدى لا يسمعوا ۖ وتراهم ينظرون إليك وهم لا يبصرون ۝ خذ العفو وأمر بالعرف وأعرض عن الجاهلين ۝ وإما ينزغنك من الشيطان نزغ فاستعذ بالله ۚ إنه سميع عليم ۝ إن الذين اتقوا إذا مسهم طائف من الشيطان تذكروا فإذا هم مبصرون ۝ وإخوانهم يمدونهم في الغي ثم لا يقصرون ۝ وإذا لم تأتهم بآية قالوا لولا اجتبيتها ۚ قل إنما أتبع ما يوحى إلي من ربي ۚ هذا بصائر من ربكم وهدى ورحمة لقوم يؤمنون ۝ وإذا قرئ القرآن فاستمعوا له وأنصتوا لعلكم ترحمون ۝ واذكر ربك في نفسك تضرعا وخيفة ودون الجهر من القول بالغدو والآصال ولا تكن من الغافلين ۝ إن الذين عند ربك لا يستكبرون عن عبادته ويسبحونه وله يسجدون

ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞

13 ◎ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞

14 ◎ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞ ئىلىم ئۆگىنىش ھەققىدە ھەدىس ئۇقۇش ۞

ﻫﻪ ﺑﻪﺭﻩ ﺩﻩ ﺳﻮﺭ ﺍﻭ ﺳﭙﻴﻦ ﺩﻩ ﺳﻮﺭ ﺍﻭ ﺳﻮﺭ

:: ولما استقر بنا المقام بالمدينة المنورة على ساكنها أفضل الصلاة وأتم السلام ذهبت مع بعض الاخوان لزيارة المسجد النبوي الشريف وبعد ما دخلنا من باب السلام ووقفنا بالروضة المطهرة على صاحبها أفضل الصلاة وأتم السلام وقفت أنا وحدي بعيدا عن الاخوان وقلت في نفسي ان هذا المكان الذي نحن فيه الآن هو الذي كان يجلس فيه رسول الله صلى الله عليه وسلم مع أصحابه الكرام رضوان الله عليهم أجمعين وهو الذي كان يعلمهم الدين الحنيف ويرشدهم الى الصراط المستقيم ويحثهم على مكارم الاخلاق ويأمرهم بالمعروف وينهاهم عن المنكر ويقول لهم كذا وكذا ويفعل كذا وكذا ويأمرهم بكذا وكذا ويفعل كذا وكذا

ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺑﻮﺩﻩ ﻛﻪ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺑﻮﺩ ∴ ﺩﺭﺧﺖ ﺭﺳﻴﺪﻩ ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺑﻮﺩ " ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﻣﺘﻮﺳﻂ
ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺑﻮﺩﻩ " ﻛﻪ ﻣﺤﻞ ﻧﺸﺴﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ∴ ﻫﺴﺖ ﺩﻭ ﺳﻪ " ﻳﺎ ﺑﺴﺘﺮ ﻭ ﻣﺤﻞ ﻛﻤﻲ ﻫﻢ " ﻫﺴﺖ
ﻣﺤﻞ " ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻭ ﻣﺤﻞ ﻛﻪ ﻫﻢ ∴ ﻫﺴﺖ ﺩﻭ ﺳﻪ " ﻳﺎ ﺑﺴﺘﺮ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﻫﺴﺖ " ﻫﻢ ﻣﺤﻞ ﻫﻢ
ﺑﻮﺩﻩ " ﻛﻪ ﻫﺴﺖ ﻫﻢ ﻫﺴﺖ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ∴ ﻫﺴﺖ ﺩﻭ ﺳﻪ " ﻳﺎ ﺑﺴﺘﺮ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﻫﺴﺖ " ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
∴ ﻫﻢ ﻫﺴﺖ ﻫﻢ ﻫﺴﺖ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻛﻪ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻫﻢ ﻣﺤﻞ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
" ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﻛﻪ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻛﻪ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﻛﻪ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻛﻪ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
18 " ﴿ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻛﻪ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻛﻪ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
ﺩﻩ ﻫﻢ ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺳﻴﺐ " ﻛﻪ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﻣﺤﻞ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ∴ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﻣﺘﻮﺳﻂ ﻭ ﻣﺘﻮﺳﻂ
ﻣﺘﻮﺳﻂ ﺳﻴﺐ " ﻛﻪ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﻣﺤﻞ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ∴ ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻫﻢ ﻣﺤﻞ ﻫﻢ
ﺑﻮﺩﻩ " ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
" ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ " ﻫﻢ ﺩﺭﺧﺖ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ ﻫﻢ ﺳﻴﺐ ﻫﻢ ﺑﻮﺩﻩ
∴

19 « ﴿ وَإِذْ قَالَ مُوسَىٰ لِقَوْمِهِ يَا قَوْمِ اذْكُرُوا نِعْمَةَ اللَّهِ عَلَيْكُمْ إِذْ جَعَلَ فِيكُمْ أَنْبِيَاءَ وَجَعَلَكُمْ مُلُوكًا وَآتَاكُمْ مَا لَمْ يُؤْتِ أَحَدًا مِنَ الْعَالَمِينَ ﴾ » ذكر موسى لقومه « يا قوم اذكروا نعمة الله عليكم إذ جعل فيكم أنبياء وجعلكم ملوكا وآتاكم ما لم يؤت أحدا من العالمين » .

20 « ﴿ يَا قَوْمِ ادْخُلُوا الْأَرْضَ الْمُقَدَّسَةَ الَّتِي كَتَبَ اللَّهُ لَكُمْ وَلَا تَرْتَدُّوا عَلَىٰ أَدْبَارِكُمْ فَتَنْقَلِبُوا خَاسِرِينَ ﴾ » « يا قوم ادخلوا الأرض المقدسة التي كتب الله لكم ولا ترتدوا على أدباركم فتنقلبوا خاسرين » .

21 « ﴿ قَالُوا يَا مُوسَىٰ إِنَّ فِيهَا قَوْمًا جَبَّارِينَ وَإِنَّا لَنْ نَدْخُلَهَا حَتَّىٰ يَخْرُجُوا مِنْهَا فَإِنْ يَخْرُجُوا مِنْهَا فَإِنَّا دَاخِلُونَ ﴾ » « قالوا يا موسى إن فيها قوما جبارين وإنا لن ندخلها حتى يخرجوا منها فإن يخرجوا منها فإنا داخلون » .

"ئەي ئىسرائىل ئۆتكۈرلىرى ، ئەدى ئىش ھەققىدە مەن ھېچنېمە ئېيتمىدىم ؛ ئۇلارنىڭ ھېچبىرى
"مەن ئىسمائىل ئۇرۇقىدىن ئەمەس ، ئۇ ھەققىدە مەن ھېچنېمە ئېيتمىدىم ؛ ئۇلارنىڭ ھېچبىرى
ئىسھاق ئەۋلادىدىن ئەمەس ، ئەدى ئىسھاق ئىسمائىل ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن
ئىسمى ئەۋلادىدىن ئەمەس ، ئۇ مەن ئۈچۈن ئىسمائىل ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن
ئۇ ئىسمى ئۈچۈن ، مەن ئۇنى ئىسمائىل ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن ئىسمائىل ئىدى
؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن ئىسمائىل ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن ئىسمائىل ئىدى
22 " ﴿ ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن ئىسمائىل ئىدى ؛ ئۇلارنىڭ ئىسمى مەن ئۈچۈن ئىسمائىل
ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
23 " ﴿ ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل
ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل ئىسمائىل

ﻟﻪ ﺩﻳﻦ ﻣﺤﻤﺪ "ﺻﻠﻰ ﷲ ﻋﻠﻴﻪ ﻭﺳﻠﻢ" ﻛﻪ ﺭﻭﺯﻩ ﻭ ﻧﻤﺎﺯ ﻭﺍﺟﺐ ﺩﻱ "ﺭﺽ" ﺳﻔﺎﺭﺵ ﻛﺮﺩﻩ ﺑﺎﺷﻲ ﻭ ﻫﻤﻴﺸﻪ ﺑﻪ ﺟﻤﺎﻋﺖ ﻣﺴﺠﺪ ﺣﺎﺿﺮ ﺷﻮﻱ ﻭ ﺩﺭﻭﻍ ﻧﮕﻮﻳﻲ ﻭ ﻏﻴﺒﺖ ﻧﻜﻨﻲ ﻭ ﺑﻪ ﻫﻴﭻ ﻣﺴﻠﻤﺎﻥ ﺑﺪ ﻧﮕﻮﻳﻲ ﻭ ﺳﻮﮔﻨﺪ ﺩﺭﻭﻍ ﻧﺨﻮﺭﻱ ﻭ ﺑﻪ ﻫﻴﭻ ﻣﺴﻠﻤﺎﻥ ﺯﻧﺎ ﻧﺴﺒﺖ ﻧﻜﻨﻲ ﻭ ﻫﻴﭻ ﻛﺲ ﺭﺍ ﻧﺎﺣﻖ ﻧﺰﻧﻲ ﻭ ﺑﻪ ﻫﻴﭻ ﻛﺲ ﺳﺤﺮ ﻧﻜﻨﻲ ﻭ ﺩﺭ ﻣﺎﻝ ﻣﺴﻠﻤﺎﻥ ﺧﻴﺎﻧﺖ ﻧﻜﻨﻲ ﻭ ﺑﻪ ﻫﻴﭻ ﻣﺴﻠﻤﺎﻥ ﺩﺷﻤﻨﻲ ﻧﻮﺭﺯﻱ ﻭ ﺑﺎ ﻫﻴﭻ ﻣﺴﻠﻤﺎﻥ ﺑﺪ ﻧﻴﺖ ﻧﺒﺎﺷﻲ

ومنه يعني " ولهذا السؤال لن يجيب أحد بكلمة " لماذا " لأنه سؤال لا يجدي نفعا ، ولا يجيب عليه أحد بكلمة " لماذا " ،

2

ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ ᠪᠢᠴᠢᠭ ᠤᠨ ᠰᠤᠷᠭᠠᠯᠲᠠ ᠤᠨ ᠵᠠᠭᠰᠤᠯ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠰᠢ ᠨᠠᠷ ᠤᠨ ᠵᠢᠨ ᠵᠢᠭᠠᠭ

ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤ ᠪᠠᠢᠭᠤᠯᠤᠯᠲᠠ ᠵᠢᠨ ᠵᠠᠭᠤᠴᠢᠯᠠᠯ ᠪᠤᠶ

31 . ଓ ଶ୍ରୀ ଗୁରୁଭ୍ୟୋ ନମଃ । ଶ୍ରୀ ଗୁରୁ ଦେବ ମହାପ୍ରଭୁ ଶ୍ରୀ ଜଗନ୍ନାଥ ଦେବ ଶ୍ରୀ ବଳଭଦ୍ର ଦେବ ଶ୍ରୀ ସୁଭଦ୍ରା ଦେବୀ ଶ୍ରୀ ସୁଦର୍ଶନ ଦେବ ଶ୍ରୀ ମଦନମୋହନ ଦେବ ଶ୍ରୀ ଲକ୍ଷ୍ମୀ ଦେବୀ ଶ୍ରୀ ସରସ୍ୱତୀ ଦେବୀ ଶ୍ରୀ ଗଣେଶ ଦେବ ଶ୍ରୀ ଶ୍ରୀ ଶ୍ରୀ

32 ﴿ ... ﴾ ... ...

ئۇ ھەقىقەتەن ئۆزىنى ئۇنىڭ ئالدىدا ئەيىبلىك ھېس قىلدى. ئۇ ئۇنىڭ ئالدىدا ئۆزىنى

ᠪᠣᠯᠪᠠᠰᠤ ᠪᠢᠳᠡᠨ ᠤ ᠬᠠᠮᠲᠤ ᠠᠵᠢᠯᠯᠠᠬᠤ ᠵᠢᠨ ᠳᠦᠷᠢᠮ ᠪᠣᠯᠤᠨ

36 . ٥ ٦ ٠ ٠ ٠

ھەر كىشىدە ئىستىقلال ئۇچۇن ئۇرۇش قوزغىلىپ، ئۇ ئۆزىنى ئۆزى ئىدارە قىلىش ھوقۇقىغا ئېرىشكەن ۋاقىتتا، ئۇ ئۆزىنى ئۆزى ئىدارە قىلىش ھوقۇقىنى ئىشلىتىپ، ئۆزىنىڭ ئىچكى ئىشلىرىنى ئۆزى باشقۇرۇ

ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس ھەق ئەمەس

ڪي ڪيس ۽ رسيس ۾ ڏيڻ ۽ ڪي ٻيهر ۽ ڪيڻ ۽ وڏي ٻوليءَ جي ٻوليءَ جي
ڪيڻ ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس
ڏيڻ ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس ۽ ڏيڻ ۾ ڪيس
ڪ

43 ﴿ ... ﴾ ... ...

44 "© ᠬᠠᠷᠠᠭᠤᠯ ᠪᠤᠶᠠᠨ ᠤ ᠬᠣᠶᠠᠷ ᠳᠤ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠰᠠᠨ ᠪᠠᠭᠠᠰ ᠤᠨᠤᠭᠤᠳ ᠤᠨ

46 (۵) ښځه ورځې د مياشتې ۲۸ ورځې ده ، ۲۹ ورځې ده ، ۳۰ ورځې ده ، ۳۱ ورځې ده ، ۳۲ ورځې ده ، ۳۳ ورځې ده ، ۳۴ ورځې ده ، ۳۵ ورځې ده ، ۳۶ ورځې ده ، ۳۷ ورځې ده ،

ᠪᠤᠶᠤᠨ ᠤᠨᠳᠤᠷ ᠬᠡᠪᠲᠡ ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠡᠨᠡ ᠬᠤᠪᠢᠶᠠᠷᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠪᠤᠶᠤ ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠬᠠᠷᠢᠭᠤᠯᠴᠠᠭᠴᠢ ᠨᠢ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠡᠨᠡ ᠬᠤᠪᠢᠶᠠᠷᠠᠯ ᠤᠨ ᠵᠠᠰᠠᠭ ᠪᠤᠶᠤ ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠬᠠᠷᠢᠭᠤᠯᠴᠠᠭᠴᠢ ᠨᠢ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃

47 ᠃ ᠪᠢᠴᠢᠭᠴᠢ ᠨᠢ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠪᠢᠴᠢᠭᠴᠢ ᠪᠤᠶᠤ ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ

ډېر ښه ده چې ځوانان د ټولنې د ودانولو لپاره ښوونځي جوړوي.

49 (۞) "ھەر بىر ئۆلكە ۋە ھەر بىر خەلق ئۆزىنىڭ يېزىقى ۋە ئۆز تىلىدا سۆزلەيدىغان ئىدى. ئۇلار ئۆزلىرىنىڭ يېزىقى ۋە تىلى بويىچە ئۆز ئۆز ئىبادەتخانىلىرىنى ياسىغان ئىدى. ئۇلار ئۆز ئۆز ئىبادەتخانىلىرىدا ئۆز ئۆز ئىلاھلىرىغا ئىبادەت قىلاتت

ما دعا "شب ما نمی فهمید" ؛ آری خواب می دید "شک ما می فهمید ما هم". آری خواب
؛ نمیفهم هستی هاست "سرنوشت ما همه میشد "عدالتی مدتها ماهم "ما بیش میدهد نوش ؛ آری خواب
؛ نمیفهم هستی ماهم "سرنوشت ما همه ما شد "عدالتی مدتها ماهم "ما بیش میدهد نوش
؛ ما همه بیشتر

51 "﴿ ... ﴾ ... ...

"ئۇنىڭ ئۈچۈن كېرەك ئەمەس" ، "ئۇ ئۆزىنى ئۇنىڭ ئورنىغا قويۇپ باقمىدى" ، "ئۇنىڭ ئۈچۈن ھېچنېمە

"ל קרשטש פרבקשש" קש פשם מעשם פשם בשרקש "ל קשטש פשמ שעשם פשטש :: קש פשם מעשם בשרקש פשם שעשם פשם מעשם בשרקש "קש קשטש פרבקשש" קש פשם מעשם בשרקש :: קש פשם מעשם בשרקש "קש פשטש מעשם ם בשקש" שם פשקש פשטש קש :: קש קשטשש פרבקשש פשם מעשם בשרקש "קש פשטש מעשם ם בשקש" שם פשקש פשטש קש

::

56 (◎ "קש פרבקשש קשטש פשם" "מעשם קש בשם פשם בשרקש ::

"ئەگەر ئۆستەڭ ھەرىكەتلەندۈرۈش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئۇچۇرلار يېزىلسا، ئۇ ھالدا ئۇنى قانداق ئوقۇيمىز؟" دەپ سورىدى ئۇ ئۆزىدىن.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دەپ جاۋاب بەردى ئۇ ئۆزىگە ئۆزى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون بىر قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئون توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە بىر قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ يىگىرمە توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز بىر قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئوتتۇز توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق بىر قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ قىرىق توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك بىر قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك ئىككى قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك ئۈچ قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك تۆت قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك بەش قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك ئالتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك يەتتە قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك سەككىز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئەللىك توققۇز قېتىم تەكرارلىدى.

"ئۇنداق بولسا، ئۇ ھالدا ئۇنى ئوقۇش ئۈچۈن ئۇنىڭ ئۈستىگە ئاينا قويۇش كېرەك" دېگەن سۆزلەرنى ئۇ ئاتمىش قېتىم تەكرارلىدى.

ئەم دەرسە دەك دەبێت دەربارەی « ئەگەر » و « ئەگەر نا » و « ئەگەر وەها » ئەم دەرسە دەك دەبێت

ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ناھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ ئەگەرەت ھەن

ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ ئەگەرەت ھەن

« ئەگەر ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ

ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ناھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ ئەگەرەت ھەن

ئەم دەرسە دەك دەبێت دەربارەی « ئەگەر » و « ئەگەر نا » و « ئەگەر وەها »

60 ﴿ ئەم ئایەتە پیرۆزە ھەندێ لە زانایان دەڵێن « ئەم ئایەتە ھەموو ئەو ئایەتانە ﴾

« ئەسڵیەتی ئەگەر ئەوەیە کە ھەندێ شتی تێدا بێت کە ئەگەر نەبێت ئەو شتە نابێت »

« ئەسڵیەتی ئەگەر ئەوەیە کە ھەندێ شتی تێدا بێت کە ئەگەر نەبێت ئەو شتە نابێت »

ئەم دەرسە « ئەسڵیەتی ئەگەر » یە ، ئەگەر ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا

ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ناھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ ئەگەرەت ھەن

« ئەگەر ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ

ھەندێ ئەگەرەت ھەن کە « ئەگەر » ی تێدا بەکار ناھێنرێت ، ئەگەر وەھا ھەندێ ئەگەرەت ھەن

ئەم دەرسە دەك دەبێت دەربارەی « ئەگەر » و « ئەگەر نا » و « ئەگەر وەها »

ואמר ∴ ותשתחו העדה וישתחוו ∴ וה אלעזר הכהן את משה ∴ ויאמר ה׳ אל משה ואל אהרן לאמר ∴ זאת חקת התורה אשר צוה ה׳ לאמר ∴ דבר אל בני ישראל ויקחו אליך פרה אדמה תמימה אשר אין בה מום ואשר לא עלה עליה על ∴ ונתתם אותה אל אלעזר הכהן והוציא אותה מחוץ למחנה ושחט אותה לפניו ∴ ולקח אלעזר הכהן מדמה באצבעו והזה אל נכח פני אהל מועד מדמה שבע פעמים ∴ ושרף את הפרה לעיניו את עורה ואת בשרה ואת דמה על פרשו ישרף ∴ וקח הכהן עץ ארז ואזוב ושני תולעת והשליך אל תוך שרפת הפרה ∴ וכבס בגדיו הכהן ורחץ בשרו במים ואחר יבא אל המחנה וטמא הכהן עד הערב ∴ והשרף אותה יכבס בגדיו במים ורחץ בשרו במים וטמא עד הערב ∴ וה איש טהור ואסף את אפר הפרה ושכן מחוץ למחנה במקום טהור והיתה למטרת עדת בני ישראל למשמרת למי נדה חטאת הוא ∴ וכבס האסף את אפר הפרה את בגדיו וטמא עד הערב והיתה לבני ישראל ולגר הגר בתוכם לחקת עולם ∴ הנוגע במת בכל נפש אדם וטמא שבעת ימים ∴ הוא יתחטא בו ביום השלישי וביום השביעי יטהר ואם לא יתחטא ביום השלישי וביום השביעי לא יטהר ∴ כל הנוגע בנפש האדם אשר ימות ולא יתחטא את משכן ה׳ טמא ונכרתה הנפש ההוא מישראל כי מי נדה לא זרק עליו טמא יהיה עוד טמאתו בו עדנה ∴ זאת התורה אדם כי ימות באהל כל הבא אל האהל וכל אשר באהל יטמא שבעת ימים ∴ וכל כלי פתח אשר אין צמיד פתיל עליו טמא הוא ∴ וכל אשר יגע על פני השדה בחלל חרב או במת או בעצם אדם או בקבר יטמא שבעת ימים ∴ ולקחו לטמא מעפר שרפת החטאת ונתן עליו מים חיים אל כלי ∴ ולקח אזוב וטבל במים ∴ והזה הטהור על הטמא ביום השלישי וביום השביעי וחטאו ביום השביעי וכבס בגדיו ורחץ במים וטהר בערב ∴ ואיש אשר יטמא ולא יתחטא ונכרתה הנפש ההוא מתוך הקהל כי את מקדש ה׳ טמא מי נדה לא זרק עליו טמא הוא ∴ והיתה להם לחקת עולם והמזה מי הנדה יכבס בגדיו והנוגע במי הנדה יטמא עד הערב ∴ וכל אשר יגע בו הטמא יטמא והנפש הנגעת תטמא עד הערב ∴ ויבאו בני ישראל כל העדה מדבר צן בחדש הראשון וישב העם במקדש ותמת שם מרים ותקבר שם ∴ ולא היה מים לעדה ויקהלו על משה ועל אהרן ∴ וירב העם עם משה ויאמרו לאמר לו ויגוע אחינו לפני ה׳ ∴ ולמה הביאתם את קהל ה׳ אל המדבר הזה למות שם אנחנו ובעירנו ∴ ולמה העליתנו ממצרים להביא אתנו אל המקום הרע הזה לא מקום זרע ותאנה וגפן ורמון וגם מים אין לשתות ∴ ויבא משה ואהרן מפני הקהל אל פתח אהל מועד ויפלו על פניהם ויראה כבוד ה׳ אליהם ∴ וידבר ה׳ אל משה לאמר ∴ קח את המטה והקהל את העדה אתה ואהרן אחיך ודברתם אל הסלע לעיניהם ונתן מימיו והוצאת להם מים והשקית את העדה ואת בעירם ∴ ויקח משה את המטה מלפני ה׳ כאשר צוהו ∴ ויקהלו משה ואהרן את הקהל אל פני הסלע ויאמר להם שמעו נא המורים הנמן מן הסלע הזה נוציא לכם מים ∴ וירם משה את ידו ויך את הסלע במטהו פעמים ויצאו מים רבים ותשת העדה ואת בעירם ∴ ויאמר ה׳ אל משה ואל אהרן יען לא האמנתם בי להקדישני לעיני בני ישראל לכן לא תביאו את הקהל הזה אל הארץ אשר נתתי להם ∴ המה מי מריבה אשר הריבו בני ישראל את ה׳ ויקדש בם ∴ וישלח משה מלאכים מקדש אל מלך אדום כה אמר אחיך ישראל אתה ידעת את כל התלאה אשר מצאתנו ∴ וירדו אבתינו מצרימה וישבנו במצרים ימים רבים וירעו מצרים אתנו ואת אבתינו ∴ ונצעק אל ה׳ וישמע קלנו וישלח מלאך ויצאנו ממצרים והנה אנחנו בקדש עיר קצה גבולך ∴ נעברה נא בארצך לא נעבר בשדה ובכרם ולא נשתה מי באר דרך המלך נלך לא נסור ימין ושמאל עד אשר נעבר גבולך ∴ ויאמר אליו אדום לא תעבר בי פן בחרב אצא לקראתך ∴ ויאמרו אליו בני ישראל במסלה נעלה והיה אם מימיך נשתה אני ומקני ונתתי כספו אין דבר רק אעברה ברגלי ∴ ויאמר לא תעבר ויצא אדום לקראתו בעם כבד וביד חזקה ∴ וימאן אדום נתת את ישראל עברה בגבולו וינט ישראל מעליו ∴ ויסעו מקדש ויבאו בני ישראל כל העדה הר האהר ∴ ויאמר ה׳ אל משה ואל אהרן בהר האהר על גבול ארץ אדום לאמר ∴ יאסף אהרן אל עמיו כי לא יבא אל הארץ אשר נתתי לבני ישראל על אשר מריתם את פי במי מריבה ∴ קח את אהרן ואת אלעזר בנו והעל אתם אל הר האהר ∴ והפשט את אהרן את בגדיו והלבשת אתם את אלעזר בנו ואהרן יאסף ומת שם ∴ ויעש משה כאשר צוה ה׳ ויעלו אל הר האהר לעיני כל העדה ∴ ויפשט משה את אהרן את בגדיו וילבש אתם את אלעזר בנו וימת אהרן שם בראש ההר וירד משה ואלעזר מן ההר ∴ וירא כל העדה כי גוע אהרן ויבכו את אהרן שלשים יום כל בית ישראל ∴ וישמע הכנעני מלך ערד יושב הנגב כי בא ישראל דרך האתרים וילחם בישראל וישב ממנו שבי ∴ וידר ישראל נדר לה׳ ויאמר אם נתן תתן את העם הזה בידי והחרמתי את ערים ∴ וישמע ה׳ בקול ישראל ויתן את הכנעני והחרם אתם ואת ערים ויקרא שם המקום חרמה ∴ ויסעו מהר האהר דרך ים סוף לסבב את ארץ אדום ותקצר נפש העם בדרך ∴ וידבר העם באלהים ובמשה למה העליתנו ממצרים למות במדבר כי אין לחם ואין מים ונפשנו קצה בלחם הקלקל ∴ וישלח ה׳ בעם את הנחשים השרפים וינשכו את העם וימת עם רב מישראל ∴ ויבא העם אל משה ויאמרו חטאנו כי דברנו באלהים ובך התפלל אל ה׳ ויסר מעלינו את הנחשים ויתפלל משה בעד העם ∴ ויאמר ה׳ אל משה עשה לך שרף ושים אתו על נס והיה כל הנשוך וראה אתו וחי ∴ ויעש משה נחש נחשת וישמו על הנס והיה אם נשך הנחש את איש והביט אל נחש הנחשת וחי ∴ ויסעו בני ישראל ויחנו באבת ∴ ויסעו מאבת ויחנו בעיי העברים במדבר אשר על פני מואב מזרח השמש ∴ משם נסעו ויחנו בנחל זרד ∴ משם נסעו ויחנו בעבר ארנון אשר במדבר היצא מגבול האמרי כי ארנון גבול מואב בין מואב ובין האמרי ∴ על כן יאמר בספר מלחמות ה׳ את והב בסופה ואת הנחלי ארנון ∴ ואשד הנחלים אשר נטה לשבת ער ונשען לגבול מואב ∴ ומשם באר הוא הבאר אשר אמר ה׳ למשה אסף את העם ואתנה להם מים ∴ אז ישיר ישראל את השירה הזאת עלי באר ענו לה ∴ באר חפרוה שרים כרוה נדיבי העם במחקק במשענתם ומן המדבר מתנה ∴ ומן מתנה נחליאל ומן נחליאל במות ∴ ומן במות הגי אשר בשדמות פסגה ונשקפה על פני הישימן ∴ וישלח ישראל מלאכים אל סיחון מלך האמרי לאמר ∴ אעברה בארצך לא נטה בשדה ובכרם לא נשתה מי באר בדרך המלך נלך עד אשר נעבר גבולך ∴ ולא נתן סיחון את ישראל עברה בגבולו ויאסף סיחון את כל עמו ויצא לקראת ישראל המדברה ויבא יהצה וילחם בישראל ∴ ויכהו ישראל לפי חרב וירש את ארצו מארנון עד יבק עד בני עמון כי עז גבול בני עמון ∴ ויקח ישראל את כל הערים האל וישב ישראל בכל ערי האמרי בחשבון ובכל בנתיה ∴ כי חשבון עיר סיחון מלך האמרי הוא ויהי נלחם במלך מואב הראשון ויקח את כל ארצו מידו עד ארנון ∴ על כן יאמרו המשלים באו חשבון תבנה ותכונן עיר סיחון ∴ כי אש יצאה מחשבון להבה מקרית סיחון אכלה ער מואב בעלי במות ארנון ∴ אוי לך מואב אבדת עם כמוש בנתיו בשבי ואחתיו בשבות לסיחון מלך האמרי ∴ ונירם שפכנו אבד חשבון עד דיבון ונשים עד מידבא ∴ וישב ישראל בארץ האמרי ∴ וישלח משה לרגל את יעזר וילכדו את בנתיה ויורש את האמרי אשר שם ∴ ויפנו וילכו דרך הבשן ויצא עוג מלך הבשן לקראתם הוא וכל עמו למלחמה אדרעי ∴ ויאמר ה׳ אל משה אל תירא אתו כי בידך נתתי אתו ואת כל עמו ואת ארצו ועשית לו כאשר עשית לסיחון מלך האמרי אשר יושב בחשבון ∴ ויכו אתו ואת בניו ואת כל עמו עד בלתי השאיר לו שריד ויירשו את ארצו ∴ ויסעו בני ישראל ויחנו בערבות מואב מעבר לירדן יריחו ∴ וירא בלק בן צפור את כל אשר עשה ישראל לאמרי ∴ ויגר מואב מפני העם מאד כי רב הוא ויקץ מואב מפני בני ישראל ∴ ויאמר מואב אל זקני מדין עתה ילחכו הקהל את כל סביבתינו כלחך השור את ירק השדה ובלק בן צפור מלך למואב בעת ההוא ∴ וישלח מלאכים אל בלעם בן בעור פתורה אשר על הנהר ארץ בני עמו לקרא לו לאמר הנה עם יצא ממצרים הנה כסה את עין הארץ והוא ישב ממולי ∴ ועתה לכה נא ארה לי את העם הזה כי עצום הוא ממני אולי אוכל נכה בו ואגרשנו מן הארץ כי ידעתי את אשר תברך מברך ואשר תאר יאר ∴ וילכו זקני מואב וזקני מדין וקסמים בידם ויבאו אל בלעם וידברו אליו דברי בלק ∴ ויאמר אליהם לינו פה הלילה והשבתי אתכם דבר כאשר ידבר ה׳ אלי ∴ וישבו שרי מואב עם בלעם ∴ ויבא אלהים אל בלעם ויאמר מי האנשים האלה עמך ∴ ויאמר בלעם אל האלהים בלק בן צפור מלך מואב שלח אלי ∴ הנה העם היצא ממצרים ויכס את עין הארץ עתה לכה קבה לי אתו אולי אוכל להלחם בו וגרשתיו ∴ ויאמר אלהים אל בלעם לא תלך עמהם לא תאר את העם כי ברוך הוא ∴ ויקם בלעם בבקר ויאמר אל שרי בלק לכו אל ארצכם כי מאן ה׳ לתתי להלך עמכם ∴ ויקמו שרי מואב ויבאו אל בלק ויאמרו מאן בלעם לבא עמנו ∴ ויוסף עוד בלק שלח שרים רבים ונכבדים מאלה ∴ ויבאו אל בלעם ויאמרו לו כה אמר בלק בן צפור אל נא תמנע מהלך אלי ∴ כי כבד אכבדך מאד וכל אשר תאמר אלי אעשה ולכה נא קבה לי את העם הזה ∴ ויען בלעם ויאמר אל עבדי בלק אם יתן לי בלק מלא ביתו כסף וזהב לא אוכל לעבר את פי ה׳ אלהי לעשות קטנה או גדלה ∴ ועתה שבו נא בזה גם אתם הלילה ואדעה מה יסף ה׳ דבר עמי ∴ ויבא אלהים אל בלעם לילה ויאמר אליו אם לקרא לך באו האנשים קום לך אתם ואך את הדבר אשר אדבר אליך אתו תעשה ∴ ויקם בלעם בבקר ויחבש את אתנו וילך עם שרי מואב ∴ ויחר אף אלהים כי הולך הוא ויתיצב מלאך ה׳ בדרך לשטן לו והוא רכב על אתנו ושני נעריו עמו ∴ ותרא האתון את מלאך ה׳ נצב בדרך וחרבו שלפה בידו ותט האתון מן הדרך ותלך בשדה ויך בלעם את האתון להטותה הדרך ∴ ויעמד מלאך ה׳ במשעול הכרמים גדר מזה וגדר מזה ∴ ותרא האתון את מלאך ה׳ ותלחץ אל הקיר וילחץ את רגל בלעם אל הקיר ויסף להכתה ∴ ויסף מלאך ה׳ ויעבר ויעמד במקום צר אשר אין דרך לנטות ימין ושמאל ∴ ותרא האתון את מלאך ה׳ ותרבץ תחת בלעם ויחר אף בלעם ויך את האתון במקל ∴ ויפתח ה׳ את פי האתון ותאמר לבלעם מה עשיתי לך כי הכיתני זה שלש רגלים ∴ ויאמר בלעם אל האתון כי התעללת בי לו יש חרב בידי כי עתה הרגתיך ∴ ותאמר האתון אל בלעם הלא אנכי אתנך אשר רכבת עלי מעודך עד היום הזה ∴ ויאמר לא ∴ ויגל ה׳ את עיני בלעם וירא את מלאך ה׳ נצב בדרך וחרבו שלפה בידו ויקד וישתחו לאפיו ∴ ויאמר אליו מלאך ה׳ על מה הכית את אתנך זה שלש רגלים הנה אנכי יצאתי לשטן כי ירט הדרך לנגדי ∴ ותראני האתון ותט לפני זה שלש רגלים אולי נטתה מפני כי עתה גם אתך הרגתי והחיתה ∴ ויאמר בלעם אל מלאך ה׳ חטאתי כי לא ידעתי כי אתה נצב לקראתי בדרך ועתה אם רע בעיניך אשובה לי ∴ ויאמר מלאך ה׳ אל בלעם לך עם האנשים ואפס את הדבר אשר אדבר אליך אתו תדבר ∴ וילך בלעם עם שרי בלק ∴ וישמעו בלק כי בא בלעם ויצא לקראתו עד עיר מואב אשר על גבול ארנון אשר בקצה הגבול ∴ ויאמר בלק אל בלעם הלא שלח שלחתי אליך לקרא לך מדוע לא הלכת אלי הלא אמנם יכלתי כבדך ∴ ויאמר בלעם אל בלק הנה באתי אליך עתה היכול אוכל דבר מאומה הדבר אשר ישים אלהים בפי אתו אדבר ∴ וילך בלעם עם בלק ויבאו קרית חצות ∴ ויזבח בלק בקר וצאן וישלח לבלעם ולשרים אשר עמו ∴ ויהי בבקר ויקח בלק את בלעם ויעלהו במות בעל ויראהו משם קצה העם ∴ ויאמר בלעם אל בלק בנה לי בזה שבעה מזבחות והכן לי בזה שבעה פרים ושבעה אילים ∴ ויעש בלק כאשר דבר בלעם ויעל פר ואיל במזבח ∴ ויאמר בלעם אל בלק התיצב על עלתך ואנכי אלכה אולי יקרה ה׳ לקראתי ודבר מה יראני והגדתי לך ∴ וילך שפי ∴ ויקר אלהים אל בלעם וישם דבר בפיו ויאמר שוב אל בלק וכה תדבר ∴ וישב אליו והנה נצב על עלתו הוא וכל שרי מואב ∴ וישא משלו ויאמר מארם ינחני בלק מלך מואב מהרי קדם לכה ארה לי יעקב ולכה זעמה ישראל ∴ מה אקב לא קבה אל ומה אזעם לא זעם ה׳ ∴ כי מראש צרים אראנו ומגבעות אשורנו הן עם לבדד ישכן ובגוים לא יתחשב ∴ מי מנה עפר יעקב ומספר את רבע ישראל תמת נפשי מות ישרים ותהי אחריתי כמהו ∴ ויאמר בלק אל בלעם מה עשית לי לקב אויבי לקחתיך והנה ברכת ברך ∴ ויען ויאמר הלא את אשר ישים ה׳ בפי אתו אשמר לדבר ∴ ויאמר אליו בלק לכה נא אתי אל מקום אחר אשר תראנו משם אפס קצהו תראה וכלו לא תראה וקבנו לי משם ∴ ויקחהו שדה צופים אל ראש הפסגה ויבן שבעה מזבחות ויעל פר ואיל במזבח ∴ ויאמר אל בלק התיצב פה על עלתך ואנכי אקרה כה ∴ ויקר ה׳ אל בלעם וישם דבר בפיו ויאמר שוב אל בלק וכה תדבר ∴ ויבא אליו והנה נצב על עלתו הוא ושרי מואב אתו ויאמר לו בלק מה דבר ה׳ ∴ וישא משלו ויאמר קום בלק ושמע האזינה עדי בנו צפור ∴ לא איש אל ויכזב ובן אדם ויתנחם ההוא אמר ולא יעשה ודבר ולא יקימנה ∴ הנה ברך לקחתי וברך ולא אשיבנה ∴ לא הביט און ביעקב ולא ראה עמל בישראל ה׳ אלהיו עמו ותרועת מלך בו ∴ אל מוציאם ממצרים כתועפות ראם לו ∴ כי לא נחש ביעקב ולא קסם בישראל כעת יאמר ליעקב ולישראל מה פעל אל ∴ הן עם כלביא יקום וכאריה יתנשא לא ישכב עד יאכל טרף ודם חללים ישתה ∴ ויאמר בלק אל בלעם גם קב לא תקבנו גם ברך לא תברכנו ∴ ויען בלעם ויאמר אל בלק הלא דברתי אליך לאמר כל אשר ידבר ה׳ אתו אעשה ∴ ויאמר בלק אל בלעם לכה נא אקחך אל מקום אחר אולי ישר בעיני האלהים וקבתו לי משם ∴ ויקח בלק את בלעם ראש הפעור הנשקף על פני הישימן ∴ ויאמר בלעם אל בלק בנה לי בזה שבעה מזבחות והכן לי בזה שבעה פרים ושבעה אילים ∴ ויעש בלק כאשר אמר בלעם ויעל פר ואיל במזבח ∴ וירא בלעם כי טוב בעיני ה׳ לברך את ישראל ולא הלך כפעם בפעם לקראת נחשים ויפן אל המדבר פניו ∴ וישא בלעם את עיניו וירא את ישראל שכן לשבטיו ותהי עליו רוח אלהים ∴ וישא משלו ויאמר נאם בלעם בן בעור ונאם הגבר שתם העין ∴ נאם שמע אמרי אל ומדעת עליון יחזה מחזה שדי נפל וגלוי עינים ∴ מה טבו אהליך יעקב משכנתיך ישראל ∴ כנחלים נטיו כגנת עלי נהר כאהלים נטע ה׳ כארזים עלי מים ∴ יזל מים מדליו וזרעו במים רבים וירם מאגג מלכו ותנשא מלכתו ∴ אל מוציאו ממצרים כתועפות ראם לו יאכל גוים צריו ועצמתיהם יגרם וחציו ימחץ ∴ כרע שכב כאריה וכלביא מי יקימנו ברכיך ברוך וארריך ארור ∴ ויחר אף בלק אל בלעם ויספק את כפיו ויאמר בלק אל בלעם לקב אויבי קראתיך והנה ברך ברכת זה שלש פעמים ∴ ועתה ברח לך אל מקומך אמרתי כבדך כבד ואת מנעך ה׳ מכבוד ∴ ויאמר בלעם אל בלק הלא גם אל מלאכיך אשר שלחת אלי דברתי לאמר ∴ אם יתן לי בלק מלא ביתו כסף וזהב לא אוכל לעבר את פי ה׳ לעשות טובה או רעה מלבי אשר ידבר ה׳ אתו אדבר ∴ ועתה הנני הולך לעמי לכה איעצך אשר יעשה העם הזה לעמך באחרית הימים ∴ וישא משלו ויאמר נאם בלעם בן בעור ונאם הגבר שתם העין ∴ נאם שמע אמרי אל ויודע דעת עליון מחזה שדי יחזה נפל וגלוי עינים ∴ אראנו ולא עתה אשורנו ולא קרוב דרך כוכב מיעקב וקם שבט מישראל ומחץ פאתי מואב וקרקר כל בני שת ∴ והיה אדום ירשה והיה ירשה שעיר אויביו וישראל עשה חיל ∴ וירד מיעקב והאביד שריד מעיר ∴ וירא את עמלק וישא משלו ויאמר ראשית גוים עמלק ואחריתו עדי אבד ∴ וירא את הקיני וישא משלו ויאמר איתן מושבך ושים בסלע קנך ∴ כי אם יהיה לבער קין עד מה אשור תשבך ∴ וישא משלו ויאמר אוי מי יחיה משומו ∴ וציים מיד כתים ועניו אשור ועניו עבר וגם הוא עדי אבד ∴ ויקם בלעם וילך וישב למקמו וגם בלק הלך לדרכו ∴ ויזן העם אל בנות מואב ∴ ותקראן לעם לזבחי אלהיהן ויאכל העם וישתחוו לאלהיהן ∴ ויצמד ישראל לבעל פעור ויחר אף ה׳ בישראל ∴ ויאמר ה׳ אל משה קח את כל ראשי העם והוקע אותם לה׳ נגד השמש וישב חרון אף ה׳ מישראל ∴ ויאמר משה אל שפטי ישראל הרגו איש אנשיו הנצמדים לבעל פעור ∴ והנה איש מבני ישראל בא ויקרב אל אחיו את המדינית לעיני משה ולעיני כל עדת בני ישראל והמה בכים פתח אהל מועד ∴ וירא פינחס בן אלעזר בן אהרן הכהן ויקם מתוך העדה ויקח רמח בידו ∴ ויבא אחר איש ישראל אל הקבה וידקר את שניהם את איש ישראל ואת האשה אל קבתה ותעצר המגפה מעל בני ישראל ∴ ויהיו המתים במגפה ארבעה ועשרים אלף ∴ וידבר ה׳ אל משה לאמר ∴ פינחס בן אלעזר בן אהרן הכהן השיב את חמתי מעל בני ישראל בקנאו את קנאתי בתוכם ולא כליתי את בני ישראל בקנאתי ∴ לכן אמר הנני נתן לו את בריתי שלום ∴ והיתה לו ולזרעו אחריו ברית כהנת עולם תחת אשר קנא לאלהיו ויכפר על בני ישראל ∴ ושם איש ישראל המכה אשר הכה את המדינית זמרי בן סלוא נשיא בית אב לשמעוני ∴ ושם האשה המדינית המכה כזבי בת צור ראש אמות בית אב במדין הוא ∴ וידבר ה׳ אל משה לאמר ∴ צרור את המדינים והכיתם אתם ∴ כי צררים הם לכם בנכליהם אשר נכלו לכם על דבר פעור ועל דבר כזבי בת נשיא מדין אחותם המכה ביום המגפה על דבר פעור ∴ ויהי אחרי המגפה וידבר ה׳ אל משה ואל אלעזר בן אהרן הכהן לאמר ∴ שאו את ראש כל עדת בני ישראל מבן עשרים שנה ומעלה לבית אבתם כל יצא צבא בישראל ∴ וידבר משה ואלעזר הכהן אתם בערבת מואב על ירדן יריחו לאמר ∴ מבן עשרים שנה ומעלה כאשר צוה ה׳ את משה ובני ישראל היצאים מארץ מצרים ∴ ראובן בכור ישראל בני ראובן חנוך משפחת החנכי לפלו משפחת הפלאי ∴ לחצרון משפחת החצרני לכרמי משפחת הכרמי ∴ אלה משפחת הראובני ויהיו פקדיהם שלשה וארבעים אלף ושבע מאות ושלשים ∴ ובני פלו אליאב ∴ ובני אליאב נמואל ודתן ואבירם הוא דתן ואבירם קרואי העדה אשר הצו על משה ועל אהרן בעדת קרח בהצותם על ה׳ ∴ ותפתח הארץ את פיה ותבלע אתם ואת קרח במות העדה באכל האש את חמשים ומאתים איש ויהיו לנס ∴ ובני נמואל לא מתו ∴ אלה משפחת הראובני ויהיו פקדיהם שלשה וארבעים אלף ושבע מאות ושלשים ∴ ובני שמעון לפי משפחתם לנמואל משפחת הנמואלי ליכין משפחת היכיני לזרח משפחת הזרחי לשאול משפחת השאולי ∴ אלה משפחת השמעוני שנים ושבעים אלף ומאתים ∴ בני גד לפי משפחתם לצפון משפחת הצפוני לחגי משפחת החגי לשוני משפחת השוני ∴ לאזני משפחת האזני לערי משפחת הערי לאראלי משפחת האראלי ∴ אלה משפחת בני גד לפקדיהם ארבעים אלף וחמש מאות ∴ בני יהודה ער ואונן ויפקד ער ואונן בארץ כנען ∴ ויהיו בני יהודה לפי משפחתם לשלה משפחת השלני לפרץ משפחת הפרצי לזרח משפחת הזרחי ∴ ויהיו בני פרץ לחצרון משפחת החצרני לחמול משפחת החמולי ∴ אלה משפחת יהודה לפקדיהם שבעים וחמשה אלף וחמש מאות ∴ בני יששכר לפי משפחתם תולע משפחת התולעי לפוה משפחת הפוני ∴ לישוב משפחת הישובי לשמרון משפחת השמרוני ∴ אלה משפחת יששכר לפקדיהם ארבעה וששים אלף וארבע מאות ∴ בני זבולן לפי משפחתם לסרד משפחת הסרדי לאלון משפחת האלוני ליחלאל משפחת היחלאלי ∴ אלה משפחת הזבלני לפקדיהם ששים אלף וחמש מאות ∴ בני יוסף לפי משפחתם מנשה ואפרים ∴ בני מנשה למכיר משפחת המכירי ומכיר הוליד את גלעד לגלעד משפחת הגלעדי ∴ אלה בני גלעד יעזר משפחת היעזרי חלק משפחת החלקי ∴ ואשריאל משפחת האשריאלי ושכם משפחת השכמי ∴ ושמידע משפחת השמידעי וחפר משפחת החפרי ∴ וצלפחד בן חפר לא היו לו בנים כי אם בנות ושמות בנות צלפחד מחלה ונעה חגלה מלכה ותרצה ∴ אלה משפחת מנשה ויהיו פקדיהם שנים וחמשים אלף ושבע מאות ∴ אלה בני אפרים לפי משפחתם לשותלח משפחת השותלחי לבכר משפחת הבכרי לתחן משפחת התחני ∴ ואלה בני שותלח לעדן משפחת העדני ∴ אלה משפחת בני אפרים לפקדיהם שנים ושלשים אלף וחמש מאות אלה בני יוסף לפי משפחתם ∴ בני בנימן לפי משפחתם בלע משפחת הבלעי לאשבל משפחת האשבלי לאחירם משפחת האחירמי ∴ לשפופם משפחת השופמי לחופם משפחת החופמי ∴ ויהי בני בלע אדר ונעמן אדר משפחת האדרי לנעמן משפחת הנעמי ∴ אלה בני בנימן לפקדיהם חמשה וארבעים אלף ושש מאות ∴ אלה בני דן לפי משפחתם לשוחם משפחת השוחמי אלה משפחת דן לפי משפחתם ∴ כל משפחת השוחמי לפקדיהם ארבעה וששים אלף וארבע מאות ∴ בני אשר לפי משפחתם לימנה משפחת הימנה לישוי משפחת הישוי לבריעה משפחת הבריעי ∴ לבני בריעה לחבר משפחת החברי למלכיאל משפחת המלכיאלי ∴ ושם בת אשר מרעה ∴ אלה משפחת בני אשר לפקדיהם שלשה וחמשים אלף וארבע מאות ∴ בני נפתלי לפי משפחתם לאצאל משפחת האצאלי לגוני משפחת הגוני ∴ ליצר משפחת היצרי לשלם משפחת השלמי ∴ אלה משפחת נפתלי לפקדיהם חמשה וארבעים אלף וארבע מאות ∴ אלה פקדי בני ישראל שש מאות אלף ואלף שבע מאות ושלשים ∴ ויהי בני פרץ לחצרון משפחת החצרני לחמול משפחת החמולי ∴ אלה משפחת יהודה לפקדיהם שבעים וחמשה אלף וחמש מאות ∴ בני יששכר לפי משפחתם תולע משפחת התולעי לפוה משפחת הפוני ∴ לישוב משפחת הישובי לשמרון משפחת השמרוני ∴ אלה משפחת יששכר לפקדיהם ארבעה וששים אלף וארבע מאות ∴ בני זבולן לפי משפחתם לסרד משפחת הסרדי לאלון משפחת האלוני ליחלאל משפחת היחלאלי ∴ אלה משפחת הזבלני לפקדיהם ששים אלף וחמש מאות ∴ בני יוסף לפי משפחתם מנשה ואפרים ∴ בני מנשה למכיר משפחת המכירי ומכיר הוליד את גלעד לגלעד משפחת הגלעדי ∴ אלה בני גלעד יעזר משפחת היעזרי חלק משפחת החלקי ∴ ואשריאל משפחת האשריאלי ושכם משפחת השכמי ∴ ושמידע משפחת השמידעי וחפר משפחת החפרי ∴ וצלפחד בן חפר לא היו לו בנים כי אם בנות ושמות בנות צלפחד מחלה ונעה חגלה מלכה ותרצה ∴ אלה משפחת מנשה ויהיו פקדיהם שנים וחמשים אלף ושבע מאות ∴ אלה בני אפרים לפי משפחתם לשותלח משפחת השותלחי לבכר משפחת הבכרי לתחן משפחת התחני ∴ ואלה בני שותלח לעדן משפחת העדני ∴ אלה משפחת בני אפרים לפקדיהם שנים ושלשים אלף וחמש מאות אלה בני יוסף לפי משפחתם ∴ בני בנימן לפי משפחתם בלע משפחת הבלעי לאשבל משפחת האשבלי לאחירם משפחת האחירמי ∴ לשפופם משפחת השופמי לחופם משפחת החופמי ∴ ויהי בני בלע אדר ונעמן אדר משפחת האדרי לנעמן משפחת הנעמי ∴ אלה בני בנימן לפקדיהם חמשה וארבעים אלף ושש מאות ∴ אלה בני דן לפי משפחתם לשוחם משפחת השוחמי אלה משפחת דן לפי משפחתם ∴ כל משפחת השוחמי לפקדיהם ארבעה וששים אלף וארבע מאות ∴ בני אשר לפי משפחתם לימנה משפחת הימנה לישוי משפחת הישוי לבריעה משפחת הבריעי ∴ לבני בריעה לחבר משפחת החברי למלכיאל משפחת המלכיאלי ∴ ושם בת אשר מרעה ∴ אלה משפחת בני אשר לפקדיהם שלשה וחמשים אלף וארבע מאות ∴ בני נפתלי לפי משפחתם לאצאל משפחת האצאלי לגוני משפחת הגוני ∴ ליצר משפחת היצרי לשלם משפחת השלמי ∴ אלה משפחת נפתלי לפקדיהם חמשה וארבעים אלף וארבע מאות ∴ אלה פקדי בני ישראל שש מאות אלף ואלף שבע מאות ושלשים ∴

ᠮᠢᠨᠤ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠂ "ᠪᠢᠳᠡᠨᠢ ᠬᠤᠶᠠᠷ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠤᠷᠬᠠᠨ ᠤ ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠪᠠᠢᠨᠠ᠃ ᠪᠢᠳᠡᠨᠢ ᠬᠤᠶᠠᠷ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠤᠷᠬᠠᠨ ᠤ ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠪᠠᠢᠨᠠ᠃" ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃

᠄ ᠪᠤᠳᠤᠨ ᠤ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠄

"

᠄ ᠪᠤᠳᠤᠨ ᠤᠨ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠤᠨ ᠨᠢᠭᠡ ᠬᠡᠰᠡᠭ ᠄

62 "᠐ ᠪᠢᠳᠡᠨᠢ ᠬᠤᠶᠠᠷ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠤᠷᠬᠠᠨ ᠤ ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠪᠠᠢᠨᠠ᠃" ᠭᠡᠵᠦ ᠬᠡᠯᠡᠪᠡ᠃ ᠬᠤᠶᠠᠷ ᠳᠤᠮᠳᠠ ᠪᠤᠷᠬᠠᠨ ᠤ ᠬᠦᠮᠦᠨ ᠪᠠᠢᠨᠠ

ᐊᓂᓕᓐ ᓂᓪᓚᓐ ᓄᓇ ᓄᓇ ᓄᓇᓕᓐ ᐅᓄ ᐅᓄ ᓄᓇᓕᓐ "ᓄᓇᓕᓐ ᐅᓄ ᐅᓄ ᓄᓇᓕᓐ" ᐁᐱᓐᓇᓕᓐ ᓄᓇᓕᓐ ᐅᓄ ᓄᓇᓕᓐ "ᐅᓄ ᓄᓇᓕᓐ ᐅᓄ ᐅᓄ ᓄᓇᓕᓐ" ᐁᐱᓐᓇᓕᓐ ᓄᓇᓕᓐ ᐅᓄ ᐅᓄ

64 " ئۇ ئۆزىنىڭ ئىشلىرىنى ئۆزى ئىشلىسۇن ،

О пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ.

Кажется ни одинъ изъ восточныхъ народовъ не пользовался такимъ большимъ вниманіемъ европейцевъ какъ монголы. Ихъ исторія переводилась едва ли не со всѣхъ тѣхъ языковъ, которыми говорили данники Чингисъ хана и его потомковъ и издавалась въ Европѣ едва ли не всѣми тѣми письменами, которыя были въ употребленіи въ обширной монархіи Чингиса. Ярлыки, письма и надписи на скалахъ, камняхъ и монетахъ монгольскихъ хановъ, особливо нѣкоторые, обращали на себя серіозное вниманіе оріенталистовъ и въ большинствѣ случаевъ разбирались и переиздавались по два и по три раза, всякій разъ, конечно, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ историческихъ фактовъ и вдвое большимъ числомъ догадокъ и предположеній. Письмена, которыя находили на этихъ ярлыкахъ, монетахъ и надписяхъ, подвергались самому строгому изслѣдованію, возбуждали споры, въ которыхъ ученые то серіозно уясняли минувшій бытъ монголовъ, кропотливо выбирая, въ доказательство истинности своихъ мнѣній, строки изъ многотомныхъ сказаній восточныхъ историковъ, то щеголяли другъ передъ другомъ проницательностію и остроуміемъ, и, выводомъ изъ одного положительнаго факта десятка проблеммъ, прогоняли свою кабинетную скуку. Такимъ образомъ мы можемъ въ настоящее время слѣдить исторію монголовъ даже въ тѣ отдаленные періоды, когда они были извѣстны подъ именами Хун-ну и Мо-хэ, а изъ эпохи Чингиса мо-

жемъ опредѣлять не только года и мѣсяцы, а даже дни извѣстныхъ событій; мы отчетливо представляемъ себѣ бытъ монголовъ того времени, знаемъ ихъ домашнюю утварь, бранные доспѣхи, знаемъ ихъ гражданскіе и военные обычаи, способъ сраженій, ихъ воззрѣнія на окружающее и взглядъ на самихъ себя, знаемъ не только характеристику всего народа, но пожалуй и выдающихся частныхъ личностей. Страннѣе всего то, что эти успѣхи въ изученіи исторіи монголовъ и богатство знаній о характерѣ и бытѣ этого народа не только не стоятъ въ связи съ серіознымъ изученіемъ монгольскаго языка и литературы, но можно сказать почти діаметрально противуположны ему. Въ числѣ знаменитыхъ оріенталистовъ запада мы не знаемъ ни одного монгололога. Правда, что Клапротъ въ своей «Asia polyglotta» брался даже за сравнительное языковѣденіе въ монгольскихъ нарѣчіяхъ, что Абель-Ремюза въ своихъ «Recherches» написалъ цѣлый трактатъ о литературѣ монголовъ и даже съ прибавленіемъ грамматики монгольскаго языка; но всякій, кто изучалъ монгольскій языкъ болѣе или менѣе основательно и кому пришлось притомъ познакомиться съ многочисленными нарѣчіями этого языка, не усумнится сказать, что наивность сужденій этихъ корифеевъ оріентализма на западѣ и блѣдность сообщаемыхъ ими дѣйствительныхъ знаній о монгольскомъ языкѣ равны дерзости, съ которою брались они судить и сообщать свѣдѣнія о томъ, чего совершенно не знали сами. Основательное изученіе монгольскаго языка начато только въ Россіи: мы можемъ съ гордостію произносить имена Бобровникова и Ковалевскаго, давно уже не сомнѣвались, что рано или поздно Европа обратится къ трудамъ нашихъ монголологовъ и тѣмъ болѣе не сомнѣваемся въ этомъ теперь, когда намъ уже положительно извѣстно намѣреніе англичанъ перепечатать лексиконъ Г. Ковалевскаго. Тоже самое можно сказать и относительно знакомства европейцевъ съ нарѣчіями монгольскаго языка, хотя изученіе ихъ началось можно сказать только три съ небольшимъ десятка лѣтъ, да и ограничивалось до сего времени только изслѣдованіями языка Ölö-

товъ. Въ этомъ отношеніи достаточно сравнить только изданіе Сиддиту-кюра на западѣ Юльгомъ и проф. Голстунскимъ въ Россіи, чтобы видѣть разницу и превосходство въ филологическихъ познаніяхъ нашего профессора предъ ученымъ запада.

При такой бѣдности изученія языка монголовъ естественно, что и изданія на этомъ языкѣ у насъ не многочисленны. Въ Европѣ не появлялось до нынѣ еще положительно ничего, кромѣ текстовъ древнихъ грамотъ, снимковъ съ надписей на каменописныхъ памятникахъ и лаконическихъ фразъ пайцзэ; въ Россіи было издано двѣ лѣтописи и нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ сочиненій въ хрестоматіяхъ. Надъ всѣмъ этимъ доселѣ царитъ появившійся еще въ 1829 году трудъ академика Шмидта; хотя по нашему мнѣнію онъ далеко не совершененъ и давно требовалъ бы провѣрокъ и переизданія даже какъ текстъ, не говоря уже о переводѣ, въ которомъ академикъ иногда руководствовался больше своимъ соображеніемъ и воображеніемъ, чѣмъ дѣйствительными фразами, или отдѣльными словами Сананъ-Сэцэна. На все это намъ могутъ конечно возразить о незначительности монгольской литературы вообще, ея малоинтересности и односторонности, хотя и трудно предположить, чтобы истинный ученый находилъ въ чемъ бы то ни было мало интереса. Но прежде всего мы не можемъ согласиться даже и съ тѣмъ, чтобы литература монголовъ была дѣйствительно незначительна; что же касается интереса, то говорить о немъ дѣло весьма условное: и почему не предположить, что нѣкоторыми изданіе текста и перевода хоть бы сочиненія «Тонилхуйнъ чимэкъ», особливо въ томъ видѣ, въ которомъ пріобрѣтенъ онъ мною, или знаменитаго Цзонхавинскаго «Лам-рим'а» (монг. Мурун-цзэргэ) можетъ быть почитаемо, и не безосновательно, гораздо болѣе интереснымъ и полезнымъ, чѣмъ текстъ и переводъ Сананъ-Сэцэна въ изданіи Шмидта? Монгольскую литературу обвиняютъ въ односторонности ея буддійскаго направленія. Это справедливо отчасти; но развѣ ученые запада да и русскіе не написали громадныхъ томовъ о буддизмѣ, почерпая свои свѣдѣнія съ языковъ санскрит-

скаго, тибетскаго и китайскаго? А между тѣмъ судить о буддизмѣ и трактовать о его догматахъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ, прочитаннымъ на помянутыхъ языкахъ, было крайне не научно. Буддизмъ, какъ неоднократно замѣчалъ о томъ нашъ проф. Васильевъ, въ каждой странѣ принималъ мѣстный колоритъ, и, соглашаясь съ этимъ положеніемъ, мы думаемъ, что было бы гораздо полезнѣе, оставивъ притязаніе на общее изложеніе догматики буддизма, ознакомиться съ его особенностями въ той или другой странѣ, а въ томъ числѣ и въ Монголіи. Наконецъ, въ оправданіе незначительности монгольской литературы нужно прежде всего сказать то, что невозможно же требовать отъ кочевника такого же богатства изданій, которое появляется и къ которому привыкли мы въ Европѣ; а съ другой стороны путешествіе по Монголіи доказало автору этого изслѣдованія, что монголы далеко не совершенно бездѣятельны въ литературѣ и не смотря на незначительность средствъ, которыми располагалъ онъ, ему удалось пріобрѣсти и лѣтописи, относящіяся по изданію къ самому послѣднему времени и такія же историческія сочиненія, біографіи частныхъ лицъ, переводные съ китайскаго и оригинальные романы, путешествія, переводныя съ тибетскаго и оригинальныя сочиненія по буддизму и пр. и пр. Итакъ всѣ трактаты о незначительности монгольской литературы сводятся скорѣе къ нашему не знанію ея, обвиненіе же противъ нея въ односторонности ея буддійскаго направленія, кажется, по меньшей мѣрѣ страннымъ; возможно ли обвинять литературу за то, что въ данное время въ ней существуетъ извѣстное направленіе и не одинаковый ли интересъ представляетъ для ученаго литература, къ какому бы направленію она ни принадлежала?

Изъ всего сказаннаго, кажется, дѣлается достаточно яснымъ, что во 1-хъ) литература монголовъ для насъ положительно не извѣстна, за исключеніемъ не многихъ историческихъ памятниковъ и двухъ образцевъ монгольскихъ лѣтописей, и что во 2-хъ) наше извѣстное относится только къ письменнымъ памятникамъ народныхъ воззрѣній, жизни и быта. Но обусловливается

ли только заключеннымъ въ письменность литература монголовъ, хотя и это составило бы громаднѣйшій матеріалъ для изслѣдованія и изученія? Конечно нѣтъ: всякій литературный народъ непремѣнно имѣетъ кромѣ письменной, такъ сказать, ученой литературы еще и устную, чисто народную, являющуюся почти всегда въ формѣ пѣсни, или по крайней мѣрѣ въ стихотворной формѣ. Этотъ послѣдній родъ литературныхъ произведеній за симъ всегда бываетъ тѣмъ богаче и обширнѣе, чѣмъ менѣе развита грамотность въ народѣ, чѣмъ однообразнѣе уровень умственнаго развитія въ различныхъ классахъ общей народной семьи. Справедливость этого положенія подкрѣпляется фактами, сохраняемыми для насъ исторіею всеобщей литературы, хотя тутъ едва ли и нужно требовать уясненій и доказательствъ: ибо гдѣ же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть богатство народной пѣсенной поэзіи какъ не тамъ, гдѣ князь и пастухъ живутъ одною общею жизнію, имѣютъ одни интересы и говорятъ однимъ языкомъ? Такимъ образомъ основываясь на этомъ положеніи мы можемъ a priori ручаться въ отношеніи монголовъ, что устная литература ихъ должна быть весьма обширна. Должно думать, что таковою она являлась бы и на самомъ дѣлѣ, если бы условія страны и быта народа, да наконецъ и самый характеръ его способствовали всецѣлому сохраненію того, что произведено и во спѣто творческимъ духомъ народа. Нѣтъ ничего гибельнѣе для сохраненія съ пямяти народа его устной литературы какъ перемѣщеніе съ одного мѣста на другое; а между тѣмъ въ Монголіи въ настоящее время едва ли есть семьи, которыхъ не коснулось бы переселеніе, то и дѣло производимое маньчжурами, да наконецъ и монгольскими родовыми князьями. Въ настоящее время Чахаровъ также не трудно встрѣтить на самой сѣверной окраинѣ Халхи, какъ ӧлӧтовъ у Долонъ-нӧра, или по сосѣдству съ кочевьями Харачиновъ. Производится эта перетасовка, какъ уже было сказано, то по требованію китайскаго правительства, то наконецъ по условіямъ народныхъ обычаевъ: достаточно напримѣръ выйдти ӧлӧтской княжнѣ за-мужъ за харачинскаго, или бариньскаго тайчжи,

чтобы за ней послѣдовало десять, пятьнадцать семей данниковъ ея отца. Понятно, что при этихъ переселеніяхъ воспоминанія о старинѣ отдаляются въ народѣ новыми впечатлѣніями и наконецъ совершенно изглаживаются изъ его памяти, благодаря отсутствію обстановки, пробуждавшей ихъ прежде по ассоціаціи. Самая кочевая жизнь монголовъ не мало убиваетъ ихъ устную литературу и тому, кто началъ бы заниматься собраніемъ и записываніемъ этого рода памятниковъ, пришлось бы слышать чуть ни отъ каждаго разсказщика, что онъ знаетъ извѣстный разсказъ только на половину, потому что училъ со словъ того-то, но не могъ докончить всего за перекочевкою. Такъ постепенно гаснутъ въ памяти народа произведенія стариннаго творчества ихъ предковъ, современныя же произведенія встрѣчаются черезъ чуръ рѣдко, ибо въ настоящее время, больше чѣмъ когда либо, монголы находятся въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для поэтическаго творчества. Голодъ и холодъ, гнетущая бѣдность, давленіе чужеземной администраціи и наконецъ убивающій всякое стремленіе и порывъ къ мірской жизни буддизмъ, все это такіе факторы въ жизни, которые далеко не заставляютъ пѣть человѣка, а напротивъ подавляютъ въ немъ всякую живую струну сердца. Естественно посему, что народныя произведенія устной литературы можно находить только съ большимъ трудомъ у монголовъ и что сохранившихся памятниковъ ея теперь должно быть значительно меньше, чѣмъ можно было предполагать о существованіи ихъ a priori. Мнѣ лично пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ этой недостаточности. Правда, я не затруднюсь пересчитать десятки монгольскихъ поэмъ и сказокъ, большинство изъ нихъ у меня записано; но я видѣлъ, что эти произведенія должны существовать далеко не въ той формѣ, въ какой они мнѣ передавались: изъ десяти стиховъ, только три, четыре говорилось риѳмованныхъ, отъ поэтическихъ картинъ въ этой передачѣ оставались только жалкіе отрывки. Осматривая свои записи въ настоящее время, я вижу только двѣ три сказки и былины достойныхъ изданія и если я въ свое время все таки записывалъ все передаваемое мнѣ, то имѣлъ

при этомъ единственную цѣль ознакомленія съ безчисленными изгибами языка и, пожалуй еще, изученія монгольскихъ миѳовъ. Пѣсни, какъ произведенія болѣе краткія, полнѣе сохранились въ памяти народа, но и здѣсь нельзя не замѣтить того же смѣшенія: часто одна половина пѣсни совершенно не вяжется съ другою, и видимо перенесена въ нее изъ какого либо другаго такого же произведенія, еще чаще въ пѣсняхъ не достаетъ риѳмъ, отдѣльныхъ стиховъ, или наконецъ и цѣлыхъ строфъ, какъ то можно предполагать по смыслу.

При такой трудности дѣльнаго и мало мальски полнаго собранія образцевъ народной поэзіи, особливо разсматриваемой въ связи съ незначительнымъ изученіемъ монгольскаго языка оріенталистами вообще, естественно, что въ Европѣ до сего времени поэзія монголовъ составляла положительную terra incognita. О существованіи у монголовъ пѣсенъ и сказокъ правда можно было знать изъ сказаній нашихъ ученыхъ путешественниковъ и туристовъ, съ десятокъ пѣсенъ и пословицъ оказалось даже и записаннымъ со временъ Палласа въ 1769 году до Ровинскаго въ 1874 г., но этимъ и ограничивалось все наше знакомство съ поэзіею монголовъ, о сборникахъ народной литературы при этомъ само собою разумѣется не можетъ быть и рѣчи. Не смотря однако на такую бѣдность данныхъ, любопытный и наблюдательный умъ европейцевъ успѣлъ и на основаніи ихъ сказать нѣсколько словъ о поэзіи монголовъ. Еще въ 1837-мъ г., въ журналѣ Zeitschrift für die Künde des Morgenlandes появилась статья Габеленца «Einiges über mongolische Poesie», которую авторъ составилъ главнымъ образомъ на основаніи выписокъ изъ Сананъ-Сэцэна. Мы не будемъ ничего говорить объ этой статьѣ, ибо, написавъ ее, Габеленцъ отдалъ должную дань своему времени, хотя для насъ онъ и не преминулъ затемнить свою заслугу, возведя отрывочныя фразы сухой лѣтописи Сананъ-Сэцэна на высокую степень монгольскаго эпоса. Впрочемъ, Габеленцъ ничего не говорилъ о содержаніи поэзіи монголовъ и разсматривалъ ее только со стороны законовъ стихосложенія, такъ что вся его

статья, написанная на 16 страницахъ, изъ коихъ 14 заняты примѣрами, можетъ быть выражена въ одномъ предложеніи: риѳма монгольскихъ стихотвореній находится въ началѣ каждаго стиха. Что касается народной поэзіи монголовъ, то объ ея содержаніи не говорилъ еще никто; да и если бы сказалъ что либо, то навѣрное неправильно. Я говорю такъ прежде всего потому, что судить о содержаніи народной поэзіи монголовъ по тѣмъ даннымъ, какія имѣлись у насъ до сего времени, положительно не возможно. Европейскіе путешественники вообще и особливо туристы являются на востокъ съ своими предвзятыми, европейскими понятіями и въ большинствѣ случаевъ, кажется, и не хотятъ смотрѣть на дѣйствительность, а ищутъ только то, что имъ нужно: пѣсня — непремѣнно должна быть или бытовою, или историческою, сказка — непремѣнно обрисовывающею какой нибудь миѳъ и т. д. Посмотрите на стихотворенія, записанныя Тимковскимъ, или пѣсню, записанную Ровинскимъ; вы видите, что онѣ намѣренно выбраны изъ десятка другихъ не записанныхъ и оставленныхъ безъ перевода. Но можетъ ли даже цѣлый сборникъ, составленный такимъ образомъ, быть въ самомъ дѣлѣ матеріаломъ для истиннаго сужденія о народной поэзіи и еще болѣе служить пособіемъ къ уясненію исторіи и характера народа? Конечно нѣтъ. Можно составить цѣлый сборникъ пѣсенъ, которыя будутъ мѣтко рисовать народный бытъ, его недостатки и достоинства, будутъ въ совершенствѣ соотвѣтствовать народной пѣснѣ по языку и построенію и за всѣмъ тѣмъ все таки не будутъ народными. Такого рода пѣсни бываютъ у каждаго народа: онѣ выходятъ отъ своего творца, живутъ въ устахъ двухъ, трехъ десятковъ человѣкъ, но не сродняются съ народомъ, не бываютъ приняты имъ, а потому и остаются неизвѣстными ему. Спрашивается теперь, могутъ ли такого рода пѣсни назваться народными и можно ли на основаніи ихъ судить о народѣ? Отвѣтъ конечно отрицательный; а между тѣмъ мы едва ли ошибемся если скажемъ, что только такой сборникъ пѣсенъ и могъ быть составленъ до сего времени изъ обнародованныхъ въ Европѣ произведеній этого рода народной лите-

ратуры монголовъ. Неоспоримо также, что народныя пѣсни, какъ и самый народъ, имѣютъ свою исторію: однѣ изъ нихъ измѣняются, обновляются, принимаютъ новыя формы; другія отживаютъ свой вѣкъ, постепенно угасаютъ, по мѣрѣ того какъ въ народѣ слагаются новыя убѣжденія, и наконецъ дѣлаются совершенно чуждыми народу, когда онъ начинаетъ жить новою духовною жизнію. Отсюда еще ограниченіе понятія народности пѣсенъ, принимая въ соображеніе которое, мы считаемъ ошибочнымъ представленіе Тимковскимъ военной пѣсни Халхасовъ сэцэцъ хановскаго аймака *), какъ характеристичной для монголовъ того времени. Только долговременное наблюденіе надъ отношеніемъ народа къ извѣстнымъ пѣснямъ можетъ привести къ истинному заключенію объ ихъ народности. Еще Гомеръ совершенно справедливо сказалъ:

Τὴν ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουϛ' ἄνθρωποι
ἥτις ἀκουόντεσσι νεωτάτη ἀμφιπέλῃται **).

слѣдовательно ручательствомъ за современность пѣсни для народа служитъ прежде и больше всего ея количественное употребленіе, степень распространенности въ народѣ. Только тогда, когда пѣсня расходится, мы можемъ сказать, что она любà народу, что она выражаетъ его современный духъ, что она — народная.

Трехлѣтнее пребываніе въ Монголіи дало мнѣ возможность собрать и записать до 300 различныхъ монгольскихъ пѣсенъ и этотъ сборникъ имѣетъ для меня особенную важность потому, что я записывалъ только то, что мнѣ *приходилось* слышать: я не заставлялъ пѣть ни халхаса, ни ӧлёта и даже когда затягивалъ пѣвецъ какую либо пѣсню, я иногда вспрашивалъ его, почему онъ поетъ ее и что ему особенно въ ней нравится. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что мнѣ казалось имъ только и можно для

*) Путешествіе въ Китай, ч. 3-я, стр. 307.
**) Одисея I, 351—2.

иностранца уяснить себѣ, что именно въ пѣснѣ народнаго; при томъ же у монголовъ, какъ и вездѣ, весьма часто случается, что пѣсня поется только потому, что пѣвецъ находитъ пріятную для себя гармонію въ ея напѣвѣ. Гибельный пожаръ въ Иркутскѣ едва ли не лишилъ меня сборника пѣсенъ чахарскихъ, въ которыхъ гораздо болѣе жизни и сатиры, чѣмъ въ жалкой пѣсенной поэзіи Халхи. Я не преминулъ бы теперь же представить образцы ихъ, если бы имѣлъ ихъ подъ руками и надѣюсь познакомить съ ними публику, какъ только Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества перешлетъ мнѣ мои коллекціи, оставшіяся въ его рукахъ. Въ своемъ трактатѣ о законахъ стихосложенія у монголовъ я буду приводить примѣры и изъ чахарскихъ пѣсенъ, но это печальные отрывки выхваченные мною наскоро въ то время, когда въ минуты досуга отъ наблюденій, я въ степяхъ Монголіи приводилъ нѣсколько въ порядокъ свои разбросанныя знанія о литературѣ различныхъ племенъ единаго монгольскаго народа.

Значеніе и необходимость изученія народной литературы для историка и психолога уже были такъ многократно разсматриваемы и доказываемы, что я считаю излишнимъ снова подробно говорить объ этомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что народная литература, кажется, нигдѣ не принесла бы такой услуги и нигдѣ не была бы такъ важна, какъ въ объясненіи исторіи монголовъ. Кто не скажетъ, что произведенія народной литературы вообще и особливо пѣсни суть истинныя и непритворныя выраженія мысли и чувствованій народа; что они суть образы, въ которыхъ народъ рисуетъ намъ свой характеръ и истинную картину своего быта въ каждую данную эпоху и что потому самому изученіе пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія можетъ представить намъ исторію внутренняго существа и духовной жизни народа? Имѣя въ виду именно это свойство пѣсенъ, я и сказалъ, что онѣ нигдѣ бы не

могли имѣть для насъ такого интереса, какъ у монголовъ; потому что въ самомъ дѣлѣ было бы весьма поучительно прослѣдить по нимъ какъ этотъ храбрый народъ, нѣкогда подчинившій себѣ и державшій въ своихъ рукахъ едва не полъ міра, постепенно опускался, какъ мало по малу угасли его духовныя силы и какъ наконецъ достигъ онъ до того ничтожества, въ которомъ видимъ мы его въ настоящее время? Да и былъ ли онъ дѣйствительно тѣмъ храбрымъ, мужественнымъ и пылкимъ по духу народомъ, какимъ представляемъ мы его себѣ въ періодъ его завоеваній? Все это вопросы, которые конечно могли бы быть вполнѣ разрѣшены народною литературою монголовъ и на которые теперь мы можемъ отвѣчать только гадательно по монографіямъ и историческимъ памятникамъ ихъ иноплеменныхъ данниковъ, даже безъ всякой надежды найдти истинное свидѣтельство достовѣрности нашихъ заключеній въ собственныхъ твореніяхъ монгольскаго народа. До сего времени намъ не извѣстно ни одного памятника изъ древняго монгольскаго творчества, да безъ сомнѣнія ни одинъ изъ нихъ и не сохранился до нашихъ временъ, потому что едва ли возможно допустить существованіе хотя бы одной только пѣсни въ устахъ кочеваго народа въ теченіе четырехъ, пяти вѣковъ, а о письменныхъ памятникахъ этого рода не можетъ быть и рѣчи. Можно конечно возражать, что это послѣднее положеніе также гадательно, что еще въ недавнее время нашему соотечественнику удалось отыскать памятникъ древней литературы монголовъ, о существованіи котораго мы также не могли думать до самаго времени его открытія, — я говорю о пресловутомъ монгольскомъ текстѣ Юань-чао-ми-ши; но въ этомъ случаѣ нельзя забывать о той весьма важной особенности народовъ крайняго востока, по которой всѣ они вообще относятся съ необъяснимою небрежностію къ произведеніямъ народнаго творчества. Даже Китайцы, составившіе себѣ громкую славу богатствомъ и разнообразіемъ своей литературы, въ этомъ случаѣ ни чѣмъ не разнятся отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей и, не смотря на завѣщаніе Конфуція собирать и изучать сказанія и пѣсни народа, не имѣютъ у себя

рѣшительно ни одного сборника своей народной литературы. Само собою разумѣется, что еще менѣе мы можемъ предполагать у нихъ составленіе подобнаго сборника *монгольскихъ* пѣсенъ даже и въ періодъ владычества Юаней; что же касается до существованія Монголіи при Минахъ, то какъ ни бѣдны по этому предмету свѣдѣніями историческія сказанія китайцевъ, они все таки говорятъ, что монголы, возвратившіеся на сѣверъ по изгнаніи изъ Китая, совершенно забыли буддизмъ и письменность. Тоже говорятъ и источники монгольскіе *). Такимъ образомъ изгнанные изъ Китая монголы не могли записывать своихъ народныхъ твореній уже потому, что забыли свою письменность. Предположимъ однако, что сказанія китайцевъ и буддійскихъ монаховъ въ этомъ случаѣ преувеличены, что грамотность во все не была забыта монголами, а только пришла въ упадокъ; но и тогда вѣроятность записи какого либо народнаго творенія возрастетъ весьма мало по той напыщенной педантичности, которая, какъ кажется, всегда была неразлучна съ духомъ грамотныхъ монголовъ и присуща ему до настоящаго времени. Для насъ кажется почти невозможнымъ предположить, чтобы народу не было любо его произведеніе, чтобы онъ не находилъ удовольствія въ пѣсняхъ, всегда представляющихъ ему гармонію родныхъ его звуковъ, всегда полныхъ естетическаго изображенія его собственнаго чувства, остротъ его собственной мысли; а между тѣмъ достовѣрно, что монголы во все не дорожатъ этими своими произведеніями, или по крайней мѣрѣ не хранятъ ихъ, запечатлѣвая въ письменности: они не имѣютъ пѣсенниковъ и къ самому записыванію пѣсенъ относятся съ очевиднымъ презрѣніемъ. Объяснить это презрѣніе мы не можемъ ни чѣмъ другимъ какъ только педантичностью. Монголы считаютъ недостойными кисти пѣсни и народныя сказки; имъ нужно поученіе, нужны трактаты о возвышенныхъ пред-

---

*) Нэйчжи Тойнъ Л. 108; Эрдэнійнъ эрихэ гл. 48; Эрдэни цзу-йнъ тухэ Л. 13-й; Чжибцзунъ дамба ламайнъ Л. 2-й; Чжанчжа гэгэну намтаръ т. 2-й стр. 205.

метахъ и возвышенныхъ личностяхъ, или наконецъ нужна важная личность автора. Этимъ только мы и можемъ объяснить появленіе въ литературѣ монголовъ нелѣпыхъ фантазій и баснословій буддизма. Такимъ образомъ мы не имѣемъ и едва ли можемъ ожидать отъ монголовъ памятниковъ ихъ древняго народнаго творчества и потому въ трактатѣ о монгольской поэзіи необходимо должны ограничиться сужденіемъ о ней по изслѣдованію позднѣйшихъ образцевъ ея. Заключеніе объ относительной старинѣ той или другой пѣсни можетъ быть выводимо только на основаніи соображеній законовъ жизни и развитія народовъ вообще и нѣкоторыхъ весьма не многихъ частныхъ указаній на событія изъ исторіи того или другаго монгольскаго племени.

Каковъ же общій духъ монгольской народной пѣсенной поэзіи и каковъ характеръ народныхъ монгольскихъ пѣсенъ? Характеръ народныхъ пѣсенъ вообще долженъ соотвѣтствовать и всегда дѣйствительно соотвѣтствуетъ характеру народа, составившаго ихъ: при этомъ конечно имѣетъ весьма важное значеніе обстановка народа, его жизнь и положеніе въ средѣ другихъ народовъ, его окружающихъ и входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, наконецъ самая страна и природа, среди которой народъ живетъ и которая по необходимости имѣетъ вліяніе на внутренній міръ и чувствованія человѣка. Монгольскія пѣсни въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія изъ общаго правила и представляютъ чистѣйшее выраженіе народнаго духа монголовъ. Такъ какъ выше уже было замѣчено, что за отсутствіемъ образцовъ древней поэзіи монголовъ, навсегда унесенныхъ отъ насъ временемъ и за неимѣніемъ въ большинствѣ случаевъ никакихъ указаній на происхожденіе пѣсенъ мы совершенно не можемъ разсматривать монгольскихъ пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія, что для насъ посему существуетъ только современное творчество народа, то отсюда естественно вытекаетъ и то, что мы должны говорить только о духовномъ развитіи и настроеніи монголовъ въ ближайшее къ намъ время. Но что могли бы мы сказать положительнаго даже объ этомъ бли-

жайшемъ къ намъ періодѣ? Мы имѣемъ только самое общее представленіе о жизни монголовъ безъ малѣйшихъ свѣденій о частностяхъ и деталяхъ этой жизни. Правда пріобрѣтенные мною памятники позднѣйшей монгольской исторической литературы значительно поясняютъ намъ жизнь и дѣятельность монголовъ подъ владычествомъ маньчжуровъ, но все это по сухости и лаконичности сообщаемыхъ свѣдѣній только въ незначительной степени можетъ послужить къ уясненію характера монгольскаго народа а вмѣстѣ съ тѣмъ и монгольскихъ пѣсенъ. Постараемся однако произвести свое изслѣдованіе хотя и на основаніи этихъ общихъ данныхъ.

Достовѣрно извѣстно, что монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая, все время жили въ тѣхъ самыхъ однообразныхъ, непривлекательныхъ и бѣдныхъ по природѣ степяхъ, въ которыхъ живутъ и нынѣ и также перекочевывали съ лѣтниковъ на зимовку и съ зимовокъ на лѣтники, какъ кочуютъ и теперь, что они еще тогда принялись за тотъ же родъ занятій, который практикуютъ и до настоящей поры, однимъ словомъ въ матеріальномъ отношеніи были въ той самой обстановкѣ, въ которой живутъ они и теперь. Такимъ образомъ знакомство съ современнымъ состояніемъ монголовъ если не въ совершенной, то въ достаточной полнотѣ можетъ перенести насъ на цѣлыя 500 лѣтъ назадъ и возбудить представленіе объ ихъ тогдашней жизни и міросозерцаніи. Кочевникъ, провождавшій жизнь свою въ немногосложныхъ занятіяхъ скотоводствомъ или охотой, уже въ силу этихъ своихъ занятій ищущій удаленія отъ близкихъ сосѣдствъ и потому еще болѣе одинако скитавшійся по безлюднымъ степямъ, монголъ естественно не могъ привыкнуть къ шумной и общественной жизни. Удаленіе отъ общества было одною изъ главныхъ причинъ конечно и удаленія отъ гражданственности: монголъ жилъ простою, нестѣсненною общественными обязательствами и условленными приличіями жизнью, ему свободно дышалось и онъ такъ втянулся въ эту свободу, что его не привлекали ни какія удобства и блага общественной жизни. «Хэ̄рійн баи̇н гэрійн баина̄са дэ̄рэ», т. е. «степной богачъ лучше богача осѣдлаго», говорилъ монголъ въ

своей пословицѣ и, вѣрный своему взгляду, онъ остался кочевникомъ - скотоводомъ, пренебрегая всѣми другими занятіями и всякимъ другимъ образомъ жизни, потому что они не согласовались съ его понятіями о личной независимости и свободѣ. Ему душно было заковать себя въ узкія рамки общественной жизни, гдѣ по неволѣ приходится нести на себѣ тяготы другаго: онъ покорялся предъ всѣми жизненными невзгодами, предпочиталъ свое одиночество въ трудѣ, не имѣя для себя ни отъ кого помощи, но и не работая на другаго; съ людьми онъ сходился только для того, чтобы развлечься въ ихъ обществѣ, пожить общею радостью или раздѣлить общую печаль. Этотъ характеръ обыденной жизни и общественныхъ отношеній монголы сохраняютъ постоянно и до настоящаго времени. «Довольствуясь только необходимо нужнымъ, говоритъ Белль, путешественникъ начала XVIII вѣка, и не ища излишняго, монголы живутъ по самымъ простымъ и самымъ древнимъ обычаямъ» *). Тоже можно сказать о нихъ и въ наше время: вольный пастухъ или охотникъ, монголъ донынѣ чуждается общественной жизни, проводитъ большую часть времени въ своей семьѣ и только изрѣдка ѣздитъ къ своимъ знакомымъ подѣлиться своими новостями и потолковать о слухахъ. Можно думать, что эта разобщенная жизнь и составляетъ причину нѣкоторыхъ, весьма привлекательныхъ, духовныхъ сторонъ монгола, таковы, безграничная преданность и любовь къ домашнему очагу, постоянно сохраняемый взаимный миръ сосѣдей и привязанность между товарищами и друзьями. Несомнѣнно затѣмъ, что эти чувствованія были у монголовъ еще сильнѣе въ старое время и еще болѣе чѣмъ теперь находили тогда свой отголосокъ въ ихъ пѣсняхъ; оттого то мы и встрѣчаемъ теперь у монголовъ на ряду съ чопорными твореніями, воспѣвающими благодѣянія родителей въ будійскихъ фразахъ, пѣсни, касающіяся того же предмета, но дышащія простотою чувства и однообра-

*) Jean Bell d'Antermony. Voyages de puis St.-Pétersbourg en Russie, dans diverses contrées de l'Asie T. I, p. 173.

зіемъ въ построеніи. Эти послѣднія пѣсни кажется могутъ быть не безосновательно признаны старѣйшими изъ монгольскихъ пѣсенъ. Пѣвецъ выражаетъ въ нихъ свою любовь къ друзьямъ и братьямъ, —чувство, возбужденное въ немъ плѣняющими его картинами и звуками природы, онъ весь поглощается этимъ чувствомъ и стремится выразить его въ эстетическихъ формахъ слова. Впрочемъ образами прекраснаго эти пѣсни не богаты, что въ свою очередь весьма легко объясняется тою монотонностью степи, которая окружаетъ монгола, тою незначительною подвижностію, въ которой проводитъ онъ свою жизнь, и тѣми бѣдными знаніями, которыя наполняютъ его душу. Характеристичною особенностью при этомъ въ монгольскихъ пѣсняхъ является то, что монголъ совершенно не стѣсняется ни этою бѣдностью окружающей его природы, ни недостаточностью своихъ знаній: въ своемъ твореніи онъ не усумнится приписать имя горы — рѣкѣ, прозваніе лѣса—озеру и т. д.; истощится у него вовсе запасъ именъ, переберетъ онъ всѣ знакомыя ему имена рѣкъ и горъ, онъ будетъ давать тому и другому имена описательно; ему все равно, лишь бы только можно было выражать свое основное чувство любви къ близкимъ ему людямъ въ формахъ благозвучныхъ для слуха, лишь бы подобрать риѳму въ отдѣльныхъ стихахъ. Кто не найдетъ въ этомъ нѣкоторой аналогіи съ нашими дѣтскими пѣснями, въ которыхъ подчасъ не видишь ничего, кромѣ пустой болтовни и игры словами и созвучіями.

ханъгàй голы́ин эхин-дӯ
хāн хӧхӧ̄ донъгодонà
хаиртàй сáйхан нӱхӱдѣн
мэндӯ гэчжѝ дӯланàм
ӱндӯр гэхчíйн ӯлан-дӯ
цзулцзагà хӧхӧ̄ донъгодонà
эмэгэ̄н бӯрàл э̄чжíйгэ̄н
мэндӯ гэчжѝ дӯланàм
арӯ голы́ин эхин-дӯ
алтàн горголтàй донъгодонà

алдартӯ са́йхан а̄байга̄н
мэндӯ̆ гэчжѝ дӯланàм

хэрӯлӯ́н голы́ин эхин-дӯ̆
хӧхӧ̄ шубӯ̄ донъгодонà
хӯбӯ̄н багà дӯ̄нэрѣ̄н
мэндӯ̆ гэчжѝ дӯланàм

ӯлӯнътӯ̆ голы́ин эхин-дӯ̆
ӯнъгэ́ин шубӯ̄ донъгодонà
уйѣ́ин са́йхан нӯхӯдѣ̄н
мэндӯ̆ гэчжѝ дӯланàм.

Переводъ.

На истокахъ рѣки Хангая
Кукуетъ царь кукушка;
О своихъ любезныхъ и добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На горѣ, называемой высокою,
Кукуетъ птенецъ кукушка;
О своей старушкѣ сѣдовласой — матушкѣ
Я слышу, что (она) здорова.

На истокахъ сѣверной рѣки
Поетъ фазанъ (= золотой соловей);
О своемъ именитомъ и добромъ батюшкѣ
Я слышу, что (онъ) здоровъ.

На истокахъ рѣки Кэрулена
Кукуетъ кукушка;
О своихъ ребяткахъ — младшихъ братьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На истокахъ рѣки Улунту
Поетъ разноцвѣтная птица;
О своихъ сверстникахъ добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

Я съ охотою призналъ бы эту пѣсню прабабушкою всѣхъ современныхъ монгольскихъ пѣсенъ и думаю, что въ самомъ дѣлѣ едвали можно усумниться въ ея относительной старинѣ, потому что въ ней выражается чистая душа монгола, чуждая навѣтовъ

всѣхъ буддійскихъ бредней; эта поэзія — плодъ простой неискаженной природы, въ ней нѣтъ ничего сверхъ естественнаго, причудливаго, необузданно-фантастическаго, однимъ словомъ нѣтъ ничего такого, что создано потомъ у монголовъ буддизмомъ: здѣсь видны только любовь къ природѣ и родинѣ, любовь къ семьѣ и своему кругу, а эти дѣтски чистыя и невинныя чувства *несомнѣнно* лежали въ основѣ развитія всего духовнаго строя монгольской жизни, всего міросозерцанія монголовъ. Да и можно ли заподозрить въ самомъ дѣлѣ нравственное извращеніе въ народѣ, который живетъ буквально господиномъ окружающей его природы, не раздражается дрязгами и коварствомъ общественной жизни, не имѣетъ ни какой нужды прибѣгать къ какимъ либо хитростямъ и обманамъ собрата, который изначала привыкъ къ ограниченности въ своихъ потребностяхъ и никогда не былъ избалованъ нѣгою жизни? Трудно предположить при этихъ условіяхъ нравственную порчу въ человѣкѣ и мы дѣйствительно встрѣчаемъ у древнихъ писателей самые похвальные отзывы о тогдашнемъ монгольскомъ народѣ. Стефанъ Орбеліани слѣдующимъ образомъ характиризуетъ монголовъ: «это народъ безъ Бога и религіи, но соблюдавшій естественные законы, ненавидѣвшій грязные пороки и всѣ гнустныя дѣянія, благомыслящій другъ къ другу, усердный и покорный къ властителю своему, справедливый въ своихъ сужденіяхъ и дѣлахъ» *). Но любя, свое, монголъ не любилъ чужбины и новизны: онъ былъ и до нынѣ существуетъ кочевникомъ, но онъ никогда не терпѣлъ движенія и перемѣнъ, а напротивъ всегда былъ преданъ родному кочевью, всегда горѣлъ желаніемъ къ знакомымъ людямъ, знакомой дѣятельности, знакомой обстановкѣ и пр. Таниху̀ ӱгэ̀й ноѝн—ба́ра, таниху̀ ӱгэ̀й гацза̀ръ—та́му», т. е. незнакомый начальникъ—тигръ, незнакомая мѣстность—адъ, говоритъ онъ въ своей пословицѣ и такимъ образомъ выражаетъ свою крайнюю преданность старинѣ, свое расположеніе къ минувшему и настоящему, однимъ словомъ къ извѣстному. Что ле-

*) Стеф. Орбеліани — стр. 294-я.

жало въ основѣ этого расположенія къ знакомому и нерасположенія къ неизвѣстному, мы не будемъ разбирать подробно, но самый образъ сравненія неизвѣстнаго съ предметами ужаса — тигромъ и адомъ, не даетъ ли прямыхъ указаній на то, что въ основѣ этого нерасположенія къ неизвѣстному лежитъ страхъ. Монголъ страшился и страшится новыхъ людей и новой мѣстности, никогда не желалъ очутиться въ новой обстановкѣ, потому что всегда боялся и боится не совладать со всѣмъ этимъ: онъ боится за свое счастіе, за свою свободу и даже больше—за свою жизнь. Вотъ гдѣ лежитъ основа его удаленія отъ новизны и любви къ старому, знакомому, извѣстному. Какъ бы ни было плохо это старое, оно для него всегда лучше, выше и дороже, потому что онъ сроднился съ нимъ, привыкъ къ нему. «Дѣло пассивной привычки, говоритъ въ своемъ описаніи Монголіи нашъ знаменитый путешественникъ Пржевальскій, у монгола стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ; тутъ передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невзгодамъ и совершенно чуждый всякой активной энергіи».....*) Дасасан гацзарыин дабу цзөөлөн, даса ӱгэй гацзарыин торго цзөөлөн болбачиги, дабунаса дэрэ ӱгэй, — «въ привычной странѣ грубый холстъ (кажется) мягокъ, а шелкъ незнакомой мѣстности, хоть онъ и мягокъ, не лучше холста». Удивительно ли, что послѣ такой привязанности монгола ко всему окружающему, ему трудно разстаться съ родными кочевьями, что оставленіе имъ роднаго крова и улуса составляетъ событіе во всей семьѣ и что покинувшій свою ставку монголъ о ней только и думаетъ на чужбинѣ: родныя кочевья и родныя лица напоминаются ему всемъ и

*) Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ, т. I, стр. 42-я.

вездѣ, какъ въ предыдущей пѣснѣ, гдѣ въ голосѣ каждой птицы пѣвецъ слышитъ вѣсть о здоровьи лицъ, имъ покинутыхъ. Вотъ пѣсня ярко рисующая картину разлуки монгола съ домомъ и чувства, наполняющія его душу въ это время.

буртахта́йн ӱндӱ̀р дабāн-ду
больчжиму̀р шубӯ цуцархàй
больчжѝм холò гацзар-ту̀
болцзōр-тāн я̄чжи хӱрхӱ̀-бѝ

далбакта́йн ӱндӱ̀р дабāн-ду
дальбиря̄ шубӯ цуцархàй,
данъгàн холò гацзар-ту̀
тэмэцэ̄т я̄чжи хӱрхӱ̀ бѝ.

ахтà цагàн тэмэ̄н-дӱ
ачāлачжѝ мордойя̀
āбà э̄чжѝ хоярāн
ухилӯльчжѝ мордойя̀

инъгэ̀ цагàн тэмэ̄йги
эмэ̄лӱ̈льчжѝ мордойя̀
э̄чжи āба хоирāн
ухилӯльчжѝ мордойя̀

ботоготайхàн тэмэ̄йги
бӱйлӱ̈лэчжѝ мордойя̀
бӯрàл цагàн э̄чжійгэ̄н
ухилӯльчжѝ мордойя̀

хуригàн цагàн хонирэ̄н
хоримначжѝ мордойя̀
холò о́йро улусāн
ухилӯльчжѝ мордойя̀

тӱльгэ̀н тӱльгэ̀н хонирэ̄н
тӱ̈лэйлӱ̈льчжѝ мордойя̀
тӱрӱлы́йн олòн улусāн
ухилӯльчжѝ мордойя̀.

чжиргаланътàй-чи болба лà
цзая̄най э̄чжи-дӱ̀ минѝ хӱрмэ̀р-ши
чжибэртэ́й-чи болба лà
чжилгà нутук-ту̀ минѝ хӱрмэ̀р-ши

хӱндӱтэ̀й-чи болба ла̀
хӧхшӣн э̄чжи-дӱ̀ минӣ хӱрмэ̀р-ши
хӱйтӱ̀н мэтӱ̀ болба́чи
хӱндӱ̀й нутук-тӱ̀ минӣ хӱрмэ̀р-ши.

Переводъ.

На высокомъ перевалѣ Буртактайнъ
Жаворонки — утомленные;
Въ условленную, далекую мѣстность
Какъ доѣду я къ назначенному сроку?

На высокомъ перевалѣ Далбактайнъ
Оперившіеся птенцы — утомленные;
Въ подлинно далекую мѣстность
Какъ доѣду я, отправившись?

На бѣлаго верблюда-мерена
Положивъ вьюки, поѣду я;
Своихъ батюшку и матушку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Бѣлую верблюдицу
Заставивъ осѣдлать, поѣду я,
Своихъ матушку и батюшку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Верблюдицу, имѣющую верблюженка,
Зануздавъ, поѣду я;
Сѣдовласую свою матушку
Доведя до слезъ, поѣду я.

Изъ бѣлаго своего ягненка
Устроивъ обѣдъ (буквально—пирушку), поѣду я
И близкихъ, и дальнихъ людей
Заставивъ плакать, поѣду я.

Кроткою, тихою овечкою
Одаривъ каждаго, поѣду я;
Множество своихъ родныхъ
Доведя до слезъ, поѣду я.

Хоть былъ бы я счастливымъ,
Не пріѣхать мнѣ къ моей родимой матушкѣ,
Хоть былъ бы я обладателемъ вѣтра,
Не пріѣхать мнѣ въ зеленыя, родныя кочевья.

Хоть былъ бы я почтеннымъ,
Не пріѣхать мнѣ къ моей старушкѣ-матушкѣ;
Хоть былъ бы я какъ холодный вѣтръ,
Не пріѣхать мнѣ въ обширныя родныя кочевья.

Добавлять что либо въ объясненіе этой картины едва ли нужно; замѣтимъ только, что, уѣзжая изъ дому, монголъ считаетъ далекимъ даже разстояніе какихъ нибудь 50—75 верстъ: въ чужомъ хошунѣ онъ уже чувствуетъ себя неловко, а другой аймакъ для него настоящая чужбина. Это замѣчаніе можетъ быть одинаково отнесено ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ. У нашихъ Хоринскихъ Бурятъ р. Ононъ считается символомъ отдаленности и въ Агинской степной Думѣ выраженіе «на Ононъ» равносильно нашему народному «на край свѣту бѣлаго», хотя Ононъ протекаетъ отъ помянутой Думы всего въ какихъ нибудь 70—80 верстахъ. При проводахъ, какъ видно изъ пѣсни, слѣдуютъ долгія прощанья и отъѣзжающій уже и не надѣется вернуться на родину, такимъ ужаснымъ кажется ему путешествіе. На чужбинѣ монголъ иначе и не можетъ представить себѣ жизнь, какъ крайне тяжелою, вѣчно печальною, проводимою въ постоянныхъ слезахъ.

ичжилѣ̄н санаса̀н мори̇н-ни̇
эмэ̄лѣ̄н шилэхэ̀н ханъгина̄т
э̄чжійгэ̄н санаса̀н абага́йнар
нюлмӱсӱ̀ дусулга̀н ханъгина̄т.
адӯга̄н санаса̀н мори̇н-ни̇
ахтабчи̇ шилэхэ̀н ханъгина̄т
а̄байга̄н санаса̀н абага́йнар
архі́йн дунду̀ ханъгина̄т
нуту̀к бэдэрисэ̀н галӯн-ни̇
нӯрыйги̇ харачжи̇ ганъгона̄т
нутуга̄н санаса̀н абага́йнар
нюлмӱсӱ̀ дусулга̀н ханъгина̄т
гацза̀р бэдэрисэ̀н галӯн-ни̇
ганъга̄н харачжи̇ ганъгона̄т

гацзарāн санасāн абагáйнар
архíйн дундỳ ханъгинāт.

Переводъ.

Вспомнившій свои (родные) табуны конь
Звучитъ, потрясая своимъ сѣдломъ;
Молодицы, вспомнившія свою матушку,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Вспомнившій свой табунъ конь
Звучитъ, потряхивая привѣсками (сѣдла);
Молодицы, вспомнившія своего батюшку,
Всхлипываютъ среди пира (буквально—водки).

Гусь, искавшій пристанища,
Гогочетъ, увидавши озеро;
Молодицы, подумавшія о своихъ кочевьяхъ,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Гусь, искавшій мѣста,
Гогочетъ, увидавши свои берега;
Молодицы, подумавшія о своей землѣ,
Всхлипываютъ среди пира.

При такой нерасположенности къ странствованіямъ и чужбинѣ, при такой преданности и любви къ своимъ роднымъ кочевьямъ, естественно, что монголъ большую часть своей жизни проводилъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, переходя только съ извѣстной лѣтовки на знакомую зимовку; онъ былъ кочевникомъ, мѣняющимъ свое мѣстожительство, но не скитальцемъ, не знающимъ куда онъ идетъ, гдѣ остановится и долго-ли будетъ жить на мѣстѣ своей стоянки. Монголу извѣстенъ былъ районъ его кочевокъ: съ раннихъ лѣтъ онъ изучалъ въ немъ каждую горку и каждый ручеекъ и за симъ уже привыкалъ къ этой мѣстности такъ, что не хотѣлъ съ нею никогда разстаться. Спрашивается однако, что же дѣлалъ монголъ не живя въ обществѣ, не имѣя понятія о широкой общественной дѣятельности, не ведя на дому у себя никакого хозяйства, требующаго бдительнаго надзора и своевременнаго хлопотливаго ухода, занимаясь однимъ только ско-

товодствомъ, или точнѣе охраненіемъ своихъ стадъ, ибо объ уходѣ за скотомъ, какъ намъ извѣстно, онъ также никогда не имѣлъ понятія? Здѣсь открывается намъ другая черта характера монгола, безъ сомнѣнія воспитавшаяся и развившаяся въ его природѣ уже подъ вліяніемъ первой, — я говорю о созерцательномъ направленіи присущемъ духу монголовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе какъ не то, что въ душѣ монгола, проживавшаго весь свой вѣкъ въ широкой, раздольной степи, всегда однообразно тянувшейся предъ его глазами и только по мѣстамъ ограничиваемой увалами и приземистыми горками, не видавшаго ничего кромѣ этой степи, зарождалась мысль такая же широкая какъ эта степь. Одинокая жизнь въ этомъ раздольи круга, тишина, возмущаемая развѣ только шелестомъ колеблемой вѣтромъ травы, все это могло способствовать лишь тому, чтобы монголъ болѣе и болѣе входилъ въ самого себя. Карауля свои стада, онъ прислушивался къ этому шелесту травы, журчанью ручейка, треску кузнечиковъ, щебетанію птичекъ; онъ видѣлъ кропотливый трудъ и торопливую дѣятельность насѣкомыхъ, онъ обращалъ вниманіе на вѣчное теченіе солнца и луны, на постоянно смѣняющіяся облака и въ его душѣ возникало представленіе о жизни цѣлаго міра, въ которомъ кипѣла дѣятельность, въ которомъ все куда то стремилось. Къ чему и для чего, по какимъ законамъ совершается этотъ круговоротъ жизни? Вотъ вопросы, которые зарождала въ душѣ монгола степь и отвѣты на нихъ были всегда также неясны, какъ небольшія горки, виднѣвшіяся въ синевѣ ея далекаго горизонта. Еще далѣе и эта мысль заставляла его сосредоточиться въ самомъ себѣ, искать въ себѣ связи съ природой и сравнивать съ нею жизнь человѣка, слѣдя за нимъ со дня появленія его на свѣтъ до паденія неподвижнымъ и бездыханнымъ трупомъ. Въ чемъ эта тайна бытія, откуда его начало и гдѣ его заставляющій сжиматься сердце конецъ? Отвѣты опять неопредѣленны, мрачны, унылы и неприглядны какъ и самая жизнь кочевника. Такимъ представляется мнѣ вліяніе степи на духовную жизнь и дѣятельность монгола и

справедливость этого тѣмъ болѣе кажется мнѣ несомнѣнною, что монгольская степь едва ли не на всѣхъ посѣщавшихъ ее кладетъ одно и тоже впечатлѣніе. «Видъ монгольскихъ степей, говоритъ въ своихъ «вспоминаніяхъ» Гюкъ, не пробуждаетъ ни радости ни грусти, но смѣсь того и другаго, какое то меланхолическое, религіозное ощущеніе, которое возвышаетъ душу, не отвлекая ее совершенно отъ земли» *). У Тимковскаго и Ковалевскаго видъ монгольскихъ степей также порождалъ созерцательное настроеніе духа; но первый изъ нихъ скупъ на описанія своихъ чувствованій вообще **), втораго же степь очевидно заставила пережить тѣ минуты, въ которыя человѣкъ чувствуетъ себя частью общаго міроваго круга и душа его какъ бы проникаетъ всю окружающую природу и сливается съ ней ***). Нужно-ли говорить послѣ сего что на монгола, какъ на менѣе развитаго и поглощеннаго общественными интересами, а потому и болѣе близкаго къ природѣ, степь могла производить еще больше впечатлѣнія, а при своемъ постоянномъ вліяніи на его душу образовать въ ней и наклонность къ созерцаніямъ? Обратимся однако къ пѣснямъ и посмотримъ дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли созерцательное направленіе присуще духу монголовъ; потому что составляя характерную черту цѣлаго народа, оно необходимо должно отразиться въ его пѣсняхъ. Можно сказать, что созерцательнымъ характеромъ проникнуты почти всѣ творенія монголовъ и что почти въ каждомъ изъ нихъ проглядываетъ какое-то уныніе, какая то тоска души, мучимой неразрѣшенностью вопросовъ жизни; но этого мало, мы находимъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ даже цѣлыя пѣсни съ такимъ рядомъ вопросовъ. Пѣвецъ обращается въ такихъ пѣсняхъ и къ солнцу, и къ лунѣ, и къ животнымъ, однимъ словомъ ко всей природѣ, отвсюду представляются ему вопросы и отвсюду ищетъ онъ на нихъ отвѣта.

---

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I p. 59.

**) Тимковскій. Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію Т. I стр. 214.

***) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай ч. I стр. 20.

нарàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀,
орохò йн я̄хаб?
нагхàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀,
өтөльхө̆ йн я̄хаб?

гхарà бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
орохò йн я̄хаб
нагхàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
өтөльхө̆ йн я̄хаб

сагхàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
хайлахò йн я̄хаб
нагхатàн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
мордохò йн я̄хаб.

ӯлэн бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
хорохò йн я̄хаб
ӱгхӱтэ̀н бáйзыш гэгхэ̄рэ̀
мордохò йн я̄хаб.

Переводъ.

Скажешь: солнце, стой ты!
Что же значитъ его захожденіе?
Скажешь: вѣкъ, постой ты!
Что же значитъ, что онъ старѣетъ?

Скажешь: луна, стой ты!
Что же значитъ ея захожденіе
Скажешь: вѣкъ, постой ты!
Что же значитъ, что онъ старѣетъ?

Скажешь: снѣгъ, останься ты!
Что же значитъ его таяніе?
Скажешь: старцы, останьтесь вы!
Что же значитъ ихъ отправленіе (смерть)?

Скажешь: облако, стой ты!
Что же значитъ, что оно скрывается?
Скажешь: волосатые (старики), стойте вы!
Что же значитъ ихъ отшествіе (смерть)?

Эта пѣсня по составленію принадлежитъ Иркутскимъ Бурятамъ, уже давно считающимся только выходцами изъ Монго-

ліи и шаманистамъ по вѣрѣ, но я нарочито привелъ ее какъ лучшее свидѣтельство характера монгольскихъ племенъ вообще; при томъ моею цѣлью было главнымъ образомъ показать естественное направленіе монгольской мысли къ созерцанію, доказать, что оно во все не было навѣяно на душу монгола буддизмомъ, а всегда лежало въ его душѣ и развивалось почти единственно при вліяніи быта монгола и природы его окружающей. Можно сказать даже, что буддизмъ не развилъ въ монголахъ созерцательность, а уменьшилъ ее; потому что онъ умиротворилъ безпокойный духъ монгола, давъ ему болѣе или менѣе удачные отвѣты на тревожившіе его вопросы. Отсюда же намъ дѣлаются до нѣкоторой степени и болѣе понятны причины успѣха буддизма въ Монголіи. Своимъ возвышеннымъ ученіемъ о совершенствѣ духовной природы человѣка, буддизмъ пробудилъ въ монголѣ самосознаніе и указалъ ему ясную цѣль жизни, къ которой долженъ стремиться человѣкъ; ученіемъ о тлѣтворности матеріи онъ глубоко потрясъ и безъ того уже впечатлительную по природѣ душу монгола: сгруппировавъ въ одно цѣлое всѣ превратности человѣческой жизни и жизни міра, которыя по частямъ еще и прежде поражали душу монгола, онъ нарисовалъ ему страшную картину уничтоженія и муки, передъ которою монголъ падалъ въ безсиліи противоборства мысли и дѣятельности; наконецъ обѣщаніемъ сверхъ естественной помощи могущественныхъ буддъ на пути спасенія онъ вселилъ въ неразвитомъ и потому естественно робкомъ монголѣ увѣренность въ возможности счастія въ будущей жизни — въ блаженномъ царствѣ Сукавади. Послѣднее буддизмъ конечно не преминулъ очертить причудливыми и привлекательными красками, болѣе всего подходящими къ духу монгола. Въ такомъ видѣ являлось ученіе этой религіи собственно для народа, ибо народу были и конечно всегда будутъ чужды высшія философскія идеи и основы буддизма. Такимъ образомъ, пришедшись съ самаго начала по духу монголовъ и овладѣвая ими все больше и больше по мѣрѣ того какъ падала политическая самостоятельность этого народа, буддизмъ наконецъ всецѣло сроднился съ этимъ наро-

домъ, когда онъ началъ совершенно падать подъ гнетомъ Китая и постоянно повторяющимися физическими бѣдствіями. Предотвратить то и другое, бороться съ этимъ гнетомъ и этими бѣдствіями монголъ не могъ, у него не хватало для этого ни силъ, ни умѣнья, ни ловкости; понятно, что въ этомъ безсиліи и страданьи, этомъ безъисходномъ положеніи на землѣ, для него было утѣхою мечтать о счастіи хоть даже не въ этой, а только въ будущей жизни. Теперь буддизмъ уже торжествовалъ, пріобрѣвъ возможность предписывать какія ему угодно правила народу съ полною надеждою, что онѣ не останутся безъ исполненія. И вотъ онъ прежде всего увеличиваетъ число своихъ обязательныхъ сыновъ, вербуетъ людей въ духовное званіе и въ настоящее время достигъ уже того, что въ Халхѣ $^5/_8$ мужскаго населенія сдѣлалось ламами и каждая женщина, достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста принимаетъ обѣты монахини, если уже не приняла ихъ раньше. Проповѣдуя величайшее уваженіе къ жизни и не дозволяя убивать даже животное, буддизмъ не только смягчилъ, но и совершенно уничтожилъ прежній воинственный духъ монголовъ: онъ убилъ въ нихъ всякую энергію жизни своею проповѣдью о ничтожествѣ этого міра, и теперь монголъ, подъ предлогомъ совершенствованія своего внутренняго существа, а на самомъ дѣлѣ пожалуй и просто по лѣни, проводитъ цѣлую жизнь ничего не дѣлая и безсмысленно повторяя шесть пресловутыхъ слоговъ. Замѣчательно, что это сантиментальное направленіе теперь такъ уже въѣлось въ душу монголовъ, что слѣдующая пѣсня ихъ въ самомъ дѣлѣ совершенно характеризуетъ идеалъ жизни по мысли и чувству почти каждой особи.

аглага̀ хада̀йн мухур-тў
амўр гахца̄ра сӯмна̀й
алўс хэрэгӭн бӯтэ̄хчи
ашида̀ дэ̄дӱйн чжиргалта̀й бѝ.

ӱбӱтбэ̀чи цзобохў ӱгэ̀й
ӱхӱнэ̀ гэчжѝ гэмшихў ӱгэ̀й

ӱнэ̀н сэтхилы́йги барихчѝ
энъкэ́ *) са́йхан чжиргалта̀й бѝ.

харамлачжѝ хуря̄ху э́д ӱгэ̀й
хагацачжѝ ядаху̀ э̀д ӱгэ̀й
хатӯ сэтхилы́йги барихчѝ
хабута̀й са́йхан чжиргалта̀й бѝ.

ноилахдаху̀ алба̀ ӱгэ̀й
номогатхаху̀ да́йсун ӱгэ̀й
номы́ин мӱры́йги санахчѝ
ӱнэ̄рэ **) са́йхан чжиргалта̀й бѝ.

нюр̄ хараху̀ ӱнъгэ̀ ӱгэ̀й
нэрэ̀ цза̄ху орѐн ӱгэ̀й
нэбтэ̀ номы́йги шӱтӱхчѝ
нигэ̀ йэхэ̀ чжиргалта̀й бѝ.

Переводъ.

(Тотъ кто), сидя спокойно и одиноко
На утесѣ уединенной скалы,
Исполняетъ свои отдаленныя нужды,
Обладаетъ вѣчнымъ и высочайшимъ наслажденіемъ.

(Тотъ кто можетъ) хоть бы и заболѣлъ — не страдать,
Думать о смерти и не скорбѣть,
(Кто) право мыслитъ
Обладаетъ мирнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.

(Тотъ кто) не имѣетъ вещей, которыя (онъ) собиралъ бы корыстолюбиво,
Не имѣетъ вещей, съ которыми не хватитъ (у него) силъ разстаться,
(Кто) твердо мыслитъ,
Обладаетъ прочнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.

(Тотъ кто) не имѣетъ службы, въ которой являются правители,
Не имѣетъ врага, котораго нужно умиротворять,
(Кто) думаетъ о путяхъ священнаго закона,
Обладаетъ по истинѣ прекраснымъ наслажденіемъ.

---

*) По другой редакціи это слово замѣнено словомъ «унэ̄рэ» — по истинѣ.
**) По другой редакціи это слово замѣняется словомъ —«насуда»—вѣчно.

(Тотъ кто) не имѣетъ красоты, чтобы засматриваться на лицо,
Не имѣетъ мѣста, чтобы выставлять свое имя,
(Кто) проникается надеждою на священное ученіе
Обладаетъ великимъ наслажденіемъ.

Таковы были стихіи, вліявшія на образованіе характера современныхъ монголовъ и представленная пѣсня есть наивѣрнѣйшій образецъ того равнодушія къ жизни, той усталой лѣни, той апатіи и той вялой неподвижности, которая поражаетъ теперь каждаго при встрѣчѣ и знакомствѣ съ монголомъ. Такимъ образомъ, выражая общее направленіе народнаго духа, пѣсня эта необходимо характеризуетъ и общее направленіе современной народной поэзіи у монголовъ. Никто не станетъ возражать, что въ большей или меньшей степени представленныя условія жизни относятся одинаково ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ; если же это такъ, то и создавшійся подъ вліяніемъ ихъ характеръ народа и направленіе его пѣсенной поэзіи необходимо должно быть до извѣстной степени одинаково. За всѣмъ тѣмъ не возможно предположить, чтобы различныя племена не отличались между собою въ частностяхъ и на нихъ то мы теперь обратимъ наше вниманіе, разсматривая какія особенности замѣчаются въ поэзіи каждаго племени, въ чемъ сходятся и различествуютъ образцы ихъ творчества при единствѣ ихъ общаго направленія? Само собою разумѣется, что эти разности могли создаться только при вліяніи различныхъ обстоятельствъ жизни и всецѣло зависятъ отъ нихъ; поэтому то наше разсмотрѣніе необходимо должно будетъ по мѣстамъ касаться исторіи каждаго отдѣльнаго племени.

Пѣсни Халхаскихъ монголовъ.

Изъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, входящихъ въ составъ нашего изслѣдованія, Халхаскіе Монголы, кажется, самый не поэтическій народъ. Пѣсенъ эпическаго характера они не имѣютъ теперь вовсе, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія почти исключительно въ странѣ Халхасовъ, я ни разу не

слыхалъ ни одной такой пѣсни. У Тимковскаго записана одна военная пѣсня, носящая на себѣ нѣкоторый оттѣнокъ народнаго эпоса, но въ разговорахъ съ монгольскими пѣвцами я никогда не слыхалъ отъ нихъ, чтобы пѣсня эта была извѣстна современнымъ Халхаскимъ Монголамъ. Объяснить это странное явленіе отсутствія историческаго эпоса въ халхаскихъ народныхъ пѣсняхъ довольно трудно, хотя конечно не невозможно, ибо если даже и предположить, что эпическія пѣсни сохранились въ народѣ и что я былъ только несчастливъ въ нахожденіи ихъ, то и тогда необходимо должны быть причины, по которымъ онѣ являются на столько не распространенными въ народѣ, что почти вовсе чужды устамъ его. Всматриваясь въ народный характеръ и исторію Халхасовъ можно находить два главнѣйшихъ обстоятельства, подавившихъ халхаскій эпосъ: одно изъ нихъ это то, что Халхасы слишкомъ давно уже перестали жить самостоятельною политическою жизнію; второе—принятіе ими буддизма, убившаго у нихъ стремленіе ко всякаго рода подвигамъ, заставившаго ихъ съ ужасомъ смотрѣть на минувшее прошлое, славное для монголовъ только войною и геройсвомъ въ набѣгахъ, да наконецъ едва ли не подавившаго въ нихъ и любовь къ родинѣ. Какому изъ этихъ обстоятельствъ должно быть отдано преимущество, и какое изъ нихъ потому нужно считать главною причиною, сказать не рѣшаемся положительно: не сомнѣнно, что въ послѣднее время онѣ дѣйствовали совокупно съ одинаковою силою, но по первоначалу преимущество едва-ли не принадлежитъ буддизму. За недостаткомъ историческихъ данныхъ мы не можемъ указать времени, съ котораго Халхасы перестали существовать самостоятельно, хотя намъ и не безъизвѣстно, что сами китайцы подчиненіе халхаскихъ аймаковъ относятъ къ періоду 1636—1639 г.*) 1688-й годъ, въ который совершилось оффиціально подданство Халхасовъ маньчжурскому дому, конечно не можетъ быть указанъ съ этою цѣлью, ибо намъ достовѣрно из-

*) Ванъ гунг-уд'ун илэтхэль шастиръ. Тетр. 62-я Л. 4-й.

вѣстно, что еще въ первомъ году правленія Тай-цзуна (1636) Халхасы посылали дань Маньчжурамъ. Правда она была представляема во видѣ подарковъ, тѣмъ не менѣе въ 1637 году Маньчжурами былъ обнародованъ указъ, обязывавшій Халхасовъ ежегодно доставлять такъ называемыхъ «девять бѣлыхъ» *) и ни одинъ изъ халхасовъ хановъ не возражалъ на это возложенное на нихъ обязательство. Шунь-чжи уже преспокойно распоряжался Халхасами и въ 1655 году раздѣлилъ Халху сначала на 8 хошуновъ, а потомъ на два крыла; въ Халхасахъ мы снова не видимъ ничего кромѣ раболѣпнаго подчиненія нововведеніямъ и какого то страннаго тяготѣнія къ жизни въ зависимости отъ другихъ, — имъ какъ будто хотѣлось подставлять свою шею подъ это ярмо подчиненія. Китайцы характеризуютъ Халхасовъ этого періода въ слѣдующихъ словахъ: «сначало Халха господствовала въ сѣверной степи, но потомъ вполнѣ предалась ламамъ и изученію тарни и пренебрегла военнымъ дѣломъ; къ тому же аймачные начальники предались пьянству и тѣмъ сами себя губили **). Такимъ образомъ Китайцы, отъ которыхъ собственно мы можемъ ожидать самыхъ положительныхъ свѣденій объ этой эпохѣ, паденіе гражданскаго строя Халхасовъ ставятъ въ зависимости и почти какъ прямой результатъ развитія буддизма. Что это дѣйствительно такъ, и что буддизмъ въ самомъ дѣлѣ тогда уже всецѣло овладѣлъ душею монголовъ, подтвержденіе того мы находимъ не только въ лѣтописяхъ того времени, испещренныхъ только сказаніями о построеніи монастырей, но даже и въ образцахъ народной литературы той эпохи. Въ монгольской лѣтописи Эрдэнійнъ эрихэ въ числѣ событій, относящихся къ 1696 г., помѣчено слѣдующее: «Въ тотъ годъ ойратскій Галданъ бѣжалъ и умеръ, а Халхасцевъ возвратили на р. Толу. Три халхаскихъ хана, ваны, бэйлэ, бэйсэ и тайчжи, возвратившись каждый въ свои жилыя кочевыя и устроившись, по старому соединились на

*) Эрдэнійн эрихэ гл. 41 листъ 77-й.

**) Шэнъ-у-цзи, III цзюань.

сеймѣ. Когда приготовили пиръ, то Пунъ-хуръ тонъ-наръ, снарядивъ лошадь, пустилъ ее въ бѣгъ вмѣстѣ съ другими лошадьми. Она опередила всѣхъ и дарханъ-цинь-ванъ, восхваляя ее, составилъ стихи «Тумэ́ни эхѝ» *). Должно замѣтить, что пѣсня эта была въ тоже время записана, и что она до нынѣ непремѣнно поется во время скачекъ лошадей на сеймѣ халхаскихъ ноиновъ, извѣстномъ подъ именемъ «долōн хошӯнай цӯлган» и долженствующемъ бывать въ Ургѣ чрезъ каждые три года. Вотъ ея слова.

эрдэнитӱ̀ хӱмӱнэ̀й бэйѣ́йги олōт,
эдэгэ̀р бурӯ ӱйлэ̄сэ цзайлӯла̄т,
энэ̀ ба хо́йту хоѝр ябудалы́йги
са́йтур бӱтэ̄хӱйги шӱтӱлтэ̀й-цзэ

шачжѝн номыйга̄н тулада̀
амѝн цзӱрхѣ̄н тальбичжѝ
са́йхан тӱрӱйгэ̄н тулада̀
аго́й чинэ̄р шӱтӱлтэ̀й-цзэ.

олòн цзаса̀л актайга̄н доторōсо
ольчжѝ чжиксахòй-ду хӱлӱгы̀йн ба́йдалта̀й
ӱсӱргэхӱ̀й на̄дум-ду́
ӱлэмчжѝ гō морѝ бѝ

тата̄т ба́йхуйн цак-ту̀
даса̀н дэмнӱ̄лэ̄т,
тальбя̄т ирэхӱ̀йн цакту̀
тасурха̀й тэрю̄льчжѝ ирэхчѝ
тэрэ̀ тӱмэ́ни эхѝ морѝ бѝ.

дӱргэрэхӱ̀й йэхэ̀ дӯта̀й
дӱрбӱн йэхэ̀ чжигӯртэн цзоныйга̄н сара-ду̀
дӱргэрэ̀н эргисэ̀н и минъга̀н
толи-ту̀ гольшѝк буритуна̀й-цза̀

арба̀н цага̀н буина̄р
цагыйга̄н нӱхцэ̄чжи
аму̀ръ чжирга̀л тава̀ръ баса̀ баса̀ учираху̀
олòн морина̀й цзōцзай батудаху̀йн бэлэ̀к болтога̀й

---

*) Эрдэнійн эрихэ гл. 42 листъ 93-й.

ӱцзэхӱй-дӱ, ламайга̄н гэнэ̀н-ни ӱцзэчжѝ
соносхо̀й-ду ӱхчитэ̀й номы́йн дӯн-ни соносчѝ
Сэтхѝль-дэн са́йтур ханъначжѝ
йосоту̀ хӱсэ̀льни тэрэ̀ бѝ.

эрхѝм дэ̄дӱ ламайга̄н адиса̄р
эцзэ̀н дэ̄дӱ йэхэсы́йн манѝ тӱрӱ́йн тӱшилгэ̀ни батутчѝ
алиба̀ са́йхан тава̀р ӱйѣлэчжѝ
цзэ! цэнъгэчжѝ чжиргахо̀й манѝ бэлэ̀к болтога̀й.

Переводъ.

Получивъ драгоцѣнное человѣческое тѣло
И избавившись отъ этакихъ несправедливыхъ дѣлъ,
Должно (намъ) заботиться о надлежащемъ исполненіи
Дѣяній настоящихъ и для будущаго.

За свои вѣру и ученіе
Положивъ свою жизнь и душу,
Ради своего прекраснаго правленія
Должно (намъ) стараться изъ всѣхъ силъ.

Изъ среды многихъ снаряженныхъ лошадей
Нашлась имѣющая видъ арамака при сравненіи (съ другими)
(И) Для скачки
Самая прекрасная лошадь.

Привыкшая подаваться
Въ то время какъ держатъ,
Прибѣгающая напередь отдѣльно
Въ то время какъ пустятъ,
Это — лучшая изъ десятковъ тысячь лошадь.

Шумные и громкозвучные
Четыре большіе крылатые, въ лѣтнее время
Шумное вращаніе ихъ
Полно тысяче лучезарной щеголеватости.

Да будетъ это залогомъ, чтобы, проводя свое время
Въ десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ,
Мы снова и снова сходились въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ
И были бы крѣпки подошвы множества лошадей.

При смотрѣніи видѣть ликъ ламы,
При слушаніи слышать голосъ благозвучнаго ученія,
Быть совершенно довольнымъ въ своихъ мысляхъ
Это и есть истинное пожеланіе.

Да будетъ же это залогомъ, чтобы благословеніемъ
нашего верховнаго ламы
Утвердились основы правленія нашего повелителя
и верховныхъ вельможъ
И мы, со всякимъ благополучіемъ, переходя изъ по-
колѣнія въ поколѣніе,
Ликовали и радовались.

Смотря на содержаніе этой пѣсни можно прежде всего удивляться, что это похвальная рѣчь скаковой лошади; потому что въ ней столько же говорится о скаковой лошади, сколько объ отношеніяхъ человѣка къ религіи и государству и, наконецъ, представляется почти невѣроятнымъ, чтобы эта пѣсня составлена была въ то время, къ которому она дѣйствительно относится по своему составленію. Мы знаемъ, что передъ симъ Халхасы вынесли страшную борьбу съ Ölötами, что въ этой борьбѣ оказали услуги и отличились нѣкоторые изъ ихъ ноиновъ, что въ этотъ же періодъ войнъ Халхасы вступили въ подданство къ Маньчжурамъ, были на нѣсколько лѣтъ отторгнуты отъ родныхъ кочевьевъ и теперь, когда возвратились они на родину, и устраиваютъ первое народное торжество, одинъ изъ представителей ихъ народныхъ поэтовъ слагаетъ такую пѣсню! Для него какъ будто не существовало прежнихъ бурныхъ событій, онъ забылъ недавніе подвиги своихъ собратьевъ, его не поражаетъ даже возвращеніе на родину, онъ остается безучастнымъ ко всему этому и вся рѣчь его поглощена объясненіемъ обязанностей къ ламѣ и вѣрѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ вѣрноподданническихъ словъ о своемъ государѣ. Какой же эпосъ можетъ быть ожидаемъ отъ такого народа, который совершенно молчитъ о своихъ герояхъ и событіяхъ даже въ то время, когда въ душѣ его такъ живо впечатлѣніе о нихъ, когда все существо его казалось должно было бы быть такъ сильно поражено недавно минувшимъ прош-

лымъ?! Вмѣстѣ съ симъ эта же пѣсня свидѣтельствуетъ и о степени распространенія буддизма у Халхасовъ того времени и ихъ преданности его ученію. Иначе, впрочемъ, это не возможно и предположить: Сананъ сэцэнъ хунъ-тайчжи, описывая въ своей лѣтописи жизнь монголовъ, еще за 120 лѣтъ до этого времени, т. е. приблизительно съ 1576 г., уже перестаетъ говорить о монголахъ какъ о народѣ, живущемъ свѣтскою, гражданскою жизнію, и всѣ сказанія его или прямо излагаютъ событія, рисующія успѣхи буддизма въ Монголіи, или же на половину переполнены съ описаніемъ буддинскихъ вѣрованій, сужденій и обрядовъ монголовъ*). Такимъ образомъ, еще за 120 лѣтъ до времени — подданства Китаю, буддизмъ уже очевидно руководилъ дѣйствіями монголовъ какъ въ политической, такъ равно и въ общественной и домашней ихъ жизни. Кромѣ этого, уже чисто фактическаго доказательства о положеніи буддизма въ Монголіи, мы можемъ судить объ его тогдашней силѣ и по развитію его въ настоящее время, потому что въ самомъ дѣлѣ какой бы то ни было религіи необходимо не мало усилій и времени для овладѣнія сердцами своихъ поклонниковъ на столько, чтобы $^5/_8$ всего населенія страны подѣлать монахами, даже и въ томъ случаѣ, если бы съ этимъ званіемъ она не требовала исполненія духовныхъ обѣтовъ, а только отрѣшала, какъ и вездѣ, отъ права на гражданскую дѣятельность. Но развѣ это мыслимое дѣло въ какой бы то ни было религіи? Всякая изъ нихъ на своихъ жрецовъ налагаетъ извѣстныя обязанности, ограниченія, требуетъ отъ нихъ преимущества въ религіозной дѣятельности и проч. Положимъ, что все это можетъ быть не исполняемо, однако и для этого нужно время и, мнѣ кажется, что даже не мало времени требуется на то, чтобы заглушить въ вѣрующемъ человѣкѣ сознаніе о необходимости исполненія духовныхъ обязанностей и заставить его легко смотрѣть на нихъ. А между тѣмъ монголы дошли уже до этого состоянія: ихъ ламы, вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ открыто

*) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, p. 225.

съ женами и имѣютъ дѣтей; пьютъ вино какъ воду, хотя будда въ старину одно изъ своихъ безчисленныхъ перерожденій спеціально посвятилъ на проповѣдь о грѣховности пьянства *); приносятъ подарки, стоющіе десятки тысячь рублей **), хотя первое правило ламы — крайняя нестяжательность; наконецъ они прославились даже и какъ разбойники: — въ 1794 году пекинское правительство лишило правъ на дальнѣйшія перерожденія гобійскаго Ноинъ-хутухту за его разбои съ своими шабинарами ***). За всѣмъ тѣмъ лама всетаки остается ламою: въ дѣтствѣ онъ изучаетъ священныя книги и пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе обширныя познанія объ ученіи буддизма; возмужавъ, онъ, по крайней мѣрѣ наружно, старается казаться погруженнымъ въ дѣла вѣры: часто вздыхаетъ, говоритъ о священномъ, читаетъ молитвы, перебираетъ четки, и т. д. и т. д. Что же могла получить при господствѣ такого ханжества въ народѣ, народная пѣсенная поэзія? Само собою разумѣется, что будучи вѣрнымъ выраженіемъ народнаго духа, она стала изображать народныя религіозныя воззрѣнія. Такимъ образомъ народныя пѣсни превратились въ молитвы, съ разнообразнымъ содержаніемъ то хвалы, то прошенія, напр.

абуралтӯ дэ̄дӯ ламà минӣ
амурлинъгóйн байдалтàй
арбàн цзӯгы́йн бурхàн ни
абурàн тэтхӯн соирхà.

гэйгӯлӯхчӣ Дамдӣн дорлйк
гэгэ̀н дошхйн дӯритэ̀й
гэмтэ̀н хамӯк дайсуны́йги
ганцахàн сáйтур даруба̀.

---

*) Ба бурун'у бурханъ бахши эртэ бодисатва тэнърійн эрхин хомхату Хормуста болон мэндулэхсэн'у домок. Рукопись с.-петербургской университетской библіотеки, № 1576.

**) Путешествіе Чжэбцзун дамба хутухты въ Эрдэни Цзу. Листъ 7-й. На монгольскомъ языкѣ рукопись въ моей библіотекѣ. — Позднѣевъ. Ургинскіе хутухты, стр. 28.

***) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Листъ 138.

хамуга̄са ӱлэмчжѝ
харабту̀р хӧхо̆ ӱнъгӱтэ̀й
хара̀ дархàн нэрэтэ̀й
ха̄н больчжѝ сӯба.

хӱрэ̀нъ са̄рал яма́йги
хӧлг̀ӧ болгочжѝ цзаларба̀й
хончжѝр сансàр бӱхӱны́йги
хӱчжі́йн шоро̄го̄р дарубàй.

цусу̀н дала́йн доторò
сольбѝн гурбу̀н нӱдӱтэ̀й
сулà цагàн шӱдӱтэ̀й
цокту̀ помы́йн сакӯсун.

хӱрў хада́ин доторò
хуру̀м цза́ндан ильдӱтэ̀й
хӱрэ̀н болòт цзӱрӱхэтэ̀й
гайхамшихтàй шӱтэ̄н.

шарбалцзаталà ширтэчжѝ
шӱдў бэйѣ̄н ирцза́йчжи
шара́ин шачжинàй дайсуны́йги
шамдачжѝ са́йтур дарубàй.

Переводъ.

Спасительный высокій лама мой
Имѣетъ спокойный видъ;
Будды десяти странъ
Помилуйте и спасите!

Просвѣщающій Дамдинъ-дорликъ
Имѣетъ блестящій, свирѣпый видъ,
Всѣхъ враговъ, приносящихъ вредъ,
Онъ одинъ совершенно сокрушилъ.

Имѣющій видъ черносиній,
Превосходный изъ всѣхъ (черносинихъ),
Онъ носитъ имя черный мастеръ
И сдѣлался царемъ.

На козу изкрасна пепельной масти
Онъ сѣлъ и поѣхалъ;
Все нечистое и матеріальное
Онъ сокрушилъ пепломъ курительной свѣчи.

Среди кроваваго моря
(Стоитъ) имѣющій три круглые глаза и
Оскаленные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Въ срединѣ скалы изъ обнаженныхъ камней,
Съ мечемъ изъ дерева цзанданъ,
Съ сердцемъ изъ темно-бурой стали,
Удивительный предметъ вѣры.

Всматриваясь до выпученія глазъ,
Обнаживъ свое тѣло и зубы,
Враговъ желтой вѣры
Онъ быстро и совершенно сокрушилъ.

Таковы пѣсни, слагаемыя ламами. Онѣ обыкновенно воспѣваютъ бурхановъ, буддъ и бодисатвъ и непремѣнно въ высокопарныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ заученыхъ молитвъ и богослужебныхъ номовъ. Знакомый съ буддійскою литературою монголовъ не усумнится сказать откуда заимствуется и содержаніе такихъ пѣсенъ, какъ представленная о Дамдинъ-дорликѣ: ему тотчасъ же припомнится изучаемый всѣми ламами обрядникъ принесенія балиновъ сакӯсунамъ, въ которомъ предъ началомъ молитвы всякому бурхану напередъ предлагаются правила какъ созерцать этого бурхана: тамъ говорится, что для созерцанія нужно представить пространство міра то пустымъ, то полнымъ человѣческой, или лошадиной крови, то безграничнымъ моремъ, въ которомъ волнуются трехугольныя, или четырехугольныя волны, то, наконецъ, представить составленную изъ извѣстныхъ камней скалу, или изъ какихъ нибудь металловъ гору; на этомъ морѣ или на этой горѣ повелѣвается созерцать божество съ такимъ то лицемъ, со столькими то руками, со столькими то глазами, стоящимъ въ такой то позѣ и пр. и пр., однимъ словомъ бурханъ описывается совершенно такъ, какъ въ представленной нами пѣснѣ.

Среди кроваваго моря
(Стоитъ) имѣющій три круглые глаза,

Оскаленные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Что это дѣйствительно такъ, и что содержаніе религіозныхъ пѣсенъ Халхасы дѣйствительно заимствуютъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ за симъ и взаимное сличеніе религіозныхъ пѣсенъ. Разбирая и сравнивая ихъ между собою, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя воспѣваютъ буддъ, занесенныхъ въ Халху ученіемъ изъ Индіи и Тибета, гораздо болѣе опредѣленности чѣмъ въ тѣхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ другаго рода божествъ, т. е. жившихъ въ Монголіи и даже живущихъ въ ней теперь бодисатвъ — гэгэновъ. Причину этого, какъ мнѣ кажется, прежде всего можно видѣть въ томъ, что составители пѣсенъ сверхъ молитвъ, изъ которыхъ извѣстны имъ точныя, опредѣленныя и болѣе или менѣе разнообразныя сказанія о воспѣваемыхъ ими божествахъ перваго рода, пользуются еще наглядностію изображеній этихъ бурхановъ съ литыхъ статуй или живописныхъ изображеній и такимъ образомъ могутъ описывать всѣ подробности ихъ по рисунку, тогда какъ ни того ни другаго не имѣютъ они въ отношеніи къ своимъ живымъ божествамъ. Впрочемъ, за исключеніемъ подробностей внѣшняго изображенія, найдти въ пѣсняхъ что либо особенное относительно изложенія внутреннихъ личныхъ свойствъ, или какихъ либо подвиговъ извѣстнаго бурхана, однимъ словомъ найдти легендарную буддійскую пѣсню положительно невозможно. Я полагаю, что это обусловливается съ одной стороны незначительностію знаній Халхасовъ, а съ другой ихъ преданностію къ буквѣ писанія и не терпимостію къ понятіямъ о предметахъ ихъ вѣрованій, не заключеннымъ въ письменность. Не изучая ничего кромѣ молитвъ, содержащихъ въ себѣ только краткое и отвлеченное изображеніе свойствъ бурхановъ, Халхасъ естественно имѣетъ о нихъ только общее понятіе; а отъ того и все то, что говоритъ онъ объ одномъ божествѣ, можетъ быть безошибочно перенесено на другое, такъ какъ все это сказанное

обыкновенно состоитъ изъ общихъ отвлеченныхъ понятій объ отношеніяхъ божества къ природѣ, послѣдователямъ желтой вѣры и врагамъ ея. Народныхъ религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій Халхасы не привносятъ въ свои пѣсни и это несомнѣнно только потому, что проповѣдники буддизма, съ самаго начала введенія его въ Халхѣ, научили народъ заимствовать религіозныя вѣрованія только изъ книги, изгоняли изъ умовъ народа всякое шаманское представленіе о буддійскихъ божествахъ и всѣми силами старались распространить въ народѣ грамотность. Мы знаемъ, что Шиддиту габчжу въ первые же годы по введеніи Абатай ханомъ буддійской вѣры, отправилъ молодыхъ людей изъ Халхасовъ къ Чахарамъ для обученія грамотѣ, а въ Халхѣ основалъ коммисіи для перевода религіозныхъ книгъ на монгольскій языкъ*); естественно отсюда, что народъ халхаскій съ перваго же раза получилъ богатство готовыхъ образовъ для представленій о своихъ новыхъ божествахъ и потому не нуждался въ олицетвореніи ихъ и созданіи для нихъ какихъ либо новыхъ формъ. Въ послѣдствіи, когда въ Халхѣ усилилось почитаніе гэгэновъ и увеличилось количество ихъ, Халхасы перенесли на нихъ тѣже свойства, какія приписывались и бодисатвамъ индійскимъ и тибетскимъ, но само собою разумѣется, они не могли облечь ихъ въ тѣ внѣшнія формы, въ какихъ представлены имъ были эти послѣдніе бурханы. Не находя ничего особеннаго во внѣшнемъ видѣ своихъ живыхъ боговъ, Халхасы невольно должны были воспѣвать ихъ нравственную природу и ограничиться похвалами ихъ добродѣтели и святости; отъ того всѣ пѣсни про монгольскихъ хутухтъ до того общи по мысли и выраженіямъ, что если въ пѣснѣ не находится собственнаго имени, то совершенно невозможно опредѣлить, въ честь какого хутухты она составлена. Какъ на курьезъ, произшедшій отъ этой общности, можно указать на извѣстный въ средѣ монго-

*) Эрдэни-цзу-йн тэухэ. Л. 13-й. — Эрдэнійнъ эрихэ. Гл. 39-я. Л. 76-й.

ловъ споръ, возникшій на одномъ изъ халхаскихъ сеймовъ между Тушѣту ханомъ и кэшиктенскимъ владѣтельнымъ тайчжи*) изъ за одной пѣсни, составленіе которой каждый приписывалъ своему хошӯну. Пѣсня эта начинается слѣдующими словами:

---

*) Кэшиктэнскій хошӯнъ находится въ средѣ такъ называемыхъ внутреннихъ монголовъ и принадлежитъ къ Цзу-уда'скому сейму. Земли его располагаются къ с.-в. отъ Гу-бэй-коу (Молтоши халга) и отстоятъ отъ этого прохода на 570 ли, а отъ Пекина на 810 ли. Съ востока на западъ все владѣніе Кэшиктэнъ имѣетъ протяженіе 334 ли, а съ юга на сѣверъ 357 ли; граничитъ оно на востокѣ съ хошӯнами Онютскимъ и Баринь; на западѣ съ Хучитъ и съ чахарскими пастьбищными землями простаго синяго знамени; на югѣ съ Онютскимъ и на сѣверѣ съ Учжумуциньскимъ хошӯнами. Владѣтельныхъ князей этого хошӯна китайцы начинаютъ считать съ нѣкоего Шаралда, который былъ внукомъ Очиръ-болота, сына Даянъ сэцэнъ-хана и первый получилъ титулъ Мэргэнъ нояна; съ этого же времени якобы и хошӯнъ получилъ названіе — Кэшиктэнъ. Отъ сына Шаралдаева Дармы родилось три сына: Сономъ, Бабунь и Тулей. Всѣ они признавали свою зависимость отъ Чахаровъ. Въ 8-мъ году правленія Тянь-цуна (1644), когда умеръ Ликданъ, Сономъ съ принадлежащимъ ему народомъ пришелъ поддаться. Въ 6-мъ году правленія Чунь-дэ тайчжи Шири, Булуху и Йондонъ, въ мѣстности Динъ-цза, сражались съ войсками Миньцевъ, разбили ихъ и многихъ плѣнили. Въ 9-мъ году правленія Шунь-чжи кэшиктенскій хошӯнъ получилъ раздѣленіе на сумуны и для управленія надъ сумунами были поставлены чиновники, а хошӯнный цзасакъ, получилъ степень тайчжія 1-й ст. Въ 27-мъ г. правленія Канси, когда открылись войны Галдана съ Халхою, изъ Кэшиктеновъ были взяты служилые люди, которые должны были отправлять обязанности по содержанію почтовыхъ станцій и охранять мѣста, находящіяся у сунитскихъ карауловъ; въ это время одинъ изъ тайчжіевъ ихъ, по имени Мэргэнъ харби, прославился разбитіемъ одной изъ частей арміи Галдана. Изъ своей командировки въ кочевья Сунитовъ Кэшиктэны возвратились уже въ 35-мъ году Канси, когда императоръ самъ пошелъ воевать Галдана. Съ тѣхъ поръ кэшиктэнскій хошӯнъ уже почти не выступалъ въ исторіи и большинство сказаній о немъ можетъ привести насъ къ одному только заключенію, что съ того времени хошӯнъ этотъ постоянно гнететъ крайняя бѣдность, такъ что существованіе его населенія должны были по временамъ поддерживать сами Китайцы. Первый примѣръ сего мы видимъ въ 5-й годъ правленія Юнъ-чжена (1728), когда кэшиктэнскому хошӯнному правительству были выданы Китайцами деньги для раздачи бѣднымъ хошӯннымъ обитателямъ. Въ болѣе близкое къ намъ время Гюкъ, проѣзжавшій кочевьями Кэшиктеновъ, чрезвычайно картинно рисуетъ намъ жалкое положеніе этого хошӯна. (Мэнгу-ю-му-цзи. Цзюань III л. 23—24; Илэтхэль шастиръ, кн. 25, л. 18; Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, T. I, pag. 20—33).

илагу́хсан эрхэту̏ дала̀й лама̀
илэтэ́ того́лохсон богдо̀ минѝ
илга́л ӱгэ̀й очи̇р дара̀
имакта̀ намайга̄нъ ӱрӱшійѣ̀.

Переводъ.

Побѣдоносный и могущественный Далай лама,
Всесовершенный святитель мой,
Несравненный скиптродержецъ,
Милосердуй всегда обо мнѣ своемъ.

Я считаю излишнимъ приводить эту пѣсню сполна, хотя она и записана въ моемъ сборникѣ, потому что она не заключаетъ въ себѣ ничего характеристичнаго и продолжу, что весь споръ основался на томъ, что Кэшиктэны пѣли вмѣсто «богдо̀ мини̇»— «богдо̀ Ми́ла», т. е. поставляя вмѣсто личнаго мѣстоименія собственное имя уважаемаго ими святаго и на этомъ основаніи все, что содержала въ себѣ пѣсня относили къ Ми́ла-ра́йбѣ; Халхасы напротивъ, читая «богдо̀ мини̇», относили содержаніе пѣсни къ Далай ламѣ, титулъ котораго находится въ первомъ стихѣ. Обстоятельство это ясно свидѣтельствуетъ, насколько содержаніе пѣсенъ соотвѣтствуетъ спеціальности посвященія ихъ тому или другому хутухтѣ. Но могутъ сказать, что эта пѣсня относится къ далекому для монголовъ Далай-ламѣ, или къ жившему назадъ тому семь вѣковъ Ми́ла-ра̀йбѣ, что Халхасы не знаютъ этихъ личностей и потому, воспѣвая ихъ, по необходимости говорятъ о нихъ въ общихъ фразахъ; поэтому то, чтобы не остаться бездоказательнымъ, я, въ подтвержденіе высказаннаго мною замѣчанія, привожу пѣсню, составленную въ честь ургинскаго хутухты при призваніи его на каѳедру:

барӯн цзӯ-ду мэнду̏лэсэн
бэльчи̇р дӱритэ̀й богдойга̄н
бара̄ боло̀н цзалачжи̇
бату̀ цага̀н дуга́нъ-ду
баирта̀й са́йхан цзаларӯльчжи
ба́йху-бидэ̀ хануба̀й.

дала́н дабхуры́йн анъги́рту
да̀ йэхэ̀ хӱрѣ̄нь дӱ
дамчжѝк-ӱгэ̀й шӱтӱсэ̀н
дарана́тайн гэгэн-нэ̀
дага̀н барихо̀й да̄тхачжѝ
данъшѝк ма́ндал ӱргӱйѣ̀
оло̀н галабы́ин ца̄на̄са
ухтуху̀-ин йӧрӧ̄ль тальбичжѝ
уршикту̀ хэрчигэ̀й бидэн-нѝ
оло̀н тӱрул тӱдӱ̀м-дэ̄н
у́йтхар ӱгэ̀й эцзэлэчжѝ
оло̀н галабту̀ сӯтуга̀й
ӧсор-ӱгэ̀й орчила́нъду
у́йтхар ӱгэ̀й тэнӱсэ̀н
онца̀ нӱгӱль-тӱ̀ маны́йги
очѝр дара̀ лама̀ минѝ
одоритху̀ болтога̀й.
итэгэ́л ӱгэ̀й тӧ̄рӧсӧ̄н
энэ̀ цагы́ин амита́н-ни
эртэ́ин йӧрӧ̄ль тӱхчидэ̄р
эцзэлэ̀н барихойя̀ мэндӱ̀лэсэн
итэгэ̀л богдо лама̀ чѝ
илэрхэ̀й тӱргэннэ̀ абура̀
са́йн мӯгы́йн эргилтэ̀
салхина̄са тӱргэ̀н
сансары́ин хӱрдӱ̀йн эргилтэ̀ тӱ̄нэ̄сэ тӱргэ̀н
саба̀ йиртынцу́-ду
самӯрасан бидэн-нѝ
са́йтур барѝн соирха̀
бурха̀н бӱгӱдэ́ин хуря̄нъгуй
богдо̀ лама̀ чамаду̀
бодѝ хуту̀к олтоло̀
буца̀л-ӱгэ̀й сӱцзӱгэ̄рэ
бӱгӱдэ̄р итэгэнэ̀м.
бодѝ хуту̀к олгӯл
эцигэ̀ баньчэ̀нь богдойга̄н
рикду̀н дакбо̀ болху-ду̀
эртэнэ̀й йӧрӧ̄лійн хӱцэ̄р
итэгэ̀л чамайга̄н дагачжѝ

эндэ̀л ӱгэ̀й тӱрӱйѣ̀
эрхѝн йӧро̄ль бӱтӱтэгэ̀й
гинэхӱ̆й цзоболонътӱ̆ орчила̀нъ-ду
хилинцэтӱ̆ бидэн-нѝ
хи́р ӱгэ̀й айладула̄р нӱгӱлэсчѝ
гэгэ̀н номы́йн бэйѣ́йги
гэнэттэ̀ тӱргэ̀н олгӱ̄л

энэ̀ са́йхан буина̄р
энэ̀ ба́йхчи цзаа̄нду
эрхѝм богдо̀ чинѝхэн
эрхѝм номы́ин аршан-ни
энэ̀ дарӱ̀й хӱртэхӱ̆йн
эрхѝм хобѝ болтога̀й.

Переводъ.

Родившагося въ западномъ Цзу (Тибетѣ)
Свѣтоноснаго своего святителя
Сопровождая, призвали мы;
Радостно и благопристойно принеся
Въ крѣпкій, бѣлый храмъ,
Всѣ мы удовлетворились.

За непосредственно почитаемымъ
Въ семидесяти-этажномъ Ангирту
И въ большомъ Курени
Гэгэномъ Даранаты
Привыкнувъ слѣдовать,
Поднесемъ (ему) дансукъ мандалъ.

Изъявивъ желаніе встрѣчи
Издалека многихъ періодовъ;
Безпечально управляя
Въ каждомъ изъ многихъ перерожденій
Нами грѣшными и злыми,
Да живетъ онъ много лѣтъ.

Насъ, блуждавшихъ безпечально
Въ несвязномъ орчиланѣ
И стяжавшихъ одни только грѣхи,
Да руководитъ
Лама нашъ Вачжра-дара.

Родившійся чтобы, по древнему предопредѣленію,
Принять и управлять
Блуждавшихъ безъ предмета вѣры
Живыхъ существъ этого времени,
Вѣра и святой лама
Спаси явно и скорѣе.

Круговращеніе добра и зла
Быстрѣе вѣтра,
А круговоротъ міра быстрѣе его;
Насъ, волновавшихся
Во вмѣстилищѣ мірскомъ,
Изволь принять благопристойно.

Тебѣ святителю ламѣ
И сокращенію всѣхъ буддъ
До пріобрѣтенія святости
Всѣ мы будемъ вѣровать
Съ неизмѣннымъ благочестіемъ;
Дай найдти намъ святость боди.

Когда твой отецъ святитель Баньчень
Будетъ происходящимъ изъ царскаго рода,
То силою древнихъ предопредѣленій
Да послѣдуемъ мы за тобою — своею вѣрою
И возродимся безошибочно.
Да исполнится важнѣйшее желаніе.

Милосердуя своею чистѣйшею мыслію
О насъ груховныхъ
Въ возмущенномъ и мучительномъ матеріальномъ мірѣ,
Дай найдти поскорѣе
Свойства свѣтлой духовности.

По силѣ этой прекрасной добродѣтели
Да исполнится верховная участь
Немедленнаго причастія
Верховнаго духовнаго напитка
Твоего, великій святитель,
Въ настоящей нашей судьбѣ (жизни).

Пѣсня эта составлена собственно въ честь *седьмаго* монгольскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, но кто не скажетъ, что она можетъ быть отнесена къ каждому изъ нихъ, за

исключеніемъ двухъ перерождавшихся въ Монголіи? Въ ней нѣтъ ни какихъ частныхъ указаній на дѣятельность и заслуги Чжэбцзунъ-дамбы для Монголіи, ни какихъ упоминаній о современныхъ обстоятельствахъ, однимъ словомъ ничего кромѣ имени и отвлеченныхъ выраженій, могущихъ быть одинаково произнесенными не только предъ всякимъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба ламы, но и предъ всякимъ бурханомъ, предъ всякимъ гэгэномъ и предъ всякимъ хутухтою. Я уже указалъ отчасти основу этой общности, теперь укажу еще одну черту, могущую служать причиною сему и ясно проглядывающую болѣе или менѣе въ каждомъ Халхасѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ халхаскомъ народномъ поэтѣ. Въ рѣчи монголъ всегда старается объ отборности выраженій: онъ увлекается красотою фразы, вычитанной въ книгѣ и готовъ наговорить бездну околесицы, лишь бы только ввернуть ему эту фразу и блеснуть ею въ своемъ собственномъ произведеніи. «Даръ краснорѣчія и особенно удачное употребленіе аллегорій, сравненій и афоризмовъ будды, говоритъ Ковалевскій, считается высшею степенью образованности между монголами; людей, обладающихъ такимъ талантомъ, они готовы признавать за существа высшей природы» *). Удивительны-ли послѣ сего заботы халхаскихъ авторовъ о томъ, чтобы въ твореніяхъ ихъ заключалось побольше фразъ, заимствованныхъ изъ признаваемыхъ ими за образцовыя сочиненій? А отсюда за симъ естественна и та общность сужденій и изложенія, которою дышетъ большинство монгольскихъ народныхъ произведеній. Съ другой стороны въ сужденіяхъ Халхасъ поражается возвышенною, отвлеченною мыслью, или высокимъ нравственнымъ идеаломъ, безотчетно воспринимаетъ ихъ, старается удержать ихъ въ своей памяти, о нихъ единственно думаетъ, о нихъ только и говоритъ. Но повторяю, все это усвояется у него совершенно механически, какимъ то невыразимо рабскимъ и неподвижнымъ духомъ: разобрать эту увлекшую его мысль, или этотъ идеалъ, обсудить ихъ основы,

*) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай, т. I стр. 33.

расмотрѣть ихъ свойства и выяснить ихъ отношеніе къ дѣйствительности и истинѣ, — за все это Халхасъ не берется. Величайшее несчастіе Халхасовъ состоитъ именно въ этомъ безотчетномъ и всецѣломъ увлеченіи ихъ идеею и отъ того жизнь и дѣйствительность, которыя являются всегда ниже идеи, кажутся имъ ничтожными, недостойными вниманія и слова. Отсюда вытекаетъ весь педантизмъ, которымъ дышетъ почти каждое произведеніе творческаго духа Халхасовъ, здѣсь же коренится и причина отсутствія въ этихъ произведеніяхъ жизненнаго элемента. Онѣ проповѣдуютъ идею, отвлеченность и потому кажутся сполна составленными изъ нравоученій, какъ бы съ цѣлію передачи жизненныхъ правилъ, но онѣ чужды дѣйствительной жизни. Таковы всѣ пѣсни, распѣваемыя Халхасами на пирушкахъ и никогда не найдется въ нихъ чертъ народной бытовой жизни, изложенія самыхъ простыхъ, обыденныхъ обстоятельствъ.

бурха̀н бахши́йн номлосо̀н
номы́ин чина̀р хӯндӯтэ̀й
богдо̀ дэ̄дӯсы́йн хайраласа̀н
сахѝл санва̀р хӯндӯтэ̀й
богдо̀ танда̄н мӯргӯйѣ̀
ахта̀ морина̀й са́йхан-ни
унучжѝ ба́йчжи таниху̀,
аха̀ дӯгы́йн са́йхан-ни
ханилачжѝ ба́йчжи таниху̀.
баи́н алда̀р минѝ цза̀!
са́йн морійга̄н унаба́ла
холо̀ гацза̀р о́йрхон бѝ
хурду̀н дайсу̀н-ни даруба́ла
холо̀ о́йро аму̀р бѝ.
баи́н алда̀р минѝ цза̀!
цзӯдӯрэсэ̀н морин-ду̀
цзӯлгӯ́йн ного̄ холо̀ бѝ,
цзӧрӯ̄ ӱшӱ̄ хӯмӯ́н-ду̀
нӯхӯ̀р ханѝ холо̀ бѝ
баи́н алда̀р минѝ цза̀!

алтàн мӱнъгӱ́ин са́йхан-ни
арчичжѝ ба́йчжи танихӯ,
а̄ба э̄чжі́йн сургалы́йги
чинъначжѝ ба́йчжи соносхӯ
баи́н алда́р минѝ цзà!

ха́ир чулӯ хагараба́ла
хабсурахӯ ни бэрхэ̀ бѝ
ха́йран амійга̄н алдаба́ла
тӱрӱхӯ ни бэрхэ̀ бѝ
баи́н алда̀р минѝ цзà!

на́йман хӯлтэ̀й ширэ̄н дэ̄рэ
намсара̀й ха̄н цзалачжѝ
тахила̄н ӱргӱчжѝ
оло̀н бӱгӱдэ̄рэ цуглачжѝ
бӱрин-нэ̀ хамтӯ чжиргайя̀.

Переводъ.

Важна сущность ученія,
Проповѣданнаго буддою учителемъ;
Важны обѣты и духовныя обязанности,
Дарованные святыми высокими.
Покланяюсь вамъ святымъ!

Добрыя качества мерена
Узнать, посидѣвъ (верхомъ на немъ);
Добрыя качества братьевъ
Узнать, подружившись съ ними.
Охъ мои богатство и слава!

Какъ сядешь на свою хорошую лошадь
И далекая мѣстность близка,
Какъ поразишь быстраго врага
И вдали, и вблизи покойно.
Охъ мои богатство и слава!

Для утомленной лошади
Далека луговая трава,
Для своенравнаго и упрямаго человѣка
Далеки друзья и пріятели.
Охъ мои богатство и слава!

Доброкачественность золота и серебра
Будемъ узнавать почистивши,
Наставленіе батюшки и матушки
Будемъ слушать со вниманіемъ (букв. прислушиваясь).
Охъ мои богатство и слава!

Голышь, коли расколется,
Трудно соединить его;
Бѣдную жизнь свою какъ потеряешь,
Трудно возродиться въ ней.
Охъ мои богатство и слава!

На восьминожный престолъ
Посадимъ Намсарай хана,
Поднесемъ свои жертвы,
Соберемся всѣмъ множествомъ
И въ совершенствѣ вмѣстѣ повеселимся.

Если таково большинство халхаскихъ пѣсенъ, то конечно мы не имѣемъ права не считать ихъ и *народными*. Объяснить отсутствіе въ нихъ свѣтскаго содержанія можно конечно прежде всего тѣмъ, что большинство самихъ Халхасовъ принадлежитъ къ духовному званію, а подъ вліяніемъ этихъ монаховъ такими же, если не религіозными дѣйствительно, то ханжами становятся и свѣтскіе люди. «Монголы, говоритъ въ своихъ «воспоминаніяхъ о путешествіи по Татаріи» Гюкъ, очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ безпрерывно и земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого они живутъ въ этомъ мірѣ какъ бы не принадлежа ему *). Такой отзывъ я не почитаю нисколько преувеличеннымъ и къ своему объясненію причинъ этого явленія добавлю еще, что у Халхасовъ не только нѣтъ возможности слышать свѣтскій разговоръ въ обществѣ, но и самая литература, которою питаются умы ихъ молодежи, да и всего народа, далека свѣтскости. Любимѣйшія изъ произведеній Халхасовъ, Улигэр'ун далай, Улигэр'ун-ном, Эрдэнійн-санъ, или Субашидди, Арад'и тэчжигэхчи дусул, все это такія произведенія, которыя напол-

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 48.

нены единственно буддійскими сказками, объясняющими нравственныя истины. Извлеченія изъ этихъ сказокъ часто воспѣваются въ пѣсняхъ Халхасовъ; но замѣчательно, духъ ламства настолько въѣлся въ существо Халхасовъ, что даже тѣ пѣсни, сюжеты которыхъ заимствованы очевидно изъ индійской литературы, гдѣ носили они въ большинствѣ случаевъ чисто мірской, бытовой характеръ, у Халхасовъ получили опять таки ламскій, религіозный оттѣнокъ. Для примѣра мы представляемъ слѣдующую пѣсню.

ӧмнӧ цзӱгэсэ ирэсэн галӯ
ӱндӱр хангай-ду цзусухчи галӯ
ӱргӱн усӱн-ду ганъгахчи галӯ
ӱнидэ эндэ сӯнӯ-та?

ӯлэ ӱгэй байтала борӧ орола
ӱсэсэн ӱгэй байтала утан манарла
ӱцзэсэр байтала хада болбо,
ӧрӧйн хисэн эльбэк болбо

ӯлэ-ӱгэй борӧ чини хирӯ гэнэ,
ӱсэсэн ӱгэй утан чини мананъ гэнэ,
ӱцзэсэн хада чини мӱсӱ гэнэ,
ӧрӧйн чини хисэн ӱйлэ гэнэ.

тӱрӱ йосойги тӱшисэн хӱмӱн,
тӱбшин чжиргалыйги эдлэсэн хӱмӱн,
тӱльбэрилтэ ӱгэй аргатай хӱмӱн,
тӱдэчжи эндэ сӯнӯ-та?

ӱгӱсэнӗн нэхэчжи абула би чини
ӱцзэсэр байгат сохорла би чини
ӱбӱль хӱйтэн-дӱ дарна би чини
ӱмчи ӱгэй болот хӧсорна би чини

уридуйн буйн ӱгӱсэнӗн абхӱ
нӱгӱлыйги ӱцзэбэчи мэдэхӱ ӱгэй сохор
ӱбӱлыйн сара ӱтӱльхӱ насӱ
ӱмчи ӱгэй хӧсун хойтуин сӱнэсӱ.

ӯлэ ӱгэй борӧйги ӯгар халхалана?
ӱсэсэн ӱгэй утайги ӯгар амурагулна?
ӱцзэсэн хадайги ӯгар эбдэнэ?
ӧрӧин эльбэгійги ӯгар аргацагана?

ӱлэ ӱгэ̀й хирӯйги ӱдэ̄р халхалайя̀
ӱсэсэ̀н ӱгэ̀й мананā̀са нэхэчжѝ цзайлайя̀
ӱцзэсэ̀н мӱсунэ̄сэ халӯн гацза̀р нисуйя̀
о̄рӧин ӱйлэ́йги эдлэчжѝ нимгэрэгӯлӱйѣ̀.

Переводъ.

Прилетѣвшіе съ южной стороны гуси,
Проводящіе лѣто на высокомъ Хангаѣ гуси,
На широкихъ водахъ крякающіе гуси,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Дождь пошелъ, а между тѣмъ облаковъ не было,
Дымъ распространился, а между тѣмъ не поднялся,
Выросла (цѣлая) скала, въ то время какъ я смотрѣлъ,
Вышло много, а дѣлалъ самъ (одинъ).

Безоблачный дождь твой говорятъ — роса,
Не поднявшійся дымъ твой говорятъ — туманъ,
Видѣнная тобою скала говорятъ — ледъ,
Дѣланное тобою говорятъ — дѣяніе.

Законы и правленія основавшій человѣкъ,
Наслаждавшійся мирнымъ довольствомъ человѣкъ,
Неисчерпаемо ловкій человѣкъ,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Получилъ я свое данное,
Слѣпымъ я былъ, глядючи,
Зябну я въ зимнемъ холодѣ,
Истощаюсь я безъ наслѣдія.

Прежняя добродѣтель — получить данное,
Хоть и видѣлъ грѣхъ — не вѣдящій слѣпецъ,
Зимніе мѣсяцы — старческій вѣкъ,
Пуста безъ наслѣдія — будущая душа.

Чѣмъ отвратимъ безоблачный дождь,
Чѣмъ успокоимъ не поднявшійся дымъ,
Чѣмъ разрушимъ видѣнную скалу,
Какое употребимъ средство противъ своего избытка?

Отвратимъ полуднемъ безоблачную росу,
Убѣжимъ отъ безоблачнаго тумана,
Улетимъ въ теплую сторону отъ видѣннаго снѣга,
Совершая свои дѣянія, будемъ обуздывать (ихъ).

Кто не замѣтитъ въ формѣ этой пѣснѣ сходства со всѣми тѣми произведеніями народнаго древне-германскаго, славянскаго и наконецъ русскаго творчества, которыя, какъ утверждаютъ подробно изслѣдовавшіе ихъ Бэнфей и изъ русскихъ проф. Веселовскій и Буслаевъ, имѣютъ одинъ общій источникъ по своему содержанію—индійское сказаніе о Викрамадитьѣ? Дѣйствительно пѣсни и разсказы этого происхожденія во многихъ случаяхъ носятъ на себѣ одинъ характеръ — мудреныхъ вопросовъ и рѣшающихъ ихъ удачныхъ отвѣтовъ; только у большинства помянутыхъ народовъ эти вопросы касаются почти исключительно видимой природы и окружающихъ пѣвца предметовъ: въ нашихъ пѣсняхъ парень вспрашиваетъ дѣвицу, или наоборотъ дѣвица парня, въ малороссійской сказкѣ фигурируетъ въ той же роли дѣвка семилѣтка, но загадки ихъ вертятся вокругъ домашняго очага и почти не заходятъ въ міръ нравственный. У Халхасовъ, какъ видно изъ представленной пѣсни, дѣло также начинается съ видимыхъ предметовъ, но тотчасъ же переносится къ буддійскому ученію о дѣлахъ, смерти и перерожденіяхъ. Все это безъ сомнѣнія позднѣйшія приставки ламъ, которые ни преминули дать свои толкованія и росѣ, и туману, и скаламъ. Всего яснѣе это ламское вліяніе обнаруживается чрезъ сличеніе подобной же пѣсни, записанной мною въ двухъ редакціяхъ: ӧлӧтской у Дурбэтовъ, близь оз. Убса, и халхаской въ Ургѣ. Сравнивая обѣ эти редакціи, не трудно замѣтить какъ ламство измѣняло обыкновенныя мірскія сужденія и рѣчи въ выраженныя высокопарнымъ слогомъ тенденціи буддизма, и придти къ заключенію, что содержаніе отвѣтовъ въ ургинской редакціи несомнѣнно позднѣйшее и представляетъ наслоеніе буддійскихъ понятій на первоначальную чисто житейскую основу. Вотъ эта пѣсня въ ӧлӧтской редакціи:

чжиргалантӳ дэлгэ̀р зунāн сарадӳ
чжигӳртэн тӧрӧсӧ̄н шубӯн чѝ мнѝ
гадāду йэкэ̀ далāйн захāса
ганъгинāт дэбэсэр ӯнду ирэнэ̀й-чи

эргичжѝ ба́йху дӧрбӧ̀н цак-ту̀
ильчитэ̀й халӯхун зунà́й сара-ду̀
эртэнѝ бӯтӯсэ̀н салькѝн-ни кӯцэ̀р
эргичжѝ бӯдак нӯр-та̄н ирэ̄ бѝ.
зоричжѝ кӯсӯсэ̀н нӯр-та̄н ирэ̄т
зоригӧ̄р амӯ̀р цэнъгэчжѝ сӯга̄т
зокистӧ̀й намурыйн дула̄хан сара-ду̀
ганъгина̄т дэбисэ̄р ю̄нду харина̀й чѝ?
ӧндӧ̀р ӯлайн оргѝл дэ̄гурэ̄сэ
ӧ̄лӧн ца́су будара̄т
ӱбӱльдэ̀н кийтэ̀н болху̀ гэ́м манѝ
ӧсӧсӧ̀н дула̄хан нӯр-та̄н харина̀й бѝ
ӱнидэ̀н сӯху-ду̀ чжиргалта̀й байтала̀
ӱбӱ̀ль сӯхуду̀ дула̄хан байтала̀
хойтӧ̄н хабурыйн эсэргэ̀н цак-ту̀
чжикдэлэ̄т дэбисэ̄р ю̄нду ирэнэ̀й-чѝ
чжигӱ̀ртэн тӧрӧсӧ̀н шубӯ̀ гэ̄чи ду̀
чжиргà̀л зоболò̀нъ ба́йху-йн тӧлӧ̀
ӧбӧгӧ̀н лама̀ та̀ минѝ
зӧнӧглӧ̄т ӧтӧлькӧ̀йн кэрэ̀к ю̄на̀й бѝ?
ӧтӧлӧйӧ̀ гэчжѝ ӧтӧлькӯ̀ бишѝ
ӱйлэ́йн эркэ̄р ӧтӧльдӧ̀к бишӯ̀
ӱ̄ни мӧрӧ̄дӧ̀н асӯга̄т
сӯкчи ӧбӧгӧ̀н намайга̄н ю̄нду цэнэнэ̀ чѝ
цэнэнэчжѝ кэлэкӯ̀ ӱгэ бишѝ
цэцэркэ̀й бартà̀м сана̄най бишӯ̀
ӧбӧгӧ̀н лама̀ танійга̄н ӧтӧлӧсӧ̀н чинѝ
асӯсà̀н билэ̀й бѝ.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Ты моя, рожденная крылатою, птичка
Съ береговъ внѣшняго, великаго моря
Зачѣмъ прилетаешь, крича и махая (крылами)?
Въ перемѣжающіеся четыре времени,
Въ теплые лѣтніе мѣсяцы,
По вѣтру, произшедшему отъ древности,
Кружась, прилетѣла я къ озеру, на которое обыкновенно слетаю.

Прилетѣвъ къ своему желанному озеру,
Поживъ наслаждаясь по волѣ и въ спокойствіи,
Въ прекрасные, теплые осенніе мѣсяцы
Зачѣмъ возвращаешься ты, крича и махая (крылами)?

Изъ за окружности вершины высокой горы
Разсѣяваются облака и снѣгъ;
Думая, что зимою будетъ холодно,
Возвращаюсь я къ своему родному, теплому озеру.

Коль утѣшительно для долгаго житья,
Коли тепло для зимняго житья,
Зачѣмъ прилѣтаешь ты, плавно рѣя крылами,
Въ послѣдующее время будущей весны?

Ради того, чтобы у птицъ, рожденныхъ крылатыми,
Было бы наслажденіе, было бы и безпокойство;
Но вы мой старичекъ лама
Какая нужда вамъ старѣть и дряхлѣть?

Не старѣешь, говоря, дай состарѣюсь,
Не старѣется ли по силѣ дѣяній?..
Объ этомъ съ своей стороны вспрашивая,
Меня сидящаго старика зачѣмъ унижаешь ты?

То не рѣчь, сказанная ради униженія,
А (плодъ) надменной, гордой мысли,
Тебя своего старичка, ламу
О твоей старости спросила я.

Въ халхаской редакціи эта пѣсня воспроизводится въ слѣдующихъ словахъ:

чжиргалтàй дэльгэр цзунáйн сарадỳ
чжибэгỳртэн шубỳн тà минѝ
гадāдухи йэхэ далáйн цзахāса
ганъгинāт дэбисэр ю̄нду ирэ би
эргихỳ цзогатàй цзунáйн гурбỳн сарадỳ
эртэныйн тальбисàн йӧрӧ̄лийн хỳцэ̄р
сэрюхỳн тунъгалàк далáй-ду найралāт
цэнъгэхỳ манàй йосутàй билэ̀й.
эсэргэнэтэ̀ намурыйн гурбỳн сарадỳ
эгнэчжѝ буцахỳ танàй янахѝб?

ӱндӱ̄р ӯлаин оргӣл дэ̄рэ̄сэ
ӱ̄лэ цасӯ бударахӯ-дӯ
ӱсӱсэ̀н дулаха̄н нутук-тӯ
ӱбӱльцзӧ̄т сӯху манàй йосутàй билэ̀й
эсэргэнэтӱ̆ хабурыйн гурбӯ̀н сарадӯ̀
эгнэчжӣ̀ буцаху танай тэрэ я̄нахӣб?
чжикдэлэ̀ тӱрӱсэ̀н
чжигӱ̄ртэн шубӯ̆ би́дэ чи хэрэ̀к ӱгэ̀й,
цзохистàй дӱрӣм бэхэ̄р сӯсàн
цзоригар ӱсӱсэ̀н ӱбӱгӯ̀н ахàй тà минӣ
цзануччжӣ̀ ӱтӱльхӱ̆ танàй тэрэ̀ я̄нахӣб
бӣ бишѝ, гурбӯ̀н йиртынцӯ́йн цза́м тэрэ̀.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Вы мои, крылатыя птички
Съ береговъ внѣшняго, великаго моря,
Зачѣмъ прилетѣли, крича и махая (крылами)?
Въ три лѣтніе мѣсяца, принадлежащіе къ коловратному веселью,
По силѣ древле положенныхъ предопредѣленій,
У прозрачнаго и прохладнаго моря
Надлежитъ намъ веселиться и наслаждаться.
Напротивъ, въ три осенніе мѣсяца
Вы возвращаетесь, почему?
Когда съ вершины высокой горы
Распространяются облака и снѣгъ,
Въ родной, теплой странѣ
Надлежитъ намъ жить на зимовкѣ.
Въ три мѣсяца будущей весны
Вы снова возвращаетесь, почему?
Мы то, рожденныя заурядъ,
Крылатыя птички не (велико) дѣло,
Но вы, мой старичекъ, дядюшка, взросшій на волѣ,
Жившій приличнымъ образомъ и прочно,
Ваша ворчливая старость — она почему?
Не я (одинъ) таковъ путь трехъ міровъ.

Какъ видно, представленная халхаская редакція пѣсни гораздо короче, да и менѣе обработана и стройна, чѣмъ существуетъ

она у Ölötовъ; но я не могу представить, чтобы въ ней были какіе нибудь пропуски, потому что всякій разъ, когда приходилось мнѣ слышать въ Халхѣ эту пѣсню, она являлась именно въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь представляется. Еще раньше меня Г. Ровинскій представилъ переводъ этой пѣсни въ запискахъ о своихъ странствованіяхъ по Монголіи *); какъ ни неточенъ и ни воленъ переводъ его, мы однако можемъ догадываться, что слышанное имъ было тоже самое, и въ той же мѣрѣ, что и записано мною. Объяснить эти пропуски и краткость халхаской редакціи сравнительно съ ölötскою конечно прежде всего можно сочувствіемъ къ пѣснѣ народа; ибо несомнѣнно, что народъ бережетъ, развиваетъ и совершенствуетъ все согласующееся съ его личнымъ вкусомъ и напротивъ совершенно не радитъ о существованіи того, къ чему относится онъ равнодушно. Пѣсня, о которой ведемъ мы рѣчь, не пользуется ни большою распространенностію, ни сочувствіемъ у Халхасовъ: все это можетъ быть только потому, что въ ней сравнительно мало упоминаній о любимыхъ предметахъ халхаской пѣсни—ламѣ и буддѣ, не смотря на то, что Халхасы уже и переиначили ее нѣсколько на общій тонъ своихъ пѣсенъ. Это то я и хотѣлъ показать для подтвержденія общности буддійскаго характера въ современныхъ халхаскихъ пѣсняхъ. Сравнивая двѣ представленныя редакціи, я отдаю преимущественное старшинство и бо̀льшую народную чистоту ölötской именно потому, что она простѣе, наивнѣе и въ тоже время цѣльнѣе и глубокомысленнѣе халхаской. Нѣтъ сомнѣнія конечно, что и эта ölötская редакція, если только эта пѣсня создалась дѣйствительно подъ вліяніемъ такихъ твореній какъ Арчжи-Бурчжи или сказанія о Викрамадитьѣ, уже далеко не первая, простонародная, а на вѣрное прошедшая, и уже неоднократно, чрезъ руки ламъ а потому получившая оттѣнокъ ихъ сужденій и взглядовъ; за всѣмъ тѣмъ она все таки носитъ въ себѣ болѣе простоты и человѣчности, чѣмъ халхаская. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

*) Вѣстникъ Европы. Т. IV. Іюль, 1874 г. стр. 299-я.

быть простѣе и естественнѣе первыхъ отвѣтовъ птицы на вопросы старца ламы? За чѣмъ прилетѣла она изъ за моря? Такъ,— повѣтру; Зачѣмъ улетаетъ осенью? Думаетъ, что зимою будетъ холодно. Дальнѣйшіе вопросы птицы уже вызываютъ отвлеченныя разсужденія старца; но они крайне не многосложны и это въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что отвлеченность не въ характерѣ пѣсни, она обращается снова къ жизненной сторонѣ и для сего дѣлаетъ чрезвычайно живой оборотъ. Старецъ разсуждаетъ о причинахъ конечности матеріальнаго, но не будучи въ состояніи рѣшить положительно вопроса, какъ будто оскорбленный тѣмъ, что пернатая собесѣдница его предложила ему такую трудную задачу, переноситъ разговоръ на то, какъ осмѣлилась птица унижать его. На это слѣдуетъ мудрое замѣчаніе птицы, что она не хотѣла унижать его своею рѣчью, но что всѣ вопросы этого рода суть плодъ горделивой мысли, безполезно пытающейся разрѣшить таинственные законы природы. Нравоученіе, съ цѣлью котораго составлена пѣсня, отсюда понятно само собою. Со всѣмъ не то видимъ мы въ халхаской пѣснѣ. Здѣсь прежде всего нѣтъ ни одного основательнаго отвѣта: во всемъ господствуетъ какая то неопредѣленность, какъ будто ничему не можетъ быть дано естественнаго рѣшенія, какъ будто ничто не совершается на свѣтѣ и въ природѣ по простѣйшимъ, вполнѣ понятнымъ человѣку соображеніямъ и законамъ; во всемъ видится присутствіе какихъ то таинственныхъ предопредѣленій, которыя не постижимы человѣческому уму и разрѣшаются только высшей невѣдомой силой, которой человѣкъ долженъ безотчетно подчиняться. Птица здѣсь не летитъ уже такъ себѣ, куда гонитъ ее вѣтеръ, а рѣзвится лѣтомъ, потому что такъ ей «*надлежитъ по силѣ древнихъ предопредѣленій*»; она улетаетъ на зиму не потому что думаетъ избѣжать зимняго холода, а по какой то неопредѣленной необходимости; старикъ не разсуждаетъ долго, не затрудняется отвѣтомъ, его не досадуетъ трудность задачи и онъ не старается отвертѣться отъ положительнаго отвѣта, а напротивъ отвѣчаетъ и разрѣшаетъ все дѣло положительно буддійскою фра-

зою о судьбахъ орчилана. При такомъ характерѣ само собою разумѣется не является ни какихъ нравоученій; иначе сказать пѣсня потеряла свое ясное назначеніе, свой опредѣленный смыслъ. Наконецъ характеръ равнодушія и апатіи однимъ словомъ самой крайней пропитанности идеями буддизма видѣнъ не только въ общемъ содержаніи пѣсни, и еще болѣе проглядываетъ въ частныхъ выраженіяхъ. Возьмемъ хоть для примѣра понятіе о лѣтѣ. Въ ӧлӧтской пѣснѣ оно рисуется съ его обыкновенными, привлекающими человѣка аттрибутами теплоты (ильчитэ̀й дулаха̄н); Халхасецъ придаетъ лѣту также эпитетъ «полнаго наслажденій», но уже одно слово—наслажденіе (цзога̀) вызываетъ у него эпитетъ «эргихӯ» т. е. измѣнчивый, превратный; онъ не даетъ себѣ изъявить симпатію даже и къ дѣйствительно прекрасному въ матеріи, — согласно ученію буддизма, все на землѣ кажется ему пустотою.

Но можетъ возникнуть вопросъ, ужели въ самомъ дѣлѣ буддизмъ на столько овладѣлъ душею Халхаса, что убилъ въ ней сочувствіе ко всему кромѣ ламы и будды. Мы видѣли, что монголы способны были увлекаться окружающей ихъ природой, питали сильную привязанность и любовь къ родинѣ и семьѣ, ужели и эти чувства поглощены у нихъ буддизмомъ и уже угасли на столько, что не находятъ себѣ отголоска и мѣста въ ихъ пѣсняхъ? Отвѣчаемъ, нѣтъ, они не угасли совершенно, но духъ буддизма все таки преобладаетъ надъ ними. Чувствованія, возбуждаемыя природою и семьею теперь уже никогда всецѣло не овладѣваютъ душею Халхаса, они вызываютъ только его завѣтную мысль о буддѣ.

ӱндӯр ханъга́йн цэцэ̀к ни
элдэ̀б ӱнъгэ̄р нэйлэчжѝ
цзуна́йн гурбӯ̀н сара-дӯ̀
ӱнэ̄рэ са́йхан нутӯ̀к-ла̀
ӱндӯр са́йхан бургасӯ̀н ни найгулцзана̀
а̄я̄, тӯ̄нэ̀й доторо̀
алта̀н горголта̀й чжиргэнэ̀
харго́йн ӱндӯр модо̀н-дӯ̀

хӧхӧ̄ шубӯ донгодонà
ая̄ тӯни соносчѝ
ламайга̄н санàна
тэрэ̀ о́йн дунда̄са
элдэ̀б гӧрӧ̄сӯ доголокдàна
тунъгалàк са́йхан усу̀н-ду
элдэ̀б шубӯ донгодонà
маргà́дайн унъгэтэ̀й цзолѝг
ногӧ̄н хӯргэнэ̀
цзӧ̄лӧн сальхѝ хӯдӯльбэ̀лэ
са́йхан ӯнӯ̄р анъгилàна
ӯндӯ̄р са́йхан ӯлан-дӯ
элдэ̀б модò ургучжѝ
намӯ̀р болхӯ цàк-тун-нѝ
ӯ̄рэ чжимѝс долбасурàна
дэ̄дӯ гурбу̀н эрдэнíйн
ӯнэ̄рэ ачíйги харю̄лху дӯ
ямàр сана̄ санаба́ла
тӯрбэ̀л-ӯгэ̀й бӯтӯнэ̀
тэнъгэ̀рь гацзàр адалѝ
тэ́йми са́йхан орòн-дӯ
шачжѝн номы́йги хичӗ̄чжи
бӯгӯ̄дэ̀рэ чжиргайя̀.

Переводъ.

Цвѣтки высокаго Хангая,
Соединившись различными цвѣтами,
Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ
По истинѣ прекрасное мѣстопребываніе!
Плавно покачивается высокій, прекрасный тростникъ;
Ахъ, въ срединѣ его
Щебещетъ фазанъ (= золотой соловей)!
На высокой пихтѣ
Кукуетъ кукушка;
Ахъ, слушая ее,
Вспоминаешь своего ламу!
Изъ средины этого лѣса
Слышенъ крикъ различныхъ звѣрей;
Въ чистой прекрасной водѣ

Поютъ различныя птицы.
Лугъ, имѣющій цвѣтъ маргада,
Доставляетъ зелень;
Шелохнется легкій вѣтеръ,
Пахнетъ благовоніемъ.
На высокой прекрасной горѣ
Ростутъ различныя деревья;
Когда наступитъ осень,
Они приносятъ плоды.
При истинной благодарности
Къ высочайшимъ тремъ драгоцѣнностямъ,
Какое не задумалъ бы желаніе
Немедленно исполняютъ.
Въ такой прекрасной странѣ
(Гдѣ) небо и земля одинаковы,
Заботясь о вѣрѣ и ученіи,
Всѣ возвеселимся.

Читая такое произведеніе, невольно припоминаешь тѣ псалмы Давида, въ которыхъ онъ, описывая природу и поражаясь ея грандіозностью и гармоніей, воспѣваетъ величіе и славу ея Творца. У Халхасовъ нѣтъ этой хвалы создателю, хотя, можетъ быть, только потому, что они не имѣютъ другаго понятія о творцѣ природы, кромѣ неотвратимаго и неопредѣленнаго рока, но за то таже природа напоминаетъ Халхасу о предметѣ его поклоненія — ламѣ. Характеръ отношенія къ природѣ, выражаемый въ халхаскихъ пѣсняхъ, совершенно одинаковъ съ псалмами Давида. Тѣ и другія творенія уже не смотрятъ на природу дѣтскимъ, наивнымъ взглядомъ, не олицетворяютъ ее, какъ это замѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ, а напротивъ смотрятъ на нее сознательно, какъ на бытіе низшее человѣка, грандіозное и величественное, но не имѣющее у себя ни чудесныхъ силъ, ни разумно сознательной дѣятельности. Въ своихъ пѣсняхъ Халхасъ не обращается къ природѣ съ просьбою о сочувствіи его горю или его радостямъ, не повѣряетъ ей своихъ сердечныхъ тайнъ, не призываетъ ее въ свидѣтели истинности и правдивости своихъ поступковъ, какъ все это видимъ мы въ

поэзіи другихъ народовъ, и если мы находимъ что Халхасъ обращается къ природѣ, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда его въ самомъ дѣлѣ поражаетъ ея прелесть, или ужасаетъ ея безобразіе. Все это несомнѣнно можно объяснить только самымъ сильнымъ вліяніемъ на духовное существо Халхасовъ буддійскихъ понятій, изгнавшихъ у нихъ всякое шаманское, одухотворяющее природу представленіе о матеріальномъ мірѣ. Тотъ же буддизмъ, кажется намъ, можетъ объяснить за симъ и то, почему не обращаясь къ природѣ матеріальной, Халхасъ однако въ своихъ пѣсняхъ разговариваетъ съ птицами и звѣрями, и даже, какъ мы видѣли, ведетъ съ ними чисто философскія разсужденія; все это естественно вытекаетъ изъ ученія о переселеніи душъ: въ попугаѣ, въ жаворонкѣ, въ лошади можетъ быть таже разумная душа человѣка, а бесѣда съ турпаномъ, если только человѣкъ знаетъ языкъ его, по вѣрованіямъ монголовъ, положительно всегда можетъ быть благотворна и поучительна, ибо въ турпановъ обыкновенно перерождаются ламы. Наконецъ, вліяніе буддизма на упадокъ олицетвореній неодушевленной природы въ пѣсняхъ кажется тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что оно всецѣло замѣчается въ народныхъ твореніяхъ тѣхъ монгольскихъ племенъ, среди которыхъ буддизмъ распространился сравнительно меньше и особливо у Иркутскихъ Бурятъ.

Вторая любимая тема монгольской народной пѣсенной поэзіи — воспѣваніе семьи и родителей, съ развитіемъ у Халхасовъ буддизма, также необходимо получила у нихъ другой оттѣнокъ. При разсмотрѣніи современныхъ халхаскихъ пѣсенъ прежде всего ярко бросается въ глаза то обстоятельство, что въ нихъ гораздо чаще встрѣчается изліяніе нѣжныхъ чувствъ и заботъ о матери, нежели объ отцѣ. Причину этого открыть не трудно: Халхасъ зачастую не знаетъ своего отца, или по крайней мѣрѣ не можетъ считать его своимъ отцемъ открыто. Извѣстно, что лама, хотя бы и завѣдомо для всѣхъ жилъ онъ съ женщиной, всетаки считается безбрачнымъ; самъ онъ никогда не назоветъ себя женатымъ, никогда не скажетъ, что у него есть дѣти и даже дома онъ ни-

когда не называетъ своихъ сына и дочь сыномъ и дочерью, величая ихъ просто по имени. При томъ же не связывая себя съ женщиною ни какимъ религіознымъ обрядомъ, онъ легко оставляетъ ее съ своими дѣтьми, будучи совершенно убѣжденъ, что, во имя данныхъ имъ обѣтовъ безбрачія, его не покараетъ за этотъ, такъ сказать, разводъ и общественное мнѣніе. Естественно, что вся любовь Халхаса къ родной семьѣ ограничивается теперь по большей части только любовью къ матери, которая всегда признаетъ своего ребенка своимъ, никогда не постыдится выразить ему своей близости и своей ласки, всегда окружаетъ его своими заботами, и добровольно никогда не покинетъ его. Вотъ почему въ халхаскихъ пѣсняхъ почти не видно выраженія нѣжнаго, роднаго чувства къ отцу: отцу приписывается въ нихъ скорѣе роль наставника, руководителя, или даже просто роль протектора; его домашняя дѣятельность въ отношеніи къ сыну ограничивается одними наставленіями, ничѣмъ не отличающимися отъ наставленій книги, или всякаго посторонняго добраго человѣка.

цзэрликтэ̀й гэ̄чи ши́лэ-дӯ
цзэрлѝк бугӯ дӯдана̀
цзэргэцэчжѝ ирэхӯ-дӯ мнѝ
богдо́йн хоѝр цзага̀л бѝ
алта̀й гэ̄чи ши́лэ-дӯ
арба̀н бугӯ дӯдана̀
адалитхачжѝ ирэхӯ-ду мнѝ
а̄ба́йн хоѝр цзага̀л бѝ.

Переводъ.

На пригоркѣ называемомъ Цзэрликтэй
Кричитъ дикій изюбрь;
Какъ приду поровняюсь,
Это два наставленія святителя.
На пригоркѣ, называемомъ Алтай,
Кричатъ десять изюбрей;
Какъ приду сравняюсь,
Это два наставленія родителя.

Такого рода сопоставленія могутъ только свидѣтельствовать о почтеніи дѣтей къ слову отца, но духъ пѣсни больше всего убѣждаетъ въ отсутствіи у Халхасовъ того нѣжнаго чувства къ отцу, которое вселяется въ души дѣтей любовью, ласками и заботами его еще въ пору ихъ ранняго дѣтства. Наставникъ дома, отецъ является какъ протекторъ въ общественной жизни; установивъ же сына, онъ какъ будто больше не заботится о немъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ ему никогда не приписывается ни скорби о несчастіяхъ сына, ни радости объ его успѣхахъ, ни тоски въ разлукѣ съ нимъ. Все это аттрибуты матери, которая является въ пѣсняхъ всегда исполненною самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ.

алтàн шарà нарàн ни
ӯлан-дāн туя̄рāт
аля̀ багà бэйѣ̀ минѝ
āбайгāн эргӯмчжэр
тэбкэ̀р шарà нарàн ни
тэ́нгирь-дэ̄ туя̄рāт
тэнэ̀к багà бэйѣ̀ минѝ
āбайгāн эргӯмчжэ̄р
эргѝ булугы́йн аршāнāса
эргихӯ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
эмгэ̀н болосо̀н э̄чжѝ минѝ
энъкэрлэ̄т дуршичжѝ сӯна-л-дà
харгѝ булугы́йн аршāнāса
хариху̀ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
харѝл болосо̀н э̄чжѝ минѝ
хайралāт саначжѝ сӯна-л-дà
боргѝл булугы́йн аршāнāса
буцахӯ цза́м-ду хӯртэйѣ̀
бӯрал болосо̀н э̄чжѝ минѝ
болцзорлāт саначжѝ сӯна-л-дà.

Переводъ.

Золотое, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свою гору;

Шаловливое, маленькое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Квадратное, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свое небо;
Глупое, малое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Святой воды крутояраго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка-старушка
Сидитъ, вспоминаючи съ нѣжной любовью.

Святой воды бурливаго источника
Вкусимъ на обратномъ пути;
Моя матушка, приближающаяся къ смерти,
Сидитъ, вспоминаючи съ любовію.

Святой воды шумнаго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка сѣдовласая
Сидитъ, раздумывая, назначая срокъ.

Въ этой пѣснѣ ясно выражается различіе чувствъ Халхаса къ отцу и къ матери: объ отцѣ онъ говоритъ почти равнодушно, не выражая ни своихъ чувствъ къ нему, ни его желаній въ отношеніи къ себѣ; мать, напротивъ, по представленію пѣвца сына, горитъ всегдашнею любовію къ нему и, нѣжно привязанный къ ней этимъ чувствомъ, онъ спѣшитъ доставить ей отраду свиданіемъ. Онъ проѣзжаетъ мимо святыни, не останавливается напиться святой воды и только потому, что мать его представляется ему теперь сидящею и раздумывающею, назначая сроки его пріѣзда. Можетъ быть это чувство любви къ матери осталось только единственнымъ, искреннимъ и вольнымъ чувствомъ Халхаса, ибо какъ ни занята его мысль и какъ ни привязанъ онъ къ буддизму и ламству, то и другое въ его пѣснѣ дышетъ или чѣмъ то напускнымъ, или унижающимъ человѣческую природу, или, наконецъ, изрѣкается какъ законъ, съ которымъ долженъ человѣкъ сообразовать свои чувства, желанія и поступки; но выраженіе чувства любви къ матери въ пѣснѣ Халхаса всегда яв-

ляется такъ естественно, свободно, дышетъ такою силой, что въ сравненіи съ нимъ, кажется, не можетъ быть поставлена ни одна изъ симпатій Халхаса.

усу́н-ду-нѝ умшичжѝ,
лӯсӯд-и тахихӯ магӑ̀т ӱгэ̀й,
улу́с-тун-нѝ умшичжѝ
обӧ тахихӯ магӑ̀т ӱгэ̀й.

байгу́лусан дацаны́йги
бадарлачжѝ бӱтэ̄дэк
ба́ньди бумбӧ̀ хӱмӱны́йги
доромчжилчжѝ болодӧ̀к ӱгэ̀й

сухӑ̀й гэ̄чи модӧ̀н нѝ
шинъхӯ ӱгэ̀й улӑ̄хан
сургалта́йхан хӱмӱ̄н ни
сургӑ̀л ӱгэ̀й сурдӑ̀к бѝ.

цза́ндан гэ̄чи модӧ̀н нѝ
цзалӯр ӱгэ̀й шилӯхун
цзаӑ̄тайхӑ̀н хӱмӱ̄н ни
цзагӑ̀л ӱгэ̀й сурдӑ̀к бѝ.

уӑ̄тайхӑ̀н хэ̄рэрэ̄
уртӯ холӧ̀ цзорійя̀
унтасӑ̀н ноирӑ̄н цэльмэчжѝ
э̄чжійгэ̄н мэндӱ́йги мэдэйѣ̀.

гӧрӧ̄тэйхэ̀н хэрэ̄рэ̄
хэдӱ́й холӧ̀ цзорійя̀
хэбтэсэ̀н ноирӑ̄н цэльмэчжѝ
э̄чжійгэ̄н мэндӱ́йги мэдэйѣ̀.

харалӑ̄т ба́йхчи хадӑ̀ манӑ̀й
хаягӑ̄ра цзамтӑ̀й бѝ
хаиртӑ̀й багӑ̀ э̄чжи манӑ̀й
ханъгинӑ̄т хӱнъгинӑ̄т сӯна-дӑ̀.

хӱхӱрэ̄т ба́йхчи хӱбчѝ манӑ̀й
хӱтӱлэрэ̄ цзамтӑ̀й бѝ
хӱрхэй багӑ̀ э̄чжѝ манӑ̀й
хӱнъгинӑ̄т ханъгинӑ̄т сӯна-дӑ̀.

Переводъ.

Читаютъ надъ водою,
Вѣроятно чествуютъ драконовъ;
Читаютъ въ народѣ,
Вѣроятно чествуютъ обо.

Построенный дацанъ
Обыкновенно строится, собирая подаянія;
Банди, духовнаго человѣка
Унижать не возможно.

Кустарникъ кизильника *)
Красенъ и безъ киновари;
Человѣкъ, способный къ ученію,
Научится и безъ наставленій.

Дерево цзанданъ
Прямо и безъ правила;
Человѣкъ, одаренный счастіемъ,
Научается и безъ указаній.

На привязанномъ карькѣ
Поѣдемъ далеко, далеко;
Разсѣявъ свой сонливый сонъ,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

На сосворенномъ карькѣ
Поѣдемъ въ такую даль;
Разсѣявъ свою лежливую сонливость,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

Чернѣющаяся скала наша
Съ дорогою по низу своего косогора;
Любезная моя маленькая матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

Синѣющійся лѣсистый хребетъ нашъ
Съ дорогою на своемъ перевалѣ;
Болѣзная моя матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

---

*) *Сухай, сухэ.* Потанинъ въ своемъ путешествіи по з. Монголіи называетъ это растеніе Tamarix. (Неизданныя ещ. Зап. Географ. Общ. Ч. II, стр. 135).

Такимъ образомъ только воспоминаніямъ о матери Халхасъ предается всецѣло своею душею, только они одни дышатъ въ его пѣсняхъ чистымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ, полною вѣрою, искреннею любовью, не омрачаются тяжелыми сомнѣніями, не прерываются другими какими либо пожеланіями; все прочее едва-ли способно такъ овладѣвать душею Халхаса. Въ пѣсняхъ, обращенныхъ къ возлюбленнымъ, Халхасы болѣе флегматичны, болѣе подозрительны, чѣмъ веселы довѣріемъ и любовію и это направленіе, мнѣ кажется, весьма естественно, потому что у нихъ, какъ и у всѣхъ монгольскихъ племенъ, ни парень ни дѣвица ни когда не вольны жениться и жить вмѣстѣ по желанію во первыхъ, а во вторыхъ ни парень ни дѣвица ни когда не могутъ разсчитывать на вѣрность и преданность другъ другу. Преимущество мужскаго населенія предъ женскимъ, громадное число богатыхъ и франтовитыхъ ламъ, развившаяся въ послѣднее время свобода нравовъ и легкость взглядовъ на отношенія женщины къ мужщинѣ, все это противорѣчитъ преданной искренней и полной любви двухъ существъ. «Эрэ̀ хӯн хулагайнāса гархӯ йосӯ ӱгэ̀й, эмэ̀ хӯн хуйлāса гархӯ йосӯ ӱгэ̀й т. е. мужщинѣ уходить отъ воровства — не порядокъ, а бабѣ уходить отъ бл.....ва не порядокъ» говорятъ современные Халхасы въ пословицѣ, выражая свой взглядъ на свободныя отношенія мужщины къ женщинѣ и характеризуя съ этой стороны общее направленіе своего вѣка. Ясно, что при этомъ направленіи любящій мужъ никогда не можетъ быть убѣжденъ въ вѣрности своей жены и жена въ вѣрности мужа, что влюбленной парочкѣ оно даетъ богатый источникъ для ревниваго чувства и мучительныхъ подозрѣній, что чувству любви у Халхасовъ не сопутствуетъ блаженство и наслажденіе, а горькая дума о томъ, что въ минуты разлуки мой любезный, или моя любезная обнимаетъ другое, ненавистное мнѣ существо. Страннѣе всего то, что свобода отношеній мужщины и женщины встрѣчаетъ у Халхасовъ легкій взглядъ только тогда, когда эти отношенія обнаруживаются только какъ проявленіе животнаго чувства и вовсе не пользуется терпимостью, когда любящіе другъ друга мужщина

и женщина свободно сходятся на постоянную жизнь. Для ламы этотъ проступокъ еще не такъ важенъ, но для свѣтскаго или, какъ говорятъ монголы, «чернаго» человѣка, онъ влечетъ за собою позоръ и порицаніе сосѣдей.

16.

сэтэртэ̀й ба̄хан шарга́йги
архала̄т со́йчжи унуда̀к бишӯ?
сэтхильи́йн инага̄р сӯйя̀ гэхӯннѝ
олона́й хэлэ̀ хочжита̀й бишӯ?

Переводъ.

На посвященнаго богамъ маленькаго рыжку
Не садишься ли, выстоявъ на привязи?
Намѣревающихся вступить въ сожитіе по (собственной) сердечной дружбѣ,
Не осудитъ ли языкъ толпы?

Этотъ взглядъ народа на семейныя связи несомнѣнно имѣетъ вліяніе на внутреннюю жизнь сердецъ любовниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на характеръ любовныхъ пѣсенъ Халхасовъ: онъ невольно долженъ привносить въ эти пѣсни грусть и раздумье влюбленнаго пѣвца, для котораго совмѣстная жизнь съ предметомъ своей любви естественно должна быть загадкою даже и въ то время, когда онъ находитъ къ себѣ взаимное сочувствіе. Для такой жизни Халхасу необходимо нуженъ бракъ, а онъ не можетъ быть устроенъ иначе, какъ только по согласію и выбору отца, матери и родныхъ жениха, за тѣмъ нужно еще чтобы согласовались всѣ ламскія примѣты, нужно чтобы было еще согласіе родныхъ невѣсты и пр. и пр. Такимъ образомъ Халхасъ можетъ любить избранницу своего сердца, можетъ сойтись съ ней до самыхъ близкихъ отношеній безъ всякаго порицанія со стороны народа, но жить съ нею постоянно онъ не можетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и удовлетворенъ, не можетъ быть и покоенъ, и радостенъ.

17.

дагàн дагàн харайгāн
данъдàн унучжѝ болодòк ӱгэ̀й
дамӯин ханиласàн амарàк байбáчи
дагӯлāт мордочжѝ болодòк ӱгэ̀й.

шихирыѝин амтà-ни
цзангāра идэчжѝ болодòк ӱгэ̀й
чжинъгэ̄т ханиласàн амарàк байбáчи
цзэргэлэ̄т мордочжѝ болодòк ӱгэ̀й.

Переводъ.

На двухлѣтняго моего карьку
Совершенно таки нельзя сѣсть;
Будь милая близко сошедшаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать вслѣдъ (т. е. жениться на ней).

Сладкій вкусъ сахара
Нельзя ѣсть какъ захочется;
Будь милая беззавѣтно слюбившаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать рядомъ (т. е. жениться на ней).

Эта боязнь за невозможность совмѣстной жизни такъ или иначе проглядываетъ въ каждой любовной пѣснѣ Халхасовъ.

18.

цзэ́гӯй! тӱдэ̄-ӱгэ̀й гӱйгэ̄т ирэхчѝ
дурахӯ сáйхан шаргà чинѝ
чжигӯ̄ртэн шубӯнар дэнчжигэ̄т ирэхчѝ
ю̄най хурдӯн морѝ бѝ.

актà моринàй алхадáлтай-ду
артàк торгóнай бӯтàй-ду
амарàк чинѝ́хэн чжисӯ́йги ӱцзэчжѝ
сэтхѝль минѝ сэргэнэ̀

алàк моринàй алхадáлтай-ду
алтàн горголтáйн чжиргэльгэн-дӱ
амарàк чинѝ́хэн чжисӯ́йги ӱцзэчжѝ
сэтхѝль минѝ сэргэнэ̀

цзóйра ӱгэ̀й инàк билэ̄
цзӱрхэнэсэ илгàл ӱгэ̀й
тӱгэ̄р цзойралā̄т бодохӯ-ду
ю̄най сонѝн амарàк бѝ

сабā ӱгэ̀й инàк билэ̄
сэтхилы́йн чинѝ са́йхан-дӯ
тӯбдэчжѝ сӯчжи ядамнàй
тӯргэнэ̄рэ мордочжѝ ӯлцзанàй

харахдахчѝ ханъга́йн ши́лэ-дӯ
хамугы́йн барā илэхэ̀н байтала̀
хамӯк бӯхӯни далдалахӯ
харанъго̀й манàнъ ба́йдак-ла̀.

цзорисо̀н хэрэгē̄н бӯтэ̄мнэй
цзоригāра хамтӯ чжиргахо́йн бэлэ̀к
хэрэ̀к ӱйлē̄н бӯтэ̄мнэй
хэмчжē̄ни ӱгэ̀й чжиргайя̀.

Переводъ.

Вотъ такъ! Не замедливъ прибѣжавшій
Худощавый, хорошенькій твой соловко,
Прибѣжавшій, поровнявшись съ пернатыми птицами,
Что это за быстрый конь!

Во время шаганья мерена,
Въ манистахъ изъ струистой матеріи,
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Во время шаганья пѣгой лошади,
При пѣніи фазана (= золотаго соловья),
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Есть не сравненный другъ,
Безразличный отъ (своего) сердца;
Какъ подумаешь, сравнивая съ нимъ,
Что это за новость любезный?!

Есть не постоянный другъ,
При симпатіи къ нему твоей души
Не можешь сидѣть и вытерпѣть,
Поскорѣе поѣхавъ, увидишься.

На пригоркѣ виднѣющагося Хангая
Видно все окружающее, а между тѣмъ
Способный все закрыть,
Мрачный туманъ существуетъ.

Исполняется свое задуманное предпріятіе
Признакъ общаго веселья по желанію;
Исполняются свои дѣла
Безгранично повеселимся!

Это объясненіе въ любви, стоящее о бокъ съ мыслью о томъ, что на свѣтѣ «существуетъ все закрывающій туманъ», лучше всего доказываетъ какъ близко подозрѣніе душѣ влюбленнаго халхаса, какъ опасается онъ за свое счастіе. Какъ народъ впечатлительный, Халхасы вообще любятъ женщинъ сильно, страдаютъ, болѣютъ душею, хотя и нельзя не сказать, что въ большинствѣ случаевъ это чувство ихъ бываетъ порывисто, оно скоро проходитъ и женщина въ сердцѣ Халхаса легко уступаетъ свое мѣсто предметамъ постоянной его преданности — буддизму и родинѣ.

бартàй сэргэ̀к борóйгāн
барāт сóйчжи унумнàй,
ӱндӱ̄р ханъгáйн шúлэ-дӱ̄
ӧрӧйн дурāра хатарійя̀
гахцà амарà̀к тэрэ̀ минѝ
гацзарьúйн холò морилахӱ̆-дӱ̄
доторò цзӱ̄рхэнэ̀й дундāса
толѝ мэтӱ̆ илэрхэ̀й
цоктӱ̆ бāхан чамайгāн
цокцà бэйѣнэй доторōсо
цочимà̀к санахў нѝ
цōцзанàй ӱ̄ргӱ̆сӱ̆ адалѝ
санāнай дурāра болōсай
салалтà ӱгэй сӱ̄гāсай
сáйхан амугулангāра
сансарāса гархӱ̆ болтогà̀й

Переводъ.

На ретиваго, горячаго сивку
Сѣвши поймавъ, да выстоявъ,
На пригорокъ высокаго Хангая
Выѣду рысью по своему желанію.

Единственный другъ она моя,
Какъ отправится въ дальнюю сторону,
Изъ средины сердца — внутренности
Ясна какъ зеркало.
О тебѣ ясной маленькой
(Я тревоженъ) всемъ существомъ,
Тревожное мышленіе
Какъ спицы шиповника.
Сдѣлалось бы по желанію,
Жили бы мы не разлучно,
Благомъ и спокойствіемъ
Да выйдемъ изъ сансары.

Странно однако то, что при всей незначительности браковъ по любви, и при той не свободѣ браковъ какая существуетъ у монголовъ вообще, у нихъ почти нѣтъ пѣсенъ съ жалобами на несчастные браки и Халхасы въ частности въ самомъ дѣлѣ живутъ по большей части согласно и счастливо въ семьѣ. Обусловливается это конечно съ одной стороны тою свободою отношеній, которою отличается монгольская жизнь, а съ другой и еще болѣе беззавѣтнымъ уваженіемъ всѣхъ вообще монголовъ къ личности родителей. Вступивъ въ бракъ, Халхасъ и Халхаска могутъ жить по прежнему свободно, лаская своихъ возлюбленныхъ, отдаваясь имъ всецѣло душею и тѣломъ; мужъ въ отношеніи жены и жена въ отношеніи мужа совершенно могутъ ограничиваться только исполненіемъ своихъ внѣшнихъ обязанностей, взаимно заботясь о покоѣ и довольствѣ другъ друга. Все это исполняютъ они по долгу, наложенному на нихъ родителями, считая грѣхомъ или даже невозможностію отступленіе отъ того, что признано ими за благо. Только самая несчастная, суровая жизнь вызываетъ жалобы монгола или монголки и тогда дѣйствительно положеніе рисуется совершенно несчастнымъ. Вотъ примѣръ такой пѣсни:

намайга̄н гэчжѝ санаба́ла
наймàн цзӯн наѝн гацзàр ӱгӧ̄ ӱгэ̀й да
алтà мӱ̈нъгӱ̀йги абуйя̀ гэчжѝ
абдàр хорòк чинѝ дӯ̄рбэ̀й да?

алу̀с холо̀ ӱгӱйѣ гэчжѝ
ашиктàй сана̄ чинѝ аму̀р бíй-да?
хадàм э̄чжíйн чинѝ хайрà ямарà-б-да?
хадàм э̄чжíйн хайрàни хэлэбэ́лэ
харганà модонай ӱргӱсӯн орòй да
хӱргэнэ̀й чинѝ хайрà ямарà-б-да
хӱргэнэ̀й чинѝ хайрàни хэлэбэ̀лэ
тэнъсэ̀н ташӯра̄н дэ̄рэ
гуилгэ̄т ба́ин-да
алтà мӱнъгӱйни буца̄т ӱго̄й да,
амарàк хӯхэнъ̄н буца̄т аб да
абада̄н хэлэхъ̄н аига̄т ба́йнда
амарàк э̄чжи миниѝ
аѝ, чѝ миниѝ мэдэ̀-да!

Переводъ.

Когда бы обо мнѣ своей ты думала,
Ты не отдала бы меня за 880 верстъ,
Намѣреваясь взять золото и серебро,
Наполнила ли свои сундуки и ящики?
Намѣреваясь отдать въ далекую даль,
Спокойна ли твоя жадная мысль?
Каковы ласки твоей свекрови?
Сказать ли о свекровьиныхъ ласкахъ, —
То верхушки спицъ хараганы,
Каковы ласки твоего зятя?
Сказать ли о ласкахъ твоего зятя, —
Бѣгать по толстой плети.
Возврати-ка ты ихъ злато, серебро,
Возьми-ка назадъ свою милую дочь,
Говорить своему батюшкѣ — опасаюся,
Любезная моя матушка,
Ты моя, знай-ка.

Пѣсни такого рода встрѣчаются весьма рѣдко: онѣ исключеніе изъ общаго правила, такъ же точно какъ, зная по наблюденіямъ жизнь монголовъ, я почитаю за исключеніе и подобныя отношенія супруговъ. Мнѣ кажется за симъ, что въ основѣ та-

кихъ отношеній, каковыя привносятся въ жизнь монголовъ вышепредставленною пѣснею, лежитъ прежде всего то, что женщина въ данномъ случаѣ является взятою «за 880 верстъ»: она не своя, не принадлежитъ къ родному хошўну, а это, какъ мы увидимъ ниже, имѣетъ весьма важное значеніе и вообще на взгляды и отношенія у Халхасовъ. Однохошунецъ всегда хорошъ, всегда принимается какъ родной; оттого и жена, которую въ большинствѣ случаевъ берутъ изъ своего хошўна, всегда можетъ пользоваться расположеніемъ, тѣмъ больше что, по обычаямъ, отъ нее ничего и не требуется кромѣ исполненія внѣшнихъ обязанностей. Другое дѣло—женщина, взятая изъ чужаго хошуна: положеніе ея дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ бываетъ несчастно и это не у однихъ только Халхасовъ, а, кажется, одинаково и у всѣхъ другихъ монгольскихъ племенъ (см. Бентковскаго «Женщина-калмычка» въ Сбор. Стат. св. по Ставр. губ. III, 97). У Бурятъ, по словамъ Щапова, жена взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ хотонѣ «настоящею рабынею» *). И такъ вотъ на чемъ зиждется счастіе супружеской жизни Халхасовъ: супруговъ прежде всего связываетъ родовой союзъ, единство происхожденія, единство родины, затѣмъ связь ихъ скрѣпляетъ вѣра въ ненарушимость счастія всего, что удостоилось родительскаго благословенія, наконецъ ихъ связываетъ если не любовь, то привычка и дружба. По первому разу женщина часто является у нихъ невольницей, рабою; но эта покорная раба постепенно мало по малу очаровываетъ своею послушностію мужа такъ, что онъ, считая себя неограниченнымъ властелиномъ, въ концѣ концовъ находится почти въ полномъ распоряженіи своей невольницы.

Пѣсенъ, которыя были бы сложены про чужія народности, всѣ вообще монголы имѣютъ очень мало безсомнѣнія потому, что они мало и приходятъ въ соприкосновеніе съ иноземцами. Болѣе другихъ извѣстны среди монголовъ конечно Китайцы,

*) Изв. Сибир. Отд. 1875 г. №№ 3 и 4, стр. 139.

Тибетцы и Русскіе; но насколько ограничены понятія Халхасовъ объ этихъ иноземцахъ достаточно яствуетъ изъ того, что для халхаскаго монгола напримѣръ понятіе Русскій равносильно понятію европеецъ и хотя Халхасамъ хорошо извѣстно о существованіи Англіи и Франціи какъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе Англичане и Французы, появляющіеся иногда въ степяхъ Халхи, принимаются Халхасами и извѣстны у нихъ подъ тѣмъ же именемъ — Русскихъ. Весьма вѣроятно, что этому не мало способствуетъ и то, что какъ европейцы, такъ и американцы ѣздятъ иногда по Халхѣ и особливо Ю. Восточной Монголіи подъ именемъ Русскихъ; но намъ нѣтъ дѣла вдаваться въ изслѣдованіе причинъ смѣшенія монголами различныхъ европейскихъ народностей; для насъ важенъ только фактъ смѣшенія, на основаніи котораго мы можемъ думать, что монголамъ естественно трудно уловить характерныя черты Русскаго, а отсюда и представленія ихъ необходимо должны быть чрезвычайно общи, ограничиваться одною внѣшностію; наконецъ самыя сужденія о европейскихъ народахъ, ихъ обычаяхъ и нравахъ, ихъ странахъ и богатствахъ, сбивчивы и поверхностны. Европейцы и американцы, или по халхаски — Русскіе, являются въ Халху по большинству случаевъ какъ торгаши металлическими вещами, Китайцы привозятъ матеріи и драгоцѣнные камни, оттого Россію, въ которую Халхасы никогда не заѣзжали, они представляютъ себѣ страною непрерывныхъ рудниковъ, изъ которыхъ гребутъ лопатами золото, серебро и другіе металлы. Понятія объ образѣ жизни другихъ, собственно азіятскихъ народностей и обитаемыхъ ими странахъ, каковы Китайцы и Тибетцы, у Халхасовъ конечно правдивѣе, потому что Халхасы часто сами посѣщаютъ эти страны и еще чаще приходятъ въ соприкосновеніе съ этими народностями у себя-дома; но все таки нельзя не сказать, что понятія эти смутны, что они заключаютъ въ себѣ гораздо больше вымысла и фантазіи, чѣмъ дѣйствительности. «Тӱмӱры́йн ха̄н — оро̀с-ту; чулӯнай ха̄н — хита̀т ту, номы́ин ха̄н — тӱбӱ̀т-тӱ», т. е. царь желѣза — въ Россіи, царь камня — въ Китаѣ, а

царь ученія — въ Тибетѣ, говорятъ монголы въ своей пословицѣ и на этомъ основываются ихъ главнѣйшія представленія о помянутыхъ народностяхъ. Тибетъ, какъ мѣсторожденіе Чжэбцзунъ Дамба хутухты и жилище Далай ламы, представляется набожнымъ монголамъ какою то священною страною, полною храмовъ и монастырей съ вѣчно совершающимися въ нихъ службами и неумолкаемымъ шумомъ отъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ и игры на музыкальныхъ инструментахъ, обильною святынями на столько, что всѣ жители ея блаженны. Всѣ Тибетцы преданы буддизму и почти ничего не дѣлаютъ кромѣ чтенія буддійскихъ книгъ, они ревниво охраняютъ свою чистоту и свои святыни и всѣми силами души стремятся къ соединенію всего священнаго въ своей странѣ. Отдѣльныхъ пѣсенъ про Тибетцевъ впрочемъ у Халхасовъ, кажется, не существуетъ вовсе и всѣ помянутыя черты выбраны мною изъ отдѣльныхъ строфъ и небольшихъ отрывковъ, попадающихся въ различныхъ пѣсняхъ Халхасовъ. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ пѣсенъ.

ӱргӱ̀н то̄лайн хӧбо̄-дӱ
ӱнъгэ̀ бӱрі́йн шубӯ бѝ
энэ̀ богдо́йн хурѣ̄-дӱ
хэлэ̀ бӱрі́йн амита̀н бѝ

дӱрбэльчжѝн шара̀ чжӯцзана̄ра
дӱтӱ̀ин цзама̄р цзалаба̀й
дӱрбӱ̀н аймагы́ин ха̄т-ни
думда̀ цзала̄т мӱргӱбэ̀й

ула̄н шара̀ хӱчжѝ-ни
хӱрѣ̄н дӱ̄рэ̄т тонълаба̀й
ула̄н шара̀ хӱхӱ̀р-ни
охторго̀й дӱ̄рэ̄т тонълаба̀й

лита̀н хамбо́йн тангут-на̀р-ни
харамсаху̀ янъцзата̀й
харамсаба́чи я̄ху-бѝ
халха́йн хобѝ я̄хибай

хӧхо̏ нӯр-ту тососо̀н
хӧсхо̏нэй акта̀ таргу̀н бѝ

хо̄рхэй мэльмэгэ̀р богдойга̄н
хӱйтэн сэрю̄нэр цзалаба̀й

эрхэмшѝк ба̄хан хӱрэ̀н чинѝ
ичжилѝйгэ̄н хойно̄сон тэмгӱльнэ̀й
эрхэмшѝк ба̄хан тэрэ̀ минѝ
э̄чжійгэ̄н хойно̄сон даганà̀й

амѝ насӯ уртудахӱ́йн гэ́м-ни
аю̄шійн чжинàнъ тальбиба̀й
дала̀й лама́йн адиса̄ра
тава̀р хамтӯ чжиргайя̀.

Переводъ.

На берегу широкой Толы
Находятся разноцвѣтныя птицы;
Въ этомъ монастырѣ святителя
Находятся существа всѣхъ языковъ.

На четырехугольныхъ, желтыхъ носилкахъ
Пріѣхалъ онъ ближайшей дорогой;
Ханы четырехъ аймаковъ
Принесли (его) всредину (храма и) поклонились.

(Дымъ) красно-желтыхъ курительныхъ свѣчь
Распространился, наполнивъ монастырь,
(Дымъ) красно-желтаго ладана
Разошелся, наполняя небо (т. е. пространство до неба).

Тибетцы изъ Литана, Кама и Уй
Имѣютъ завистливый видъ;
Хоть и завидуютъ, что дѣлать?!
Жребій Халхасовъ таковъ!

Жирны мерены подводъ его,
Соприкасающихся Хуху-нору,
Болѣзнаго и нѣжненькаго своего святителя
Привезли по холоду и прохладѣ.

Избалованный, маленькій гнѣдко твой
Плететсяпозади своихъ (лошадей съ которыми свыкся);
Онъ, мой изнѣженный малютка,
Слѣдуетъ за своею матерью.

Ради увеличенія лѣтъ жизни
Онъ совершилъ послѣдованіе Аюши;
Благословеніемъ Далэй ламы
Всѣ мы по желанію повеселимся!

Такъ выступаютъ вообще въ монгольскихъ пѣсняхъ Тибетцы. Какъ и въ представленномъ примѣрѣ, о нихъ упоминается обыкновенно кратко: выставляется одна, много двѣ черты ихъ характера, да и о тѣхъ говорится, какъ бы мимоходомъ. Все это безсомнѣнія обусловливается тѣмъ, что не смотря на близость церковныхъ отношеній, существующихъ между Монголіею и Тибетомъ, эти два народа сходятся между собою очень мало. Тибетцы въ настоящее время почти не посѣщаютъ Монголіи, и если приходятъ вмѣстѣ съ Чжэбцзунъ-дамба ламою, то и живутъ при дворѣ его, или при особыхъ кумирняхъ, держась въ недоступномъ величіи для народа. Для халхаскихъ ламъ они служатъ вѣроучителями, а отсюда естественно и общее уваженіе къ нимъ Халхасовъ; послѣдніе безотчетно благоговѣютъ передъ Тибетцами и всякое дурное слово о Тибетѣ считаютъ какъ-бы оскорбленіемъ своей святыни.

Совершенную противуположность въ этомъ отношеніи представляютъ Китайцы. Являясь въ Халху въ большинствѣ случаевъ какъ торговцы, они невольно входятъ въ соприкосновеніе съ народомъ, а сталкиваясь съ нимъ необходимо возбуждаютъ къ себѣ его ненависть. Эксплуатацію своихъ интересовъ со стороны купцовъ, гнетъ и поборы со стороны правительства, — вотъ единственные результаты, которые видитъ Халхасецъ отъ своихъ сношеній съ китайскою націею и онъ ненавидитъ ее всѣми силами своей души. Такимъ образомъ если Китайцы, въ своей литературѣ говоря о монголахъ, зачастую относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, а въ разговорахъ подтруниваютъ надъ ихъ простотою и, по выраженію Гюка, величаютъ себя «mangeurs des Tartares» *); то въ свою очередь и со стороны монголовъ они пользуются не болѣе лестнымъ мнѣніемъ. Насмѣшки и брань состав-

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 201.

ляютъ главнѣйшее содержаніе народныхъ монгольскихъ пѣсенъ про Китайцевъ. Въ нихъ соединяется все ненавистное и смѣшное для Халхаса, собираются всякаго рода отступленія отъ усвоенныхъ обычаями монголовъ порядковъ и все это приписывается Китайцу, чтобы только выставить его смѣшнѣе и постыднѣе. Въ большинствѣ случаевъ конечно говорится тутъ мѣткая правда, но иногда въ порывѣ ненависти монголы соединяютъ имя Китайцевъ даже и съ такого рода обстоятельствами, къ которымъ сыны небесной имперіи не причастны ни душой, ни тѣломъ; какъ напримѣръ видно то въ слѣдующей пѣснѣ:

бунъха̀нъ бунъха̀нъ ба́йшинъ да̄н
бу́к болосо̀н чжана̀к
бурха̀н номы́йн ӧмӧнӧ̄сӧ
ту́йтхэр болосо̀н чжана̀к
ту̀к дэльтэ̀й са̄рал чини̇̀
тугулы́йн цзэ̄лэйн дэ̄рэ уя̄тай
того̀ ба́нцзаль хои̇̀р ни
того̄ной цзӯнтэ̀й лабша̄тай
гинчжи̇̀ чирэсэ̀н нохо̀й чини̇̀
гэры́йги тӧ̄рӧ̄т хуцачжи̇̀ гэнэ̀
гэдэсӯ̀йги цатхаса̀н чжана̀к чини̇̀
хэкирэ̄т хокира̄т унтачжи̇̀ гэнэ̀
тархи̇̀ни нисаса̀н тахя̄ чини̇̀
табу̀н чжи́нъ-ду дӯгарчи̇̀ гэнэ̀
та̄тай хэбтэсэ̀н начи̇̀к чини̇̀
тӯ̄нэй дӯга̄р ябула̄ гэнэ̀.

Переводъ.

Китаецъ, ставшій букою
Въ своемъ домѣ (похожемъ) на могильный склепъ;
Китаецъ, ставшій помѣхою
Передъ Буддою и ученіемъ!

Имѣющій свалявшуюся гриву буланка твой
Привязанъ за веревочку (къ которой привязываютъ) телятъ;
Башмаки и набрюшникъ твой
Развѣшаны по лѣвой сторонѣ очага.

Волочащая цѣпь собака твоя,
Говорятъ, лаетъ (бѣгая) вокругъ дома,
Китаецъ твой, насытившій брюхо,
Говорятъ, спитъ, прихрапывая.

Твоя курица, взлетѣвшая на насѣсть,
Говорятъ, кричитъ въ пятую стражу;
Твоя Начикъ (собств. женск. имя), полюбовно лежавшая,
Говорятъ, ушла по ея крику.

Замѣчательно однако, что при всей своей ненависти къ Китаю, Халхасы совершенно не имѣютъ у себя пѣсенъ, выражающихъ какое либо чувство непріязни къ китайскому правительству: ни жалобы на судьбу, ни тяготы гнета, ни еще болѣе ничего, выражающаго желаніе освободиться отъ этого гнета никогда не встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ; въ нихъ нѣтъ даже и осмѣиванія китайскихъ правителей и чиновниковъ, хотя въ глазахъ народа эти послѣдніе конечно должны были бы стоять ни чуть не выше всѣхъ другихъ Китайцевъ. Пржевальскій, замѣчая эту черту монголовъ въ отношеніяхъ ихъ къ своимъ правителямъ вообще, находитъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія, что «дикая необузданная природа монгола требуетъ простора лишь своимъ дѣтскимъ привычкамъ и совершенно равнодушна къ страшной деспотіи въ соціальной жизни» *); но этого мало, и мнѣ кажется, что въ основѣ разсматриваемаго явленія лежитъ еще присущій монголамъ, какъ и всѣмъ, стоящимъ на низшей степени развитія народамъ, какой то неопредѣленный страхъ предъ правителями и князьями, убѣжденіе въ ихъ сверхъестественномъ избраніи и потому неприкосновенности ихъ особы. «Эцзэ̀н хāнайги холò гэчжѝ битэгэ̀й дайрà, эрэ̀ хӯныйги мӯ гэчжѝ битэгэ̀й бōлчилò», т. е. «не порицай хана, думая, что онъ далекъ; не порабощай мужщину, полагая, что онъ худъ», говоритъ монгольская пословица, и въ ней вполнѣ выражаются Халхасы, потому что ихъ дѣйствія въ данномъ случаѣ являются совершенно согласъ-

*) Пржевальскій. Монголія и страна Тангутовъ. Т. I, стр. 53-я.

ными съ убѣжденіями, сложившимися у нихъ еще въ глубокой древности. Вѣрованіе, что мужщина стоитъ выше женщины, что правители народа, цари и князья суть дѣйствительные избранники высшей, мудро и цѣлесообразно управляющей міромъ силы коренится у нихъ вѣками; оттого и противоборство правителямъ, этимъ избранникамъ судьбы по понятіямъ Халхасовъ, почитается не только напраснымъ, но и грѣховнымъ; — таково, говорятъ они, предопредѣленіе всемогущаго рока, распоряжающагося жизнью и дѣятельностію людей. Неоспоримо, что эти понятія существовали у Халхасовъ еще въ самое древнее время, буддизмъ же еще болѣе способствовалъ укрѣпленію ихъ. Таковы причины, по которымъ Халхасъ безропотно переноситъ теперь всѣ тяжести, налагаемыя на него правительствомъ.

хӯндӳйн цагàн чулӯ
хэдӳй хӯндӳ болбáчи
йэхэ далáйн дольгӣн-дӳ
эрхэ бишӣ шильчжирэдэк
хӯнэй гахцà ӳрэ ни
хэдӳй эрхэ болбáчи
гӳрӳнэй хāнай албàн-дӳ
эрхэ бишӣ мордодòк
аргáли гӧрӧсӧнӧй цзулцзагà,
алӳс харáйху болбáчи
ӯланай орбòн-дӳ
аргà-ӳгэй тӧрӧдӧк
āбà ӭчжíйн ӳрэ ни
амарàк эрэ болбáчи
абàй хāнай албàн-ду
аргà ӳгэй мордодòк
ӭчжíйн минӣ ӧгӧсòн
эрѣн шарà маюцза
эцзэн хāнай хотòн-дӳ
эмӭль дӭрэн эльгӭсэй
āбáин минӣ ӧгӧсӧн
алтàн шарà нумӳн бӣ
абàй хāнай хотòн-дӳ
гальчжӣр ӳгэй эльгӭсэй

одòн сарàин тӯгэ̀ль-ни
охторгóйн манѝ чимэ̀к бѝ
олòн ноидыйн чӯлгàн ни
тӯрӯ̀ин манѝ чимэ̀к бѝ.

Переводъ.

Бѣлый камень пещеры,
Какъ бы ни былъ онъ тяжелъ,
А въ волнахъ великаго моря
Непремѣнно выбивается;
У человѣка единое дѣтище,
Какъ бы ни было оно изнѣжено,
А на службу къ правителю царства
Непремѣнно отправляется.
Дѣтенышъ дикаго аргали,
Хоть и далеко онъ прыгаетъ,
А въ разсѣлинахъ горъ
По неволѣ обходитъ;
Дѣтки батюшки да матушки,
Хоть и милы и мужественны,
А на службу батюшки царя
Непремѣнно отправляются.
Матушкой моею данную
Пестрожелтую сумку
Въ ханскомъ городѣ государевомъ
На верху сѣдла привѣсить бы!
Подаренный моимъ батюшкой
Золотой желтый лукъ
Въ городѣ батюшки царя
Пристягнуть бы не на кривь, вкось!
Сіяніе звѣздъ и луны
Украшеніе нашихъ небесъ;
Собраніе многихъ князей
Красота нашего правительства.

Вотъ характеръ современной военной пѣсни Халхасовъ: они не воспѣваютъ своихъ князей и богатырей, какъ это находимъ мы въ пѣснѣ, представленной Тимковскимъ *), не ждутъ дивнаго

*) Путешествіе въ Китай. Ч. III, стр. 307.

Тимура, чтобы подъ его покровительствомъ вспомнить свое старое, славное время, какъ то видимъ мы въ пѣснѣ, записанной Гюкомъ *), а напротивъ, увлекаются только мелочью, — какъ бы пристегнуть покрасивѣе пеструю сумку, да повѣсить не на кривь вкось свой лукъ. О битвахъ за родину Халхасы и не думаютъ, да кажется и страшатся теперь настоящей то битвы. Какъ кипитъ бранью ихъ сердце, какъ оно полно мужества и огня, лучше всего доказываетъ пословица: «хо̄сун бӯйги хорѝн хӯн а́йна», т. е. «незаряженаго ружья двадцать человѣкъ боятся». Еще безотраднѣе кажется то, что Халхасъ теперь уже не думаетъ о службѣ своему народу, а ѣдетъ къ Гӱрӱнэй хан'у, т. е. маньчжурскому императору. Можно заключать отсюда, что у Халхасовъ даже и не существуетъ мысли объ освобожденіи отъ постыднаго рабства: они чувствуютъ его тяжесть, но сознаютъ себя безсильными, чтобы сбросить его, — свое положеніе они считаютъ неотвратимымъ предопредѣленіемъ рока, противъ котораго невозможно бороться и которому необходимо должно подчиниться. Родовыхъ князей Халхасы теперь уже отвыкли считать своими верховными владыками, они не гордятся службою въ ихъ рядахъ, какъ мы видимъ то въ пѣснѣ, записанной Тимковскимъ, и даже не говорятъ объ этой службѣ, считая себя, хотя можетъ быть и не по желанію, а только изъ за честолюбія, китайскимъ войскомъ. Впрочемъ я ни чуть не прочь и отъ той мысли, что халхаскія войска защищаютъ вполнѣ сознательно и честно своихъ китайскихъ властителей; потому что они почти на столько же близки душѣ ихъ, какъ и свои родовые князья. Я говорилъ уже, что Халхасъ понимаетъ родину черезъ чуръ узко: люди чужаго хошуна для него уже не свои, а чужаго аймака — совершенные иностранцы. Распри князей, которыя сѣяли встарину, да и теперь еще время отъ времени продолжаютъ посѣвать между халхаскими князьями Китайцы, довели уже народъ до того, что онъ почти каждаго чужехошунца считаетъ за своего

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 89.

заклятаго недруга; оттого во всей Халхѣ нѣтъ ни единодушія, ни сознанія родства и братства: каждый хочетъ выслужиться, роя подъ другимъ яму, одинъ ненавидитъ другаго, позволяетъ себѣ надъ нимъ всякаго рода насмѣшки, оскорбленія, униженія и т. д. Само собою разумѣется, что и эта черта не преминула найти себѣ выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ, хотя опять-таки всѣ насмѣшки и остроты въ этомъ случаѣ не касаются князей, а согласно коренному убѣжденію монголовъ обращены на низшую, безотвѣтную половину общества — женщинъ.

ту́ин голы́йн модо́йги
тӱймӯр идэсэ̀н я̄санъ-бѝ?
тӱшѣтӱ̆ ха̄най хӯхэн
тэмбӯ̆ идэсэ̀н я̄сан бѝ?

цзабха̀н голы́йн модо̀
цзалалту̀ ӱгэ̀й са́йхан
цзасакту̀ ха̄най хӯхэн
уцзэлту̀ ӱгэ̀й са́йхан.

Переводъ.

Какъ сталось, что пожаръ уничтожилъ
Деревья по рѣкѣ Туй?
Какъ сталось, что сифилисъ заѣлъ
Тушѣту-хановскихъ дѣвушекъ?

Деревья по рѣкѣ Цзабханъ
Безъ правѝла хороши;
Цзасакту-хановскія дѣвушки
Не наглядно хороши.

Это оскорбленіе, брошенное на весь аймакъ, ясно показываетъ, какъ разрозненно живутъ теперь между собою Халхасы, какъ слабо въ душѣ ихъ родственное, единоплеменное чувство и какъ трудно предположеніе о соединеніи ихъ снова въ единое, нераздѣльное цѣлое. Политика Китая, кажется, сдѣлала съ ними свое дѣло: матеріальное истощеніе страны прежде всего убило мужество и нравственныя силы Халхасовъ; распри и раздоры

породили у нихъ разъединенность родовъ, а за симъ естественно появилась неувѣренность въ своихъ силахъ; какъ средство самосохраненія возникли козни другъ противъ друга и каждый началъ носить въ себѣ явную, или скрытую зложелательность къ своему собрату. Однимъ словомъ исторія Халхасовъ въ этомъ случаѣ есть новое и лучшее подтвержденіе словъ Гомера:

Ἥμισυ (γάρ) τ' ἀρετῆς ἀποαίνυται εὐρύοπα Ζεὺς
Ανέρος εὖτ ἄν μιν κατὰ δούλιον ἦμαρ ἕλῃσιν *).

Буддизмъ докончилъ это дѣло убійства Халхасовъ, такъ что новое возвращеніе ихъ къ политической жизни намъ кажется положительно не возможнымъ и напротивъ все какъ будто свидѣтельствуетъ о скорой смерти этой народности. Уже и теперь Халхасъ не живетъ, а только въ періодѣ своего существованія на землѣ извращаетъ свою природу и страдаетъ душею и тѣломъ. Черезъ три года послѣ появленія на свѣтъ, онъ дѣлается ламою и балованнымъ ребенкомъ; съ десяти до семьнадцати заучиваетъ нѣсколько молитвъ и усвояетъ себѣ науку ханжества, притворства и обмановъ; въ двадцать лѣтъ начинается у него жизнь полная разгула и лишеній, крайней неумѣренности и грубыхъ чувственныхъ наслажденій; все это въ одинъ десятокъ лѣтъ дѣлаетъ изъ него изнѣженнаго и истасканнаго лежня, для котораго тяжела всякая дѣятельность. Подъ старость Халхасецъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, ищетъ дѣйствительно утѣшенія въ буддѣ и изнываетъ душею о сдѣланныхъ грѣхахъ. Вотъ примѣръ пѣсни этого періода:

цзэ̀-гӱйѣ̀, цзэ̀-гӱйѣ̀, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
анъха̀ бага̀ насӯн-да̄н
ачитӯ лама̀-да̄н учира̄т
асара́л-дуни дашӯрмани
арю̄н сӱцзӱгэ̄р шӱтӱсэ̀н ӱгэ̀й
эгэ̀ль адалѝ ӱцзэсэ̀н-дэ̀н

*) Одиссея XVII — 332.

эцӱсы́йн хэрэ̀к минѝ хоцорла̄
ӧнгӧрӧсо̏ни хо́йно саначжѝ,
ӧ̄рӧйн бэйѣ̀-дэ̄н гомодона̀.

цзэ́-гӱйѣ̀, цзэ́-гӱйѣ̀, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
тусата̀й цзарлигы́йги чинѝ соносба́чи
тоилта̀й эсэ̀ абуса́на̄р
томо̄ ӱгэй нӱхӱт-тэ̀й ханила̄т,
тонилху́-йн сӱнэсӱ̀йги орхина̀
харѝн га́ли бариса̀н-да̄н
хаму̀к хэрэгэ̄сэ хоцорба̀
ахиху̀ ирэхӱ̀й-дӱ
арга̀ ӱгэ̀й доторо̄со цзобона̀

цзэ́-гӱйѣ̀, цзэ́-гӱйѣ̀, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
улу̀с ӱхӱхӱ̀йги ӱцзэбэ́чи
улата̀й цзӱрӱхэнѣ̄н доторо̄со
у́йтхар эсэ̀ тӱрӱсэ́нэ̄р
уда̄хан сӯху шѝк санатала̀
идэ̀р-дӱ-нѝ эцичжѝ ябуса̄ра
э́йми болху́йги мэдэсэ̀н ӱгэ̀й.
ула̀м насу̀ ахиху̀й-ду
урумчѝ ӱгэ̀й санакдана̀

цзэ́-гӱйѣ̀, цзэ́-гӱйѣ̀, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
сансары́йн цзоболонгы́йги мэдэбэ́чи
самӯ мунъхага̄р соктӯра̄т
сана̄н-ду ӱгэ̀й ябуса̄р
санвар танъгаригы́йги орхиба
насуна̀й бага́-ин омога̄р
найма̀н но́м-ду хӯртала̄ бѝ,
тэрсӱ̀т цзанъначжѝ ябуса́н-да̄н
тэстэшѝ ӱгэ̀й гэмшинэ̀

цзэ́-гӱйѣ̀, цзэ́-гуйѣ̀, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
амита̀н эхэ-дэ̄н мэдэбэ́чи
амя̄н дото̄гор санаса̀н-да̄н
абура̀л ӱгэ̀й хоні́йги чѝ
алӯльчжи миха́йги идэбэ̀
ӧ̄рӧйн гэчжѝ санаса̀н-да̄н
ӱдӱй хилинцэ̀ хура̄бай
энэрѝль ӱгэ̀й я̄хиса̀н да̄н
элихэ̀ минѝ эмхинэ̀.

цзэ́-гӱйѣ, цзэ́-гӱйѣ, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
буда̀н шѝк хо̄сун орчилангы́йги
бодота̀й баричжѝ ябуса̀н-да̄н
бурӯ цза̀м-ду то̄ро̄т
булѝ цзоболонъту̀ болба̀й бѝ
хо̄сун эсэ̀ унуса̀н-да̄н
хочжимха̀н чѝ яма̀р болху̀ била̄
энэ̀ хо́йту хоиры́йги
эцигэ̀ богдо̀ айла̀т.

цзэ́-гӱйѣ, цзэ́-гӱйѣ, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама̀ минѝ!
номо̀й цзалхӯ алгасанъго́йга̄р
ном-ѝ эсэ̀ хи́сэн да̄н
тэнъсэлэхӯ сэтхѝль тӱрӱхӯй-дӯ
дэмэ̀й цзога̀ дӯлаба̀й

цзэ́-гӱйѣ, цзэ́-гӱйѣ, абура̀н соирха̀ лама̀ минѝ, лама минѝ!

Переводъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ своемъ раннемъ младенчествѣ
Сошелся я съ благодатнымъ ламой,
Но не влекся къ его милосердію,
Не полагался (на него) съ чистымъ благоговѣніемъ;
Въ моихъ грубыхъ воззрѣніяхъ
Погибли мои конечныя дѣла
И думая о загробномъ
Тревожусь я въ себѣ самомъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Твою благую рѣчь я слышалъ, но
Не принялъ ее всецѣло,
Сдружившись съ глупыми друзьями,
Оставилъ я душу̀ спасенья;
А между тѣмъ держа огонь,
Остался я отъ всякихъ дѣлъ;
И приходя къ уничтоженью,
Безсильно мучусь самъ въ себѣ.

Ахъ, ахъ, соизво́ль спасти, лама мой, лама мой!
Хоть и видалъ я смерть людей,
Но изъ среды грубаго сердца

Не возрождалося тоски.
Какъ будто долго жить, я думалъ и,
Истощаваясь въ юныхъ силахъ,
Не зналъ о томъ, что будетъ такъ;
Когда жъ прошелъ по малу вѣкъ,
Мнѣ мнится дѣло безъисходнымъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть зналъ я о мученьяхъ міра
Но пьяный пылкимъ неразумьемъ,
Я жилъ не приводя на мысль (т. е. эти мученія)
И отвергъ клятвы и обѣты;
По свойству краткости жизни,
Я заблуждался въ восьми номахъ;
Проживъ же какъ еретики,
Теперь крушусь невыносимо.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть признавалъ я за свою мать живыхъ существъ,
Но размышляя лишь о жизни,
И беззащитную овечку
Велѣвъ убить, я мясо ѣлъ.
Я думалъ, — это, вѣдь, свое,
И собралъ эстолько грѣховъ;
Въ моихъ безжалостныхъ дѣяньяхъ
Изныла внутренность моя!

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Миръ, какъ туманъ пустой,
Считалъ я истиннымъ и въ жизни,
Родившись на пути грѣховномъ,
Сталъ вздорнымъ и несчастнымъ;
Не понималъ я пустоты;
Впослѣдствіи же что будетъ,
Вѣдай ты, святой отецъ,
И эту жизнь и то что впредь.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ разгулѣ, лѣни, развлеченьяхъ
Не исполнялъ я добрыхъ дѣлъ;
При мысли покаянья
Напрасно развлекаясь, пѣлъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!

Пѣсня эта по составленію приписывается Галсанъ-Цэрэну, брату Мэргэнъ-вана. Разсказываютъ, что будучи вторымъ сыномъ Мэргэнъ-вана, онъ былъ постриженъ отцемъ въ ламы, получилъ хорошее образованіе, конечно въ буддійскомъ духѣ, и готовился быть Хамбо-ламою Ноин-гэгэновскаго кита (монастыря). Семьнадцати лѣтъ Галсанъ-Цэрэнъ, влюбившись въ дочь сунитскаго вана, отказался отъ хамбо'ской каѳедры въ пользу своего младшаго брата, бывшаго также ламою, а самъ оставилъ духовное званіе и женился на своей возлюбленной. Пѣсня эта была составлена Галсанъ-Цэрэномъ вскорѣ послѣ смерти жены, когда ему было уже около 55 лѣтъ отъ роду. Умеръ Галсанъ-Цэрэнъ въ 1842-мъ году, т. е. въ послѣдній годъ Дао-Гуана.

Пѣсни Ölötовъ.

Названію Ölötъ я хочу придать то значеніе, которое придаютъ ему сами монголы, т. е. употребляя его какъ нарицательное имя для всѣхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ поколѣній. Такое значеніе, насколько мнѣ извѣстно, прилагается у насъ къ имени *Ölötъ* впервые и хотя вопросъ объ имени Ölötовъ и Ойратовъ уже неоднократно былъ поднимаемъ европейскими оріенталистами, однако до сего времени онъ все еще не былъ опредѣлительно рѣшенъ въ европейской литературѣ о востокѣ. Такимъ образомъ одни считали эти прозванія за собственныя имена отдѣльныхъ поколѣній (Палласъ въ его Sammlungen historischer Nachrichten T. I, S. 6; Банзаровъ — Объ Ойратахъ и Уйгурахъ, — Библ. вост. ист. Т. I, стр. 84; Шмидтъ, — Geschichte der Ost Mongolen, S. 375; Тимковскій, Клапротъ и др.); другіе принимали ихъ за одно и тоже, признавая имя Ölötъ искаженіемъ, привзошедшимъ въ монгольскую литературу отъ Китайцевъ, которые транскрибировали слово Ойраты какъ «Валатэ, Элютэ» и пр. (О. Палладій). Мнѣ кажется, что разобрать этотъ мракъ, лежащій на имени Ойратовъ и Ölötовъ, особливо въ древнемъ періодѣ монгольской исторіи, въ настоящее время

положительно не возможно по недостатку историческихъ данныхъ. Достовѣрно только одно, что имена Ойратъ и Ölötъ никогда не были собственными именами какихъ либо отдѣльныхъ поколѣній, а были, какъ и теперь *), нарицательными для нѣсколькихъ частныхъ родовыхъ именъ и за симъ, что Ойраты временъ Чингиса, во все не то, что Ойраты позднѣйшаго времени. Что касается происхожденія имени Ölötовъ по воззрѣніямъ собственно монголовъ, то объ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, также не было сообщено еще ни однимъ изъ европейскихъ изслѣдователей монгольской исторіи. Легенда, объясняющая небесное происхожденіе чжунгарскихъ князей и родоначальника ихъ Чороса, разсказанная въ исторіи Батуръ Убуши Тюменя **), въ Монголіи передается нѣсколько иначе и пространнѣе. По послѣдней, малютка Чоросъ, получившій свое собственное имя отъ формы дупла, въ которомъ онъ лежалъ (цорго), своими воспитателями былъ положенъ въ колыбель (ӱлэгэй) изъ дерева агаръ цзанданъ, а потому и произшедшія отъ него четыре поколѣнія получили прозваніе «ӱлэгэтъ» т. е. «колыбельные». Отставляя въ сторонѣ все это баснословіе, мы принимаемъ только заключеніе монгольскихъ лѣтописей: дӱрбэн ойрат ӱлэгэт ясутан эгӱн-эцэ эгӱсчжӱхӱй, — «четыре Ойрата принадлежащіе къ кости «ӱлэгэт» начались отсюда» ***). Такимъ образомъ происхожденіе имени Ölötовъ, какъ фамильнаго прозванія различныхъ родовъ по кости, существо-

*) Въ настоящее время всѣ чжунгарскія поколѣнія, каковы: Торгӯты, Хошуты, Хойты и др., въ обыкновенномъ разговорѣ одинаково называютъ себя Ölötами. Въ Кобдо, гдѣ особливо много сходится людей самыхъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, бывало вспрашиваешь какого либо своего собесѣдника, «Ты кто такой, Халхасъ что ли?» «Нѣтъ, — Ölötъ». «Какого поколѣнія?» — «Хойтъ». Впрочемъ этотъ выводъ объ употребленіи имени Ölötъ можетъ быть подтвержденъ и литературными произведеніями монголовъ. Въ Илэтхэль шастрѣ и лѣтописи Эрдэнійн эрихэ біографіи ӧлӧтскихъ князей весьма часто начинаются слѣдующими словами: энэ хэмэбэсӱ ӱгэлэдун хӱмун Торгӯтъ (или Хошӯтъ, Чоросъ и др.) обоктай, «т. е. это ӧлӧтскій человѣкъ, принадлежащій къ фамиліи Торгутъ (или Хошутъ, Чоросъ и др.)».

**) Сказаніе о Дӧрбӧн Ойратахъ. Перев. Лыткина. Астрах. Губ. Вѣдом. №№ 43—50. 1859 г. и №№ 11—13, 1860 г.

***) Эрдэнійн эрихэ гл. 33, листъ 46-й.

вало у монголовъ еще въ доисторическую или, если только можно такъ выразиться, до чингисовскую эпоху. Поколѣнія эти считались родственными между собою и конечно въ этомъ значеніи могли называться «ойрат», что значитъ буквально даже не «союзникъ», какъ у насъ обыкновенно переводятъ это слово, а вообще «близкій». Дорчжи Банзаровъ говоритъ, что до Чингиса «Ойраты составляли обыкновенный монгольскій *Илъ*, или *Орду*, а не союзъ племенъ» *); но на это мы имѣемъ замѣтить, что сверхъ вышеупомянутаго преданія Сананъ Сэцэнъ, упоминая впервые объ Ойратахъ въ своей исторіи, не называетъ ихъ отдѣльнымъ поколѣніемъ, а пересчитывая четыре поколѣнія, подводитъ ихъ подъ названіе «Ойратскихъ» **); ясно, что Ойратъ есть единое нарицательное для нѣсколькихъ отдѣльныхъ поколѣній. Правда, что первымъ изъ перечисленныхъ четырехъ ойратскихъ родовъ у него является «ӱгэлэ̀т», но замѣчательно, что это поколѣніе затѣмъ не упоминается рѣшительно нигдѣ во всей его исторіи, тогда какъ всѣ другія выступаютъ въ разныхъ мѣстахъ ея подъ тѣмъ же прозваніемъ ойратскихъ (Багатудъ стр. 152; Хойтъ стр. 208; Кэргудъ стр. 142). Мусульманскіе писатели во все не знаютъ объ имени Ӧлӧтъ или ӱгэлэ̀тъ во времена Чингисъ хана; имъ извѣстно только Ойратъ или Уйратъ ***), о которомъ на основаніи сообщаемыхъ ими свѣдѣній трудно сказать было ли оно нарицательнымъ для нѣсколькихъ поколѣній, или собственнымъ именемъ для одного. Съ своей стороны я болѣе склоненъ думать, что оно является у нихъ какъ нарицательное; потому что ни у одного изъ мусульманскихъ историковъ, не встрѣчается именъ выше указанныхъ частныхъ поколѣній, входившихъ въ составъ Ойратовъ, хотя Ойраты фигурируютъ у всѣхъ ихъ: понятная вещь, что всѣ эти частныя поколѣнія были извѣстны мусульманамъ подъ однимъ своимъ общимъ именемъ. Что ка-

*) Библіот. Восточ. Ист., Т. I. «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ», стр. 24.

**) Geschichte der Ost-Mongolen, s. 57.

***) Baron Desmaison, — Histoire des Mongols par Aboul-ghasi, T. II, p. 46; Библіот. Восточн. Истор., т. I, стр. 45; Сборникъ лѣтописей—Березина, стр. 126.

сается китайскихъ историковъ, то у нихъ *Валатэ*, или *Элютэ* являются въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ XIV и въ началѣ XV вв., т. е. тогда, когда составился союзъ чжунгарскихъ племенъ въ противодѣйствіе нападеніямъ монголовъ. О. Іакинфъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, утверждаетъ, что имя Элютэ, получило свое начало со временъ Элютэя: «Князь Элютэй, говоритъ онъ, былъ на столько славенъ въ Монголіи, что по его имени и всему его поколѣнію дано названіе *Элютъ*» *). Но это свѣдѣніе уже положительно не выдерживаетъ ни какой критики. Элютэй есть исковерканное Китайцами имя монгольскаго князя Аруктая, который никогда не принадлежалъ къ Ойратамъ и былъ всегдашнимъ противникомъ ихъ усиленія; ergo давать по нему имя какому либо изъ ойратскихъ племенъ по меньшей мѣрѣ странно; допустить же чтобы собственное поколѣніе Аруктая измѣнило свое имя мы положительно не можемъ, ибо намъ достовѣрно извѣстно, что по своему происхожденію Аруктай принадлежалъ къ монгольскому поколѣнію Асодъ, которое сохраняло свое имя не измѣннымъ и послѣ Аруктая и является съ нимъ въ послѣдующей исторіи монголовъ **). Впрочемъ вліяніе Аруктая на имя Ölотовъ признается и монголами и именно они говорятъ, что Аруктай переиначилъ бывшее до сего времени слово «ӱлэгэ̀т», въ «ӱгэлэт», т. е. собственно «ӧ̄лӧт» ***). Сущности нашего вопроса однако такое измѣненіе не коснулось ни сколько, и имя «ӱгэлэ̀т» осталось такимъ же общимъ для всѣхъ ойратскихъ племенъ до настоящаго времени, какимъ видѣли мы его и вначалѣ въ формѣ «ӱлэгэ̀тъ», т. е. оно очевидно признается фамильнымъ прозваніемъ чжунгарскихъ родовъ. Илэтхэль Шастра, изданная въ 44 г. правленія Цянь-Луна, перечисляя племена прежнихъ Ойратовъ говоритъ, что въ число ихъ входили: Хошӯтъ, Торгӯт, Цзӯн-гаръ и Хойтъ и всѣ они вмѣстѣ назывались Ölötами (цӯм

*) Историч. обозрѣніе Ойратовъ. 13.

**) Geschichte der Ost-Mongolen s. 144, 152, 168, 200.

***) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 33. Листъ 46.

ӱгэлэ̀т хэмэ̀н нэрэйтчжӱхӱй) *). Начиная говорить такимъ образомъ о пѣсняхъ Ölötовъ, я буду приводить и разбирать по сему пѣсни помянутыхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ или калмыцкихъ племенъ совокупно.

Ölöты, какъ и Халхаскіе Монголы, въ настоящее время совершенно утратили свою самостоятельность и состоятъ подъ владычествомъ Китая, но это подчиненіе ихъ совершилось почти спустя сто лѣтъ послѣ подданства Халхи. Вематриваясь въ исторію Ölötовъ, нельзя не видѣть рѣзкаго почти до противуположности различія ихъ отъ Халхасовъ, хотя внѣшнія стороны и условія жизни были у нихъ, по видимому, совершенно одинаковыми. Какъ и всѣ монголы Ölöты всегда вели кочевой образъ жизни и были привязаны къ нему пожалуй даже не столько въ силу естественныхъ условій быта, сколько по своимъ убѣжденіямъ: «доставляетъ удовольствіе, говоритъ Белль, слушать, какъ горюютъ они о несчастіи тѣхъ людей, которые живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, и принуждены питаться своими трудами; по ихъ мнѣнію, — это составляетъ самую высшую степень рабства» **). Но будучи завзятыми кочевниками, Ölöты очевидно воспитывались и жили не такъ, какъ воспитывались и жили Халхасы и прежде всего они не были ни такъ беззаботны, ни такъ апатичны. Вся исторія Ölötовъ, начиная съ конца XIV в., полна извѣстіями объ ихъ воинственныхъ набѣгахъ на сосѣднія племена: подъ свою власть они не только подчиняли Халхасовъ, но простирали свои виды и на Китай, думая о новомъ возсозданіи владѣній и имени Юаньской имперіи. Слава и успѣхи ихъ въ самомъ дѣлѣ были такъ блестящи, что Эсэнь, какъ извѣстно, принявъ въ 1454 г. ханскій титулъ, уже оффиціально провозгласилъ себя Юаньскимъ императоромъ и въ бумагѣ, отправленной въ этомъ году Китайскому двору, называлъ себя «великимъ Ханомъ, Тяньшэнъ, великой династіи Юань», а годамъ своего правленія далъ

*) Цзарлик йер токтогахсан гадагаду монголъ ходонъ аймагудун ван гун гудун илэтхэль шастиръ тетр. 81-я. Листъ 4-й.

**) Jean Bell d'Antermony. Voyage de Russie à Pékin. T. I, pag. 58.

прозваніе Тянь-юань. Со смертію Эсэня, по выраженію о. Іакинфа, Ölöты какъ бы усыпаютъ на цѣлые полтора вѣка, т. е. до начала XVII столѣтія, но мнѣ кажется, что въ дѣйствительности они во все не усыпали: ихъ дѣятельность не была только покрываема такою славою и не выражалась въ такихъ обширныхъ предпріятіяхъ какъ это было въ первой половинѣ XV в. Изъ сказаній Минь-ши (328 цзюань; Лѣ-чжуань — 216) оказывается, что Ölöты въ это время вели постоянные набѣги и битвы въ мѣстахъ притяньшанскихъ, доходя на востокъ до Хами; въ монгольскихъ же лѣтописяхъ хотя и въ весьма незначительной степени, но все же сохранились извѣстія о нападеніяхъ ихъ и на Халхасовъ. Все это если и не свидѣтельствуетъ намъ о могуществѣ Ölötовъ въ этотъ періодъ, то по крайней мѣрѣ ручается за то, что они и теперь не были совершенно бездѣятельны, а напротивъ носили въ себѣ ту-же бодрость, отвагу и жажду къ набѣгамъ. Политическое ничтожество ихъ обусловливалось вѣрнѣе всего отсутствіемъ даровитыхъ личностей предводителей; что же касается народа, то онъ очевидно оставался тѣмъ же могучимъ и дѣятельнымъ. Недальновидность князей могла быть совершенно достаточною причиною, чтобы силы Ölötовъ бездѣйствовали въ достиженіи своей собственной славы, но это не говоритъ еще о томъ, чтобы этихъ силъ не было вовсе, или же чтобы они уснули въ совершенномъ бездѣйствіи. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, ибо мы знаемъ, что Ölöты въ этотъ періодъ неоднократно являются то тамъ, то сямъ, въ видѣ наемныхъ войскъ, сражаются и одерживаютъ побѣды. Около 1490 г., по сказанію Минь-ши, въ то время, когда Турфаньцы овладѣли Хами, главный прокуроръ Сюй-цзинь подкупалъ два ölötскіе рода, чтобы они напоромъ своихъ войскъ удалили враговъ и Ölöты исполнили это дѣло; въ 1518 г. Бу-лю-ванъ разбиваетъ три Турфаньскихъ города, убиваетъ и захватываетъ въ плѣнъ до 10 тыс. человѣкъ; позднѣе онъ, по требованію Китайцевъ, удаляется со своею ордою на СЗ *)

*) Минь-ши Цзюань. 328.

и конечно не безъ борьбы долженъ былъ онъ пріобрѣтать себѣ новыя кочевья. Еще дальше во второй половинѣ XVI в. сами монголы въ поэмѣ Убаши хунътайчжи выставляютъ общую характеристику ойратскихъ поколѣній въ слѣдующихъ словахъ: «четыре Ойрата подобно ежевымъ игламъ и клыкамъ лютыхъ звѣрей, живутъ сомкнувшись въ четырехугольникъ», это обозначало, что Ойраты всегда дружно готовы были дать битву нападающимъ на нихъ непріятелямъ; частная же характеристика въ той же поэмѣ ойратскихъ владѣтелей можетъ быть для насъ только болѣе полнымъ разъясненіемъ мужества и предпріимчивости какъ этихъ владѣтелей такъ и всего ойратскаго народа *). Съ конца XVI в. у Ölötовъ снова появляются вожди еще болѣе предпріимчивые и описаніе подвиговъ ихъ снова начинаетъ занимать собою всѣ страницы исторіи. Такимъ образомъ, разсматривая различныя сказанія объ Ölötахъ, мы не можемъ непризнать какъ основную черту характера этого народа его наклонность къ подвижности, борьбѣ и упорному стремленію въ достиженіи своихъ цѣлей. Знаменитый изслѣдователь татарскихъ народностей Палласъ приписываетъ эти же самыя черты калмыкамъ и на основаніи только личнаго знакомства своего съ этимъ народомъ и наблюденій надъ его характеромъ, а потому и считаетъ его лучшимъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ кочевниковъ. «Всѣ тѣ народы, говоритъ онъ, которые ведутъ безпечную кочевую жизнь, по природѣ склонны къ праздности, калмыки же по ихъ ревниво-дѣятельному духу въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы трудолюбивыми» **). Эта бодрость и подвижность, которую одинаково замѣтили у Ölötовъ и другіе путешественники (Георги-Опис. нар. Ч. III Калм. стр. 9-я) составляетъ основную черту различія ихъ отъ Халхасовъ, а за симъ и конечно на основаніи ея сложилось и все другое, чѣмъ отличается жизнь Ölötовъ отъ

*) Труды Археолог. Общ. Ч. 6-я, стр. 217. Голстунскій. — Убаши хун-тай чжи, стр. 3—4.

**) Pallas. Reise. T. I, 308.

халхаской. Князья ихъ, будучи такими же подвижными и дѣятельными личностями какъ и самый народъ, ими управляемый, естественно должны были приходить гораздо болѣе въ соприкосновеніе съ своими данниками, чѣмъ то можемъ предполагать мы у Халхасовъ: ведя по преимуществу лагерную, боевую жизнь, они невольно должны были сближаться съ народомъ, видѣть свою опору въ его силѣ, а это несомнѣнно побуждало ихъ и заботиться о народѣ и снискивать любовь его. Таковыми они были и дѣйствительно. Белль, сообщающій въ своемъ путешествіи небольшую замѣтку о Чжунгарахъ, выражаетъ отношенія князей ихъ къ своему народу въ такихъ словахъ: «Контайша чрезвычайно заботится о пользахъ своего народа и соблюдаетъ въ отношеніи его такое большое правосудіе, какъ будто бы люди эти были его собственными дѣтьми» *). Съ своей стороны и народъ не могъ быть равнодушенъ къ такимъ правителямъ: онъ былъ преданъ имъ, съ любовію восхвалялъ ихъ подвиги, нераздѣльные съ его собственной славой, хранилъ долго воспоминаніе объ этихъ князьяхъ, потому что дѣянія ихъ были черезъ чуръ важны, чтобы не подѣйствовать на впечатлительную душу Ölöта. Вотъ на чемъ зиждется эпосъ ölötскихъ поколѣній. Правда, онъ сохранился теперь мало, и, повидимому, гибнетъ годъ отъ года съ невыразимою быстротою, но на это опять таки есть свои причины, которыя мы укажемъ ниже, теперь же для насъ важенъ тотъ фактъ, что у Ölötовъ, больше чѣмъ у какихъ либо другихъ монгольскихъ племенъ было причинъ къ созданію своего эпоса, а обстоятельства долгое время держали народъ такъ, что онъ не могъ у него забываться. Къ числу такихъ обстоятельствъ мы прежде всего можемъ отнести сравнительно слабое развитіе у Ölötовъ буддизма. Появившись въ средѣ чжунгарскихъ поколѣній почти одновременно съ принятіемъ его и Халхасами, буддизмъ очевидно овладѣвалъ Ölötами далеко не съ такою быстротою и силой, какъ ихъ единоплеменными сосѣдями; обусловливалось

*) Jean Bell d'Antermony.—Voyage de Russie à Pékin. T. I, p. 59.

же это конечно какъ характеромъ народа и образомъ его жизни, такъ равно и отношеніемъ къ этой религіи самихъ князей. Недостаточность историческихъ свѣдѣній конечно препятствуетъ намъ выяснить себѣ эти отношенія со всею полнотою и ясностію; но мнѣ кажется, что ӧлӧтскіе князья далеко не такъ благоговѣли предъ буддизмомъ и раболѣпствовали предъ указаніями ламъ, какъ то видимъ мы у Халхасовъ. Въ біографіи Зая Пандиты разсказывается между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1651 г. кӳкэнорскій Далай-хунъ-тайчжи, пригласивъ къ себѣ Зая Пандиту, говорилъ ему, чтобы онъ предложилъ хану ввести въ употребленіе составленную имъ письменность; «Ваша правда, отвѣчалъ Зая Пандита, но вѣдь ханъ очень гордъ; приду,—увижу» *). Это замѣчаніе по словамъ біографіи, ясно выражало недостаточность благоговѣнія въ ханѣ, мы же скажемъ, что какъ изъ этого факта, такъ и изъ другихъ историческихъ сказаній объ отношеніяхъ ӧлӧтскихъ князей къ буддизму явствуетъ, что князья эти, по видимому, заботились о вѣрѣ, сооружали кумиры и храмы, приносили жертвы ламамъ, но они не давали этимъ послѣднимъ такой потачки во вліяніи на народъ, какою пользовались проповѣдники будды въ Халхѣ и едва ли даже дозволяли имъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго управленія. Отвѣтъ Зая Пандиты прямо показываетъ намъ, какъ понималъ этотъ лама отношенія къ нему хана и что Зая Пандита, не смотря на все то обаяніе и уваженіе, которое вселилъ онъ къ себѣ въ средѣ Чжунгаровъ, далеко не обо всемъ и не во всякое время могъ являться къ хану съ своими совѣтами. Результатомъ сравнительно слабаго развитія буддизма у Ӧлӧтовъ въ первое время, прежде всего было то, что они не проникались презрѣніемъ къ окружающему, не разочаровывались жизнью, а напротивъ любили ее, заботились о ея благахъ и хранили воспоминаніе о своихъ лучшихъ временахъ, а слѣдовательно и свои эпическія сказанія. Съ другой стороны этому послѣднему (т. е. храненію эпическихъ сказаній)

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. Л. 26-й.

способствовалъ и самый политическій складъ ихъ жизни. Мы знаемъ, что всѣ знаменитѣйшіе князья Ölötовъ всегда преслѣдовали одну главную цѣль — объединенія ölötскихъ поколѣній; отсюда естественно вытекаетъ и то, что свои заботы они одинаково простирали не только на свой родовой улусъ, но и на всѣ покоція Ölötовъ, а потому и слава ихъ жила не въ одномъ ихъ наслѣдственномъ хошӯнѣ, а во всемъ ölötскомъ народѣ. Естественно, что въ сердцахъ ölötскаго народа, хотя отдѣльныя поколѣнія его и враждовали между собою постоянно, все таки не было такого раздѣленія какъ у Халхасовъ; — общеніе народа было здѣсь гораздо бо̀льшее, оттого Ölötъ, куда бы не перекочевалъ онъ изъ своего хошӯна, вездѣ находилъ одно и тоже: вездѣ уваженіе и память объ однѣхъ и тѣхъ же славныхъ личностяхъ, вездѣ воспоминаніе объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и въ той же самой формѣ. Это также способствовало какъ единодушію Ölötовъ, такъ равно и сохраненію ихъ эпическихъ сказаній. Изъ этого краткаго очерка не трудно видѣть какъ сильно разнились характеръ Ölötовъ и условія ихъ жизни отъ халхаскихъ, да впрочемъ даже не говоря о заключеніяхъ, которыя могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія всей исторіи, единственный фактъ подданства Ölötовъ и Халхасовъ Китаю служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Если я сказалъ, что Халхасы въ послѣдніе годы своей de jure самостоятельной жизни не обнаруживали ничего кромѣ самоуниженія и какого то необъяснимаго тяготѣнія къ зависимости отъ другихъ, что имъ какъ бы хотѣлось подставлять свою шею подъ ярмо подчиненія, то объ Ölötахъ можно сказать, что они погибли единственно въ силу своего безразсуднаго честолюбія, стремленія къ власти и жажды свободы. Халхасы совершенно упали духомъ и какъ бы уснули для дѣятельности болѣе чѣмъ за полвѣка до подчиненія Китаю, у Ölötовъ напротивъ эта неугомонная жажда свободы, движенія и дѣятельности постоянно обнаруживалась и послѣ подданства Китаю, что видно изъ разновременныхъ переходовъ ихъ въ Сибирь, перекочевокъ къ Уралу и берегамъ Волги. Само собою

разумѣется, что такой народъ долженъ былъ создать поэзію совершенно отличную отъ поэзіи Халхаскихъ Монголовъ и онъ дѣйствительно создалъ ее. Мы видѣли, что Халхасы, всею душею предавшіеся буддизму, воспѣвали его почти въ каждомъ изъ произведеній своего народнаго творчества; душа Ölötовъ полна была жаждою брани, славы и роскоши и проявленіе этихъ стимуловъ ихъ жизни и дѣятельности проглядываетъ точно также въ ихъ исторіи, какъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Халхасы, обезсиленные и разоренные войнами Галдана, возвратившись на родину, воспѣваютъ будду, а въ докладѣ къ императору просятъ у него средствъ для возстановленія храмовъ *); ölötскій Батуръ хунъ-тайчжи, потерявъ значительную часть Торгоутовъ съ уходомъ Хо-урлука въ Сибирь и принятіемъ имъ русскаго подданства, требуетъ отъ Русскихъ подарковъ въ видѣ двухъ плотниковъ, двухъ ружейныхъ мастеровъ, непроницаемаго панцыря, винтовки, шумихи, индѣекъ, свиней и постельныхъ собачекъ **). Въ этихъ различныхъ требованіяхъ выражаются различные характеры и самыхъ народностей и въ тоже время ярко обрисовываются желанія ölötскаго князя: ему нужно было славы и онъ проситъ себѣ такихъ предметовъ, которые въ самомъ дѣлѣ могли быть названы роскошью въ жизни кочевника и полудикаго полководца. Поэма Чжангаръ служитъ лучшимъ выраженіемъ духа Ölötовъ: походъ и веселая пирушка, — вотъ идеалъ Ölötовъ въ періодъ ихъ самостоятельности. Подданство Китаю несомнѣнно имѣло вліяніе на весь строй ихъ духа: прежняя бодрость и самоувѣренность должны были значительно упасть, но они не погибли еще совершенно и до нынѣ. У современныхъ Ölötовъ еще по временамъ слышатся надежды на возвращеніе свободы, хотя можно почти положительно сказать, что всѣ различныя ölötскія поколѣнія вообще годъ отъ года дѣлаются

---

*) Эрдэнійн эрихэ. Изд. II. Гл. 42. Л. 63-й.

**) Фишеръ. Сибирская исторія, стр. 454. — Іакинфъ. Историч. Обозр. Ойратовъ, стр. 49.

больше и больше похожими на своихъ соплеменниковъ—Халхасовъ, а слѣдовательно и годъ отъ года теряютъ шансы на эту свободу. Сынъ неба давно уже принялъ обычную свою мѣру къ смиренію буйной натуры этихъ кочевниковъ буддизмомъ и истощеніемъ ихъ матеріальныхъ средствъ: онъ построилъ имъ на свой счетъ нѣсколько обширныхъ монастырей, и, выставляя это зло какъ примѣръ своей заботливости и милостивыхъ благодѣяній, ежегодно собираетъ теперь съ народа дань по два и по три раза. Такимъ образомъ бѣднѣя годъ отъ года и истощаясь больше и больше, Ölöты начинаютъ чувствовать себя неспособными осуществить свое благо на землѣ, а потому невольно переходятъ къ мечтамъ о блаженствѣ на небѣ. Ихъ разсказы и преданія въ настоящее время уже полусмѣшались съ буддійскими бреднями: въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и легендахъ о чжунгарскихъ богатыряхъ такъ и замѣтно наслоеніе новыхъ буддійскихъ понятій и эти послѣднія болѣе и болѣе развиваются и занимаютъ мѣста, оставляя въ сторонѣ жизненную часть этихъ сказаній. Легенда о возсозданіи чжунгарскаго царства, слышанная мною у Волжскихъ Калмыковъ, по которой предводителемъ возставшихъ Ölötовъ весьма естественно является *потомокъ* Амурсаны, ѣздящій на бѣломъ конѣ (хотя какъ всякій легендарный герой онъ и обладаетъ необыкновенною способностью выѣхавъ отъ Иртыша, полдневать въ Тюмени, а на ночлегъ пріѣзжать въ Пекинъ), у Улāнъ-комскихъ Хойтовъ была разсказана мнѣ совершенно въ другой формѣ. По ней, освобожденіе Чжунгаръ совершается уже самимъ Амурсаною, который, еще живя въ Чжунгаріи, принялъ посвященіе отъ халхаскаго Хўхэнъ-хутухтў, а потому пріобрѣлъ «насунāй шúдди» (т. е. талисманъ безсмертія) и живетъ теперь въ Россіи. Такимъ образомъ въ хойтскую легенду вкрался буддійскій элементъ и привноситъ съ собою въ обыкновенный, баснословный, народный разсказъ ученіе о необычайности свойствъ, даруемыхъ буддизмомъ его послѣдователямъ. Такъ въ настоящее время кажутся мнѣ постепенно угасающими силы Ölötовъ и весьма вѣроятно, что они переживаютъ теперь именно тотъ періодъ духовнаго состоя-

нія, который переживали Халхасы назадъ тому сотню, или сотни полторы лѣтъ. Ölöты доселѣ еще сохранили у себя пѣсни эпическаго характера съ воспоминаніями о своихъ старыхъ временахъ и геройхъ, но эти пѣсни теперь уже мало встрѣчаютъ себѣ сочувствія въ ихъ душѣ и очевидно не заставляютъ биться ихъ сердце такъ, какъ билось оно при ихъ звукахъ прежде. Престарѣлый Дöрбöтъ, пѣвшій мнѣ пѣсню о Шидаръ-ванѣ, разсказывалъ, что въ пору своей юности онъ видѣлъ слезы, катившіяся изъ глазъ стариковъ при пѣніи этой пѣсни; самъ же онъ гораздо больше сочувствовалъ воспѣванію «десяти добродѣтелей и пятьнадцати благъ». Наконецъ уже въ Петербургѣ я получилъ возможность произвести сравненіе записанной мною пѣсни о Галдамѣ съ пѣснями о той же личности, записанными Г. Лыткинымъ въ 1860 г. у Волжскихъ Калмыковъ. Оказывается, что переданная мнѣ пѣсня составляетъ частные отрывки изъ трехъ пѣсенъ, записанныхъ Лыткинымъ: по мѣстамъ она представляетъ новыя строфы, мѣстами же значительно сокращена противъ редакцій пѣсенъ Лыткина; все это прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину каждая изъ этихъ пѣсенъ порознь представляла собою отдѣльное цѣлое; а за тѣмъ убѣждаетъ въ томъ, что Ölöты уже охладѣли къ своему эпосу и скоро забудутъ его точно также, какъ забыли свой Халхасы.

Изъ числа записанныхъ мною у Ölötовъ эпическихъ пѣсенъ, пѣсня о Галдамѣ едва ли не самая древнѣйшая по происхожденію, по крайней мѣрѣ Галдама является старѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ личностей, до которыхъ относятся эти пѣсни. Галдама не былъ княземъ — правителемъ улуса, оттого біографію его было бы безполезно искать въ исторіи ölötскихъ владѣтельныхъ нойоновъ. Илэтхэль Шастра изданія Цянь-луна, подробно перечисляющая роды ölötскихъ князей, упоминаетъ только, что Галдама былъ сыномъ хошоутовскаго Цэцэнъ-хана, родившимся отъ старшей супруги его, бывшей дочерью чжунгарскаго Бāтуръ-хунъ-тайчжія *);

*) Цзарлик йэр тохтогахсан монгол ходонъ аймагун ванъ гунгудун илэтхэль шастир.

кромѣ сего мы не имѣемъ отъ Китайцевъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Галдамѣ и если находимъ указанія на его дѣятельность, то единственно въ ӧлӧтской біографіи Зая Пандиты. Сказанія эти правда весьма не многочисленны и кратки, но и изъ нихъ можно выводить, что Галдама былъ далеко не дюжинною личностію. Первое изъ этихъ сказаній записанное подъ 1652 годомъ повѣствуетъ, что «зимою этого года Цэцэнъ ханъ (т. е. отецъ Галдамы) пришелъ (въ свои кочевья), подчинивъ Бурутовъ, и что въ этомъ походѣ Галдама, имѣя 17-ть лѣтъ отъ роду, закололъ Янъгиръ-хана *). Такимъ образомъ мы узнаемъ, что Галдама родился въ 1635 году, уже 17-ти лѣтъ ходилъ въ походы и прославилъ себя молодецкимъ дѣломъ. Изъ послѣдующихъ за симъ сказаній можно выводить, что Галдама былъ не только храбрымъ воиномъ, но и хорошимъ администраторомъ, ибо, не смотря на то что онъ былъ *младшимъ* сыномъ Цэцэнъ-хана, на немъ лежало все управленіе улусомъ въ отсутствіе отца. Такъ подъ 1656-мъ годомъ о Галдамѣ разсказывается, что онъ изъ урочища Кӧкӧ-усӯн-харà-талà пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Сономъ Сотай'емъ къ Дайчину (торгоутовскому) въ Аблай-китъ. Тамъ, въ Аблаевомъ-китѣ, они устроили большой пиръ для Зая Пандиты и торгоутовскій Дайчинъ, пригласивъ къ себѣ Кӯрѣ, возвратился; Галдама также, *выставляя въ причину, что его улусъ остался безъ правителя*, скоро уѣхалъ **). Лѣтомъ 1657 года Галдама является уже не только правителемъ своего улуса, но и совѣтникомъ всей Чжунгаріи. Въ этомъ 1657 году въ Чжунгаріи произошли смуты, и она раздѣлилась на двѣ партіи—восточную и западную; восточную поддерживалъ Аблай, западную — Цэцэнъ-ханъ. Галдама и Аблай прибыли съ своими войсками на р. Эмнэль и здѣсь умиротворили возмутившихся ***). Лыткинъ, на основаніи бывшихъ въ рукахъ его «ска-

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. (По списку, полученному мною изъ библіотеки проф. К. Ѳ. Голстунскаго). Л. 27-й.

**) Біографія Зая Пандиты на Калмыцкомъ языкѣ. Л. 30-й.

***) Тамъ же. Л. 31-й.

заній объ Ойратахъ» Эмчи Габанъ Шараба говоритъ, что это возмущеніе было слѣдствіемъ неправильнаго раздѣла земель Батуръ хунъ-тайчжіемъ, по которому этотъ князь раздѣлилъ пополамъ свои владѣнія и одну половину отдалъ своему любимому сыну Сэнъкэ, а вторую предоставилъ остальнымъ восьми своимъ сыновьямъ*). Въ началѣ 1-й луны 1658 г. бухарскій воевода Абаду шўкўръ съ 38000 войскомъ прибылъ на р. Таласу. Галдама кочевалъ отдѣльно на границѣ (ойратскихъ земель) и лично собравъ 3000 войска, произвелъ быстрое нападеніе на Бухарцевъ въ урочищѣ Хуланъ-чжилинъ, преслѣдовалъ ихъ до ущелья Кёкъ и убилъ Абаду шўкўра. Вмѣстѣ съ симъ онъ взялъ въ плѣнъ Шакъ-хозо, который во главѣ 300 богатырей стоялъ отдѣльнымъ лагеремъ и отсталъ отъ Абаду шўкўра. Этимъ 300 воиновъ Галдама далъ на двухъ по одной лошади и отправилъ ихъ въ Цаганъ балгасу (?) **). 1661 годъ замѣчателенъ былъ для Ойратовъ войною Цэцэнъ хана и Аблай хана: ханы эти враждовали между собою постоянно, но походъ 1661 года былъ почти рѣшителенъ для Аблая: онъ потерпѣлъ тогда полное пораженіе и на совѣтѣ чжунгарскихъ князей ему не только не хотѣли возвращать власти надъ кочевьями, но даже порѣшили было казнить его, или же изгнать изъ ойратскихъ предѣловъ. Галдама, всегда бывшій противъ этихъ войнъ отца съ Аблаемъ, и на этомъ совѣтѣ высказался за Аблая. Мнѣніе его было принято и Аблаю была возвращена его власть. Это обстоятельство яснѣе другихъ указываетъ, какъ значительно было слово Галдамы на совѣтѣ Ойратовъ. Другихъ какихъ либо случаевъ изъ общественной дѣятельности Галдамы біографія Зая Пандиты не представляетъ и въ послѣдній разъ упоминаетъ о немъ подъ 1664-мъ годомъ, разсказывая, что Галдама вмѣстѣ съ своею матерью Пунцукъ-Ролма пріѣзжалъ въ этомъ году на поклоненіе къ вновь воздвигнутому Зая Пандитою бурхану Майдари, а оттуда заѣзжалъ въ

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

**) Біографія Зая Пандиты. Л. 31-й.

гости къ Цо̄коръ-Убаши *). Лыткинъ, записавшій преданія о Галдамѣ, говоритъ, что «къ Галдамѣ собирались сыновья зайсанговъ и защищали его своимъ мечемъ и грудью, дорожа дружбою и одобреніемъ молодаго и храбраго своего нойона Галдамы и наградою матери его, раздававшей куртки и ружья тѣмъ, которые чѣмъ либо отличались». По тѣмъ же преданіямъ Галдама скончался въ 1667 г., будучи отравленъ своею мачихою Удэ-Агасъ **). Пѣсня, записанная мною, составляетъ похвалу Галдамѣ, при чемъ въ содержаніе ея вошло главнымъ образомъ картинное описаніе свойствъ его какъ богатыря, съ самымъ незначительнымъ указаніемъ на дѣйствительныя его заслуги.

усун-нѝ экин-дӯ хонъхолзӯр ни соилго́йтой,
улусӯ́й чинѝ дунду́ ни га́лдама минѝ любчилэ̄тэй,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама ба̄тура̄!

гунахà̄н зэ̄рдэ̄ги чӧдо̄ртӧнѝ дасхасà̄н,
гурбӯ́н ойрады́йги дайсӯ́ндунѝ дасхасà̄н,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

дӧнӧко̄н шарга́йги чӧдо̄ртӧнѝ дасхасà̄н
дӧрбо̄н ойрады́йги дайсӯ́ндунѝ дасхахсà̄н
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

са̄дактà̄й сумӯ́йги сакшӯлса̄р мордодо̀к,
сайдӯ́дыин кӧбӧ̄ги дахӯлса̄р мордодо̀к,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

бильтатà̄й урумы́йги баргӯлса̄р мордодо̀к,
бэйѣлэ̄ цэригӯ́дѣн дахӯлса̄р мордодо̀к,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

такина̄н чимэгэ́йги тасарталà харбудà̀к,
тахайя̄тай кӯмӯ̄ги шубтухà̄н харбудà̀к,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

хулунà̄й чимэгэ́йги хугуртала̀ харбудà̀к,
хуиктà̄й кӯмӯ̄ги шубтухà̄н харбудà̀к,
эркѝн тӧрӧсо̄н га́лдама минѝ!

---

*) Біографія Зая Пандиты. Л. 36, 37, 53-й.
**) Астрах. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

хабшисàн бӯранāн сойбӧлой адалӣ гáлдама,
хальдисàн дайсунӣ тӯрӯ̄бчи гáлдама,
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

илэкэ̀н газары́йн цакилгàн гáлдама,
итэльгэ̀ шӱбӯнàй шӯ̄рэлгэ̀н гáлдама,
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

бӱтӯ̄кэ̀н газары́йн цакилгàн гáлдама
бӱргӯ̄т шӱбӯнàй шӯ̄рэлгэ̀н гáлдама
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

хадатàй газары́йн цакилгàн гáлдама
харцагà шубӯнàй шӯ̄рэлгэ̀н гáлдама
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

цагахàн гацзары́йн цакилгàн гáлдама,
цакцагàй шӱбӯнàй шӯ̄рэлгэ̀н гáлдама,
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

актáйнāн олонгы́йни харгӣ̄лсāр мордодӧ̀к
амарагы́ин сáйни дахӯлсāр мордодӧ̀к
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

бӯра-ни ӱкӱдэ̀к
ботогӧ̄р босходӧ̀к
босхомчжӣ ӱгà гáлдама минӣ!

хас кӱнъгэ̀й нутӱ̀к чинӣ
эзэ̀н ӱгà дӱнъгэ̀чжи харакданàй
хасà̀к бурӯ̄т хойӧ̀р чинӣ
ѣльдэ̀нъ-дэ̄н отбӧ̀
эркӣн тӧрӧсӧ̄н гáлдама минӣ!

Переводъ.

При истокахъ воды на выстойкѣ его Хонхолцзӯръ,
Среди твоего народа въ доспѣхахъ мой Галдама,
Благородный Галдама богатырь!

Пріучившій къ путамъ трех-лѣтняго рыжку,
Пріучившій къ врагамъ трехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Пріучившій къ путамъ четырех-лѣтняго соловко,
Пріучившій къ врагамъ четырехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потрясая стрѣлами въ колчанѣ,
Уѣзжающій, въ сопутствіи княжескихъ сыновей,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потряхивая ружьемъ съ фитильнымъ замкомъ,
Уѣзжающій, заставивъ слѣдовать за собою свои войска,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость дикой лошади,
Прострѣливающій насквозь вооруженнаго человѣка,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость кулана,
Прострѣливающій человѣка, одѣтаго въ панцырь,
Благородный Галдама мой!

Галдама — подобный клыкамъ кусливаго верблюда,
Галдама — собиратель головъ быстро нападающихъ враговъ,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе кречета,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія закрытаго пространства,
Галдама — быстрое нападеніе беркута,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія скалистой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе ястреба,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе двух-годовалаго орла,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, побрякивая подпругами своего мерена,
Уѣзжающій въ сопутствіи благородныхъ изъ друзей,
Благородный Галдама мой!

Умираетъ самецъ верблюдъ
Верблюженкомъ возстановляютъ потомство,
Невозстановимый мой Галдама!

Родное кочевье твое Хасъ-кўнъгэй
Безъ правителя возбужденнымъ кажется,
Киргизы и Буруты твои
Ушли къ Ѣльдэну,
Благородный Галдама мой!

Въ такомъ видѣ передана была мнѣ Уланъ-ком'скими Дёрбётами пѣсня о Галдамѣ. Сличая ее съ пѣснями, записанными Лыткинымъ у Астраханскихъ Калмыковъ *), я окончательно убѣдился въ томъ, что переданное мнѣ составляетъ сколокъ изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, хотя на эту мысль наводила меня и прежде предпослѣдняя строфа, не вяжущаяся съ предыдущими ни по заключающемуся въ ней смыслу, ни по сопровождающему ее припѣву. Изъ пѣсенъ, записанныхъ Лыткинымъ, вторая по порядку его расположенія составляетъ несомнѣнно отрывокъ представленной мною, но она заключаетъ въ себѣ только первыя четыре строфы и при томъ значительно измѣнена по своей редакціи, что несомнѣнно произошло уже въ позднѣйшее время, при употребленіи. Послѣдняя строфа пѣсни, представляемой мною, какъ оказалось, составляетъ начальный стихъ изъ большой пѣсни, которую народное преданіе влагаетъ въ уста Цэцэнъ-хана, оплакивающаго смерть своего сына. Всѣ эти измѣненія и опущенія какъ нельзя больше свидѣтельствуютъ о томъ, что Ölöты забываютъ свой эпосъ и что въ настоящее время онъ можетъ быть находимъ у нихъ только въ видѣ перепутанныхъ, неполныхъ и разрозненныхъ частей когда то бывшаго цѣлаго. Въ представленной пѣснѣ эту перепутанность и неполноту не трудно замѣтить и на основаніи расположенія строфъ: такъ, уже характеръ самой пѣсни свидѣтельствуетъ, что 13-я строфа ея стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и что она должна бы собственно послѣдовать за 4-ю, а появилась здѣсь единственно потому, что въ это время ее припомнилъ пѣвецъ, забывъ, можетъ быть, и еще что. Послѣдняя строфа ясно составлена изъ двухъ различныхъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ правильное четверостишіе, что не согласно съ общимъ размѣромъ пѣсни, составленной изъ двустишныхъ строфъ. Наконецъ послѣдній стихъ очевидно не вяжется съ предыдущимъ двустишіемъ и приставленъ къ нему совершенно насильственно.

Вторая пѣсня, которую хочу я представить какъ примѣръ

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

эпическихъ пѣсенъ Ölötовъ, стоила мнѣ значительныхъ трудовъ для опредѣленія личности, къ которой она относится; — это пѣсня о Шадаръ цзянь-цзюнѣ. Впослѣдствіи, когда личность была опредѣлена, собрать свѣдѣнія о ея жизни и дѣятельности было уже значительно легче: оказалось, что для сего имѣются источники даже и на русскомъ языкѣ, хотя я и не нашелъ возможности пользоваться ими серіозно. Изъ сличенія сказаній о Шадаръ-ванѣ на русскомъ и монгольскомъ языкахъ, оказывается, что въ прозваніи «Шадаръ цзянь-цзюня» нѣтъ собственнаго имени, и что это, какъ можно было предполагать и по самому характеру словъ, только званіе личности, подъ которымъ несомнѣнно извѣстна она была въ народѣ («шадаръ» значитъ собственно «приближенный», а отсюда вошло въ языкъ какъ терминъ званія «придворнаго вельможи»; цзянь-цзюнь, китайское слово — военачальникъ). Въ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ подъ 21-мъ годомъ правленія Цянь-луна находимъ записаннымъ слѣдующее обстоятельство: «зимою этого года былъ схваченъ возмутившійся Шадаръ-ванъ Цэнгунь чжабъ, прозванный хотохойтскимъ» *). Лѣтописецъ замѣчаетъ далѣе, что «Хотохойтъ» было личнымъ прозваніемъ Шадаръ-вана, приводя даже причину, по которой утвердилось за нимъ это имя; но какъ самое замѣчаніе лѣтописца, такъ основаніе, выставляемое имъ, кажутся намъ черезъ чуръ натянутымъ толкованіемъ имени, которое автору хотѣлось истолковать, но которое не могъ онъ объяснить удовлетворительно по незнанію исторіи. Хотохойтъ было названіемъ поколѣнія народа **), раздѣленнаго Маньчжурами на пять хо-

*) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Л. 104.

**) Мнѣ кажется, что Хотохойты были однимъ изъ Ölötскихъ поколѣній и принадлежали къ древнему союзу Ойратовъ. Страна, которую занимали они, — долина къ востоку отъ озера Убса до береговъ Селенги и Орхона. Эту самую мѣстность О. Іоакинфъ опредѣляетъ до кочевья народа «Хой-хоръ», подъ которымъ разумѣетъ онъ Уйгуровъ. Объяснить однако появленіе здѣсь Уйгуровъ, обитавшихъ у Тянь-шаня, довольно трудно, и потому «Хой-хоръ» о. Іоакинфа вѣрнѣе означаетъ Хотохойтовъ. Мы видѣли уже, что Сананъ Сэцэнъ въ числѣ поколѣній перваго ойратскаго союза упоминаетъ поколѣніе

шӯновъ; Цэнгунь чжабъ же былъ правителемъ этихъ хошӯновъ по должности, и родственникомъ Цзасакту хана по происхожденію. Въ отличіе отъ прочихъ Цзасакту хановцевъ, управлявшихъ Халхасами, онъ, вѣроятно, и былъ названъ—«Хотохойтскимъ». Будучи родственникомъ Цзасакту хана, Цэнгунь чжабъ естественно по происхожденію принадлежалъ къ фамиліи Борчжигитъ, общей для всѣхъ халхаскихъ правителей. Управленіе надъ Хотохойтами онъ наслѣдовалъ отъ отца своего Банди, сына знаменитаго Бубэй бэйлэ, прославившагося въ періодъ войнъ Маньчжуровъ противъ Цэванъ-рабтана, а также и во время возмущеній Урянхаевъ (1716—1729); Бубэй этотъ былъ пріемышемъ Гендуна перваго изъ халхаскихъ ноиновъ, утвержденнаго правителемъ Хотохойтовъ. Такимъ образомъ Цэнгунь чжабъ былъ четвертымъ правителемъ Хотохойтовъ изъ Халхасовъ. Получивъ отъ китайскаго императора вмѣстѣ съ чиномъ бэйлэ управленіе надъ Хотохойтами въ 1738 году, Цэнгунь чжабъ былъ вскорѣ же назначенъ на видный постъ помощника цзянь-цзюня въ своемъ аймакѣ и съ этого времени можно считать начало его кипучей дѣятельности, представляемой въ китайскихъ исторіяхъ, то исполненною измѣны и коварства, то восхваляемою за успѣхи и покрываемою славой. Получивъ должность помощника цзянь-цзюня, Цэнгунь чжабъ, казалось, на первыхъ же порахъ не оправдалъ выбора Китайцевъ, будучи замѣченъ въ нерадѣніи и небрежности по исполненію своихъ обязанностей. Уже въ 1744 г., послѣ смотра войскъ, при чемъ обнаружена была неисправность въ вооруженіи отрядовъ, Цэнгунь чжабъ получилъ отъ императора строгій выговоръ, а въ 1752 году онъ былъ удаленъ отъ должности помощника цзянь-цзюня и изъ чина — бэйлэ пониженъ въ гуны; какъ причины этой немилости было выставлено то, что онъ распустилъ народъ, завелъ на караулахъ торговлю и наконецъ не выдавалъ ламу Чжамцана, котораго требовало отъ него китай-

---

Хойтъ; въ Алтанъ тобчи несомнѣнно тоже самое поколѣніе встрѣчается уже съ именемъ Хойхатъ, что конечно одно и тоже съ именемъ Хой-хоръ. (Алт. Тоб., стр. 160).

ское правительство. Впрочемъ званіе бэйлэ было возвращено Цэнгунь чжабу въ слѣдующемъ же году за усмиреніе Урянхаевъ при Кунъгэѣ, а когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ окончательно разбилъ и представилъ Китайцамъ урянхайскаго цзайсана Фун-луня, Цянь-лунь пожаловалъ Цэнгунь чжабу даже высшій чинъ — цзюнь вана и снова назначилъ помощникомъ цзянь-цзюня въ аймакѣ. Въ 1754 году Цэнгунь чжабъ отличился въ битвахъ противъ Даваци и въ этомъ же году былъ сдѣланъ верховнымъ правителемъ урянхайскихъ хошӯновъ. Въ періодъ этихъ войнъ съ Даваци Цэнгунь чжабъ впервые сошелся съ Амурсаною и, когда цзянь цзюнемъ Баньди былъ сдѣланъ докладъ въ Пекинъ, что Амурсана готовитъ возмущеніе, Цэнгунь чжабъ извѣстилъ объ этомъ послѣдняго, что и способствовало къ скорѣйшему открытію смутъ Амурсаны. Этотъ поступокъ вѣроломнаго цзянь-цзюня почти всегда былъ выставляемъ китайскимъ правительствомъ въ числѣ первыхъ обвинительныхъ противъ него пунктовъ, хотя главнѣйшею виною его Китайцы несомнѣнно считали возмущеніе Халхасовъ въ 1756 г., выразившееся въ снятіи карауловъ и почтовыхъ станковъ. Въ самомъ дѣлѣ, только узнавъ объ этомъ послѣднемъ злоумышленіи Цэнгунь чжаба, императоръ приказалъ схватить его, при чемъ не были уважены даже ходатайства и заступничество за него ургинскаго хутухты. Не оспоримо, что во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ Цэнгунь чжабомъ руководила одна честолюбивая мысль сбросить съ себя иго Китайцевъ и сдѣлаться самостоятельнымъ владѣтелемъ: съ этою цѣлью онъ заводилъ связи съ князьями, въ которыхъ надѣялся найти себѣ помощниковъ и стараясь казаться другомъ народа, подущалъ народъ не платить податей Китаю. По всей вѣроятности ему и удалось привязать къ себѣ нѣсколько своихъ данниковъ, потому что, когда китайскій дворъ объявилъ Цэнгунь чжаба мятежникомъ, за него возстали поколѣнія большихъ и малыхъ Хото-хойтовъ, Мингатовъ, Харючиновъ, Тусовъ и Шичжинутовъ, къ нимъ присоединились потомъ 16 поколѣній Урянхайцевъ. Впрочемъ, когда стало извѣстно, что противъ Цэнгунь чжаба выслано большое войско,

послѣдовавшіе за Цэнгунь чжабомъ роды оставили его и онъ одинъ съ своею семьею бѣжалъ къ Чискиту (Шишкиту?) откуда намѣревался бѣжать въ Россію. Не успѣвъ однако переступить русскую границу, Цэнгунь чжабъ былъ схваченъ въ мѣстности Ханга Чжанхакъ, отвезенъ въ Пекинъ и казненъ тамъ 22-го числа 1-й весенней луны 1758 года*). Такова подлинная исторія Цэнгунь чжаба, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Шадаръ-вана, или Шадаръ цзянь-цзюня. Въ пѣснѣ, составленной про него народомъ, по обычаю, нѣтъ почти никакихъ указаній на его дѣятельность: вся она состоитъ изъ воспѣванія въ общихъ словахъ его мужества и храбрости; но въ этомъ воспѣваніи нельзя не видѣть народной любви къ своему герою, нельзя не слышать голоса сердца, сочувствующаго идеѣ, которую проводилъ Цэнгунь чжабъ и дѣйствіямъ, которыми хотѣлъ онъ достигнуть ея исполненія. Вотъ эта пѣсня:

тэрэ̀ ӯлаин орѝй дӳ̀
мандасàн чигӣ нарà-лà
тэрэ̀ бӳгӳдэ́йги тэрӯлэсэ̀н
шадàръ чжанчжӣнъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

гунàн зэ̄рдэ морійга̄н унусàн чигӣ болӧ̄сой
гурбӯ̀н тӳмэ̀н цэригӳ̄дэ̀н дахӯлсàн чигӣ болӧ̄сой
дӧнӧ̂н зэ̄рдэ морійгàн унусàн чигӣ болӧ̄сой
дӧрбӧ̂н тӳмэ̀н цэригӳ̄дэ̀н дахӯлсàн чигӣ болӧ̄сой.

га́риди шубӯнàй зулзагà ни
чжибэры́йгэ̄н гӳйцэчжӣ нисэнэ̀
гакца̄ра̄н тэрӯлэ̄т мордосӧ̀н
шадàр чжанчжӣнъ кӧ̄рӧкӧ̂й.

бӳргӳ̄т шубӯнàй зулзагà ни
чжибэры́йгэ̄н гӳйцэчжӣ нисэнэ̀
бӳгӳдэ́йги тэрӯлэ̄т мордосӧ̀н
шадàр чжанчжӣн кӧ̄рӧкӧ̂й.

---

*) Эрдэнійн эрихэ. Гл. 44. Л. 105-й. — Ванъ, гунг'уд'ун илэтхэль шастиръ. Т. 61. Л. 12-й.

элӭ шубӯнàй зулзагà ни
чжибэры́йгэн гӱйцэчжѝ нисэнэ
ӧбӧрӧн тэрюлэ̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝн кӧрӧкӧ̂й.

харцагà шубӯнàй зулзагà ни
чжибэры́йгэн гӱйцэчжѝ нисэнэ
хамугѝ тэрюлэ̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝн кӧрӧкӧ̂й.

замы́ин тӧсу гаранàй
зандàн шарга́йн тӧсӯн-лà
зада́ин ӱ̄лэн гаранàй,
залӯ чжанчжингы́йн ишкирэгэн

хӑлгàин тӧсӯн гаранàй
харà борòйн тӧсӯн лà
харà ӱ̄лэн гаранàй,
кӧрӧкӧ̂й чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н

хуйгы́йн тӧсӯн гаранàй
хурдӯн шарга́ин тӧсӯн-лà
хура́йн ӱ̄лэн гаранàй,
хобитàй чжанчжингы́ин ишкирэгэ̀н.

кӧдӧдӧнѝ тӧсӯн гаранàй
кӧкӧ̂ боро́ин тӧсӯн-лà
кӧбкӧ̂р ӱ̄лэн гаранàй,
кӧрӧкӧ̂й чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н.

арудӯнѝ тӧсӯн гаранàй
арадàк шарга́ин тӧсӯн-лà
аратàй ӱ̄лэн гаранàй
аргатàй чжанчжингы́йн ишкирэгэ̀н.

бӱ̄гэ̄т мордосòн газàр-ни
бӱсӱтэ́йн табӯн ӯла-лà
бӱсӱ̄лэ̄т мордосòн цэрѝк-ни
гурбӯн тӱмэ̀н цэрѝк-лэ̀.

ӱ̄лэн ӧнъгӧтэ̀й кӧкӧ̂-ни
бэ̄чжингы́йн хотодӯ соилго́йтой
ӱ̄йлэн дэ̀н дашӯра̄т мордосòн
шадàр чжанчжѝнъ кӧрӧкӧ̂й.

Переводъ.

На вершинѣ той горы
Взошло вѣдь солнце,
Всѣхъ ихъ предводительствовавшій,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

О, сядь же на свою трехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою тридцать тысячь своего войска,
О, сядь же на свою четырехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою сорокъ тысячь своего войска!

Дѣтенышъ птицы гариди
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать въ одиночествѣ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтенышъ птицы беркута
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣхъ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтенышъ птицы коршуна
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать своими,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтенышъ птицы ястреба
Летаетъ, возрастивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣми,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь!

Поднимается дорожная пыль,
То пыль желто соловой лошади;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ молодаго цзянь-цзюня.

Поднимается дорожная пыль,
То пыль черно сѣрой лошади;
Поднимается черное облако (= туча),
То свистъ милостиваго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль вихря,
То пыль быстраго соловко;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ счастливаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль въ степи,
То пыль сине сѣрой лошади;
Поднимается пушистое облако,
То свистъ болѣзнаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль на сѣверной сторонѣ,
То пыль неука соловко;
Поднимается полосатое облако,
То свистъ хитраго цзянь-цзюня.

Мѣстность, въ которую отправился онъ укрываться,
Пять горъ опоясанныхъ;
Войско, которое отправилось осаждать (его),
Войско тридцати тысячное.

Голубая (лошадь), масти облака
На выстойкѣ въ городѣ Пекинѣ;
Отправившійся, страстно предавшись своимъ дѣламъ,
Болѣзный шадаръ цзянь-цзюнь.

Изъ разсмотрѣнія этой пѣсни оказывается, что въ памяти народной сохранилось въ нѣкоторыхъ подробностяхъ только одно обстоятельство изъ жизни Цэнгунь чжаба — это его погибель и при томъ въ такихъ подробностяхъ, которыя не даетъ намъ ни одинъ изъ китайскихъ и монгольскихъ историческихъ памятниковъ: здѣсь указываются точно мѣста, въ которыхъ укрывался Цэнгунь чжабъ отъ преслѣдованія китайскихъ войскъ, — это Бӯсӯтэйнъ табунъ ӯла, — въ письменности Китайцевъ «Ву тологой». Это послѣднее названіе вѣроятно имѣли въ виду сообщить гг. Бутины, заимствовавшіе свой разсказъ о Цэнгунь чжабѣ несомнѣнно изъ устъ народа, но передававшіе его безъ малѣйшаго знанія исторіи Китая, на что указываетъ ихъ заключеніе о времени возмущеній Цэнгунь чжаба: «событіе это совершилось въ началѣ настоящаго столѣтія, въ послѣдніе годы царствованія

Канси (??)*). Собраніе болѣе подробныхъ народныхъ свѣдѣній о Цэнгунь чжабѣ можно находить въ статьѣ Шишмарева о Дархатахъ**), хотя въ собственно научномъ отношеніи она отличается тѣми же качествами, какъ и сказаніе Бутиныхъ.

Вообще эпическія пѣсни Ölötовъ почти не заключаютъ въ себѣ описаній историческихъ событій; говоря же о своихъ герояхъ они не обрисовываютъ ихъ дѣятельности, а только окружаютъ ихъ такими неопредѣленными и общими чертами богатырей, которыя одинаково приписываются у всѣхъ народовъ какъ миѳическимъ, такъ и дѣйствительно существовавшимъ историческимъ личностямъ. Оттого въ эпическихъ пѣсняхъ Ölötовъ чрезвычайно трудно пріуроченіе пѣсни къ извѣстному лицу, особливо вслѣдствіе недостаточности свѣдѣній по исторіи Ölötовъ вообще. Такимъ образомъ въ томъ же хошӯнѣ Улāнъ ком'скихъ Dörbötовъ мною записана была пѣсня о Шуну-батурѣ; пѣсня чрезвычайно распространенная въ народѣ и тѣмъ не менѣе дѣятельность Шуну, время его жизни, мѣстожительство и даже принадлежность тому или другому роду не только для насъ, но и въ самомъ народѣ положительно не извѣстны, характеръ же пѣсни не даетъ ничего, кромѣ обширнаго поля для всякаго рода предположеній.

ханъгàй хāни шúль-дӯ
наранàй гэрэ̀л тусунàй
хаиртàй ламáйн дэргэдэ̀
гэгэ́нэй шабинàр цугларанàй.
далбалзасàн боротòй
далāн цокимò залāтай
дагинāн хубилгàн шунӯ-ни
дацàнъ дāн ӱлӯ мöргöдо̀к.
эрбэльзэсэ̀н боротòй
э̄мыйгэ̄н цокимò залāтай

*) Историч. очеркъ сношеній Русскихъ съ Китаемъ. Иркутскъ. 1871 г., стр. 68.

**) Изв. Сиб. отд. Географ. Общ. Т. II, № 3.

эрбэгэ̀р бичихàн шунӯ-ни
эзэ̀н-дэ̄н ӱлӯ золгодо̀к бѝ.

галӯни шильбѝ ганзатàй
гашӯн кӧкӧ̄ тамакитàй
галдама́йн хубилгàн шунӯ-ни
ганчжӯртāн ӱлӯ мӧргӧдӧ̄к.

хони́йн шильбѝ ганзатàй
хурцà кӧкӧ̄ тамакитàй
хормуста́йн хубилгàн шунӯ-ни
хурӯ̀л-дāн ӱлӯ мӧргӧдӧ̄к.

цэ́ни шильбѝ ганзатàй
цэ́ль кӧкӧ̄ тамакитàй
цэригы́йн нойо̀н шунӯ-ни
цэцэ̀н-дэ̄н ӱлӯ золгодо̀к бѝ.

тэмэцэшѝ ӱгà газары́йги
шуну́йн зэ̄рдэ тэмэцэнэ̀й
таташѝ ӱгà нумӯ́йги
шунӯ гакцāрāн татанà̀й.

дабашѝ ӱгà дабāйги
шуну́йн зэ̄рдэ дабадà̀к
дарушѝ ӱгà дайсуны́йги
шунӯ гакцāрā дарунà̀й.

кэрэшѝ ӱгà кэдэрэ́йги
шуну́йн зэ̄рдэ кэдэрэнэ̀
кэлэшѝ ӱгà дайсуны́йги
шунӯ гакцāрā дарунà̀й.

шургушѝ ӱгà буту́йги
шунуин зэ̄рдэ шургунà̀й
шургушѝ ӱгà дайсуны́йги
шунӯ гакцāрāн дарунà̀й.

Переводъ.

На пригорокъ Хангай хана
Падаетъ солнечный лучь;
Окрестъ милостиваго ламы
Собираются ученики гэгэна.

Имѣющій плавно покачивающагося на бѣгу сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что)
ударяетъ лопатку,
Воплощеніе Дакини Шуну
Не кланяется въ своемъ дацанѣ.

Имѣющій озирающагося по сторонамъ сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что) ударяетъ ключицу,
Ехидный маленькій Шуну
Не видается съ своимъ повелителемъ.

Имѣющій трубку изъ гусиной голени,
Имѣющій горькій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Галдамы — Шуну
Не кланяется своему ганчжуру.

Имѣющій трубку изъ овечьей голени,
Имѣющій крѣпкій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Хормусты — Шуну
Не кланяется въ своемъ богослуженіи.

Имѣющій трубку изъ лебединой голени,
Имѣющій совершенно зеленый табакъ,
Военачальникъ Шуну
Не видается съ своими мудрыми.

Въ мѣстности, невозможныя къ ѣздѣ,
Шунуевъ рыжка направляется,
Не натягиваемые луки
Шуну одинъ натягиваетъ.

Непроходимые перевалы
Шунуевъ рыжка переваливаетъ,
Не поборимыхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Непроходимыя тропинки
Шунуевъ рыжка проходитъ,
Несказанныхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Среди непролазныхъ кустовъ
Шунуевъ рыжка проскользаетъ,
Стоящихъ стѣнами враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Сказанія о Шуну, повидимому, распространены въ настоящее время у всѣхъ племенъ, населявшихъ древнюю Чжунгарію, Радловъ находилъ ихъ какъ у Алтайскихъ Теленгутовъ такъ и Киргизовъ. По Теленгутской легендѣ Шуну является по происхожденію принадлежащимъ къ Ойратамъ, но къ какому именно изъ ойратскихъ племенъ неизвѣстно. Содержаніе легенды слѣдующее: «Жилъ былъ ойратскій князь Конгодой. У него было двѣ жены; отъ первой жены родился одинъ сынъ Шўню. Когда эта жена умерла, Конгодой женился на второй, отъ которой родилось у него три сына: Амиръ-сана, Тамиръ-сана и Галданъ-Цэрю. Младшіе братья возненавидѣли Шўню, наклеветали на него передъ отцемъ и Конгодой, напоивъ своего старшаго сына пьянымъ, столкнулъ его въ яму, глубиною въ 60 саженей. Черезъ нѣсколько времени пришли къ Конгодою три человѣка съ желѣзными луками и сказали ему: «кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы станемъ платить дань; а если Конгодой не можетъ стрѣлять, пусть онъ платитъ намъ данью. Три сына Конгодоя не могли даже и поднять этихъ луковъ, они испугались и сказали: «надо взяться за Шўню!» Поѣхали за Шўню, вытащили его изъ ямы и, подкрѣпивъ его силы виномъ и кобыльимъ мясомъ, заставили его стрѣлять. Шўню всадилъ множество стрѣлъ изъ своего лука въ желѣзный порогъ отца, потомъ вспросилъ себѣ принесенные луки и, натянувъ ихъ всѣ сразу, выстрѣлилъ и сказалъ: «берите прочь эту дрянь и убирайтесь вонъ!» Тогда тѣ три человѣка ушли и стали платить дань. Не смотря на такую помощь, которую Шўню оказалъ своей семьѣ и народу, братья по прежнему ненавидѣли его и хотѣли было отравить его; но, благодаря предостереженіямъ, Шўню избѣжалъ смерти; впрочемъ этотъ новый заговоръ имѣлъ такое сильное вліяніе на Шўню, что онъ уже не возвращался домой, а перекочевалъ со всѣмъ своимъ юртомъ *къ дядѣ своему Аюкѣ*. Послѣдній имѣлъ у себя дочь, которую выдалъ замужъ за Шўню. Когда Аюка сталъ старъ, онъ сказалъ Шўню: «прими мой народъ, я сталъ уже очень старъ и не могу управлять какъ слѣдуетъ». Шўню принялъ правленіе

надъ народомъ, но подданные его говорили: «этотъ Шўню негодный человѣкъ и не можетъ быть нашимъ главою». Шўню, услыхавъ это, бѣжалъ въ Русскую землю и поселился въ этой странѣ *). Такова Теленгутская легенда о Шуну. Къ ней мы можемъ пріурочить только два стиха изъ нашей пѣсни: «не натягиваемые луки Шуну одинъ натягиваетъ», и «непоборимыхъ враговъ Шуну одинъ побѣждаетъ». Впрочемъ этотъ второй стихъ болѣе выясняется въ сказаніяхъ Киргизской легенды **). Нахожденіе пѣсни у племенъ древнихъ Ойратовъ конечно можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени, что Шуну дѣйствительно принадлежалъ къ ойратскимъ поколѣніямъ; но ни о личности ойратскаго князя Конгодоя, ни о Шуну мы не находимъ рѣшительно ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Что это за Аюка, женившій Шуну на своей дочери и потомъ уступившій ему свои владѣнія, все это вопросы на которые трудно отвѣтить; вѣрно только то, что это не тотъ Аюка, исторію котораго повѣствуютъ намъ какъ ойратскіе, такъ и русскіе памятники; о переходахъ какого либо князя съ именемъ Шуну въ русское подданство намъ также ничего не извѣстно. Считать за тѣмъ Шуну за монголо-ойратскую личность препятствуетъ намъ и самый характеръ пѣсни, потому что въ немъ не трудно замѣтить скорѣе укоризну, униженіе, презрѣніе къ герою, чѣмъ похвалу ему. Восхваляя подвиги Шуну, пѣсня прямо выставляетъ его дурныя стороны: онъ не кланяется въ своемъ дацанѣ, не видается съ своимъ повелителемъ, не кланяется ганчжуру, не молится при богослуженіи, не видается съ мудрыми. Ясное дѣло, что народъ признаетъ его измѣнникомъ своимъ обычаямъ, а такимъ не можетъ считать онъ своего роднаго героя, въ тоже время восхваляя его какъ непобѣдимаго богатыря. И такъ намъ кажется, что Шуну едва ли принадлежитъ къ монголо-ойратамъ, а скорѣе какая либо миѳическая личность, память о которой сохранилась у всѣхъ древ-

*) Radloff. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd Sibiriens, T. I, 206—207.

**) Ibid. T. III, 367.

не-чжунгарскихъ племенъ и сказанія о которой приняли у каждаго изъ нихъ свой народный оттѣнокъ. Представляемая нами пѣсня о Шуну составляетъ, повидимому, одну изъ послѣднихъ редакцій, когда къ Ölötамъ уже привился буддизмъ и когда они, подобно Халхасамъ, начали считать главнѣйшею укоризною для человѣка — измѣну буддійскимъ религіознымъ обрядамъ и напротивъ высшую похвалу для всего земнаго привыкли выражать связью этого земнаго съ буддою. Этотъ характеръ значительно проникъ уже въ пѣсни Ölötовъ и теперь на многіе чисто житейскіе предметы смотрятъ они какъ на произведеніе неба, привнося сюда по преимуществу понятія о буддійскомъ небѣ, заимствованныя изъ легендъ и сказокъ. Такимъ образомъ на пирахъ въ настоящее время Ölöты восхваляютъ свои музыкальные инструменты въ слѣдующей пѣснѣ:

хутуктӯ ламанàр нойòт-бà
хурусàн бӯгӯдэ̄н ӧмӧнӧ̄сӧ
гурбӯ̀н хӯры́ин аилганā́са
наиры́ин эгэшѝк баринàй.

бишига́рмайн урулусàн
бирӯ̄ даги́нійн барисàн
билигы́ин хӯр намàй гэчжѝ
бишáнза гэчжѝ нэрэ̄днэ̀.

зӯдàй модòр урулусàн
зӯ̄тэ̀й йонгорòр чибхудаласàн
зӯ̄тэ̀й ирӯ̄ намàй гэчжѝ
ятагà гэчжѝ нэрэ̄дэнэ̀.

асаралтӯ̀ монголы́йн урулусàн
актáин килгасā́р чибхудаласàн
аилгӯ̀ сайтàй намàй гэчжѝ
йэкэлѝ гэчжѝ нэрэ̄днэ̀.

кӯмӯ̀н йэкэтэ́йн урулусàн
кӯкшѝн йэкэлѝ намàй
гійчѝн кӯнъкӯнэтэлэ̀ хӯрдахӯ́йн цак-тӯ̀
кӯмӯ̀н бӯгӯдэ̄р гайхунàй.

хā̄н эзэды́ин цӯлгàн-ду
хабутàй сурусàн уханāра̄н

ханъгинатала̀ дэлэскӯ́йн цактӯ̀
хамӯ̀к бӯгӯ́дэ̄р гайхунà̀й.

дэ̄дӯ̀ тэнгрíин орон-дӯ̀
минъгà̀н чибхудасутà̀й ябулà̀й
энэ̀ монголы́ин орон-дӯ̀
арбà̀н хойдор чибхудасутà̀й килцэнэ̀.

буинтà̀й монголы́ин орон-дӯ̀
бурхà̀н номы́ин дэргэдэ̀
бишѝ кэбтэ̀й бáйсан надà̀
ӯдӯ́льбэ̀р гэчжѝ-гомдòл-ӯгà̀-ла.

Переводъ.

Предъ хутуктами, ламами и нойонами,
Предъ всѣми собравшимися
Отъ звуковъ трехъ инструментовъ
Приношу я пѣсню пира.

Меня, котораго сдѣлалъ Бишу-гарма,
Котораго держала Бирю̄ дагини,
Вѣщій инструментъ —
Называютъ бишанцза.

Меня, который сдѣланъ изъ дерева зӯдай (?),
У котораго натянуты струны изъ шумливаго шелка,
Громко-звучнаго, —
Называютъ ятага.

Меня, котораго сдѣлали милостивые монголы,
У котораго натянуты струны изъ конскаго волоса,
Извѣстнаго своимъ благозвучіемъ,
Называютъ — йэкэли.

Когда на мнѣ, которую дѣлало множество людей,
Старушкѣ йэкэли
Гости играютъ съ шумомъ,
Всѣ люди удивляются.

Когда въ собраніи хановъ и князей
Съ полнымъ и опытнымъ умѣньемъ
Звучно ударяютъ по струнамъ
Всѣ удивляются.

Въ царствѣ высокаго неба
Была я тысяче-струнною,
Въ этой монгольской странѣ
Меня дѣлаютъ о двѣнадцати струнахъ.

Въ странѣ добродѣтельныхъ монголовъ
Я, имѣвшая другой видъ
Передъ буддою и священнымъ ученіемъ,
Не тревожусь, почитая (это пребываніе) успокоеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія конечно, что личное исповѣданіе буддизма Ölötами, особливо въ послѣднее время, имѣло вліяніе на болѣе религіозное настроеніе ихъ умовъ вообще; но я приписываю особенное значеніе въ этомъ случаѣ вліянію на ölötскую націю Халхасовъ, потому что изъ разсмотрѣнія народной литературы Ölötовъ оказывается, что всѣ народныя пѣсни, носящія на себѣ религіозный, буддійскій оттѣнокъ, или ясно представляются заимствованными Ölötами изъ Халхи, или же восхваляютъ Халхасовъ, рисуютъ ихъ религіозный бытъ, ставятъ ихъ въ образецъ, однимъ словомъ непремѣнно упоминаютъ о нихъ.

шанъга̀йн öндо̄р ӯла-ду̀
шара̀ ула̄н цэцэ̀к ни
шара̀йн шачжѝн мандаса̀н
мана̀й лама̀йн шабина̀р.

худургу̀н-да̄н зокиса̀н
хула̀ галза̀н лӯса нѝ
хубилга̀н-да̄н зокираса̀н
мана̀й лама̀йн шабина̀р.

шикширгэ̀н-дэ̄н зокиса̀н
шинъгэ̀н дэльтэ̀й цабида̀р ни
ширэ̄ду̀нѝ зокираса̀н
мана̀й лама̀йн шабина̀р.

кӧмӧльдӧргэ̀н-дэ̄н зокиса̀н
кӧко̄ галза̀н лӯса ни
кӧдӧргэ̀н-дэ̄н зокираса̀н
мана̀й лама̀йн шабина̀р.

ō̄сор-тāн зокисàн
утỳ цагàн ӧргӧ̄-ни
оркомчжѝ-дāн зокирасàн
манàй ламàйн шабинàр.

дундỳ йэкэ̀ духáнъ-ду
дýнъ бӱрѣ̄гэ̄н татанàй
дӧрбӧ̄н хошӯн халхà ни
эргю̄ль мӧргӧ̄ль тальбинàй.

хóйту захàйн ӧргӧ̄-дӱ
хонъхò дамарāн дэльдэнэ̀
хорѝн хошӯн халхà ни
эргю̄ль мӧргӧ̄ль тальбинàй.

ӧндӧ̄р йэкэ̀ сӱмэ̀-дӱ̀
ӧдӧры́йн табỳн хурултàй
ӧглигӧ̄йн эзэ̀т нойоды́йн
ӧльмӧ̄ шабдàн батудбàй.

Переводъ

На высокой горѣ Шангайнъ
Желтые и красные цвѣточки;
Распространившіе желтую вѣру
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ пахвей
Саврасый мулъ съ лысиной;
Пристойны для своихъ перерожденій
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ привѣсокъ
Рѣдкогривый игренька;
Пристойны для своей каѳедры
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своего поперсья
Голубой мулъ съ лысиной;
Пристойны для своей мантіи
Ученики нашего ламы.

Ловка для своего пояса
Длинная, бѣлая юрта;
Пристойны для своего оркимчжи
Ученики нашего ламы.

Въ среднемъ большомъ храмѣ
(Ламы) трубятъ въ свои раковины;
Четыре хошуна Халхасовъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ юртѣ (находящейся у) сѣвернаго края
(Ламы) ударяютъ въ свои колокольчикъ и дамару;
Двадцать халхаскихъ хошуновъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ высокомъ большомъ храмѣ
Имѣется пять служеній въ день;
Утвердились стопы
Милостынедателей и князей.

Въ характерѣ пѣсни очевидно сочувствіе буддизму, но дѣйствующими лицами являются здѣсь не сами Ölöты, а извѣстные своею преданностію религіи — Халхасы. Пѣсенъ, посвященныхъ изображенію исполненія какихъ либо религіозныхъ обрядовъ, таинствъ и церемоній одними только Ölötами, повидимому, не имѣется вовсе, равно какъ чужды Ölötамъ и пѣсни, толкующія объ отвлеченныхъ религіозныхъ истинахъ; составленіе такихъ пѣсенъ, кажется, даже и не въ характерѣ Ölötовъ: поэтому то если такого рода пѣсни и слышатся иногда изъ устъ Ölöta, то всегда не трудно бываетъ замѣтить, что онѣ привнесены въ жизнь Ölötовъ Халхасами. Лучшимъ указаніемъ сего служитъ конечно самый языкъ этихъ пѣсенъ, всегда сохраняющій въ себѣ оттѣнки халхаскаго нарѣчія, а за симъ къ этому же выводу о заимствованіи религіозныхъ пѣсенъ изъ Халхи необходимо должно привести насъ и наблюденіе надъ самою жизнію Ölötовъ. Въ самомъ дѣлѣ буддизмъ еще и до сего времени развился у Ölötовъ чрезвычайно слабо: доселѣ они не имѣютъ у себя ни настоящихъ гэгэновъ, ни хутухтъ; въ монастыряхъ ихъ нѣтъ не только цанитскихъ школъ, а даже и вовсе нѣтъ ламскихъ училищъ, — изученіемъ догматики буддизма они не занимаются вовсе, да пожалуй не ищутъ даже и объясненій обрядовой стороны своей религіи; естественно посему, что въ пѣсняхъ Ölötовъ трудно

искать отвлеченностей догматическаго ученія, равно какъ и въ самыхъ Ӧлӧтахъ сочувствія къ подобнаго рода пѣснямъ халхаскимъ. Вотъ почему Ӧлӧты даже заимствуя пѣсни у Халхасовъ выбираютъ не тѣ изъ нихъ, которыя толкуютъ о догматическихъ отвлеченностяхъ, а напротивъ тѣ, въ которыхъ видна жизнь, въ которыхъ больше земнаго и матеріальнаго, чѣмъ духовнаго и отвлеченнаго, въ которыхъ наконецъ прекрасное является очевиднымъ, а не гадательнымъ и фантастичнымъ. Такимъ образомъ у Ӧлӧтовъ представляются весьма распространенными хвалебныя пѣсни въ честь халхаскихъ городовъ, монастырей, храмовъ, однимъ словомъ хвалебныя пѣсни въ честь предметовъ, поражающихъ душу всякаго кочевника. Какъ новое доказательство реальнаго направленія духа Ӧлӧтовъ замѣчательно за симъ то, что хвала монастырей и храмовъ въ ӧ̄лӧтскихъ пѣсняхъ преслѣдуетъ только внѣшнюю, видимую сторону этихъ предметовъ; духовное же значеніе и святыня ихъ, которыя по преимуществу приковываютъ къ себѣ вниманіе Халхасовъ, у Ӧлӧтовъ не вызываютъ почти совершенно никакого сочувствія. Лучшимъ образцомъ этого я могу указать пѣсню, составленную въ честь Урги. Пѣсня эта появилась по первоначалу несомнѣнно въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Ургѣ и можетъ быть даже въ самомъ этомъ городѣ; но странно, что я не только не слыхалъ ее въ самой Ургѣ, а даже въ аймакѣ Тѣшѣ̄ту хана и едва въ первый разъ могъ записать въ Улясутаѣ; у Ӧлӧтовъ напротивъ эта пѣсня такъ распространена, что ее знаетъ почти каждый малютка. Все это конечно обусловливается сочувствіемъ народа къ предмету пѣсни и къ характеру ея изложенія, а слѣдовательно дѣлается очевиднымъ, что то, что ненравится Халхасамъ, пользуется полнымъ сочувствіемъ у Ӧлӧтовъ. Вотъ эта пѣсня въ ӧ̄лӧтской редакціи:

ӧндо̆̄р богдо́-йн аруду̀
эргѝн то̄лайн кӧбӧ̄дӱ
сэрю̄н сэльмэ̀н дэнчжидӱ̀
мана̀й богдо́йн ку̇рѣ̄ ни

кӱрѣ̄ни хорѝн долō̄н аймàк нѝ
кӱрѣ̄лэчжѝ аймаглā̄т
хотò ма́ндал шинчжитэ̀й
эрѣ̄льзэчжѝ тунуглā̄т
хотò бӱгӱдэ̄сэ майматàй
хошӯ бӱгӱдэ̄сэ чжисā̄тай
дотō̄ду эзэнэ̄сэ амбаньтàй
халхà монъгòл чжа́нъчжиньтàй
байгулусàн духàнъ ни
батỳ сумбỳр шинъчжитэ̀й
басà олòн хуварàк
далàй ламā̄са лунъданътàй
дай пѝн хāнā̄са тамагатàй
далàй цэцэ̀н шанзотба́тай
цэбэ̀р гольшѝк со́йбунътàй
цэцэ̀н са́йхан донир тàй
цагы́йги ӱзэкчѝ зурхайчитàй
цā̄зайги шӱ̄кӱ̀ сайдӯт-тàй
идэ̀р лӯйн дӯтàй
экэ́йн дӧрбӧ̄н унъзат-тàй
то́йн тормо́йт лама-тàй
дошкисàн шумну́йги даручжѝ
дō̄ротỳ маны́йги ӧрӧшō̄.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу бурливой Толы,
(Стоящій) въ прохладной и чистой атмосферѣ
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Расположилось (въ немъ) отдѣлами кругомъ,
Онъ имѣетъ видъ хото мандала,
Свѣтится пестрѣя.
Въ немъ торговля изо всѣхъ городовъ,
Въ немъ очереди (служебныя) изо всѣхъ хошуновъ,
Въ немъ амбань отъ срединнаго повелителя,
Въ немъ цзянь-цзюнь халхаскихъ монголовъ.
Основанные въ немъ храмы
Имѣютъ видъ непоколебимой (горы) Сумэръ,

А множество духовныхъ лицъ
Имѣютъ наставленія отъ Далай ламы.
Въ немъ печать отъ императора Дай-пинъ,
Въ немъ шанцзотба — море мудрости,
Въ немъ чистоплотные, опрятные сойбуны,
Въ немъ мудрые, хорошіе дониры,
Въ немъ астрономы, изслѣдующіе время,
Въ немъ вельможи, судящіе о законахъ,
Въ немъ четыре главные унзата,
У которыхъ голосъ какъ у молодыхъ драконовъ;
Въ немъ ламы изъ князей и тайчжіевъ,
Подавивъ злаго демона,
Благословите недостойныхъ насъ!

Въ Халхѣ и именно въ Улясутаѣ пѣсня эта была записана мною въ слѣдующемъ видѣ:

ӱндӱ̀р богдо́йн аруду̀
ӱргӱ̀н то̄лайн хӱбӧ̄дӱ
сэрю̄н цэльмэ̀н дэнчжитэ̀й
мана̀й богдо̀йн хӱрѣ̄ бѝ.
хӱ̄рѣнэй хорѝн доло̄н айма̀к ни́
эрѣ̄льцзэчжѝ харакдана̀й
хото̀ ма́ндал шинчжитэ̀й
мэльтэльцзэчжѝ тунуна̀й
байгулуса̀н дугу̀м ни
бату̀ сумэры́йн шинчжитэ̀й
баричжѝ тӱрӱсэ̀н бэйѣ̀ ни
окторго̀й тулуму̀ туя̄тай
тӱмэ̀н хуварагы́йн ма́нцза ни
дала̀й мэтӱ̀ мэльмэлцзэ̄т
дала̀й цэцэ̀н шанцзоба́-тай
дарха̀н нирба̀ олон-та̀й
дала̀й мэтӱ̀ санъ-та̀й.
цэцэ̀н са́йхан унцзат-та̀й
цэбэрхэ̀н са́йхан лама-та̀й
идэ̀р лӯ-йн дӯта̀й
йэхэ́йн дӱрбӱ̀н гэскӱй тэ̀й
идэр лӯ-йн дӯта̀й

хурулы́йн хоѝр бӱрѣ̄читэ̀й
бары́ин сӱ̄ль бариху̀
ба̄тур ула̄н ха̄лгачита̀й
хӯр бариху̀ хя̄нар-та̀й
хӯлійги мэдэху̀ сайдӯт-та̀й.
цагы́йги ӱцзэху̀ цзурха́йчи-та̀й
ца̄цзайги бариху̀ са́йт-нар-та̀й
бѝр янъта̀й бариху̀
билигы́йн хурду̀н бичѣ̄чи-тэ̀й
мӱргӱлы́йн йэхэ̀ асар-та̀й.
мӱнъхэ̀ бӱсӱ̀йн оро̀н:
дото̄дуйн оронō со ма́йматàй
ару̀ халха́йн цзянь-цзюнь та̀й
гу́руни э́пу чжиса̄та̀й
дала̀н нигэ̀н дугумчитэ̀й
гурба̀н отогы́йн харӯл-та̀й
энэ̀ дӯйги дӯласа̀н
хорѝн цзурга̄н насута̀й
лубса̀н-дондо̀к нэрэтэ̀й
эймихэ̀н дӯлаба̀й.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу широкой Толы находится
Имѣющій прохладную и чистую атмосферу
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Виднѣются пестрѣясь,
Они имѣютъ видъ хото мандала
И свѣтятся рябѣя.
Построенные въ немъ (монастырѣ) храмы
Имѣютъ видъ непоколебимой Сумэръ
Воздвигнутый составъ его
Бросаетъ лучи, достигающіе до небесъ;
Чай — трапеза 10 тысячъ ламъ его
Колышется какъ море.
Въ немъ Шанцзотба море мудрости,
Онъ славенъ множествомъ искустныхъ казначеевъ,

Въ немъ казначейство - - что море;
Въ немъ мудрый, прекрасный умзатъ,
Въ немъ чистоплотные, прекрасные ламы,
Въ немъ четыре великіе гэскуя,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ два хурульные трубача,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ богатырь, красный привратникъ,
Держащій барсовый хвостъ;
Въ немъ адъютанты, держащіе музыкальные инструменты;
Въ немъ вельможи, знающіе законы;
Въ немъ астрономы, изслѣдующіе время;
Въ немъ сановники, держащіе законы;
Въ немъ мудрые и скорые писцы,
Держащіе кисть и чернильницу;
Въ немъ громадные мезонины (храмовъ) для поклоненія,
Предметы міра тлѣннаго:
Въ немъ торговля изъ срединнаго царства,
Въ немъ цзянь-цзюнь сѣверной Халхи,
Въ немъ очереди изъ императорскихъ зятьевъ,
Въ немъ семьдесятъ одинъ сторожъ храма,
Въ немъ караулы отъ трехъ родовъ.
Пѣвшій эту пѣсню,
Двадцати шести лѣтній
Лубсанъ Дондокъ по имени
Этакъ-то пропѣлъ.

Разбирая обѣ редакціи этой пѣсни не трудно замѣтить, что халхаская редакція гораздо обширнѣе ӧлӧтской, но за то нельзя не замѣтить и того, что эта халхаская редакція значительно уступаетъ ӧлӧтской въ изящности отдѣлки и въ красотѣ изложенія всей пѣсни вообще, а равно стройности, законченности и цѣльности ея отдѣльныхъ періодовъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Ӧлӧты больше интересуются пѣснею, чѣмъ Халхасы. Въ халхаской редакціи наконецъ мы замѣчаемъ странности и по самому смыслу: къ чему напримѣръ приписывается въ ней громозвучный голосъ безмолвствующимъ гэскуямъ и муд-

рость запѣваламъ-умзатамъ? Ясно, что аттрибуты этихъ двухъ званій перемѣшаны между собою, и отъ того въ общемъ строѣ рѣчи является несообразность, которую не допускаетъ у себя ӧлётская редакція, съ любовію заботившаяся какъ о внѣшней отдѣлкѣ, такъ и о самомъ содержаніи пѣсни. Халхасы наконецъ не утерпѣли чтобы не сдѣлать и въ этомъ простомъ, картинномъ описаніи особаго дѣленія для предметовъ тлѣннаго, матеріальнаго міра, причисляя сюда — торговлю, какъ заботу о мірскихъ интересахъ, олицетворяя идею о войнѣ въ лицѣ цзянь-цзюня и — высокаго положенія въ свѣтѣ въ лицѣ императорскаго зятя; но за симъ къ этому же отдѣлу указанія суетныхъ предметовъ тлѣннаго міра они примкнули и сторожей храма. Какимъ образомъ упоминаніе о нихъ занесено въ этотъ отдѣлъ сказать объ этомъ трудно что либо кромѣ того, что Халхасы, какъ не сочувствующіе этой пѣснѣ, не заботились объ ея стройной и логичной цѣльности; Ӧлётамъ напротивъ нравилось это полное, картинное изображеніе городской жизни и, хотя по началу они заимствовали его у Халхасовъ, но теперь передаютъ это заимствованіе лучше самихъ творцевъ оригинала.

Такимъ образомъ изъ сличеній и разбора этой пѣсни оказывается таже самая наклонность Халхасовъ къ сужденіямъ и воспѣванію отвлеченности, какую видѣли мы и въ спеціальномъ изслѣдованіи халхаскихъ пѣсенъ; далѣе, какъ намъ кажется, представленная пѣсня свидѣтельствуетъ объ отличномъ направленіи духа Ӧлётовъ, а вмѣстѣ съ симъ проявленій его — народной литературы. Мы не хотимъ однако сказать этимъ того, чтобы у Ӧлётовъ вовсе не было религіозныхъ пѣсенъ. Шастиръ, какъ называютъ Ӧлёты эти пѣсни, не только существуютъ въ народѣ, но число ихъ можно сказать увеличивается годъ отъ году, по мѣрѣ того какъ буддизмъ болѣе и болѣе проникаетъ въ массу и обращаетъ простолюдиновъ въ ламъ, изучающихъ буддійскіе молитвенники и начинающихъ смотрѣть на все глазами религіи. Но Халхасы уже вполнѣ достигли этого: обыкновенная рѣчь Халхасовъ перемѣшивается съ текстами ихъ молитвъ, какъ

французскія выраженія въ русскомъ разговорѣ московской салонной барыни; оттого нѣтъ ничего удивительнаго, что изящныя произведенія народнаго творчества Халхасовъ не только постоянно трактуютъ о духовномъ, но и почти сплошь состоятъ изъ книжныхъ выраженій. Ӧлӧты еще далеко не дошли до этого: религіозныя понятія даже въ средѣ ихъ ламства не отдѣлились еще отъ народныхъ суевѣрій; они мало знакомятся съ положительнымъ ученіемъ буддизма, отъ того и самые образы предметовъ духовнаго міра, которые рисуютъ они въ своихъ пѣсняхъ, не носятъ на себѣ черты, придаваемыя имъ религіозными номами, а облекаются въ тѣ формы, которыя придала имъ фантазія народа. Лучшимъ примѣромъ для сего мы представляемъ носящую на себѣ религіозный характеръ пѣсню Ханбо ламы монастыря дӧрбӧтскаго вана, личности, которая уже по своему положенію, казалось, должна быть высшею по своему богословскому образованію въ народѣ.

бурхана̀й шачжѝн окторго̀й
богдо̀ тэндэ̄сэ нѝ ӧрошӧ̄тӧгэ̀й,
буѝн ки́сэн кӱмӱ̄ги
бурха̀н тэндэ̄сэнѝ уктуна̀й;
нӱ̄ль ки́сэн кӱмӱ̄ги
нӱцӱгӱ̀н шӱлму̀с уктуна̀й,
кӱцӱ̀ йэкэ-тэ̀й арсала́н
кӱркӱрэ̄т тоглочжѝ на̄дана̀й;
кӱмӱнэ̀й кӱсэл-ѝ ханъгакчѝ
лама̀ гурбу̀н эрдэнѝ;
очѝр ва́ни бурханы́йги
оро̀й дэ̄рэ̄н шӱтӱйѣ̀;
оло̀н ки́сэн килинцэдѣ̄н
улу̀м хо́йнӧн гэмшійѣ̀;
махага́ла бурханы́йги
манъна̀й дэ̄рэ̄н шӱтӱйѣ̀;
мага̀т ки́сэн килинцэдѣ̄н
ма́нійга̄н умшичжѝ цзалбарійя̀
зӯн найма̀н эрикэ́йги
зӱ̄кэ̀н мотор-та̄н татайя̀;

зургāн ӱзӯк мáнийгāн
зӱрӱ̄кэн дундà санайя̀;
бáдма экитэ̀й кӱрдӯйги
барӯн гартāн барийя̀
бардāт ирэкӯ дайсуныйги
бāтурхан ямáндага-дāн дāдахуйя̀.

Переводъ.

Буддійской вѣрѣ небесный
Святитель да покровительствуетъ оттуда,
Добродѣтельнаго человѣка
Да встрѣтитъ божество оттуда.
Человѣка, дѣлавшаго грѣхи,
Да встрѣтитъ голый бѣсъ.
Левъ, славный своею большою силою,
Рыча и прыгая, играетъ;
Удовлетворяющія человѣческія пожеланія
Лама и три драгоцѣнности.
Будемъ надѣяться больше всего
На бурхана Очирвани;
Будемъ постепенно раскаяваться
Во множествѣ сдѣланныхъ грѣховъ.
Будемъ преимущественно уповать
На бурхана Махагалу;
Будемъ молиться, читая мани,
О своихъ дѣйствительно сдѣланныхъ грѣхахъ.
Четки изъ ста восьми шариковъ
Будемъ перебирать въ своей лѣвой рукѣ;
О шести слогахъ мани
Будемъ помышлять въ сердцѣ.
Кӱрдэ съ маковкою бадмы
Будемъ держать въ правой рукѣ;
Быстро приходящаго врага
Заставимъ слѣдовать за богатыремъ Ямандагой.

Вотъ ӧлётская религіозная пѣсня и развѣ же возможно сравненіе ея съ представленными нами такими же халхаскими, хотя бы то пѣснею о Дамдинъ дорликѣ, или составленною на пригла-

шеніе ургинскаго хутухты, или наконецъ нравственно-религіозною, приписываемою Мергэнъ вановскому Галсанъ Цэрэну? Конечно нѣтъ; потому что какъ языкъ, такъ и содержаніе тѣхъ пѣсенъ ясно свидѣтельствуютъ о богословской учености творцевъ ихъ: они говорятъ текстами изъ буддійскихъ номовъ, рисуютъ образы, заимствуя черты ихъ изъ религіозной книги, преподаютъ нравственное ученіе, объясняя его раціональныя и догматическія основы. Правда, что и здѣсь предлагаются тѣже нравственные совѣты—дѣлать добро, молиться и читать мани; но эти совѣты говорятся въ самыхъ простыхъ и чуждыхъ книги выраженіяхъ, они очевидно предназначаются дѣйствовать на сердце въ простотѣ, потому что имъ не предпосылается никакихъ отвлеченныхъ толкованій, убѣждающихъ умъ въ суетѣ видимаго міра и возвышенности духовнаго начала. Когда же заходитъ рѣчь объ основахъ для дѣланія добра, то опять таки въ ӧлӧтской пѣснѣ эти основы очевидно берутся не изъ книжныхъ, догматическихъ, богословскихъ разсужденій, а заключаютъ въ себѣ чисто народныя представленія, что «человѣка, дѣлавшаго грѣхи, встрѣтитъ оттуда (откуда?) бѣсъ», да еще голый.

Понятно, что если такова пѣсня, составленная представителемъ богословской учености въ народѣ, то намъ не трудно заключить на сколько ученіе буддизма проникло въ народную массу вообще; иначе сказать, не трудно предположить, что преданность буддизму, а еще болѣе основательное изученіе его какъ идеала знаній пока еще очень далеки духовной природѣ Ӧлӧтовъ. Дѣйствительно мы можемъ повторить снова, что религіозная пѣсня и до нынѣ рѣдко слышится изъ устъ Ӧлӧта простолюдина и большинство пѣсенъ его — это воспѣваніе природы, родныхъ кочевьевъ и роднаго крова, предметовъ домашней жизни и пр. Пѣсни эти по большей части кратки, малосодержательны и однообразны; но за то всѣ они отличаются цѣльностію, и въ то время какъ въ халхаской пѣснѣ за частую не найдешь основной мысли, которая проходила бы чрезъ все произведеніе, въ пѣсняхъ Ӧлӧтовъ почти всегда наталкиваешься на одни и тѣже слова, что и

производитъ однообразіе ихъ построенія. Обыкновенный способъ сложенія о̄лётской пѣсни это или воспѣваніе одного какого нибудь предмета чрезъ разнообразіе его предикатовъ, или исчисленіе различныхъ предметовъ при единствѣ приписываемаго имъ предиката; иногда дѣло доходитъ даже и до того, что какъ предметъ пѣсни такъ и предикатъ его остаются одни и тѣже, различіе же заключается только въ постановкѣ двухъ-трехъ эпитетовъ. Все это мы видѣли уже отчасти въ примѣрахъ эпическихъ пѣсенъ, теперь же для образца представляемъ еще одну народную пѣсню позднѣйшаго происхожденія.

алтàн аралы́йн амтà ни са́йхан,
абуракчѝ богдо́йн ӧрӧшо̄л ни са́йхан,
хабуры́йн цагы́йн зӧлго̄ ни са́йхан,
хатѝ манънугы́йн эрѣ̄ ни са́йхан,
зунàй цагы́йн зӧлго̄ ни са́йхан,
зулзагàн манънугы́йн эрѣ̄ ни са́йхан,
зӧ̄чжѝ бӯху-дӯ зӧлго̄ ни са́йхан,
зӧбчилэчжѝ кӯдэкӯ-дӯ эзэ́н-ни са́йхан,
эргичжѝ бӯху-дӯ э̄чжи ни са́йхан,
эбэрэ̄нэ̄н нюры́йги ӱзэкӯ дӯ толѝ ни са́йхан,
дала́йн дундукѝ дабасун ни са́йхан,
дацангы́йн дундукѝ лама̀ ни са́йхан,
нӯры́йн дундукѝ нугусу́н ни са́йхан,
нутугы́йн дундукѝ нойот ни са́йхан,
цэнъгэлэ̄р залахӯ-ду лама̀ ни са́йхан,
цэриглэ̄т мордохӯ-ду нойо̀н ни са́йхан.

Переводъ.

Хорошъ вкусъ кукурузы,
Хорошо благословеніе спасительнаго святителя,
Хорошъ лугъ весенняго времени,
Хороша пестрота плотной, шелковой матеріи,
Хорошъ лугъ въ лѣтнюю пору,
Хороша пестрота нѣжной, шелковой матеріи,
Хорошъ лугъ для остановки при перевозкѣ тяжестей,
Хорошъ господинъ для бесѣды при совѣщаніи,

Хороша мать, чтобы пожить (у нея) послѣ долгихъ разъѣздовъ,
Хорошо зеркало, чтобы посмотрѣть свое лицо,
Хороша соль, находящаяся въ морѣ,
Хороши ламы, живущіе въ монастырѣ,
Хороши утки (плавающія) посреди озера,
Хороши князья, живущіе въ родныхъ кочевьяхъ,
Хорошъ лама, чтобы пригласить его радостно,
Хорошъ князь, чтобы отправляться въ походъ.

Но эта пѣсня, говорятъ Ölöты, очень новая, да при томъ по своему составленію она едва ли и принадлежитъ всецѣло Ölötамъ, а вѣроятно занесена и передѣлана какимъ нибудь странствующимъ ламою. Къ этому заключенію приводитъ меня съ одной стороны то, что почти совершенно такую же пѣсню повстрѣчалъ я у Забайкальскихъ Бурятъ, а съ другой и то, что при соображеніи характера Ölötовъ, мнѣ кажется, будто и въ этой пѣснѣ сравнительно много говорится объ отвлеченныхъ предметахъ и религіи: обыкновенно буддѣ посвящается въ ölötскихъ пѣсняхъ много два, три слова. Идеалы ölötской жизни, какъ уже было сказано, далеки отъ буддизма, полны жизни мірской, заботами о матеріальномъ благѣ; отъ того и самая жизнь Ölötовъ дѣятельнѣе, все духовное существо ихъ бодрѣе, они веселѣе смотрятъ на окружающее, находя въ немъ свой покой и свое счастіе. Вотъ одинъ изъ свадебныхъ пѣсенныхъ привѣтовъ, рисующихъ идеалы Ölöта: онъ обыкновенно поется невѣстѣ за одною изъ многочисленныхъ чарокъ, вышиваемыхъ на этомъ торжествѣ.

öндӧр йэкэ добӧн-ду гэрӭн баричжи
өргӧн йэкэ ширэк-тӳ зэлӭн татачжи
ödöрыйн сáйги öнчжилэчжи
сарáйн сáйги сакичжи
санāни амӯр
салькúни токтӯн
сáйхан амӯр чжиргачжи бáйху-дӯ
ӧлэн ибтэ тэнъгэ́рь чини öрöшӧчжи

ӧдэн ибтэ̀ нойӧт чинӣ ӧрӧшӧ̄чжи
буинӣ ӧмӧнӧ̄ кӧлӧ̄н чжӥйчжи
бурханӣ ӧмӧнӧ̄ тологойга̄н баричжӣ
дэ̄дӱ̆ йэкэсы́йги номо̄рӧ̄н ханъгачжӣ
до̄ротӯ мӯги ӧглиго̄рӧ̄н ханъгачжӣ
тосӯ̀н аматà̀й
торгӧ̀н чирà̀йтай
ӧ̄кӧн аматà̀й
ӧргӧ̄н чирà̀йтай ба́йху дӯ̀
ха̄н нойӧ̀т-ту хаиртà̀й больчжӣ
хаза̄ртай мӧро̄р шанънӯльчжи
эзэ̀н нойӧ̀т-та̄н эльтэ̀й больчжӣ
эмэ̄льтэ̀й мӧро̄р шанънӯльчжи
э́н ӱгà торгӧ̀н энънэчжӣ
экэ̀ заха́йги хадачжӣ
то̄ ӱгà торгӧ̀н то̄мночжӣ
тобчӣ бӱчӥ́йни хадачжӣ
хойгӯр торосӧ̀н-да̄н
хонӣ хуругӯ̀н ӧкчӣ
ӧмӧнӱ̄р торосӧ̀н-да̄н
унугӯ̀н дага̄н ӧкчӣ
тӧльго̄н танишӣ ӱгà байн
тӧрӧло̄н танишӣ ӱгà ӧнӧ̄р ӧткӧ̄н больчжӣ
сала̄нни сарбагà̀р
ӧсӧкэ́йн ӧргӧ̄н
утӯ̀ насутà̀й
уда̄н чжиргалтà̀й ба́йху дӯ̀
оро̄ра̄н дӱ̄рэн окитà̀й
кӱнчжилэ̄рэ̀н дӱ̄рэн кӱбӱ̄тэй
шаламтà̀й кӱбӱ̄ги шачжӣн-да̄н баричжӣ
шалбур-тà̀й кӱбӱ̄ги тӧрӧдӧ̄н баричжӣ
шарà ата́йги бэ̄чжин-дӯ̀ хомночжӣ
шанъхактà̀й акта́йги бэлэ́к-тӯ̆ баричжӣ
шарà толого́йтай ирга́йги шӱ̄сӯ̀н-дӯ̀ баричжӣ
хӯ̀нъ дӯтà̀й ата́йги бэ̄чжин-дӯ̀ хомночжӣ
хулӯ̀н чикитэ̀й акта́йги бэлэ́к-тӯ̆ баричжӣ ба́йху дӯ̀
дӯтà̀й харà нохо́йги ӧдэн дэ̄н хуцӯльчжӣ
до̄ротӯ мӯ кӱ̄нэ̄р аргасӯ̀ тӯлгэчжӣ
дундӯ̀ мӯ кӱ̄нэ̄р адӯга̄н манӯльчжӣ
эркӣн кӱ̄нэ̄р мала̄н харӯлгачжӣ

хайкирачжѝ кӱрӱшѝ ӱга̀ бэлчиртэ̀й
хамӯк-ту кӱсэкдэкӱ̀й йэкэ̀ нэрэтэ̀й больчжѝ
хамугѝ гэйгӱ̀лӱкчи нара̀ мэтӱ̀ мандачжѝ
набчѝ мэтӱ̀ дэлгэрэчжѝ
насӯн туршѝ чжиргачжѝ сӯхӯйн бэлэ̀к шингэбэ̀й.

Переводъ.

Чтобы строить тебѣ свой домъ на высокомъ, большомъ бугрѣ,
Протянуть свою улицу по широкому, большому пригорку,
Проводить хорошее время дня,
Соблюдать хорошее время мѣсяца,
Имѣть спокойствіе духа,
Имѣть тишину вѣтра,
Веселиться хорошенько въ безмятежіи; а когда (все это) будетъ,
Чтобы посылали (тебѣ) милости небеса твои сквозь облака,
Чтобы посылали (тебѣ) милости князья твои сквозь двери,
Чтобы направлять (тебѣ) свои ноги предъ добродѣтелью,
Чтобы держать свою голову передъ буддою,
Чтобъ наслаждать (тебѣ) своимъ ученіемъ высшихъ,
Чтобъ удовлетворять своею милостынею низшихъ,
Имѣть масляный ротъ
Имѣть шелковое лицо,
Имѣть сальный ротъ,
Имѣть широкое лицо; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ быть (тебѣ) въ милости у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадью съ уздою,
Чтобъ имѣть (тебѣ) дружбу у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадью съ сѣдломъ,
Чтобъ надѣвать на себя шелкъ безъ мѣры,
Чтобъ пришпиливать самый высокій воротъ,
Чтобъ надѣвать (тебѣ) шелкъ безъ числа,
Чтобъ прикалывать застежки и ленты,
Чтобъ давать овецъ и ягнятъ идущимъ позади,
Чтобъ давать сосунковъ, стригунковъ попадающимся на встрѣчу,
Чтобъ быть невѣдомо богатою ягнятами,
Чтобъ быть невѣдомо обширною родствомъ,
Развалистою какъ вѣтвь,
Широкою какъ пятка,

Имѣть длинный вѣкъ,
Имѣть долгія радости; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ имѣть (тебѣ) полную кровать дѣвочекъ,
Полно-одѣяло мальчиковъ,
Чтобъ посвятить тебѣ мальчиковъ, носящихъ шаламъ *), своей вѣрѣ,
А мальчиковъ, носящихъ штаны **), посвятить своему правленію,
Сѣдлать желтаго верблюда въ Пекинъ,
Дарить въ подарокъ мерена съ завивкою на гривѣ,
Давать въ провизію желтоголовыхъ барановъ,
Чтобъ сѣдлать верблюда съ лебединымъ голосомъ въ Пекинъ,
Чтобъ дарить тебѣ мереновъ съ куланьими ушами; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ брехала у твоихъ дверей собака съ (звучнымъ) голосомъ,
Собирать тебѣ топливо черезъ низшій, черный людъ,
Стеречь ночью своихъ лошадей черезъ средній черный людъ,
Пасти свой скотъ черезъ важныхъ людей,
Имѣть выгонъ (изъ конца въ конецъ) не досягаемый крикомъ,
Имѣть великое, всѣмъ желанное имя,
Всходить какъ солнце, все освѣщающее,
Распускаться какъ древесный листъ,
Пожеланіе на всю жизнь довольнаго житья — свершилось!

Изложеніе заботъ о такого рода чисто матеріальныхъ благахъ жизни и пожеланій осуществленія ихъ въ дѣйствительности находимъ мы не въ однѣхъ только свадебныхъ пѣсняхъ, но и во всѣхъ тѣхъ, которыя поются на обыкновенныхъ пирушкахъ. Необходимо предположить отсюда что и интересы, останавливающіе на себѣ вниманіе Ölötовъ, далеки духовнаго міра, воспѣваемаго Халхасами. Что же касается самыхъ стихотвореній и пѣсенъ этого содержанія, то они носятъ у всѣхъ монголовъ вообще, а въ томъ числѣ конечно и у Ölötовъ, особое названіе

*) Т. е. посвященныхъ въ духовное званіе; шаламъ собственно есть названіе одной изъ шапокъ разныхъ формъ, ношеніе которыхъ присвоено духовнымъ лицамъ.

**) Т. е. оставшихся въ свѣтскомъ званіи, ибо ламы по обрядамъ буддизма не носятъ штановъ, а родъ юбки, называемой банцзаль.

«йӧрӧ̄ль» и составляютъ въ количественномъ отношеніи едва ли не самый важный отдѣлъ во всей народной, пѣсенной литературѣ Ӧлӧтовъ; распѣваются они обыкновенно передъ всякимъ сидящимъ на пирушкѣ, начиная по старшинству съ ламъ и чиновниковъ. Вотъ одинъ изъ «йӧрӧ̄лей» послѣднимъ:

зэ̄, буинӑ̀р учирасӑ̀н, хӑ̀н, вӑ̀н, бэ̄лэ, бэ̄сӱ, гӱ̄н, засӑ̀к,
нойӧ̀т, ламанӑ̀р манѝ
чжѝль ирэкӱ̆-дӱ̆ чжинсэ̄н нэмэчжѝ
о́н ирэкӱ̆-дӱ̆ отогӧ̄н нэмэчжѝ
отого́-дунѝ нӱдӱ̆н нэмэчжѝ
олбӧ̀к-ни дэлэкэ̀й бӱркӱ̆чжѝ
обӧ̄дой нѝ окторгӧ̀й тулучжѝ
ӧ̄сор нѝ хурмусӱ̀н бату̀
олӧ̀н чжилӣ́йн туктӯ́м тунъгалӑ̀к айлатчѝ ба́йху-дӱ̀
ӧрӧ̄тӧй-дӱ̆ кӱ̆ликдэ̀л угӑ̀
эбэчитэ̀й-дӱ̆ бӱдӱ̆рэ̀л угӑ̀
сумбӱ̀р йэкэ̀ суртӑ̀й
сӱрдӱ̆мэ̀л йэкэ̀ чжибхуланътӑ̀й
килгасӱ̀ни чинэ̄н кѝр угӑ̀
ӧндӧгӧ̄ни чинэ̄н ӧ̄ угӑ̀
кэшѝк буѝн цӧ̀к за́ли йэсӱ̀н кӱ̆сэлъ̀, ирӯ̄ алдӑ̀р
замбутибы́йн о́й цэцэ̀к мэтӱ̆ дэльгэрэтӱ̆гэ̀й.

Переводъ.

Ну, добродѣтелью повстрѣчавшіеся: ханы, ваны, бэйлэ, бэйсэ,
гуны, правители, господа и ламы наши,
Да повышаются съ приходомъ года (ваши) шарики,
Да повышаются съ наступленіемъ лѣта (правленія ваши) перья,
А на перьяхъ да увеличиваются (по числу) глаза,
Да покроютъ олбоки (ваши) вселенную,
Да достигнутъ обӧдаи (ваши) до неба,
Да будутъ крѣпки ленты и шишаки,
Да вѣдаете (вы) прочность и ясность на много лѣтъ, а когда (все
это) будетъ,
Да не подпадете (вы въ число) состоящихъ подъ пытками,
Да не свихнетесь (вы въ число) больныхъ,
Да будете величественными какъ Сумбуръ,

Да будете блистательно великолѣпными,
Да не будетъ (у васъ) нечистоты ни на волосъ,
Да не будетъ (у васъ) шероховатости (и такой) какъ на яйцѣ,
Да будете (вы) распространяться въ милости, добродѣтели, величіи, девяти желаемыхъ и громкой славѣ,
Какъ лѣсные цвѣтки вселенной.

Какъ видно китайское правительство сказалось Ölötамъ черезъ чуръ сурово, если даже въ своихъ пѣсняхъ они не преминули сказать своимъ князьямъ пожеланіе объ избѣжаніи отъ смѣны и пытки. Не естественнымъ ли представляется послѣ сего постоянный упадокъ нравственныхъ силъ во всемъ народѣ, для котораго гнетъ иноплеменныхъ владѣтелей конечно еще болѣе чувствителенъ, чѣмъ для частныхъ личностей правителей? И что за диво послѣ сего если этотъ раздробленный, разъединенный и угнетенный народъ начнетъ въ концѣ концевъ надѣяться на будду и станетъ съ ханжествомъ воспѣвать его?!

Пѣсни Бурятъ.

Буряты, какъ и племена Халхасовъ въ Сѣверной Монголіи и Ölötовъ въ Чжунгаріи, считаютъ у себя нѣсколько различныхъ и совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга поколѣній. Это дѣленіе всегда обосновывалось у нихъ главнымъ образомъ на преданіяхъ о происхожденіи и только въ послѣднее время, когда эти преданія начали мало по малу забываться и смѣшиваться, Буряты, по примѣру Русскихъ, стали раздѣлять своихъ единоплеменниковъ на основаніи географическаго положенія ихъ мѣстожительства. Что касается собственно русскихъ, то у насъ дѣленіе Бурятъ, кажется, всегда существовало на географическихъ основахъ и всегда было чрезвычайно обще: мы считали по большей части три рода Бурятъ: а) добайкальскихъ, — Бурятъ-аборигеновъ по преимуществу; b) забайкальскихъ, т. е. селенгинскихъ и хоринскихъ выходцевъ изъ Монголіи, и с) ононскихъ,—

также выходцевъ изъ Монголіи, но болѣе подчинившихся вліянію Тунгусовъ. Впрочемъ каково бы ни было дѣленіе бурятскаго народа, оно не имѣетъ для насъ почти никакого значенія, потому что въ исторіи жизни различныхъ бурятскихъ поколѣній, особливо за послѣдніе два съ половиною вѣка, нельзя видѣть такой разницы какъ напримѣръ въ поколѣніяхъ Ölötовъ; и если у послѣднихъ жизнь и судьба Дöрбöтовъ должна быть разсматриваема совершенно отдѣльно хотя бы то отъ жизни Торгоутовъ, то такое разсмотрѣніе почти совершенно не приложимо въ отношеніи бурятскихъ родовъ, одинаково проводившихъ спокойную, свободную и правильную жизнь съ того времени, какъ только признали они надъ собою главенство Россіи. Съ тѣхъ поръ у нихъ собственно не было ни войнъ, ни народныхъ движеній и если къ южнобайкальскимъ Бурятамъ привзошелъ въ это время буддизмъ, то введеніе и распространеніе его у различныхъ поколѣній происходило такъ постепенно, что Буряты, вѣроятно, незамѣтно и для самихъ себя превратились изъ ярыхъ шаманистовъ въ ревностныхъ поклонниковъ будды. Это мирное, безмятежное и довольное существованіе конечно служитъ главнѣйшею причиною почему у Бурятъ мы почти не встрѣчаемъ эпоса, относящагося ко времени владычества надъ ними Россіи и съ другой стороны находимъ множество преданій и эпическихъ твореній, относящихся до временъ, предшествовавшихъ русской власти. Сохраненію этихъ эпическихъ сказаній у Бурятъ, какъ и у Ölötовъ, способствовало весьма многое: прежде всего напримѣръ Русскіе не переселяли Бурятъ съ мѣста на мѣсто, каковую политику вели Китайцы въ отношеніи къ монголамъ; оттого Бурятъ естественно никогда не лишенъ былъ ни поводовъ, ни времени къ познанію своихъ преданій о какой либо горѣ и мѣстности: каждому молодому поколѣнію всегда могли передавать такія преданія старики, прожившіе весь свой вѣкъ въ этихъ же мѣстахъ и молодое поколѣніе въ свою очередь не могло не интересоваться такими разсказами, потому что оно находило въ нихъ все родное. Русскіе не истощали Бурятъ также и своими поборами, или какими либо притѣсненіями; и

оттого въ привольи жизни, Буряту естественно было распѣвать, а не вздыхать какъ Халхасу. Разборъ развитія и существованія эпоса у Бурятъ лучше всего подтверждаетъ ту мысль, что переселенія и отсутствіе политической жизни суть высшіе враги народныхъ эпическихъ сказаній. Въ самомъ дѣлѣ селенгинскіе Буряты, принявшіе русское подданство непосредственно по выходѣ изъ Монголіи и съ того времени начавшіе свою мирную жизнь, совершенно не сохранили у себя эпическихъ пѣсенъ; тогда какъ Хоринцы, по отдѣленіи отъ Халхасовъ болѣе полувѣка прожившіе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя занимаютъ они и теперь и вынесшіе много борьбы и страданій прежде чѣмъ нашли они мирный пріютъ подъ покровительствомъ Россіи, сохранили и доселѣ свои воспоминанія о старинѣ въ народной пѣсенной поэзіи. Этою то поэзіею забайкальскихъ Бурятъ и собственно хоринской старины мы и начнемъ свою рѣчь о пѣсняхъ бурятскихъ, такъ какъ эта поэзія представляется намъ самою древнею, и собранные нами пѣсенные образцы сѣверобайкальскихъ Бурятъ, повидимому, не носятъ въ себѣ ничего ручающагося за ихъ старину.

Прежде однако чѣмъ представлять эпосъ Хоринскихъ Бурятъ, намъ кажется необходимымъ для большей удобопонятности хотя краткое изложеніе исторіи Хоринцевъ по тѣмъ преданіямъ и письменнымъ памятникамъ, которые удалось собрать намъ во время путешествія, тѣмъ болѣе, что въ русской литературѣ до сего времени объ этомъ, кажется, не было сказано ни одного слова.

Въ глубокой древности Хоринцы производятъ себя отъ Туметовъ и говорятъ (положительно безъ всякихъ хронологическихъ указаній), что въ древности правителемъ двумъ Туметскихъ родовъ въ Монголіи былъ Тайчжинъ ноянъ, имѣвшій у себя трехъ сыновей. Младшій изъ нихъ прозывался Хоридай Мэргэнъ. Хоридай Мэргэнъ имѣлъ трехъ женъ и отъ первой изъ нихъ — Баргучжинъ говы у него была одна только дочь — Алань Гоа; отъ второй жены — Шаралдай родилось пять сыновей: Галцзутъ,

Хоацай, Хубдутъ, Гучитъ и Шарайтъ; отъ третьей — Нагатай родилось восемь сыновей: Харагана, Худай, Бодонгутъ, Хальбинъ, Цаганъ, Батунай и два умершіе во младенчествѣ, имена которыхъ потому и остались неизвѣстными. Отъ оставшихся въ живыхъ одиннадцати сыновей произошло одиннадцать бурятскихъ родовъ, и какъ отца ихъ называли Хоридаемъ, то поэтому и прозвали всѣхъ ихъ однимъ общимъ именемъ — Хори.

Послѣ сего прошло много поколѣній, когда въ странѣ Баргумонголовъ жилъ солонгутскій Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Женивъ своего сына Дай-хунъ-тайчжія на княжнѣ Бальчжинѣ, онъ получилъ эти одиннадцать хоринскихъ родовъ въ приданое за невѣсткою и съ тѣхъ поръ Хоринцы сдѣлались данниками Дай-хунъ-тайчжія. Что касается Бообай-батуръ-бэйлэ-хана, то о немъ разсказываютъ, что онъ собственно не былъ ханомъ и имѣлъ только титулъ бэйлэ. Однажды нашелъ онъ въ разсѣлинѣ родника мѣдное ружье съ надписью, изображавшею китайскій іероглифъ «*пу*». Когда объ этомъ было передано Хӯхэнъ хутухтѣ, послѣдній сказалъ, что это знакъ, что Бообай будетъ ханомъ и съ тѣхъ поръ за нимъ утвердилось имя Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ былъ уже старикомъ, когда жена его, мать Дай-хунъ-тайчжія, умерла, тѣмъ не менѣе онъ взялъ за себя вторую жену. Молодая мачиха Дай-хунъ-тайчжія, сошедшись съ своимъ пасынкомъ, естественно начала неладить съ невѣсткою своею Бальчжиной; произошелъ раздоръ и Дай-хунъ-тайчжи съ своею женою, забравъ людей, находившихся въ ихъ подданствѣ, т. е. одиннадцать родовъ Хоринцевъ, бѣжали со всѣмъ своимъ кочевьемъ на сѣверо-западъ. Это было около 1595 года. Переправившись черезъ Аргунь, они достигли до р. Улирэнгэ (Урӯлюнъгуй?) и здѣсь поправивъ построенный въ неизвѣстное, старое время и опустѣлый городъ, остановились въ немъ на житье. Мѣсто это они назвали Хуанъ-дай. Вскорѣ за тѣмъ пришли за ними послы Бообай-бэйлэ-хана, посланные въ погоню. Дай-хунъ-тайчжи бѣжалъ отъ нихъ снова и началъ кочевать по правому и лѣвому берегамъ р. Онона и по обѣимъ

сторонамъ Кукульбэйскаго хребта. Здѣсь Хоринцы прожили около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ молодая жена Бообай-батуръ-бэйлэ-хана не унималась: она провѣдала о мѣстожительствѣ бѣглецовъ и передала о немъ хану. Бообай снова послалъ войска и послѣднія прибывъ къ кочевьямъ Дай-хунъ-тайчжія, убили жену его Бальчжину: тѣло ея похоронили у горнаго мыса, находящагося на берегу озера, которое по этому самому получило названіе—Бальчжина; оно находится и до нынѣ при истокахъ р. Туры. Принадлежавшее Бальчжинѣ сѣдло было брошено при подошвѣ горы Адӯнъ чулӯ, и мѣсто это назвалось Алтанъ эмэ̄ль, какъ называется оно и до нынѣ. Устрашенные этимъ нападеніемъ Хоринцы не могли дать никакого отпора монголамъ и разбѣжались: одни скрылись въ горахъ, падяхъ и лѣсахъ, другіе бѣжали на западъ, а третьи, составлявшіе при томъ большинство, были взяты въ плѣнъ монголами и снова отведены на родину. Тамъ началась для нихъ страдальческая жизнь, полная различныхъ притѣсненій и постоянныхъ подозрѣній въ измѣнѣ, такъ что въ концѣ концевъ эти, возвращенные въ Монголію Хоринцы, спасаясь отъ вновь постигшихъ ихъ со стороны соплеменниковъ гоненій, принуждены были снова бѣжать въ нынѣшніе русскіе предѣлы. Это второе бѣгство совершилось около 1604 года. Возвратившись на старыя кочевья, они нашли у Кукульбэйскаго хребта нѣкоторыхъ изъ своихъ сородичей и нѣсколько времени кочевали съ ними; но скоро спокойствіе ихъ было опять нарушено, потому что ихъ стали грабить и убивать Тунгусы Улятскаго рода. Устрашенные Хоринцы снова искали спасенія въ бѣгствѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ удалились въ Монголію, другіе перекочевали на р.р. Хилокъ, Уду, Ану, Тугнуй и въ окрестности Яровнинскаго хребта, наконецъ третьи ушли на сѣверъ и заняли правый берегъ р. Шилки, а также разселились по обѣимъ сторонамъ р. Нерчи, и дошли до р. Аредья. Здѣсь соединились они съ Тунгусами и вмѣстѣ съ ними занялись звѣроловствомъ. Впрочемъ единство промысла скоро послужило и причиною раздора двухъ народностей. Хоринцы, по словамъ преданій, отли-

чились удальствомъ на одной общей охотѣ, возбудили зависть Тунгусовъ и послѣдніе перебили храбрѣйшихъ изъ хоринскихъ родовъ, въ томъ числѣ и славнаго нойона ихъ Умухэя. Тѣла убитыхъ были похоронены въ двухъ падяхъ, которыя потому и до нынѣ носятъ названіе Умухэй (мѣсто на лѣвой сторонѣ р. Нерчи, въ 8-ми верстахъ выше Нерчинска). Хоринцы снова бѣжали и на этотъ разъ избрали своимъ кочевьемъ нынѣшній Верхнеудинскій округъ. Здѣсь услыхавъ, что за ними снова идутъ въ погоню войска изъ Монголіи, они удалились еще далѣе на западъ къ рѣкамъ Итинцѣ и Ходору, а оттуда къ берегамъ оз. Байкала. Въ этихъ мѣстахъ впервые повстрѣчали они Русскихъ, которые, видя наружное сходство новыхъ пришельцевъ съ прежде жившими здѣсь Бурятами, назвали Бурятами и Хоринцевъ. У Байкала Хоринцы прожили нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ неожиданный случай вновь потревожилъ ихъ. Орелъ унесъ игравшаго на степи мальчика. Хоринцы убили орла, но, боясь, что орлы перетаскаютъ у нихъ всѣхъ ребятъ, откочевали опять на старыя мѣста къ рѣкамъ Удѣ, Курбѣ, Анѣ, Худуну, Тугную и Хилку. Такъ блуждая по разнымъ мѣстамъ и не имѣя мощнаго правителя и защитника, Хоринцы начали просить русское правительство о принятіи ихъ въ подданство, почему Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 г. и принялъ ихъ подъ свою мощную руку, причисливъ къ Нерчинскому округу. Съ этого времени Хоринцы начали наслаждаться полнымъ спокойствіемъ: мало по малу они окрѣпли и, по общему обычаю кочевниковъ, начали грабежи и набѣги на сосѣдей, а прежде всего конечно на своихъ старыхъ враговъ — монголовъ. Сами Хоринцы говорятъ при этомъ, что причиною ихъ набѣговъ было единственно желаніе освободить отъ рабства и подчиненія монголамъ своихъ сородичей *), но характеръ сохранившихся отъ этого періода пѣсенъ свидѣтельствуетъ, что это были удалые разбой-

*) Хори буріяд'ун тӱрӱйн тэухэ. Л. 3—12 хранится въ моей библіотекѣ.

ничьи набѣги, основывавшіеся единственно на желаніи мстить и потѣшить свою удаль.

хошӯн бӯрӣ хошӯн бӯрӣ гӧрӧгхӧн
хӧлой бӯрӣ хӧлой бӯрӣ аилгӯ
арӑл бӯрӣ арӑл бӯрӣ гӧрӧгхӧн
амӑн бӯрӣ амӑн бӯрӣ аилгӯ

нахигархӑн нахигархӑн зэ̄рдэ-дэ̀
наянхӑн зэбэ̀, наянхӑн зэбэ̀ акгхайя̀
наймӑн хошӯн, наймӑн хошӯн монго́л-ду
адамначжӣ, адамначжӣ хӯрӯйѣ̀

хотогорхо̀н хотогорхо̀н зэ̄рдэ-дэ̀
хоринхӑн зэбэ̀, хоринхӑн зэбэ̀ акгхайя̀
хоирхӑн хошӯн хоирхӑн хошӯн монго́л-ду
хорӧлхочжӣ, хорӧлхочжӣ хӯрӯйѣ̀

хуя̄гайга̄ зуза̄н ни
хоирлачжӣ хоирлачжӣ ӱмӯдӯйѣ̀
хорӧн йэхэтӯ хорӧн йэхэтӯ монго̀л-ду
хойшила̀л ӱгэ̀й хойшила̀л ӱгэ̀й хӯрӯйѣ̀

дӯлгайга̄, дӯлгайга̄ гха́йхан нӣ
доторлочжӣ, доторлочжӣ ӱмӯдӯйѣ̀,
дото̀р мӯта̀й, дото̀р мӯта̀й монго̀л-ду
добтолочжӣ добтолочжӣ оройя̀

гха̄дагайга̄ гха̄дагайга̄ гха́йхан нӣ
гхакгхалзӯла̄т, гхакгхалзӯла̄т ӱмӯдӯйѣ̀
гхана̄ мӯта̀й, гхана̄ мӯта̀й монго̀л-ду
гха̄тал ӱгэ̀й гха̄тал ӱгэ̀й оройя̀.

Переводъ.

Всякаго мыса, всякаго мыса звѣри,
Всякаго горла, всякаго горла голосъ,
Всякаго острова, всякаго острова звѣри,
Всякаго рта, всякаго рта голосъ!

На изворотливаго, изворотливаго рыжку
Навѣсимъ только восемьдесятъ оружій, только восемьдесятъ оружій,
Къ монголамъ восьми хошуновъ, восьми хошуновъ,
Пріѣдемъ прытко, прытко!

На рыжку съ вогнутой спиной, съ вогнутой спиной,
Повѣсимъ только двадцать оружій, только двадцать оружій,
Къ монголамъ только двухъ хошуновъ, только двухъ хошуновъ,
Пріѣдемъ, нанося убытки, нанося убытки.

Толстые изъ своихъ панцырей, изъ своихъ панцырей,
Надѣнемъ вдвойную, вдвойную,
Къ монголамъ злѣйшимъ, презлѣйшимъ
Пріѣдемъ, не возвращаясь назадъ, не возвращаясь назадъ
(т. е. прямо, сразу).

Красивые изъ своихъ шлемовъ, изъ своихъ шлемовъ,
Надѣнемъ подъ исподъ, подъ исподъ,
Къ монголамъ злосердечнымъ, злосердечнымъ,
Въѣдемъ скокомъ, скокомъ.

Красивые изъ своихъ колчановъ, изъ своихъ колчановъ,
Надѣнемъ растопыривъ, растопыривъ (отъ туго наложенныхъ стрѣлъ),
Къ монголамъ злонамѣреннымъ, злонамѣреннымъ,
Въѣдемъ не мѣшкая, не мѣшкая *).

Самое содержаніе этой пѣсни не показываетъ ничего другаго, кромѣ разбойничьяго характера Бурятъ, готовящихся къ нападенію и крайняго раздраженія ихъ противъ монголовъ. Въ

*) При внимательномъ разсмотрѣніи этой пѣсни мы имѣемъ сказать, что происхожденіе ея можетъ относиться къ періоду отъ 1655 по 1690 годъ и въ этомъ убѣждаетъ насъ названіе «наймàн хошун монгòл». Въ сказанномъ періодѣ это имя было собирательнымъ для обозначенія всѣхъ вообще Халхаскихъ Монголовъ и страны ими занимаемой — Халхи подобно тому, какъ до начала этого періода таковымъ же собирательнымъ было названіе «Халхайн долон хошу», имѣвшее свою основу въ дѣленіи Халхи на семь хошуновъ Харасанцзацзалаир-хунъ-тайчжіемъ. Въ 12-е лѣто Шунь-чжи (Эйѣ-бэр цзасакчи) т. е. въ 1655 г. послѣдовало раздѣленіе Халхи на восемь хошуновъ и на два крыла и съ этого времени утвердилось имя «наймàн хошу монгол», остававшееся за Халхасами до времени совершеннаго подданства ихъ Китаю. Что касается упоминанія о «двухъ только хошунахъ», то это свидѣтельствуетъ о томъ, что Буряты нападали единственно на пространство, занимаемое нынѣ землями Сэцэнъ хановскаго аймака, потому что въ то время земли эти дѣйствительно были раздѣлены на два хошуна: первый—собственно Сэцэнъ-хановскій и второй, правителемъ котораго былъ назначенъ Даньцзинъ-лама. Подробности объ этомъ можно находить въ Лѣтописи Эрдэнійн эрихэ, гл. 42-я, а равно въ Истор. ван. и гун. на монг. яз. Кн. 53-я. Л. 8-й.

порывѣ этого раздраженія они приписываютъ монголамъ злобу, какъ основную черту ихъ характера и эта характеристика со стороны Бурятъ до нѣкоторой степени служитъ доказательствомъ дѣйствительности тѣхъ первоначальныхъ раздоровъ, которые изложили мы выше, основываясь на преданіяхъ. Такимъ образомъ при помощи устныхъ преданій народа и его пѣсенной поэзіи, для насъ становится яснымъ, что въ первое время своего подданства Россіи Буряты были почти ненавистными врагами Халхасовъ и что это въ свою очередь было естественнымъ результатомъ прежнихъ таковыхъ же отношеній къ нимъ Монголовъ Халхаскихъ. Необходимо думать, что если Буряты, несомнѣнно носившіе въ себѣ эту злобу съ давнихъ временъ, не нападали на Халхасовъ прежде, то это обусловливалось единственно ихъ малосильностію: мы видѣли уже, что они сознавали себя неспособными бороться не только съ монголами, но и съ менѣе могущественными своими врагами — Тунгусами и убѣгали отъ нихъ. Подданство Россіи избавило Бурятъ отъ прежнихъ гоненій, дало имъ мирную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ способъ окрѣпнуть; почувствовавъ же свои силы, они тотчасъ начали отплачивать своимъ недругамъ за старое тою же монетой. Набѣги ихъ были вѣроятно весьма жестоки, потому что въ пѣсняхъ Халхасы представляются даже *трепещущими* передъ бурятскимъ воиномъ.

ал̄я̄ боро̀йн таргу̀н-ду̀
аи̇н холо̀ зорійя̀
сэсэ̀н ха̄най сэри̇к-тӱ
харю̄саху гэчжи̇ ю̄хай би̇

багла̄р ӱндӱр модо̀н-ду̀
байга̄т ӱнчжэ̄т мордойя̀
арба̀н табуна̀й нагху̀н-ду̀
адаклакда̀н гэчжи̇ ю̄хай би̇

хахю̄рай ӱндӱр модо̀н-ду̀
хоно̄т ӱнчжэ̄т мордойя̀,
хори̇н табуна̀й нагху̀н-ду̀
хорикда̀н гэчжи̇ ю̄хай би̇

зэ̄рдэйн манàй хурдӯн-дӯ
зэбэ̀ манàй гхэртэнэ̀
зàн сангíйн манàй ханъхинāн-ду
зӯ̄н монъгол ташхинà

хулàйн манàй хурдун-дӯ
хуйк дӯ̄лгà гхэртэнэ̀
хуйк дӯ̄лгáин таршйн-дӯ
хóйту монъгòл ташхинà.

Переводъ.

Какъ разжирѣетъ шаловливый сивка
Предпримемъ походъ далеко;
У Сэцэнъ хановскихъ войскъ
Возможно ли находить сопротивленіе?!

У высокаго, развилистаго дерева
Побывавъ, подневавъ, мы отправимся;
На пятьнадцатомъ году отъ роду
Возможно ли быть доведену до конца (= истощанія силъ)?!

У высокаго, криваго дерева
Переночевавъ, подневавъ, мы отправимся;
На двадцать пятомъ году отъ роду
Возможно ли быть стѣсненнымъ?!

При быстротѣ бѣга моего рыжки
Трясется со звукомъ мое оружіе;
При брякотнѣ моихъ привѣсокъ и бляхъ
Приходятъ въ смятеніе восточные монголы.

При быстротѣ бѣга моего соловко
Трясутся со звукомъ панцырь и шлемъ;
При брякотнѣ панцыря и шлема
Приходятъ въ смятеніе сѣверные монголы.

Этотъ страхъ, приписываемый Халхасамъ отъ одного стука бурятскихъ вооруженій, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Халхасы были по крайней мѣрѣ приводимы въ смущеніе Бурятами; а за симъ онъ позволяетъ сдѣлать естественное заклю-

ченіе о силѣ Бурятъ и о быстротѣ, съ которою окрѣпли они подъ владычествомъ Россіи. Мы знаемъ, что Хоринцы вступили въ русское подданство въ 1648 году и что набѣги ихъ на монголовъ прекратились собственно со времени проведенія китайской границы Рагузинскимъ въ 1728 году; всѣ эти пѣсни слѣдовательно относятся именно къ этому періоду. И такъ мы думаемъ, что въ эти восемьдесятъ лѣтъ Буряты поднялись и усилились такъ значительно, что монголы уже не только не казались имъ страшными, а напротивъ представлялись ужасающимися ихъ собственныхъ нападеній. Слѣдующая пѣсня показываетъ, что въ концѣ концевъ Хоринскіе Буряты дошли въ своемъ самомнѣніи до того, что имъ представлялось даже невозможнымъ потерпѣть пораженіе отъ Халхасовъ.

гхаля̄ боро̀йн таргу̀н-ду̀
гхара́йн газа̀р ябулта̀й
сэсэ̀н ха̄най сэрѝк ту̏
дарухда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ?!

унугу̀н боро̀йн таргу̀н-ду̀
хонохші́йн газа̀р ябулта̀й
хо̄рату̀ ха̄на̀й сэрѝк-ту̏
дарухда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ

уинту̀ боро́йн таргу̀н-ду̀
оно̀н газа̀р ябулта̀й
урду̀ ха̄на̀й сэрѝк ту̏
дарухда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ

ахта́йнга̄ таргу̀н-ду̀
аѝн холо̀ ябулта̀й
ата̄ту ха̄на̀й сэрѝк-ту̏
алахда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ

гха́йн ахта́йнга̄ таргу̀н-ду̀
сага́й холо̀ ябулта̀й
гхана̄ мӯтай сэрѝк-ту̏
гхошихда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ

чжоро̄ ахта́йн таргу̀н-ду̀
зӯн газа̀р ябулта̀й

зорѝк мӯтай сэрѝк-тӯ̀
зобохдо̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ

хэдэ̀р ахта́йн таргу̀н-ду̀
холо̀ газа̀р ябулта̀й
хо̄роту̀ гханā̀ту сэрѝк-тӯ̀
гарухда̀н гэчжѝ ю̄тай бѝ.

Переводъ.

Какъ разжирѣетъ игривый сивка,
Можно ѣхать на пространство мѣсячной ѣзды;
Войсками Сэцэнъ хана
Какъ быть побѣжденными (т. е. что за предположеніе)?!

Какъ разжирѣетъ жеребенокъ сивка,
Можно ѣхать на пространство суточной ѣзды;
Войсками злобнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣетъ изворотливый сивка,
Можно ѣхать на пространство далекой ѣзды;
Войсками южнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣетъ свой меренъ,
Можно далеко ѣхать въ походъ;
Войсками ненавистнаго хана
Какъ быть побитыми?!

Какъ разжирѣетъ свой хорошій меренъ,
Можно ѣхать далеко (= на пространство далекое) по времени;
Зломыслящими войсками
Какъ можно быть встревоженными?!

Какъ разжирѣетъ иноходецъ меренъ,
Можно ѣхать и на сто ли;
Злонамѣренными войсками
Какъ можно быть удрученными?!

Какъ разжирѣетъ ярый меренъ,
Можно ѣхать далекое пространство;
Злонамѣренными войсками
Какъ возможно быть превзойденными?!

О томъ, какъ часто бывали эти набѣги и на какую именно мѣстность они производились, на основаніи пѣсенъ нельзя сдѣлать никакихъ болѣе точныхъ опредѣленій, какъ обозначивъ временемъ для набѣговъ — лѣто и мѣстностію — пространство Сэцэнъ-хановскаго аймака. Принимали участіе въ походахъ, какъ можно думать, и старые и малые. Въ предыдущей пѣснѣ мы видѣли уже, что пятьнадцатилѣтній Бурятъ не страшится быть уничтоженнымъ монголами; по другому такому же творенію пятидесяти двухъ лѣтній старикъ учитъ храбрости своихъ сотоварищей; все это свидѣтельствуетъ намъ, что, отправляясь въ походъ, Буряты оставляли въ своихъ домахъ только женъ, да людей неспособныхъ держать оружіе. Эти послѣдніе должны были охранять кочевья, воспитывать молодое поколѣніе, заботиться о домашнемъ покоѣ и т. д. и т. д. Какъ люди, живущіе мирною жизнію, они естественно носили въ себѣ только тѣ чувства, которыя вообще способны развиваться въ человѣкѣ при совокупности вліяній на его душу всѣхъ необходимыхъ явленій кочеваго образа жизни и окружающей его степной природы, и которыя потому присущи всѣмъ вообще монгольскимъ племенамъ, таковы: любовь къ членамъ своей семьи и окружающей природѣ. Въ разлукѣ съ своими близкими и въ однообразіи домашней жизни, чувство семейной любви сказывалось для домосѣдовъ конечно еще сильнѣе, оно требовало обнаруженія и находило себѣ также выраженіе въ пѣсняхъ, немногія изъ которыхъ сохранились и до нашихъ временъ.

номохо̀н, номохо̀н боро̄ро̄
нумуна̀й хӱтӱ̀ль дабаху̀-ду яма̀р би̇̀
номохо̀н гха́йхан сэ̄чжирэ̄рэ
но̀м гхуду̀р шӱтӱхӱ̀-дӱ яма̀р би̇̀
гхэрю̄нэй ӱдӱ̀р мордочжи̇̀,
сэригы́йн дунду̀ ороху̀-ду яма̀р би̇̀
гхэрю̄хэн гха́йхан сэ̄чжирэ̄рэ
гхуду̀р но̀м-ду шӱтӱхӱ̀-дӱ яма̀р би̇̀
халӯнай ӱдӱ̀р мордочжи̇̀
хамугы́йн дунду̀ ороху̀-ду яма̀р би̇̀

халӯхан гха́йхан сэчжирэ̄рэ
хуру̀л но̀м шӱтӱхӱ̀-ду яма̀р бѝ

тугулы́йн анга́йма халӯн-ду
тӯрга́йн хі́йдэмэ гхальхѝн-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н мэнду́йги-ни дӯла́гхай бѝ

дэгэлы́йн нэбтэрэмэ̀ боро̄н-ду
дэ̄бурыйн хі́йдэмэ гхальхѝн-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н мэнду́йги-ни дӯла́гхай бѝ

хонино̀й хоргомо̀ халӯн-ду
хормо́йн хі́йдэмэ гхальхѝн-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н тэгэрэбэ̀ гэхӱ̀йги дӯла́гхай бѝ

тугулы́йн хэбтэмэ̀ халӯн-ду
то̄ноин анъга́йма гхальхѝн-ду
аин-да̀ мордогхо̀н аха́йга̄
амурха̀н тэгэрэбэ̀ гэхӱ̀йги дӯла́гхай бѝ

борольчжі́йн оройго̄р чжиргэхшѝ
бусаху̀ шубӯн хо̄рӧхо̄̀й
бултуна̀й дунду̀ найгухшѝ
мана̀й аха̀й хо̄рӧхо̄̀й

тэрэнъхі́йн оройго̄р чжиргэхшѝ
тэгэрихӱ̀ шубӯн хо̄рӧхо̄̀й
тӱмэнэ̀й дунду̀ найгухшѝ
мана̀й аха̀й хо̄рӧхо̄̀й.

Переводъ.

На смирномъ, смирномъ своемъ сивкѣ
Переѣзжать черезъ перевалъ Нумунай каково?
Кроткимъ и добрымъ своимъ сердцемъ
Полагаться на священное ученіе каково?

Отправившись въ прохладный день
Войти въ центръ войска каково?
Разумною и доброю душею
Положиться на священное ученіе каково?

Отправившись въ жаркій день
Войти въ средину всѣхъ каково?
Пылкимъ и добрымъ сердцемъ
Положиться на священныя собраніе и ученіе каково?

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего братца, отправившагося въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго зѣваютъ телята,
При вѣтрѣ, (сильномъ) до развѣванія стѣнъ юрты.

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего братца, отправившагося въ походъ
Въ дождь, отъ котораго промокаетъ насквозь платье,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія войлочной крыши юрты.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго стоятъ на одномъ мѣстѣ овцы,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія подола платья.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жаръ, отъ котораго ложатся телята,
При вѣтрѣ (сильномъ до того, что) открывается войлокъ, закрывающій дымникъ юрты.

Чирикающая по вершинѣ Борольчжи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгинающійся среди всѣхъ,
Болѣзный мой братецъ.

Чирикающая по вершинѣ Тэрэнъхи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгибающійся посреди десяти тысячь,
Болѣзный мой братецъ.

Такимъ образомъ и у Бурятъ встрѣчаемся мы съ тѣмъ же чувствомъ взаимной любви между членами родной семьи, которое видѣли у Халхасовъ и Ölötовъ, только здѣсь различныя проявленія этого чувства, особливо при болѣе подробномъ изученіи памятниковъ, рисуются намъ нѣсколько своеобразными въ сравненіи съ обнаруженіями его у другихъ монгольскихъ племенъ; а оттого и самое это чувство любви къ семьѣ и родинѣ представляется намъ у Бурятъ инымъ, и, къ чести ихъ, — бо-

лѣе высокимъ. Любовь къ родинѣ Халхаса и Ӧлӧта, какъ мы уже видѣли, выражалась въ томъ, что они были привязаны къ родному крову и не покидали его. Но объясняя эти отношенія любовью, мы однако не можемъ не думать, что въ основѣ ихъ могла лежать и не любовь; что Халхасъ и Ӧлӧтъ могли относиться такимъ образомъ къ своей родинѣ лишь потому, что свыкались съ нею и не находили ее ничѣмъ не хуже другихъ, извѣстныхъ имъ мѣстъ, не видя для себя ничего приманчиваго на чужбинѣ. Послѣднее предположеніе дѣлается еще болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ намъ не безызвѣстно, что Халхасы и Ӧлӧты не разъ выдавали своихъ соотечественниковъ Китаю, возбуждали другъ противъ друга распри, эгоистично поживались одинъ на счетъ другаго и развѣ при всемъ этомъ можно назвать любовь ихъ истинною, высокою? Нѣтъ, она не только не была такою, а напротивъ всегда была до нѣкоторой степени своекорыстною; она никогда не была и не могла быть прочною, потому что о бокъ съ нею не стояло въ душѣ другихъ свойствъ, служащихъ основаніемъ для всецѣлой преданности, каковы, самоотверженіе, мужество и твердость духа. Вотъ почему при всей кажущейся силѣ чувства у Халхаса и Ӧлӧта постоянно находила свое мѣсто измѣна, лишь только былъ поводъ къ тому чтобы струсить за возможность потери своего интереса. Что касается Бурята, то онъ не былъ трусомъ. Правда, онъ никогда не уступалъ своимъ сородичамъ (т. е. Халхасамъ и Ӧлӧтамъ) въ вѣроломствѣ и измѣнахъ, но это только въ отношеніяхъ къ иноплеменникамъ, а никакъ ни въ отношеніяхъ къ роднымъ, — Бурятъ любилъ родину и видѣлъ *свою* славу въ *ея* довольствѣ и славѣ. Въ набѣгахъ Бурятъ на Халхаскихъ Монголовъ нельзя не видѣть святаго для кочевниковъ обычая мести и, пожалуй, Бурятъ считалъ для себя даже почестью умереть на полѣ этой брани. Намъ кажется, что слѣдующая пѣсня умирающаго бурятскаго воина именно подтверждаетъ эту мысль.

хӧхо̏ тӱмӱ̏р гха̄дак нѝ
хӱбшы́йн цзэмгхэ̀к болба̀-ла̀ гэ̄рэй

хӧрӧхӧй багà бэйѣнѝ
хӳмӳнэ̀й гацзàр-тӳ хэбтэбэ̀-лэ̀ гэ̄рэй
харà тӳмӳр гхā дак нѝ
хадáйн цзэмгхэ̀к болбà-лà гэ̄рэй
хáйратáйхан бэйѣ нѝ
харѝ дáйгхун-дӳ дарукдабà-лà гэ̄рэй
алàк эрѣн нӳдӳн ни
нюлбугхӳтайгā хэбтэбэ̀-лэ̀ гэ̄рэй
алдà харà гэчжигэ̀ ни
гӳрӳльгэ́тэйгэ̄ хэбтэбэ̀-лэ̀ гэ̄рэй
āба-дӳ минѝ хӯнэ̄рэй
арбàн табӳн шархатàй-ла гэ̄рэй
э̄чжи-дӳ минѝ хӯнэ̄рэй
элихэ̀ бӧрӧ̀м шарцзарабà-лà гэ̄рэй.

Переводъ.

Скажи, что синій, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ лѣса,
Скажи, что жалкое, маленькое тѣло его
Легло на чужой сторонѣ.

Скажи, что черный, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ скалы;
Скажи, что пользовавшееся ласками тѣло его
Было побѣждено чужимъ врагомъ.

Скажи, что прекрасные глаза его
Легли вмѣстѣ со своими слезами;
Скажи, что саженная, черная коса его
Легла вмѣстѣ со своею вплеткою.

Поговори же моему отцу,
Скажи, что имѣлъ я пятьнадцать ранъ,
Поговори же моей матери,
Скажи, что растерзались мои печень и почки.

Вотъ завѣщаніе умирающаго Бурята къ отцу и матери: онъ проситъ передать, что умеръ со слезами на глазахъ, — конечно это слезы по родинѣ; что коса его, эта гордость восточнаго человѣка, осталась у него на головѣ, а не позорно отрѣзана не-

пріятелемъ; что онъ умеръ, имѣя пятьнадцать ранъ, которыми могутъ гордиться его родители, какъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что сынъ ихъ былъ силенъ, и не измѣнялъ, а безстрашно стоялъ за славу и честь родины.

Выше мы уже упомянули вскользь, что эти взаимные грабежи, разбои и нападенія Бурятъ и Халхасовъ продолжались до самаго установленія пограничной черты и сторожевыхъ, пограничныхъ знаковъ, точно опредѣлявшихъ границы Россіи и Китая. Событіе это совершилось въ 1728 г.; но переходы границъ въ то время были такъ обыкновенны, что русскіе подданные Буряты, даже и по заключеніи трактата Саввы Владиславича, продолжали въ простотѣ сердечной совершать свои перекочевки на чужія для насъ земли Монголіи и иногда верстъ за 300 отъ установленной межи русской. Преданіе говоритъ, что въ томъ же 1728 году цзангинъ галцзутскаго рода Чилэтэй перекочевалъ на Кэруленъ, но потомъ, когда уже снова возвращался онъ въ русскіе предѣлы, его схватили, предали суду и казнили. Слѣдующая пѣсня по тому же преданію была составлена этимъ цзангиномъ Чилэтэемъ во время производства надъ нимъ слѣдствія по этому дѣлу перебѣга границы.

хӱлгэ̀н, хӱлгэ̀н хара̀-нѝ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гӱйдэ̀ль шингѝ адалѝ
гӱлмэ̀р бага̀ шилэтэ̀й-нѝ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гхӯдал шингѝ адалѝ

ха́йбан, ха́йбан хара̀-нѝ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
хэдэ̀р шингѝ адалѝ
хаиртӯ ба̄хан шилэтэ̀й-нѝ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гхӯдал шингѝ адалѝ

гуна̀н, гуна̀н харахàн
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гурбӯн хӱ̀л-дӱ шудурта̀й

гольшӣк багà шилэтэй-нӣ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
гурбӯн дабхӯр сэрӣк сò
дöнӧ̄н, дöнӧ̄н харахàн
цзэ̀ а́йду цзэ̀
дöрбӧ̄н хӯль-дӯ дӯнъхэтэ̀й
дӯрмэхэ̀р бāхан шилэтэ̀й-нӣ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
дöрбӧ̄н дабхӯр сэрӣк сò
хони́найгā олòн-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
хотòн шибэ̄ ботхолàй
хольшӣр бага́йн эрхэ-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
обō хилӣ алхулàй
адӯнайгā олòн-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
аогà шибэ̄ ботхолàй
ӱӗ̄ бага́йн эрхэ-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
обō хи́ли алхулàй
ӱхэры́йнгэ̄ олòн-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
ӱндӯр шибэ̄ ботхолàй
ӱӗ̄ багàйн эрхэ-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
обō хилӣ алхулàй
тэмэ̄нэйгэ̄ олòн-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
тэхшӣ шибэ̄ ботхолàй
тэнэ̀к багàйн эрхэ-дӯ
цзэ̀ а́йду цзэ̀
обō хилӣ алхулàй.

Переводъ.

Верховый, верховый воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто (бы онъ приготовился въ) бѣгъ.

Съ неразвитымъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто — сѣдалище.

Плавно покачивающійся, плавно покачивающійся воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто (пришелъ въ) ярость.
Съ миленькимъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто — сѣдалище.

Трехлѣтній, трехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на трехъ ногахъ,
Имѣющій красивый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ, (стоящихъ) въ три ряда.

Четырехлѣтній, четырехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на четырехъ ногахъ,
Имѣющій щетинистый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ, (стоящихъ) въ четыре ряда.

При множествѣ своихъ овецъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я ограду и насыпь,
Подъ вліяніемъ вѣтрянности и молодости
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ лошадей,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я громадную насыпь.
Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ коровъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я высокую насыпь.

Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ верблюдовъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я ровную насыпь.
По глупости и малоопытности,
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

Мнѣ кажется, что эта пѣсня представляетъ самое искреннее объясненіе преступника по вопросу о причинахъ перехода границъ и что въ казненномъ за эту вину загинѣ Чилэтэѣ вовсе нельзя было видѣть государственнаго измѣнника. Буряты того времени совершенно и не думали о политическихъ границахъ: они кочевали гдѣ кому хотѣлось, не помышляли ни о какомъ раздѣлѣ земель и считали всякую землю, гдѣ пришлось имъ поставить свои юрты — своею. Къ Россіи Буряты не могли не питать добраго чувства, потому что отъ нихъ не далеко еще было то время, когда они блуждали изнуряемые притѣсненіями и голодомъ; они не могли забыть объ этомъ, какъ забыли то настоящіе Буряты, а слѣдовательно и не могли не сознавать, что ихъ благо даровано имъ Россіею. Къ тому же почти въ это самое время Буряты получили новое изъявленіе благоволенія къ нимъ русской власти. Въ 1702 году хоринскій цзайсанъ Торачіевъ отправилъ по одному выборному въ Москву съ просьбою къ императору Петру I-му объ отводѣ опредѣленныхъ земель Бурятамъ и грамотою отъ 23-го марта 1703 года Петръ утвердилъ за Хоринцами право кочевать по мѣстамъ, находящимся по правому берегу р. Селенги и рѣкамъ: Удѣ, Анѣ, Худуну, Тугную, Курбѣ, Хилку, а равно владѣть всѣми пустопорожними мѣстами, лежащими къ югу отсюда вплоть до монгольской границы. Это посольство было первымъ большимъ посольствомъ Бурятъ въ Россію: оно впервые привезло въ степи свѣдѣнія о Россіи и Буряты послѣ сего съ торжествомъ восхваляли русскаго царя и

его милости. Событіе это также нашло свой отголосокъ въ пѣснѣ, которая уцѣлѣла въ памяти народа до настоящаго времени.

сагàн хāн нэрэтэ̀й
саглашѝ ӱгэ̀й буинтàй
сагàн дарà эхэ́йн хубилгàн
манàй эзэ̀н богдò лà
анъхàн йэхэ̀ хотòн нѝ
аморлинъгòй москвà бѝ
алтàн мӯнъгӯ̀н эрдэнэ̄р
агòй дӯ̄рэн баялѝк лà
гханагха́н йэхэ̀ хото́н ни
гха́нт-питирбу́рга гэлэ̀й лэ̀
гхāрашѝ ӱгэ̀й баин-тàй лà
гханакдашѝ ӱгэ̀й сэсэк-тэ̀й лэ̀
гадāду йэхэ̀ дала́й ду̀
гачжилтà ӱгэ̀й ябухчѝ
гайхамшѝк йэхэ̀ хӯшитэ̀й
ганчжи́р-ту олòн таик-тàй лà
алтàн дэлэхэ̀й дэ̄гӯрэ̀
ӯла го́л хои́р-ту̀
аюмшѝк ӱгэ̀й ябуху̀
агòй олòн сэри́к-тэ̀й лэ
хāн йэхэ̀ нэрэ̀н ни
харà бӯргӯ̀т цолотàй лà
хаиртàй йэхэ̀ зарли́к ни
хаму̀к бӯгӯдэ́йн абурàл лà
эзэ̀н йэхэ̀ нэрэ̀н нѝ
эрē̄н бӯргӯ̀т цолотàй лà
эрхэтӯ̀ йэхэ̀ зарли́к ни
эндэхѝ бӯгӯдэ́йн абурэ̀л лà
сэсэ̀н зарлига́йгā тархадàк
сэнàт йэхэ̀ зургàн-тàй лà
шибэ̄ мэтӯ̀ тӯшимэ́т-тэ̀й лэ̀
салдàт олòн хя̄нартàй лà
тонирашѝ ӱгэ̀й албатутàй
тōлошѝ ӱгэ̀й санътàй лà
токтòм гха́йхан зарлик-тàй лà
туктӯ̀ йэхэ̀ богдà лà.

Переводъ.

Бѣлый царь по имени,
Безграничный по добродѣтели,
Воплощеніе бѣлой Дара эхэ,
Святой повелитель нашъ.

Первый, великій городъ его —
Блаженная Москва,
Золотомъ, серебромъ и драгоцѣнностями
Всесовершенно богатая.

Задуманный великій городъ его,
Говорятъ, Санкт-Петербургъ,
Неистощимо богатый,
Полный невообразимыхъ цвѣтовъ.

Во внѣшнемъ, великомъ морѣ
Ходящіе прямо (безъ лавировокъ)
Обладающіе удивительно большой силой
Съ множествомъ палокъ (похожихъ на) ганчжиръ.

Онъ (т. е. бѣлый царь) имѣетъ чрезмѣрное множество войскъ,
Вокругъ всего свѣта
По горамъ и рѣкамъ
Безбоязненно ходящихъ.

Ханское, великое имя его
Имѣетъ гербъ чернаго орла;
Милостивое, великое слово его
Служитъ спасеніемъ всѣхъ.

Государево, великое имя его
Имѣетъ гербъ пестраго орла;
Могущественное, великое слово его
Служитъ спасеніемъ всѣхъ здѣшнихъ.

Онъ имѣетъ великую палату — Сенатъ,
Раздающій мудрыя повелѣнія,
Онъ имѣетъ чиновниковъ — что крѣпость,
Онъ имѣетъ множество адъютантовъ — солдатъ.

Онъ имѣетъ несмѣтное число подданныхъ,
Онъ имѣетъ несчетную казну,
Онъ имѣетъ непоколебимое, прекрасное слово,
Отличенный знаменемъ, великій, святой!

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія преданій и образцовъ древней бурятской пѣсенной литературы оказывается, что Буряты въ періодъ конца XVI и въ XVII вѣкѣ почти ничѣмъ не разнились отъ другихъ монгольскихъ племенъ въ нравственномъ отношеніи. Какъ и всѣ монголы они были робки, когда сознавали за собою слабость и также разбойнически отважны, когда чувствовали свою силу; любовь къ родинѣ и семьѣ руководила почти всѣми ихъ поступками; преданность очагу, съ малолѣтства воспитываемое уваженіе къ родителямъ и вообще къ старшимъ порождали въ нихъ безотчетное почтеніе и страхъ къ своимъ правителямъ, оттого они всегда могли быть беззавѣтно преданными и покорными слугами своего царя. Все это мы видѣли уже у Ölötовъ и если бы до насъ дошло халхаское народное творчество того же времени, то вѣроятно тоже самое можно было бы отнести и ко всѣмъ Халхасамъ. Въ настоящее время мы конечно находимъ весьма мало свидѣтельствъ всего этого въ халхаской народной литературѣ, но безсомнѣнія это только потому, что судьба Халхасовъ и Бурятъ въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиною вѣковъ была буквально противуположна. Буряты, вступивъ въ русское подданство, въ теченіе одного столѣтія успѣли уже отдохнуть и окрѣпнуть. Патеръ Георгій, путешествовавшій по кочевьямъ Бурятъ въ концѣ XVIII в., называетъ ихъ народомъ весьма зажиточнымъ и увѣряетъ, что ему попадались весьма многіе изъ Бурятъ, имѣвшіе по тысячи верблюдовъ, тысячи по четыре лошадей, тысячь по семи овецъ и рогатаго скота отъ двухъ до трехъ тысячь головъ*). При такихъ богатствахъ Буряты естественно могли бодро смотрѣть на окружающее и сознавать свои силы. Халхасы напротивъ въ это самое время только истощались подъ владычествомъ Китая, они не могли не видѣть своего постепеннаго паденія и естественно должны были унывать духомъ. Къ тому же Буряты оставались еще шаманистами въ то время, когда буддизмъ уже

*) Georgi, Reise. T. I, 309.

всецѣло овладѣлъ Халхою; а это также было весьма важно, потому что незнакомые съ буддизмомъ Буряты, не знали и того разочарованія въ жизни, которое онъ необходимо вселяетъ своимъ ученіемъ въ души всѣхъ своихъ поклонниковъ. Правда, что впослѣдствіи, когда эта религія привилась къ Бурятамъ, она сдѣлала ихъ самихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ народную литературу до нѣкоторой степени похожею на халхаскую; но уже то самое, что буддизмъ привился къ Бурятамъ впослѣдствіи и что въ періодъ его развитія Буряты только богатѣли по своей матеріальной обстановкѣ, ручалось, что онъ не произведетъ здѣсь того вліянія на души, которое удалось ему произвести у Халхасовъ. Такъ различіе жизненныхъ условій этихъ двухъ единоплеменныхъ народностей необходимо должно было породить къ настоящему времени уже почти совершенное различіе ихъ характеровъ и характера ихъ народной, пѣсенной литературы: пѣсни Халхаса, въ силу постоянно усиливавшагося надъ его жизнью гнета, еще съ конца XVII в. должны были становиться болѣе и болѣе унылы и мрачны; въ пѣсняхъ Бурятъ, которымъ судьба почти съ того же самаго времени начала только улыбаться, необходимо должны были выражаться жизнь и веселье. Ниже мы увидимъ съ большими подробностями насколько развилось это различіе и какъ выразилось оно во внѣ; но племенное единство съ Халхасами у Бурятъ даже въ XVIII вѣкѣ было поразительно сильно. Для примѣра мы беремъ уже разсмотрѣнную нами черту любви Халхасовъ къ родному крову. Пѣсни Бурятъ, преслѣдующія ту же тему, въ полномъ смыслѣ слова не могутъ быть отличены отъ халхаскихъ: единство чувствъ и понятій пѣвцовъ, единство порядка воспѣваемыхъ лицъ, единство образовъ, сравненій и подобій и наконецъ самой формы пѣсенъ бросаются въ глаза даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Для доказательства мы представляемъ въ pendante халхаской пѣснѣ, записанной подъ № 3, слѣдующую бурятскую:

гхалāр ӱндӯр модо̀н-дӯ
гха́йхан дӯта̀й хӯхӯй-лэ̀

гхарàйн нигэ̀н донъготшѝ
гхана̄ гхэтхѝль минѝ загханàм

ӯлаин ӱндӯр модòн-дӯ
нарихàн дӯтàй хӱхӯйлэ̀
нагхун-дà ни́гэ донъготшѝ
ухā̄н гхэтхѝль минѝ загханàм

адӯга̄ гханагхàн морѝн минѝ
аргамчжа̄н то̄ро̄т инзагаланàм
а̄байга̄н гханагхàн хӱмӯн ни
а̄ши арга̄н баракданàм

ичжилӗ̄н гханагхàн морѝн минѝ
эргэ̄т то̄ро̄т инзагаланàм
э̄чжӗ̄н гханагхàн хӱмӯн нѝ
элихэ̀ бо̄ро̄н баракданàм.

Переводъ.

На развѣсистомъ, высокомъ деревѣ
Сладко-голосистая кукушка,
Кукуя въ мѣсяцъ разъ,
Утѣшаетъ мои думы.

На высокомъ, горномъ деревѣ
Тонко-голосистая кукушка,
Кукуя разъ въ свой вѣкъ,
Утѣшаетъ мои разумъ, мысль.

Моя лошадь, вспомнившая о своихъ табунахъ,
Ржетъ, ходя вокругъ своей привязи;
Вспомнившій про своего батюшку человѣкъ
Изнуряется въ своемъ обращеніи и средствахъ.

Моя лошадь, вспомнившая свои родные табуны,
Ржетъ, похаживая вокругъ;
Человѣкъ, вспомнившій о своей матушкѣ,
Губитъ свои печень и почки.

Буддизмъ, по сказаніямъ собственныхъ лѣтописей Бурятъ, проникъ къ нимъ не ранѣе 1730-хъ гг., т. е. въ то время, когда онъ уже всецѣло овладѣлъ душами Халхаскихъ Монголовъ. «Около 1730 г., говорится въ лѣтописи Ломбо Цэрэнова, люди селенгинскаго, цонгольскаго рода, по внушенію монголовъ, по-

строили дацанъ въ мѣстности Эрхэ-Бурги и тамъ покланялись. Въ это же время пришло сюда 50 ламъ изъ Тибета и 100 изъ Монголіи.... и началось быстрое распространеніе религіи Будды» *). Другихъ какихъ либо сказаній о первоначальномъ развитіи буддизма у Бурятъ въ лѣтописяхъ, писанныхъ на монгольскомъ языкѣ, мы не находимъ, и самыя подробныя свѣдѣнія о семъ можемъ получить единственно изъ разсмотрѣнія дѣловыхъ бумагъ въ архивахъ различныхъ казенныхъ, присутственныхъ мѣстъ Забайкалья; но за всѣмъ тѣмъ даже и на основаніи этихъ оффиціальныхъ памятниковъ въ настоящее время трудно выяснить причины первоначальнаго громаднаго успѣха буддизма у Бурятъ. Правда, что Русскіе въ ту пору совершенно не обращали вниманія на бурятскую жизнь, небрегли ихъ вѣроученіемъ и не думали о распространеніи въ средѣ ихъ евангельской проповѣди; так. обр. буддизмъ, явившись къ Бурятамъ, можно сказать, не встрѣчалъ себѣ рѣшительно ни какой конкурренціи: но это только отрицательная сторона дѣла, ничего не говорящая о дѣйствительныхъ причинахъ, по которымъ Буряты такъ быстро превратились изъ шаманистовъ въ поклонниковъ Будды. Отыскивая эти причины мы конечно не можемъ предполагать, чтобы Буряты могли видѣть какую либо матеріальную выгоду въ принятіи буддизма; насилій со стороны монголовъ также не было, наконецъ дѣйствовать подражательно Халхасамъ Буряты едва ли могли въ то время, потому что не питали къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи; остается признать слѣдовательно духовную силу за самимъ буддизмомъ, а равно ловкость и умѣнье вести дѣло за его проповѣдниками. Отказывать въ этой духовной силѣ буддизму конечно не возможно: его всегдашнимъ достоинствомъ была именно способность удовлетворять не только каждую народность, которая искала для себя болѣе высокихъ религіозныхъ вѣрованій, но и каждую особь этой народности; для этого удовлетворенія онъ имѣлъ у себя всѣ средства и самое ученіе его какъ бы состав-

*) Убаши Дамба Чжалцан Ломбо Цэрэну цзохіяхсан буріят цзон'у тэухэ. Рукопись на бурят. яз., л. 8-й, имѣется въ моей библіотекѣ.

лено было для того, чтобы увлекать за собою не одинъ какой либо классъ людей, а цѣлый народъ; ибо въ полномъ кодексѣ его литературы никогда не было недостатка ни въ увлекательныхъ басняхъ для толпы, ни въ глубокихъ, отвлеченныхъ абстраціяхъ для умовъ мыслящихъ. Такое воздѣйствіе и вліяніе буддизма на человѣчество мы можемъ наблюдать собственно во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ ни появлялся: въ исторіи оно должно быть признано за обыкновенное явленіе и конечно имъ только и можемъ мы объяснить, почему Буряты схватились за буддійскія доктрины съ такою жадностію, что вскорѣ нельзя было и отличить проповѣдниковъ отъ обращенныхъ. Въ короткое время у Бурятъ построилось нѣсколько дацановъ и сами они вошли въ тѣсную духовную связь съ Монголіей и Тибетомъ. Со стороны Монголовъ и Тибетцевъ связь эта выражалась конечно покровительствомъ новообращеннымъ: монгольскій Хӯхэн хутухтӯ далъ торжественное обѣщаніе (йорӧль тальбибай) *) быть всегдашнимъ богомольцемъ и духовнымъ заступникомъ Бурятъ; Буряты въ свою очередь постоянно посѣщали свои буддійскія митрополіи, изучали тамъ буддизмъ и добровольно заимствовали оттуда разнаго рода книги и богослужебныя принадлежности **). Въ подтвержденіе сего можно указать фактъ, что лама Дорчжи Цзаягійнъ, бывшій въ 1767 г. въ Москвѣ членомъ учрежденной Екатериною II-ю коммиссіи для изданія новаго уложенія, доводилъ до свѣдѣнія императрицы о своемъ путешествіи въ Тибетъ, гдѣ отъ Баньчэнь эрдэни принялъ онъ посвященіе въ санъ гэлюна ***). Почти одновременно съ путешествіемъ Заягіина въ Тибетъ получилъ въ Ургѣ богословское образованіе другой знаменитый бурятскій лама Лубсанъ-чжамбо Ахалтуевъ, бывшій впослѣдствіи настоятелемъ Гусино-озерскаго дацана (построенъ въ 1750 году). Объ этомъ послѣднемъ бурятскія лѣтописи говорятъ, что онъ жилъ въ Ургѣ вмѣстѣ съ 89 своими

*) Тамъ же. Л. 9.

**) Тамъ же. Л. 10, 13, 14.

***) Лама Заягійн ӱбэрӱн домоги айладухсан шастир.

хувараками *). Можно заключать отсюда, какъ сильно развивался въ Забайкальи буддизмъ съ самыхъ первыхъ годовъ своего появленія. Но важнѣе всего то, что у Бурятъ, какъ и въ Халхѣ, буддизмъ очевидно развивался въ равной мѣрѣ какъ со стороны практической, такъ и со стороны научной. Въ противуположность Ölöтамъ, у которыхъ изученіе догматики буддизма не развилось еще серіозно и до настоящаго времени, Буряты съ самаго начала имѣли у себя не только иностранныхъ, но и своихъ собственныхъ ученыхъ богослововъ. Заявъ возвратился изъ Тибета, получивъ тамъ высшую богословскую ученую степень — хларамбы; нѣсколько позже лѣтописныя сказанія съ восторгомъ повѣствуютъ о состязаніяхъ тибетскаго ламы съ бурятскимъ въ чисановскомъ дацанѣ; еще позже Буряты заводятъ у себя оффиціальную высшую школу цанита въ цугэльскомъ дацанѣ. Это послѣднее событіе относится къ 1845 году, но собственно изученіе цанита было гораздо раньше въ дацанахъ цонгольскомъ и Гусино-озерскомъ **). При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что результаты вліянія буддизма на духъ народа и народную литературу у Бурятъ должны были имѣть въ своемъ обнаруженіи гораздо болѣе общаго съ результатами воздѣйствія его на Халхасовъ, чѣмъ на Ölötовъ. Такъ мы и находимъ въ дѣйствительности и если религіозныя пѣсни Ölötовъ до сего времени, какъ было показано, не отрѣшились еще отъ суевѣрій шаманства и самыхъ просто-народныхъ измышленій, то въ таковыхъ же по содержанію пѣсняхъ бурятскихъ не только не встрѣчаемся мы съ народными воззрѣніями на міръ духовный, а напротивъ какъ и у Халхасовъ наталкиваемся въ нихъ на чисто догматическое ученіе, выражаемое при томъ и книжнымъ, такъ сказать священнымъ слогомъ.

эрхѝм шинчжѝ ямáндагà
эрдэнíйн хӯхэн хутухтӯ

*) Ломбо Цэрэнӯ тухэ. Л. 13.

**) О. Ковалевскій. Отчетъ о командировкѣ въ Монголію. (Рукопись изъ библіотеки проф. Каз. Дух. Акад. В. В. Миротворцева.

эхэ̀ хамӯк амитан-нѝ
эндӯрэл ӱгэ̀й ӱрӱшийѣ̄

итэгэ̀л харà махага́ла
э̀лдэ̀б зуилы́йн хубилганā̀р
альбѝн шумнӯ̀т да́йгхун-нѝ
дарӯ̀й тӱргэ̀н хāсайлà

тангари́глачжѝ шӱтӱгхэ̀н
даншѝк харà махага́ла
табӯ̀н илагу́гхан бэйѣ̄тӯ̀
бихàр-чжалбò гунъ-а́ минѝ

бр̄сок бӱрі́йн угхӯ̀н-дӯ̀
оноту̀ гхума̄н тальбя̄т
ургату̀ шумнӯ̀т да́йгхун нѝ
тӱргэ̀н топрàк болгонò

э̀зэ̀н ха̄н зарлик-тà̀й
эрхѝм харà пӯши бѝ
эндӯ̄рэхӯ̀ ӱйлэ́йги
эринчѝн-гомбò цзахирà

бадарагхà̀н галы́йн дундӯ̀
ба́дма ха́инъкирва
баршѝт нӱгӯ̀ль тӯ̀йтхэри
бараталà арилгà̀

сòк ула̄н̄ хадà̀н-ду
шӱсӯ̄̀н зэ̄рдэ моритà̀й
тумэ̄̀н альбѝн тӱльхэ̄̀т-тэ̀й
ула̄н бикчжитэ̀й махага́ла

да́йгхун минѝ дарухшѝ
дахи́ни ухѝн тэнърѝ
гхэльтэ̀ йигхӯ̀н тэнъри-нэ́р
хуиглачжѝ мордонà

хасà̀к тэргэ́йн арихѝн-ду
гхохтоху́йн андà̀л ӱгэ̀й бѝ
харà шумнӯ̀т да́йгхун-ду
дарухдаху́-йн аю́л ӱгэ̀й бѝ

орò̀т тэргэ́йн арихѝн-ду
гхохтоху́йн андà̀л ӱгэ̀й бѝ
ургату̀ шумнӯ̀т да́йгхун-ду
дарухдаху́йн аю́л ӱгэ̀й бѝ

гайтайха̀н хӱмӯн нѝ
галцзӯ йогацзарі́йн дӱритэ̀й
арилугха̀н хӱмӯн нѝ
арійя̄-ба́лойн дӱритэ̀й

чжиргалтайха̀н хӱмӯн нѝ
ма́ни болга̀н махтахтӯй
цзоболонтайха̀н хӱмӯн нѝ
дӯн болга̀н донъгосохтӯй.

Переводъ.

(Исполненный) превосходныхъ примѣтъ Ямандага
Драгоцѣнный Хухэнъ хутухта,
Будьте милосерды совершенно
Ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Предметъ вѣры, черный Махагала,
Превращеніями разныхъ родовъ
Тотчасъ, поскорѣй удали
Демоновъ, чертей и враговъ.

Дивный, черный Махагала,
Котораго почитаемъ мы съ молитвой,
Бигаръ Чжалбо Гун'а мой
Имѣющій пять побѣдоносныхъ свойствъ!

Въ воду каждой ложбины
Положивъ свою стрѣлу съ зазубриною,
Онъ мгновенно превращаетъ въ прахъ
Враговъ и демоновъ, снабженныхъ укрюками.

По повелѣнію государя царя
Есть (у насъ) лучшая черная пушка;
Дѣянія заблужденій
Ринсунъ гомбо (ты) исправь.

Среди пламенѣющаго огня (стоящій)
Бадма хаинкирва
Очисти до конца
Препятствія, несчастья и грѣхи.

На красной огненной скалѣ,
На красновато-рыжей лошади,

Съ полчищами десяти тысячь шимнусовъ
Краснопанцырный Чжамсаранъ.

Подавляющая моихъ враговъ,
Вѣщая дѣвственная тэнгри,
Всѣ вмѣстѣ девять тенгріевъ,
Надѣвши панцыри, отправляются.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ двухъ колесной телѣги,
Я не боюсь, что буду побѣжденъ
Черными демонами, — врагами.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ русской телѣги,
Я не страшусь быть побѣжденнымъ
Врагами демонами, снабженными укрюкомъ.

Нечестивый человѣкъ
Имѣетъ видъ бѣсноватаго йогацзари,
Освятившійся человѣкъ
Носитъ видъ Арія-бало.

Блаженные люди
Хвалите, совершая мани;
Страждущіе люди
Кричите, испуская вопли!

Эта пѣсня бурятскихъ ламъ не многимъ уступаетъ халхаской пѣснѣ о Дамдинъ-Дорликѣ: въ ней видимъ мы тоже перечисленіе бурхановъ, тоже изложеніе свойствъ ихъ, заимствованное изъ богослужебныхъ помовъ, даже тотъ самый языкъ и форму изложенія. Можно было бы предположить отсюда, что при одинаковыхъ съ халхаскими условіяхъ существованія буддизма въ русскомъ забайкальи, пѣсни бурятскихъ ламъ были бы совершенно подобны халхаскимъ и содержаніемъ ихъ была бы таже отвлеченность и созерцаніе духовнаго міра, которыя воспѣваются и въ Халхѣ; но теперь эти условія далеко нельзя назвать вполнѣ одинаковыми. Буддизмъ у Бурятъ прежде всего бѣднѣе своими святынями: такимъ образомъ Буряты не имѣютъ у себя гэгэновъ и хутухтъ, которые такъ обыкновенны въ Мон-

голіи и Тибетѣ, а это заставляетъ нашихъ поклонниковъ будды съ одной стороны болѣе идеально смотрѣть на этихъ живыхъ божествъ и больше говорить о нихъ, а съ другой совершенно преклоняться предъ обладателями таковыхъ святынь — Монголами и особливо предъ Тибетцами. Халхасы, которые считаютъ въ своей странѣ до восьмидесяти штатныхъ хутухтъ и имѣютъ у себя великаго перерожденца Даранаты, естественно смотрятъ проще на своихъ богочеловѣковъ, сравнительно рѣже обращаютъ на нихъ свое вниманіе и ведутъ о нихъ свою рѣчь, всецѣло предаваясь размышленіямъ и изученію трактатовъ о невидимомъ, чисто духовномъ мірѣ; отъ того то религіозная поэзія Халхасовъ дышетъ, какъ мы уже видѣли, глубокою отвлеченностію. Для Бурятъ самая страна гэгэновъ составляетъ невидимый міръ; отъ того воспѣваніе этого міра или мѣстопребыванія гегеновъ, т. е. Монголіи и Тибета, для бурятскихъ ламъ такой же предметъ пѣсни, какъ духовное царство Аганишты для монгольскихъ. Впрочемъ мы сильно ошибемся, если станемъ думать, что этотъ новый предметъ для пѣсенъ, какъ болѣе реальный, дѣлаетъ бурятскую религіозную пѣсенную поэзію нѣсколько болѣе жизненною: на дѣлѣ оказывается, что стремленіе авторовъ ламъ придать побольше значенія своей святынѣ, значительно отнимаетъ у нея это достоинство и форма, въ которой воспѣваютъ они святыни Монголіи и Тибета, дѣлаетъ изъ этихъ странъ не земное, а скорѣе небесное царство вѣрующихъ.

наран-нѝ гархỳ зӱгэ̄гхэ
гэгэ̀н тӯя̄ мандана̀
гэгэ̀н бурха̀н хоир-тỳ
ӱдӱ̀р бӱрѝ мӱргӱйѣ̀
абура̀л дэ̄дӱ лама-дỳ
алгагха̀л ӱгэ̀й шӱтӱйѣ̀
арба̀н хара̀ нӱгӱлы́йги
арилгачжѝ охійя̀
арба̀н сага̀н буины́йги
эхилэчжѝ аба̄т

абàй богдò тэдэн-дў̀
аятàй зогà барійя̀

баньши́нь богдóйн гэгэнэгхэ
бошòк лу́нъдан бўлгачжѝ
бўрйн тэгў̀с бўтэгхэ̀н
бра́йбун хиды́ин орòн бѝ

далàй лама́йн гэгэнэгхэ
дарў̀й лунъдàн бўлгачжѝ
дэдў̀ шачжи́н-ни бўтэгхэн
тэ́йми гха́йхан орòн бѝ

ўргў̀н зў̀йн хöбö-дў̀
ўнэхэ̀р номы́йн хўрёнь-дў̀
ўлэмчжѝ хуварагўт суглучжѝ
ўйлэ̀йн ўрё номлабàй

хўмў̀к ўлайн хая-ду
хўшитў̀ мўргў̀ль хурàна̀
хўрэ̀н хэнъгэргэ дэлэтшѝ
хўшитў̀ дў̀ гаргàна̀

ўнэхэ̀р номы́йн хўрёнь-дў̀
олòн хуварагы́йн дэргэдэ̀
алгагхàл ўгэ̀й гхэтхилэр
аморлингóйги бисылгайя̀

аргà билйк хоирàр
мўнъхэ̀ бугху́-йги ухайя̀
богдонары́йн шашйн батутхàт
бўгўдэ̀р хамтў̀ чжиргайя̀.

Переводъ.

Со стороны восхода солнца
Разсѣяваются свѣтлые лучи;
Будемъ ежедневно покланяться
Гэгэну и Буддѣ.

Будемъ непоколебимо уповать
На спасительнаго, высокаго ламу,
Очистимъ и покинемъ
Десять черныхъ грѣховъ.

Положивъ начало и принявъ
Десять бѣлыхъ добродѣтелей,
Принесемъ мирное наслажденіе
Отцамъ святителямъ.

Есть мѣсто монастыря Брайбунъ,
Который построенъ въ совершенствѣ,
Получивъ наставленіе
Отъ святителя Баньчэнь богдо.

Получая наставленіе непосредственно
Отъ святителя Далай ламы,
Приведшее въ совершенство высокую вѣру,
Такое прекрасное мѣсто,

На берегу широкой Цзу,
Во истинно духовной обители,
Собралось множество хувараковъ и
Проповѣдало о воздаяніи за дѣла.

У склона утесистой скалы
Служатъ они великій мӱргӱль,
Ударяютъ въ темнобурый барабанъ
И издаютъ сильные звуки.

Въ истинно духовной обители,
Предъ множествомъ хувараковъ,
Непоколебимою мыслію
Будемъ созерцать мы успокоеніе.

Мудростію и средствами
Проникнемъ мы въ пониманіе тлѣннаго
И, утвердивъ вѣру святителей,
Всѣ вмѣстѣ будемъ веселиться.

А вотъ другая пѣсня, въ которой Буряты воспѣваютъ Халху:

ару́ин долōн хошӯн ду
алта̀н ганчжу̀р цзаларна̀
ая̀ хаму̀к амита̀н
тэригӱ̀н дӱ мӱргӱнэ̀

шинчжилэнгі́йн оро́й-ду̀
шинэхэ̀н баригха̀н даса̀нъ бѝ
шинчжилэ̀н ба́йчжи бӱтэ̄гхэн
шачжаму́нійн дӱрѝ-лэ̀

оройга̄гха ни хараху̀ ду
оши̇̀р хонхо́йн дӱритэ̀й
улу̀м о́йра ни ирэху̀̈-дӱ
ула̄н хӱчжійн ӱнӱртэ̀й

тэнгрин̄эгхэ шичжимтэ̀й
тэхши̇̀ гха́йхан даса̀нъ би̇̀
тэригӱ̀н дӱ мӱргӱчжи̇̀
адисти́ди хӱртэйѣ̀

охторгойга̄гха шичжимтэ̀й
ӯчжим гха́йхан даса̀нъ би̇̀
оло̀н бӱгӱдэ̄р мӱргӱчжи̇̀
адисти́ди хӱртэйѣ̀

хӱри̇̀н булугы́йн эхи̇̀н-дӱ̀
гӱрӱмтэ̀йхэн даса̀н-ла
хӱхэ̀ ула̄н-ни нэмӱрэгхэ̀н
хӱ̄хэн хутухту́йн шаби-на̀р

шара̀ булугы́йн эхи̇̀н дӱ̀
шина̀р гха́йту даса̀н би̇̀
шара̀ ула̄н-ни иэмӱрэгхэ̀н
ша́кчжа-тубы́ин шабина̀р

найма̀н шикшикту̀ даса̀н-ду
наран-ни̇̀ туя̄ мандана̀
найма̀н хӱ̀ль-тӱ ширэ̄н-дӱ̀
зула́йн туя̄ бадарана̀

дӱрбэ̀н шикшикту̀ даса̀н-ду̀
дӱлӱн-ни̇̀ туя̄ мандана̀
дӱрбэ̀н хӱ̀ль-тӱ ширэ̄н-дӱ̀
зула́йн туя̄ мандана̀

хулугху́ни дунду̀ ни̇̀
ху́нъ шубӯ донъгодона̀
хуварагы́йн дунду̀ ни̇̀
дунъ бӱрѣ̄ донъгинана̀.

Переводъ.

Въ семи сѣверныхъ хошӯнахъ
Переносятъ золотой ганчжуръ;
Ахъ, всѣ одушевленныя существа
Покланяются (ему) головою.

На вершинѣ Шинъчжилэнгійской (горы)
Стоитъ вновь построенный храмъ,
(Въ немъ) тщательно исполненный
Образъ Шигэмунія.

Какъ посмотришь (на него) съ верху,
Онъ имѣетъ видъ вачира и колокольчика;
Какъ подходишь (къ нему) по ближе,
(Отъ него) благовоніе красныхъ курительныхъ свѣчъ.

Имѣющій связь съ небомъ,
Ровный и прекрасный храмъ;
Преклонившись головою,
Получимъ благословеніе.

Имѣющій связь съ небомъ,
Просторный, прекрасный храмъ;
Поклонившись всѣмъ множествомъ,
Удостоимся благословенія.

При истокахъ ключа Куринъ
Стоитъ храмъ, въ которомъ совершаются молебствія,
Одѣтые въ синій и красный (цвѣтъ)
Ученики Хухэнъ хутухты.

При истокахъ ключа Шара
Есть храмъ, славный своими прекрасными качествами;
Одѣтые въ желтый и красный цвѣтъ
Ученики Шакжа-тубы (= Шигэмунія).

Въ восьми-угольномъ храмѣ
Разсѣявается лучь солнца;
На восьми ножномъ столѣ
Разсѣявается лучь лампады.

Въ четырехъ-угольномъ храмѣ,
Разсѣявается свѣтъ паникадила;
На четвероножномъ столикѣ
Разсѣявается свѣтъ лампады.

Въ срединѣ камышей
Кричатъ лебеди;
Въ срединѣ духовныхъ лицъ
Слышны звуки раковины.

Въ такой формѣ воспѣваютъ свои религіозныя митрополіи бурятскіе ламы. Судя по тому, что они сравнительно чаще халхаскаго духовенства посѣщаютъ Тибетъ, и что почти каждый порядочный бурятскій лама считаетъ своею обязанностью побывать во всѣхъ важнѣйшихъ святыхъ мѣстахъ Монголіи, можно было бы ожидать, что въ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеніяхъ ихъ, воспѣвающихъ помянутыя мѣстности, найдется больше жизни: что здѣсь мы повстрѣчаемъ и картинные виды природы описываемыхъ мѣстъ, и подробныя изображенія внѣшности по преимуществу занимающихъ вниманіе ламства святынь, и легендарныя сказанія объ этихъ святыняхъ; но ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Воспѣвая хвалы Монголіи и Тибету, бурятскіе поэты-монахи очевидно не только не интересуются дѣйствительностію, но даже и бѣгутъ всего того, что имѣетъ сходство съ дѣйствительнымъ, какъ напр. легендарныхъ сказаній. Точнѣе, воспѣвая святыни буддизма въ той или другой странѣ, бурятскіе ламы обращаютъ все свое вниманіе на духовное значеніе этихъ предметовъ, изображаютъ исключительно ихъ мистическую сторону, упоминаютъ только о томъ, въ чемъ проявляется ихъ таинственное значеніе; описаніе же внѣшности этихъ святынь ограничиваютъ едва ли не одною ихъ номенклатурою. При такомъ характерѣ бурятскихъ описательно-религіозныхъ пѣсенъ, естественно, что въ текстѣ ихъ, особливо при сжатости изложенія, является много неудобопонятнаго для обыкновеннаго человѣка; — результатъ же такого образа изложенія понятенъ самъ собою. Пѣсня порождаетъ въ слушателяхъ чувство благоговѣнія, усиливаетъ безотчетное сочувствіе ихъ къ тому загадочному міру, который она воспѣваетъ и съ которымъ душа ихъ сроднилась въ мечтахъ еще со младенчества и заставляетъ безсознательно преклоняться предъ таинственною высотою этого міра. Такимъ образомъ незамѣтно воспитываютъ ламы у Бурятъ религіозное чувство и вселяютъ въ сердца ихъ вѣру въ духовное величіе буддійскихъ святынь въ отдаленныхъ мѣстахъ снѣжнаго царства, или соплеменной Бурятамъ Монголіи. Какъ

представители въ своемъ народѣ этой воспѣваемой религіи, ламы естественно хотятъ выставить и себя по крайней мѣрѣ отраженіемъ того же величія, а отсюда при стремленіи ихъ стать выше народа, возникаетъ желаніе отдѣлиться отъ него именно въ ту сторону, гдѣ блистаетъ это величіе, — въ сторону Халхи. Такъ по крайней мѣрѣ я объясняю себѣ то явленіе, что бурятскіе ламы всѣми силами души стремятся считаться Халхасами и, отвергая отъ себя всякое постороннее вліяніе, презирая все, что могло бы привзойти въ ихъ жизнь со стороны Руси, хотятъ быть похожими только на Халхасовъ *). Явленіе это ярко бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи надъ ламствомъ въ Забайкальской степи: начнемъ хоть съ того, что бурятскій лама считаетъ для себя постыднымъ говорить по русски **) и напротивъ прежде и больше всѣхъ старается объ усвоеніи у себя халхаскихъ особенностей рѣчи; тѣже заботы прилагаетъ онъ и къ перениманію халхаскихъ пріемовъ въ обращеніи съ предметами, въ отношеніяхъ съ людьми и вообще во всей внѣшней обстановкѣ; для курьеза пожалуй можно замѣтить, что во всѣхъ бурятскихъ степяхъ никто кромѣ ламъ не носитъ уродливыхъ халхаскихъ, или лучше сказать, китайскихъ сапоговъ и напротивъ всякій лама, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, непремѣнно имѣетъ ихъ;

---

*) Н. Керцелли. Москов. Университ. Извѣстія. Чт. о Бурятахъ. 1869 г.

**) Нежеланіе считаться знающимъ русскій языкъ у бурятскихъ ламъ въ самомъ дѣлѣ поразительно и они доказываютъ его съ удивительною настойчивостью; для примѣра укажемъ хоть на то, что, кажется ни одинъ бурятскій ханбо лама, хотя и считается онъ чиновникомъ русской службы, не зналъ русскаго языка. Въ послѣднее время обстоятельство это обратило на себя вниманіе русскаго правительства и отъ хамбо ламъ стали требовать знанія русскаго языка какъ необходимаго условія при утвержденіи въ должности, но что же вышло? Ханбо лама Мархаевъ послушалъ эти требованія, да и вышелъ въ отставку, не думая объ ихъ исполненіи; настоящій ханбо явился также не знающимъ русскаго языка и былъ утвержденъ исправляющимъ должность ханбо ламы не прежде, какъ далъ обѣщаніе выучиться ему; лѣтъ пять по этому случаю былъ онъ исправляющимъ должность, каждый годъ ѣздили къ нему русскіе чиновники освѣдомляться объ его успѣхахъ, да въ концѣ концевъ такъ и утвердили, — лама всетаки настоялъ на своемъ и русскаго языка онъ не знаетъ.

конечно это только для того, чтобы быть болѣе похожимъ на Халхаса. Вообще тяготѣніе къ Халхѣ въ средѣ бурятскаго ламства поразительно. Назвать бурятскаго ламу Халхасомъ, ученикомъ Чжэбцзунъ дамбы, значитъ доставить ему высшую степень удовольствія, и самъ онъ иначе и не говоритъ въ своей рѣчи какъ «*нашъ халхаскій* обычай», *наши халхаскія* убѣжденія и пр. Но за всѣмъ тѣмъ этимъ ревностнымъ приверженцамъ будды, которые отклоняютъ отъ себя всякое подражаніе своимъ цивилизованнымъ владѣтелямъ и изъ за одной только религіи, ставятъ своимъ идеаломъ жалкаго монгола, нельзя не сознавать предъ своимъ же народомъ, что они все таки не Халхасы, что ихъ духовный владыка — не гэгэнъ, не хутухта, указанный буддійскимъ тайновѣдцемъ, а выбранный простымъ народомъ ханбо-лама. Не считать послѣдняго владыкою вѣры, не превозносить его, — значитъ унизить весь религіозный строй въ своей странѣ, нанести ударъ себѣ же самимъ; а между тѣмъ согласить этихъ двухъ противуположностей, быть одновременно Халхасомъ и Бурятомъ, конечно не возможно. И вотъ отсюда то вытекаетъ та комичная двойственность, по которой бурятскіе ламы въ настоящее время и хотятъ выставить себя нераздѣльными съ Халхаскими Монголами и въ тоже время во имя народной гордости и человѣческихъ интересовъ должны отстаивать высоту своей отдѣльности отъ нихъ. Вотъ примѣръ этой смѣшной двойственности въ бурятской ламской пѣснѣ:

охторго́йги гэйгӯлӯхши
алта̀н шара̀ нара̀н бӣ
оршилангі́йги гэйгӯлӯхши
алдартӯ шара̀йн шашӣн бӣ

бодонътӯ гхӯні́йги гэйгӯлӯхши
мӯнъхэ̀ сага́н гхара̀ бӣ
бодонъго́йги гэйгӯлӯхши
мӯнъхэ̀ шара̀йн шашӣн бӣ

харанго́йги гэйгӯлӯхши
гэгэ̀н зула̀йн туя̄ бӣ

хамӯк амитан-нѝ гэйгӱ̀лӱхши
богдо̀ зонъхава̀йн гэгэ̀н бѝ

хара̀ гхальхи́н-ни халхалахшѝ
хада́йн ӱбӱ̀р гэлэ́й лэ̀
халха̀ маны́йги одоридухшѝ
хамбо̀ лама̀ гэлэ́й лэ̀

охторго́йн оргѝл-дӯ
оло̀н донъшӯр одо̀т бѝ
оро̀н орōро эзэлэгхэ̀н
оло̀н хошӯн-ни хāн бѝ

хамӯк орон-нѝ эзэлэгхэ̀н
хāн импирāтор гэлэ́й лэ̀
энэ̀ бэйѣ́йги ӱкгӱгхэ̀н
э̄чжѝ āба̀ гэлэ́й лэ̀

бурха̀н ном-ѝ шӱтӱчжѝ
буинта̀й гха́йхан чжиргайя̀
бурӯ цзӱ̀б-и шилгачжѝ
бурта̀к ӱгэ̀й чжиргайя̀

шашѝн ном-ѝ шӱтӱчжѝ
гхамӯ ӱгэ̀й чжиргайя̀
гхалага̀й ябуда̀л-и тэбшичжѝ
бурта̀к ӱгэ̀й чжиргайя̀

ашитӯ лама́йги шӱтӱчжѝ
адисти́д-тунѝ хӱртэйѣ̀
ахама̀т тӱшимэ́д-и хӱндӱлэчжѝ
аята̀й гха́йхан чжиргайя̀

но́м шаши́н-ни шӱтӱчжѝ
омо̀к ӱгэ̀й чжиргайя̀
номохо̀н тӱльгѣ̄н ябучжѝ
ноѝн соло̀ хӱртэйѣ̀

хāн ноинāн шӱтӱчжѝ
хаирта̀й гха́йхан чжиргайя̀
āба̀ э̄чжі́йгэ̄н хӱндӱлэчжѝ
ашѝ-дӱн-ни хӱртэйѣ̀

арга̀ билигѝ гхуршѝ
андӯ ӱгэ̀й ябуйя̀
эзэ̀н импираторы́йн зарлигāр
эрхэ̀ йо́гху дагайя̀

эрдэ̀м билигѝ гхуршѝ
эндӯ ӱгэ̀й ябуйя̀
ӱлзэ̀й хутӯ̀к орошичжѝ
ӱргӱ̀льчжѝ гха́йхан чжиргай.

аргà билигѝ гхуршѝ
андӯ ӱгэ̀й ябуйя̀
арбà̀н буи́н дэлгэрэчжѝ
ачжѝк ӱгэ̀й чжиргайя̀.

Переводъ.

Освѣщающее небо
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающая матеріальный міръ
Славная, желтая вѣра.

Освѣщающая темную ночь
Вѣчная, блѣдная луна,
Просвѣщающая мракъ (невѣжества)
Вѣчная, желтая вѣра.

Освѣщающій темноту
Лучь свѣтлой лампады,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ святителя Цзонхавы.

Заграждаетъ жестокій вѣтръ
Говорятъ, южный склонъ скалы;
Руководитъ насъ Халхасовъ
Говорятъ, ханбо-лама.

На окружности небесъ
Много билліоновъ звѣздъ;
Правящіе отдѣльными мѣстностями
Ханы множества хошуновъ.

Управляющій всею страною,
Говорятъ, Государь Императоръ,
Давшіе это существо
Говорятъ, батюшка да матушка.

Уповая на Бога, да на священное ученіе,
Повеселимся хорошо и добродѣтельно;
Различая злое и доброе,
Повеселимся безъ непристойностей.

Уповая на вѣру и священное ученіе,
Повеселимся въ безмятежіи;
Отбросивъ худыя дѣянія,
Повеселимся безъ непристойностей.
Уповая на благодѣтельнаго ламу,
Удостоимся его благословенія;
Почитая начальниковъ, чиновниковъ,
Повеселимся мирно, хорошенечко.
Уповая на священное ученіе и вѣру,
Повеселимся безъ гордости;
Поступая кротко и мирно,
Удостоимся княжескаго званія.
Полагаясь на своихъ царя и правителей,
Повеселимся любезно и хорошенечко;
Почитая своихъ родителей,
Удостоимся ихъ благословенія.
Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
По повелѣнію Государя Императора,
Будемъ исполнять законы и постановленія.
Изучивъ разумное и мудрое,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Водворяя счастіе и святость,
Будемъ всегда веселиться хорошенечко.
Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Распространяя десять добродѣтелей,
Повеселимся безъ сомнѣній.

Едва ли нужно будетъ указывать и выяснять мѣста комичныхъ несообразностей въ этой пѣснѣ; онѣ очевидны каждому и для насъ гораздо болѣе интереснымъ представляется вопросъ о причинахъ, которыми влекутся Буряты къ Халхѣ до такой сильной степени, что и сами хотятъ считать себя Халхасами? Мы положительно не ошибемся если скажемъ, что въ основѣ этого влеченія лежитъ одинъ только буддизмъ. Мирная и покойная жизнь, совершенное довольство и, при неприхотливости требованій, пожалуй даже матеріальный избытокъ въ насущныхъ

потребностяхъ дня, наконецъ попеченія объ общественномъ и экономическомъ благѣ Бурятъ русскаго правительства, все это еще съ давнихъ поръ отучило нашихъ кочевыхъ инородцевъ отъ собственныхъ заботъ о матеріальномъ благосостояніи. Бурятъ не страшится за свою жизнь и свои матеріальныя средства: онъ не ходитъ по степи, роя коренья, и не просиживаетъ цѣлаго дня надъ норою тарбагана, какъ это дѣлаетъ Халхасъ, знающій, что безъ этого труда ему придется умереть завтра; въ хорошіе годы всякій Бурятъ имѣетъ у себя молоко и мясо отъ своихъ стадъ, наступитъ голодное время, онъ знаетъ, что русское правительство снабдитъ его хлѣбомъ. О чемъ же заботиться при такой обезпеченности этимъ истинно дѣтямъ природы? Какіе либо высшіе интересы жизни къ нимъ не привились еще не смотря на болѣе чѣмъ 250-лѣтнее пребываніе въ средѣ Русскихъ; а между тѣмъ ихъ духъ также ищетъ жизни, ищетъ дѣятельности. И вотъ на помощь является буддизмъ съ его отвлеченными догматическими теоріями и умосозерцаніями, съ его возвышеннымъ на первый взглядъ нравственнымъ ученіемъ, наконецъ съ его внѣшнею обрядностію и шумными церемоніями. Этими могущественными орудіями буддизмъ способенъ завлечь на свою сторону каждаго: отвлеченныя теоріи его такъ интересны въ изложеніи своихъ подробностей и доказательствъ, что изученію ихъ съ охотою отдаютъ свою жизнь всѣ, ищущіе развитія ума; нравственное ученіе заставляетъ благоговѣть предъ высотою этой религіи и буквально пристращаться къ ней всякаго старца и человѣка, искусившагося въ жизни, потому что тотъ и другой необходимо сочувствуютъ не только самому этому нравственному ученію, но и его философскимъ основамъ; наконецъ молодежь, простолюдины, да и вся вообще легкомысленная толпа увлекается пышными религіозными церемоніями, составляющими почти единственное развлеченіе въ однообразіи ихъ разъединенной кочевой жизни *).

*) Косыгинъ. Очеркъ исторіи христіанства въ Торской степи. Иркутскъ, 1878 г., стр. 42. Иркутскія Епарх. Вѣдом. Кн. апрѣльская, 1868 г., стр. 224 Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten. Thl. II, S. 127.

Понятно, что при этихъ условіяхъ буддизмъ дорогъ Бурятамъ какъ единственный и верховный двигатель ихъ духовной дѣятельности, что потому самому они хранятъ его какъ зѣницу ока и ревнуютъ о его силѣ и развитіи, ибо въ этой силѣ и въ этомъ развитіи видятъ они и залогъ для жизни своего духовнаго существа. Несомнѣнно, что по первоначалу на возбужденіе сочувственнаго отношенія Бурятъ къ буддизму имѣло великое значеніе ламство, которому конечно религія дороже чѣмъ кому либо другому; но теперь, въ силу уже высказанныхъ мною разносторонних вліяній буддизма на весь народъ и на каждую особь его, нельзя не предположить, что каждый Бурятъ способенъ ратовать за эту, исповѣдываемую имъ религію, и по своей собственной иниціативѣ. За доказательствами справедливости всего сказаннаго намъ далеко ходить не слѣдуетъ. Обратимъ вниманіе на послѣднюю, почти современную намъ жизнь Бурятъ, на усилившіяся въ послѣднее время посольства ихъ въ тѣ города, въ которыхъ сосредоточено верховное управленіе надъ ними и даже въ Петербургъ. Что значатъ всѣ эти посольства? Зачѣмъ пріѣзжаютъ они? О чемъ хлопочатъ? О буддизмѣ и только о буддизмѣ: въ 1854 году они трактуютъ о вновь учрежденныхъ тогда ламскихъ штатахъ; въ 1857 году, желая замаскировать обиліе своего ламства, они ходатайствуютъ о разрѣшеніи носить всѣмъ Бурятамъ красные халаты, которые собственно суть принадлежность ламъ низшихъ степеней; въ 1862 году начинаются толки объ ученіи ламами Цанита; за тѣмъ въ теченіе прошлаго и въ началѣ настоящаго десятилѣтія выступаютъ на сцену ходатайства объ устройствѣ обновъ, о разрѣшеніи служенія цама и пр. и пр. Никакихъ просьбъ объ общественномъ и гражданскомъ устройствѣ, никакихъ заявленій о судебныхъ и административныхъ порядкахъ, какъ будто съ этихъ сторонъ вся жизнь у нихъ такъ совершенна, что не оставляетъ желать по себѣ ничего лучшаго. Не ясно ли отсюда, что Буряты признаютъ свою матеріальную обстановку вполнѣ удовлетворительною для себя и всею душею заботятся только объ одномъ,—это о своемъ буд-

дизмѣ. Дѣйствительно, кажется, нѣтъ и большей радости для Бурятъ какъ какое либо послабленіе буддизму, или содѣйствіе къ разширенію его: устройство новаго дацана, введеніе новаго богослуженія возбуждаетъ во всѣхъ самое высокое чувство духовнаго наслажденія. Вотъ пѣсня, которую воспѣли Буряты при освященіи Агинскаго дацана, построеннаго ими, получивъ на сіе разрѣшеніе отъ русскаго правительства.

ӱндӯр, ӱндӯр улāхана
ӱлэмчжѝ холо̀ хӱнъгэлэйгѣ
ӱбӱгӯн ширэ̄тӱ ламахàй-дāн
ӱдӯр бӱрѝ мӱргӱйгѣ

баѝн аго́йн хоймӯр-тӱ
бэльтӱ ӯлаии ӱбӯр-тӱ
батӱ̀ сагàн дасàнъ манѝ
бандита хамбāгха абуралтàй

ӱргӯн аго́йн хоймӯр-тӱ
ӱзӱмтӱ ӯлаин ӱбӯр-тӱ
ӱндӯр сагàн дасàн манѝ
ӱбӱгӯн хамбāгха абуралтàй

гушѝн хоѝр баганатàй
гурбӯ̀н алтàн ганчжиртàй
голышѝк сагàн дасàн манѝ
гōродыйн зурганāгха абуралтàй

арбàн зургāн баганатàй
алтàн гха́йхан ганчжиртàй
алдартàй сагàн дасàн манѝ
абàй хāнāгха абуралтàй

холо̀ о́йро алдартàй
хонъхо̀ ошѝр янцзатàй
хоѝр алтàн ганчжиртàй
хобитàй гха́йхан дасàн бѝ

арбàн зӱ̀ги гэйгӯ̄лӱхшѝ
алтàн шарà нарàн бѝ
амитàн бӱхӯн-нѝ гэйгӯ̄лӱхшѝ
манѝ лама́йн гэгэ̀н бѝ

охторго́йги гэйгӯ̄лӱхшѝ
олòн одòт хо̄̄рӧхо̂̄й
оршила́нги гэйгӯ̄лӱхшѝ
орон-нѝ ламà хо̄̄рӧхо̂̄й

харанго́йги гэйгӯ̄лӱхшѝ
гхарàн эрдэні́йн гэрэ̀л бѝ
хамỳк амитан-нѝ гэйгӯ̄лӱхшѝ
манỳ ламàйн гэгэ̀н бѝ

худургàн-да̄н зохистòй
хубилгàн ного̄н морѝ бѝ
хурỳл нòм-да̄н зохистòй
хуварàк эрдэнѝ хо̄̄рӧхо̂̄й

Переводъ.

Высокому, высокому, красноватому коню,
Дадимъ выстояться подольше;
Своему старцу, каѳедральному ламѣ,
Будемъ кланяться каждый день.

На сѣверной сторонѣ богатой агойской (степи),
На южной сторонѣ отлогой горы,
Нашъ прочный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый Бандитою хамбо.

На сѣверной сторонѣ широкой агойской (степи),
На южной сторонѣ горы Уцзюмту (поросшей виноградомъ),
Нашъ высокій, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый старцемъ — хамбо.

Съ тридцатью двумя колоннами,
Съ тремя золотыми ганчжирами,
Нашъ опрятный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый городскимъ управленіемъ.

Съ шестнадцатью колоннами,
Съ золотыми, прекрасными ганчжирами,
Нашъ славный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый батюшкой царемъ.

Онъ славенъ вдали и вблизи,
Онъ похожъ на колокольчикъ и очиръ,
Онъ имѣетъ два золотыхъ ганчжира,
Судьбою отмѣченный бѣлый дацанъ.

Просвѣщающее десять странъ,
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Освѣщающія небо
Многочисленныя, болѣзныя звѣздочки;
Просвѣщающій матеріальный міръ
Болѣзный (нашъ), мѣстный лама.

Просвѣщающіе мракъ
Лучи луны драгоцѣнности,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Пригодна для своихъ пахвей
Хубилганъ, зеленая лошадь,
Пригодно для своихъ богослуженій и священнаго ученія
Болѣзное духовенство сокровище.

Такъ воспѣли свой данъ Буряты на торжествѣ его освященія, которое, по сказанію лѣтописей, совершалось 130 ламами и на празднованіе котораго, по сказанію тѣхъ же лѣтописей, приглашено было все мѣстное русское и бурятское чиновничество, число же собравшихся простолюдиновъ превышало 5,000 человѣкъ. Празднество продолжалось два дня: по обычаю устраивались здѣсь конскія скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль изъ лука, задавались обѣды, воспѣвались гимны въ честь событія и присутствующихъ начальниковъ и пр. и пр. Пѣсни, распѣваемыя на такого рода оффиціальныхъ празднествахъ у Бурятъ, какъ и у другихъ народовъ, обыкновенно заключаютъ въ себѣ весьма мало чертъ изъ домашняго быта и семейныхъ отношеній; — соотвѣтственно времени и случаю они носятъ въ своемъ содержаніи также оффиціальный характеръ и для насъ являются особливо интересными въ виду того, что въ нихъ мы находимъ характеристику отношеній Бурятъ къ своему начальству. Конечно такія мѣста въ пѣсняхъ весьма кратки, выводы изъ нихъ нужно дѣлать по большей части путемъ наведенія, но иначе вѣдь и быть не можетъ съ такими ловкими степными политиками какъ Бу-

ряты. Внимательно слѣдившій за содержаніемъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія замѣтилъ уже тотъ девизъ, который предлагается такимъ политикомъ для достиженія довольства и силы:

«Дѣйствуя кротки и мирно
Удостоимся княжескаго званія».

И Буряты дѣйствительно преслѣдуютъ этотъ девизъ. Льстивость и самоуниженіе предъ силой — основная черта характера каждаго Бурята. Какъ бы ни стоялъ высоко Бурятъ въ средѣ своего народа, онъ никогда не постыдится своихъ собратій ни въ какомъ самоуниженіи предъ постороннею силой, если только это будетъ служить ему къ достиженію выгоды народной, или даже своей личной. Оттого то на пирушкахъ Бурятъ русское чиновничество всегда занимаетъ первое мѣсто, хотя въ душѣ Буряты, пожалуй, и далеко не рады его присутствію здѣсь. Уваженіе къ русскому чиновничеству у Бурятъ только наружное, задушевное же почтеніе, полную преданность и готовность на всякое пожертвованіе они носятъ въ своей душѣ только къ своимъ родовымъ, единоплеменнымъ и главное единовѣрнымъ правителямъ, во главѣ которыхъ стоитъ обыкновенно тайша. Замѣчательно, что тайши, принявшіе христіанство, отталкиваются отъ народа, они становятся въ народномъ понятіи въ ряды русскаго чиновничества и лишаются со стороны народа откровенности и довѣрія. Фактъ этотъ также свидѣтельствуетъ съ одной стороны о силѣ привязанности Бурятъ къ буддизму, а съ другой о томъ, какія чувства питаютъ Буряты не только къ Русскимъ, но и къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ Русскими. Само собою разумѣется, что сказанное мною основывается главнѣйше на личномъ всестороннемъ и тщательномъ наблюденіи надъ жизнію Бурятъ. Пріобрѣтенные мною памятники, свидѣтельствующіе истинность этихъ заключеній, я надѣюсь обнародовать въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени; теперь же, обращаясь къ пѣснямъ, повторю снова, что выраженіе отношеній Бурятъ къ рус-

скому чиновничеству всегда излагается въ нихъ крайне сжато и коротко.

Вотъ для примѣра пѣсня, пѣтая на томъ же празднованіи освященія Агинскаго дацана.

хӱрэ̀н хӱрэ̀н зэ̄рдэйгэ̄н
хӱмӱлдӱргэ́й-нѝ загхайя̀
хӱгхэлэ́нтэйхэ̀н уругӯт-ту
хӱрӱнгӱ̀тэйгэ̄н барійя̀
хо̄рӧхо̄й гха́йхан тана́йга̄
хӱндӱлэ̄т гхӯчжи найралайя̀

хурду̀н хурду̀н зэ̄рдэйгэ̄н
худургуйгѝ-ни загхайя̀
хото́йн тӱшимэ̀т танда̄н
хурза́йн дэ̄чжи барійя̀
хӯшит гха́йт-нар танда̄н
хобя̄н хи́чжи барійя̀

аба̀й эзэ̀н ха̄на̄гха
алта̀н зарлѝк хӱлѣ̄чжи
арю̄н орон-нѝ бӱтэ̄гхэ̀н
ашиту̀ хамбо̀ ламаха̀й

ӱндӱ̀р эзэ̀н ха̄на̄гха
ӱндӱ̀р зарлѝк хӱлѣ̄чжи
ӱнэнтӱ̀ оронни̇̀ бӱтэ̄гхэ̀н
ӱбӱгӱ̀н хамбо̀ ламаха̀й

на́йдан чжуду̀к шӱтэ̄нтэ̀й
наймàн чжабда̀н хуваракта̀й
нагху̀н ӱргӱльчжѝ хуралта̀й
ю̄тай гха́йхан оро̀н бѝ

зӱ̄гы́йн йэхэ̀ шӱтэ̄нтэ̀й
зурга̄н ширэ̄нэй ламата̀й
зори́глачжи мӱргӱльтэ̀й
тэ́йми гха́йхан оро̀н бѝ

аилда̀р занъта̀й хӱмӱндӱ̀
ханѝ нӱхӱ̀р дӱтӱ̀ бѝ
акгха̀м занъта̀й хӱмӱндӱ̀
акхараху̀ хэрӱ̄льшин дӱтӱ̀ бѝ

ха́ир шулӯ даршиба́ла
хашичжѝ нэйлэхӯ бэрхэ̀ бѝ
ха́йран бэйӗ̀ ӱхӯбэ̄лэ
эргичжѝ тӯрӯхӯ бэрхэ̀ бѝ

охторго́йгха орогха̀н
мӱндӯр ю̄н шӱрӯ̄н бѝ
ӱнӱшѝн гахса̀ хӱмӱндӯ
ноит ямà̀р шӱрӯ̄н бѝ

хурду̀н гэгхэ̀н морѝн-нѝ
холо̀ о́йро санъта̀й бѝ
хо̄роту̀ гхэтхѝль тэбшибэ̄лэ
холо̀ о́йро алдарта̀й бѝ

ороху̀ хора́йн гхолонъго̀
ӱнъгэ̀ тӱргэ̀н гачжӯрана̀
оло̀н гхана̄ту хӱмӱн-дӯ
шира̀й тӱргэ̀н бӯрана̀

харі́йн холо̀ гацзарту̀
морѝ бэйӗ̀ бэхилэхӯ
ханилагха̀н дэ̄дӯ нӱхӱр-тӯ
ӱнэ̀н ӱгэ̄йгэ̄н хэлэхӯ

оло̀н сэсэ̀к ургуба̄ла
дэлэхэ́йн шимэ̀к гэдэ̀к бѝ
оло̀н сэсэ̀т суглаба̄ла
тӱрӯ̆йн шимэ̀к гэдэ̀к бѝ

тала̀дӯнни ургугха̀н
табу̀н ӱнъгэ́йн сэсэ̀к бѝ
та̀ бӱгӱдэ́йн ӧмӧно̆
дӯн эгэшѝк барина̀м-дѝ

Переводъ.

Изготовимъ поперсье
Для своего темнаго, темнаго рыжки,
Поднесемъ вино вмѣстѣ съ мѣхомъ
Своимъ желанненькимъ сватьямъ,
Повеселимся сидючи, да чествуя
Болѣзненькихъ и добренькихъ васъ своихъ.

Изготовимъ потфеи
Своему быстрому, быстрому рыжкѣ,

Поднесемъ угощеніе изъ трижды перегнаннаго вина
Вамъ городскимъ своимъ чиновникамъ;
Вамъ, своимъ стариннымъ сановникамъ
Положимъ, да поднесемъ свою часть.

Основавшій священное мѣсто,
Дождавшись золотаго повелѣнія
Отъ батюшки государя царя,
Благодѣтель ханбо лама.

Основавшій храмъ истины,
Дождавшись высокаго повелѣнія
Отъ высокаго государя царя,
Старецъ ханбо лама.

Съ кумирами найданъ чжидукъ,
Съ ламами на восьми сѣдалищахъ,
Съ службами непрерывными во весь вѣкъ,
Что это за прекрасное мѣсто?!

Съ большими кумирами Цзу,
Съ шестью каѳедральными ламами,
Вызывающее на поклоненіе
Такое прекрасное мѣсто!

У кроткаго человѣка
Близки друзья и пріятели;
Отъ придирчиваго человѣка
Не далеки вздорные спорщики.

Камешки гальки если и сжимать,
Трудно, чтобы (они) слѣпившись, соединились;
Жалкое (это) тѣло какъ умретъ,
Трудно снова возродиться (ему).

Упавшій съ неба
Какой жестокій градъ?
Для одинокаго сиротки
Какъ жестоки правители?!

Лошадь, провозглашенная быстрою,
Славна близко и далеко,
Какъ бросишь злыя мысли,
(Будешь) славенъ и близко, и далеко.

Радуга отъ продолжительнаго дождя
Быстро теряетъ цвѣтъ,

У человѣка заботливаго
Лице быстро худѣетъ.

Для далекихъ, чужихъ краевъ
Нужно подкрѣплять себя и лошадь;
Подружившимся, почтеннымъ пріятелямъ
Нужно говорить правдивыя рѣчи.

Какъ выростетъ много цвѣтовъ,
Говорятъ, — красота вселенной;
Какъ соберется много мудрецовъ,
Говорятъ, — красота правленія.

Выросли на степи
Цвѣты пяти цвѣтные;
Передъ всѣми вами
Поднесли мы напѣвъ пѣсенный.

Мы привели эту пѣсню какъ одну изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ различіе отношеній Бурятъ къ русскому и къ своему родовому чиновничеству. Характеристика эта собственно выражается только во второй строфѣ, но изъ разсмотрѣнія ея, какъ намъ кажется, вытекаетъ именно то заключеніе, на которое сейчасъ было указано. Къ русскимъ (городскимъ) чиновникамъ Буряты обращаются въ пѣснѣ прежде чѣмъ къ своимъ родовымъ (конечно желая этимъ показать, что считаютъ ихъ выше), на пиру имъ очевидно даютъ первое мѣсто, принимаютъ ихъ за лучшихъ гостей, подносятъ имъ лучшее, три раза перегнанное вино. Но это наружное почтеніе еще не есть свидѣтельство дѣйствительнаго уваженія и преданности; оно ничтожно въ сравненіи съ обращеніемъ Бурятъ къ своимъ старинным родовымъ правителямъ. О послѣднихъ въ пѣснѣ рѣчь какъ будто ведется уже послѣ, ихъ какъ будто отставляютъ на задній планъ, но задушевность отношеній, всецѣлое сознаніе ихъ главенства надъ массой народа и самая сердечная преданность этой массы лежитъ всетаки на ихъ сторонѣ. Въ пѣснѣ это выражается прежде всего тѣмъ, что пѣвцы не даютъ этимъ своимъ родоправителямъ какого-то канцелярскаго названія «тўшимэль», а величаютъ высокимъ титуломъ «сайтъ», что же касается до угощенія ихъ, то оно

собственно даже и ни какъ не обозначается, ни чѣмъ не ограничивается; — имъ готовъ каждый отдать все что есть, — поднести свою собственную часть. Этими замѣчаніями ограничивается въ пѣснѣ весь трактатъ, свидѣтельствующій о различіи чувствованій Бурятъ къ ихъ государственному, иноземному чиновничеству и своимъ родовымъ правителямъ и эта краткость указанія отношеній совершенно въ порядкѣ вещей, потому что, какъ уже было сказано, Буряты всегда говорятъ объ этомъ предметѣ сжато, въ высшей степени сдержанно и дипломатично. Въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи пѣсня эта однако не менѣе интересна. Принадлежа очевидно языку распорядителей пира, она характеризуетъ направленіе духа пожилыхъ Бурятъ, въ которомъ не трудно замѣтить весьма много общаго съ халхаскимъ. Хвала кумировъ, умствованіе, основанное на отвлеченіяхъ изъ практическихъ жизненныхъ примѣровъ, правила нравственности, заимствованныя также изъ жизненной практики, а отчасти изъ воззрѣній и ученій буддизма, которыя проповѣдуютъ ламы, вотъ главнѣйшее содержаніе этой и большинства подобныхъ ей бурятскихъ пѣсенъ и особливо составленныхъ и распѣваемыхъ людьми, вышедшими изъ юношескаго возраста, когда въ человѣкѣ начинаютъ уже умиротворяться волнующія его въ молодости страсти. Подобно Халхасамъ, Буряты въ пору своего зрѣлаго возраста лучшимъ своимъ времяпровожденіемъ считаютъ бесѣды съ ламами и досугъ свой проводятъ въ чтеніи буддійскихъ религіозныхъ книгъ, о распространеніи которыхъ такъ ревностно заботится тоже самое бурятское ламство. При такихъ условіяхъ понятны причины, по которымъ буддизмъ гораздо глубже пустилъ свои корни въ сердца Бурятъ, чѣмъ это мы видимъ у Ölötовъ: религія эта сознается здѣсь гораздо яснѣе, существуетъ въ народномъ представленіи гораздо чище отъ всякихъ примѣсей шаманства и суевѣрій другихъ религіозныхъ ученій. Всего лучше превосходство силы буддизма у Бурятъ въ сравненіи съ Ölötами представляется намъ чрезъ сличеніе пѣсни «арбан зургāн гхáйхан».

алтàн ӯлаин аршàн ни гхáйхан
ā бò э̄чжíин гхургàр ни гхáйхан
мӱ̈нъгӱ̀н ӯлаин мӱ̈нъгӱ̀ ни гхáйхан
мӱ̈нъхэ̀ йӧрӧ̄лыйн гхургàр ни гхáйхан
зӯн наймàн зулà ни гхáйхан
зургā̄н йӧрӧ̄лыйн унъшилгà ни гхáйхан
шинъгинэ̀н бáйхши сэльнѝн ни гхáйхан
шимэктэ̀й яндартàй дасàнъ ни гхáйхан
шā̄хин бáйхши сàнъ гхáйхан
сагàн сō̄хор нòм гхáйхан
урутӯ̀н бáйхши угхӯ̀н гхáйхан
унъшичжѝ бáйхши ламанàр гхáйхан
хурачжѝ бáйхши хурӯ̀л гхáйхан
хурулы́ин дундӯ̀ хуварагӯ̄т гхáйхан
зàндан модон-нàй набчигхӯ̀н гхáйхан
зая̄ту хӱ̈мӱ̈нэ̀й йӧрӧ̄ль гхáйхан

Переводъ.

Хороша святая вода золотой горы,
Хороши наставленія батюшки и матушки,
Хорошо серебро серебрянной горы,
Хорошо наставленіе вѣчныхъ йӧрӧ̄лей,
Хороши сто восемь лампадъ,
Хорошо произношеніе шести благихъ вѣщаній (= мани),
Хорошъ мягкозвучный цэльнинъ,
Хорошъ дацанъ съ украшеніями и фундаментомъ,
Хорошъ цанъ, заливающійся въ звукахъ
Хороша бѣлопестрая, священная книга,
Хороша проточная вода,
Хороши ламы, читающіе (священныя книги),
Хорошо собраніе (духовенства), совершающее службу,
Хороши духовныя лица среди собранія,
Хороши листья сандальнаго дерева,
Хороши предопредѣленія талантливаго человѣка.

Подобную пѣсню съ исчисленіемъ шестьнадцати различныхъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ народъ выражаетъ если не свои идеалы, то по крайней мѣрѣ свои задушевныя симпатіи,

мы видѣли уже въ сборникѣ ӧлётскихъ пѣсенъ; но тамъ большинство перечисляемыхъ предметовъ или всецѣло принадлежитъ жизни матеріальной, или же принадлежа само по себѣ къ области духа, способствуетъ устроенію матеріальнаго блага. У Бурятъ напротивъ все хорошее видится только въ буддизмѣ, въ матеріальной же обстановкѣ считается лучшимъ то, въ чемъ болѣе отражаются идеи буддизма, или что прямо имѣетъ отношеніе къ религіи и церкви, составляетъ принадлежность того или другаго, способствуетъ величію вѣры. Такой взглядъ на благо окружающей жизни и такое мѣрило для сужденія о достоинствахъ предметовъ мнѣ кажется болѣе всего свидѣтельствуетъ о той силѣ, которую имѣетъ буддизмъ во вліяніи на духовную жизнь и умосозерцаніе Бурятъ. Подобно Халхасамъ они хотятъ удалиться отъ всего матеріальнаго и развиваютъ въ себѣ презрѣніе къ матеріи, а отъ того подъ старость они дѣлаются апатичны къ жизни мирской вообще, видя въ ней препону для жизни духовной и достиженія высшихъ благъ за гробомъ.

талáйн ӱндӱр модон-дӯ
тарбачжѝ шубӯ суглана̀
тавāр гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

бӱглӯр ӱндӱр модон-дӯ
бӱргӱт шубӯ суглана̀
бӱгӱдэ̄рэ гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

хадáйн ӱндӱр модон-дӯ
хайлгана̀ шубӯ суглана̀
хамтāра гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

эргѝль булугы́йн эхин-дӯ
элѐ шубӯ суглана̀
элихэ̄рэ гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ
оршилáнъги хӱшитэ̀й

хӱбшíйн ӱндӱр модон-дӯ
хӱхӱй шубӯ суглана̀

хӯрӗлэ̄т гхӯйя̀ гэхӯ-дӯ̀
оршила̀ньги хӯшитэ̀й.

Переводъ.

На высокомъ, степномъ деревѣ
Собираются ястреба;
Въ намѣреніи жить дружно
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На пробковомъ, высокомъ деревѣ
Собираются орлы;
Въ намѣреніи жить всѣмъ вмѣстѣ
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На высокомъ деревѣ скалы
Собираются степныя чайки;
Въ намѣреніи жить совмѣстно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

При истокахъ бурливаго родника
Собираются коршуны;
Въ намѣреніи жить сердечно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

На горномъ высокомъ деревѣ
Собираются кукушки;
Въ намѣреніи жить кружкомъ
Дѣйствуетъ сила орчилана.

Впрочемъ такая апатія не можетъ быть отнесена какъ отличительное свойство духа ко всѣмъ Бурятамъ безусловно и бурятская молодежь представляла и представляетъ собою въ этомъ отношеніи почти совершенное исключеніе, — она всегда была полна самыхъ свѣжихъ духовныхъ силъ. Да и могло ли быть иначе? Идеи буддизма и его мрачные взгляды на окружающее уже по своему характеру должны быть далеки отъ всякаго молодаго, вольнаго, склоннаго къ жизни надеждами, пытливаго и стремящагося къ разгулу духа; сравнительная же малоразвитость и малотребовательность Бурятъ, при условіи избытка въ матеріальной обстановкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, способны были порождать въ ихъ молодыхъ людяхъ довольство, беззаботность и веселье. Эти чувства мы и дѣйствительно видимъ присущими бу-

рятской молодежи по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ весь бурятскій народъ началъ отдыхать отъ гнета и нужды подъ крыломъ Россіи. Мы видѣли уже какъ въ первое время послѣ подданства Русскимъ у Бурятъ начала проявляться склонность къ разбойническимъ набѣгамъ и съ какою жаждою они предавались ей; впослѣдствіи русскіе ограничили это разбойничество, но духъ военной отваги остался присущъ Бурятамъ еще на долгое время. Сохраненію его много способствовало то обстоятельство, что Русскіе, смиривъ разбойническую отвагу Бурятъ, обязали ихъ правильною военною службою. По сказаніямъ лѣтописи Ломбо Цэрэна *) еще въ 1764 г. бурятскіе роды, по предложенію русскаго правительства, выдѣлили изъ своей среды 2,400 семей, изъ которыхъ впослѣдствіи составилось четыре шестисотенныхъ полка и одинъ пятисотенный. Полки эти до 1811 г. составлялись исключительно изъ Бурятъ и не рѣдко состояли въ непосредственномъ завѣдываніи у однихъ только бурятскихъ ноиновъ. Такимъ образомъ ничто не препятствовало здѣсь воспитываться бурятскому мужеству и своеобразная, дикая бурятская отвага, если и не находила при всѣхъ этихъ условіяхъ и во все это время средствъ высказываться въ борьбѣ съ дѣйствительными врагами, то поддерживалась военными упражненіями, примѣрными сраженіями, оффиціальными смотрами и пр. Пѣсенъ, характеризующихъ духъ бурятской молодежи въ тотъ періодъ, сохранилось теперь не много; впрочемъ одну изъ таковыхъ мнѣ удалось записать среди селенгинскихъ бурятскихъ родовъ.

шабартàй-ду удусэ̀н
шарà цо̄хор морѝн лà
шимтӯльчжи ӱргӱсэ̀н
э̄чжѝ а̄ба хоѝр лà
ӱлӱнътэ̀й дӱ ӱдӱсэ̀н
ӱндӱ̀р хӱхэ̀ морѝн лà
шимтӯльчжи ӱргӱсэ̀н
э̄чжѝ а̄ба хоѝр лà

*) Ломбо Цэрэну цзохіяхсан буріят цзон'у тэухэ. Л. 8-й.

шара̀ голы́ин эхѝн-дӯ
шашина̀й сӯмэ̀ ботхайя̀
шабинары́йга̄н дагачжѝ
шашѝн ном да̄н хурайя̀
цэ̄рдэ мана̀й таргу̀н
цээбэ̀ мана̀й хурца̀
хула̀ мана̀й хурду̀н
хуѝк мана̀й шинэхэ̀н
цэ̄ун на́йман цээбэ̀ дӯ
цэ̄ургà̀н со̄тнѝк тэрӯ̄тэй
цэ̄ургà̀н по̄л цэрѝк тӯ
атама̀н ноин тэрӯ̄тэй.

Переводъ.

Вскормленная во влажныхъ мѣстахъ
Желто-пѣгая лошадь;
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Матушка да батюшка.
Вскормленная въ поемныхъ лугахъ
Высокая, синяя лошадь,
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Батюшка да матушка.
При истокахъ желтой рѣки
Воздвигнемъ мы храмъ вѣры,
Послѣдуя за шабинарами
Соберемся у вѣры и священнаго ученія.
Жирны наши рыжія (лошади),
Остры наши оружія,
Быстры наши саврасыя (лошади),
Новеньки наши панцыри.
Надъ сто восемью оружіями
Имѣется во главѣ шесть сотниковъ,
Надъ шестью полками солдатъ
Имѣется во главѣ начальникъ — атаманъ.

Выше мы уже видѣли памятники народной поэзіи, которые свидѣтельствовали намъ, что въ первое время существованія

Бурятъ подъ властію Россіи и въ періодъ набѣговъ ихъ на Монголо-Халхасовъ, отличительною чертою бурятскихъ воиновъ были чувства самоотверженной преданности родному крову, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывались въ ихъ душѣ дерзкое удальство и геройская твердость духа; въ разсматриваемый періодъ образованія бурятскаго иррегулярнаго войска, духъ молодыхъ Бурятъ несомнѣнно оставался тѣмъ же бодрымъ, буйнымъ и полнымъ порывистой отваги, что такъ ярко проглядываетъ въ сильныхъ, отрывистыхъ фразахъ представленной пѣсни этого времени: «жиренъ нашъ рыжка, остро наше оружіе, новы наши панцыри». Впослѣдствіи самостоятельность отдѣльныхъ бурятскихъ полковъ была, какъ извѣстно, уничтожена и Буряты включены были въ общій строй забайкальскаго казачьяго войска. Эта реформа, подчинивъ свободную дѣятельность бурятскаго воина опредѣленнымъ военнымъ законамъ и правиламъ строевыхъ военныхъ дѣйствій, должна была сильно парализировать духъ самовольной отваги и боевой смѣтливости у Бурятъ, такимъ образомъ она какъ бы пригнетала силы и благородныя проявленія бурятскаго духа; но взамѣнъ сего она пріучала Бурятъ къ порядку и что самое важное, сближала ихъ съ Русскими. Какъ и вообще вся дѣятельность Русскихъ по отношенію къ Бурятамъ, реформа эта преслѣдовала одну цѣль облагороженія бурятскихъ понятій, сообщенія Бурятамъ высшихъ нравственныхъ принциповъ и гуманныхъ началъ для дѣятельности, а также и ознакомленія ихъ съ болѣе благородными формами, въ которыхъ эта дѣятельность должна проявляться. Каковы результаты этого, обнаруживавшагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ стремленія Русскихъ — возвысить нравственный уровень Бурятъ, успѣли ли они дѣйствительно внушить бурятской массѣ чувства любви и уваженія къ ближнему, а равно и облагородить ея взгляды на жизнь человѣка вообще — это вопросы, на которые можно находить самые разнорѣчивые отвѣты. Одни говорятъ, что, подъ вліяніемъ Русскихъ, Буряты постоянно и даже быстро идутъ по пути къ нравственному совершенству, а въ отдѣльныхъ фактахъ

основанія Бурятами школъ, устройства больницъ и богадѣленъ, сочувственнаго отношенія къ разнаго рода благимъ начинаніямъ правительства, видятъ подтвержденіе своего мнѣнія о духовномъ развитіи Бурятъ *); другіе не только значительно ограничиваютъ этотъ прогрессъ, но даже почти вовсе отрицаютъ его. Щаповъ, напр., описывая Бурятъ, говоритъ, «любовь къ ближнимъ, взаимная помощь, честность и справедливость ограничивается у Бурятъ предѣлами своей одноулусной семейно-родовой общины и не простирается на другихъ». Так. обр. онъ почти категорически отрицаетъ всякое усовершенствованіе бурятскихъ нравовъ и, выставляя крайнюю эгоистичность поступковъ, не развитость и необлагороженность понятій членовъ бурятской общины, полагаетъ причиною сего единственно недостаточность образовательнаго вліянія Русскихъ **). Нельзя конечно отчасти и не согласиться съ этимъ заявленіемъ, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не сказать, что образовательныя мѣры, предпринимаемыя русскимъ правительствомъ, хотя и въ незначительной степени всетаки достигали свою цѣль. Да и возможно ли быть иначе? Измѣнить строй народной жизни, уничтожить въ народѣ его убѣжденія и привить ему новыя, — дѣло не легкое; оно можетъ быть совершено только вѣками и главное, тогда только и бываетъ вполнѣ успѣшно и прочно, когда совершается послѣдовательно, естественно и безъ насилій. Что касается двухъ противуположныхъ высказанныхъ мнѣній, то они, по моему, оба представляютъ собою крайности. Мнѣ кажется, что до настоящаго времени образовательное вліяніе Россіи ограничивалось почти одною только внѣшностію и по отношенію къ массѣ больше всего сказывалось на молодежи, так. обр. напр. оно сказывается въ усвоеніи Бурятами русскаго комфорта, внесеніи въ домашнюю обстановку русской изящной мебели и приборовъ, употребленіи блюдъ и кушанья по способу русскаго приготовленія и пр. Это — внѣшность; но кто

*) Журн. М. Н. Просв. 1842 г. Отчетъ Министра Н. Просв. Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III, стр. 30.

**) Изв. Сиб. Отд. 1875 г. Т. V, №№ 3 – 4.

же не скажетъ, что вмѣстѣ съ принятіемъ нашей внѣшности, къ Бурятамъ естественно прививаются наши понятія, обычаи, мысли, душевныя наклонности и пр. Изящная обстановка незамѣтно измѣняетъ вкусъ, смягчаетъ и облагораживаетъ нравы. Въ литературѣ это вліяніе Россіи на Бурятъ лучше всего проглядываетъ въ народныхъ пѣсняхъ: своихъ красавицъ Буряты уже не облекаютъ теперь въ овчинные тулупы, а непремѣнно или въ кумачь или въ канифасъ, а то и въ шелкъ; вмѣсто деревянныхъ чашекъ являются стаканы, вмѣсто водки угощеніе состоитъ изъ конфектъ, пряниковъ и пр.

ӱндӱр улāн-ни угхулухӯ
ӱлзэйтӱйн булугíйн тунъгалāк
ӱйѣингэ нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
ӱзӱм сāхарыíйн амтатāй

монъсогòр улāн-ни угхулухӯ
монзонгыíйн булугыíйн тунъгалāк
мӯлартāй нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
москвагыíйн хампи́тка амтатāй

хатаршӣ улāн-ни угхулухӯ
харгӣ булугыíйн тунъгалāк
ханилагхāн нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
хазāнíйн хампи́тка амтатāй

бāхан улāн-ни угхулухӯ
байцáйн булугыíйн тунъгалāк
багáингā нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
байшингыíйн хампи́тка амтатāй

эмнэ̀к улāн-ни угхулухӯ
эндэхӣ булугыíйн тунъгалāк
эчжильдӱгхэ̀н нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
эркӱгыíйн хампи́тка амтатāй

шибшигэ̀р улāн-ни угхулухӯ
ширэнъгитӱ булугыíйн тунъгалāк
гхэтхильтэ̀й нӱхӱт-тӱ бэлэ́глэхӱ
шитыíин хампи́тка амтатāй

Переводъ.

Чтобъ напоить высокаго краснаго (коня)
Чиста (вода) ключа Улзэйту,
Чтобъ угостить своихъ сверстниковъ друзей
Сладокъ изюмъ да сахаръ.

Чтобъ напоить круглаго (жирнаго) краснаго (коня)
Чиста (вода) Монзонскаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ недовольнымъ друзьямъ
Сладка московская конфетка.

Чтобъ напоить рысистаго краснаго (коня)
Чиста (вода) мелкаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ подружившимся пріятелямъ
Сладка казанская конфетка.

Чтобъ напоить маленькаго краснаго (коня)
Чиста (вода) утеснаго ключа,
Чтобъ подарить друзей своего дѣтства
Сладка городская конфетка.

Чтобъ напоить краснаго неука
Чиста (вода) здѣшняго ключа,
Чтобъ подарить свыкшихся друзей
Сладка иркутская конфетка.

Напоить стройнаго, краснаго (коня)
Чиста (вода) поросшаго кустарникомъ ключа,
Подарить своихъ сердечныхъ друзей
Сладка читинская конфетка.

У Халхаскихъ Монголовъ и Ölötовъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: тамъ все угощеніе ограничивается виномъ, степень богатства пира опредѣляется количествомъ и качествомъ выпитаго на немъ вина, дружба, расположеніе и вниманіе доказывается единственно поднесеніемъ чарокъ. Бурятская молодежь какъ видно, сравнительно мало заглядывается на водку, и, соображая выставляемую въ пѣснѣ же причину сего, мы можемъ сказать, что честь поднятія уровня нравовъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ исключительно Русскимъ, ибо они внесли въ жизнь

Бурятъ тотъ продуктъ, который теперь замѣнилъ у нихъ одуряющій человѣка напитокъ. Съ изгнаніемъ водки измѣнились и понятія о поведеніи гостей. На пирушкахъ Бурятъ являются играющими главную роль тѣ, которые поразвязнѣе, поживѣе, больше вертѣлись въ русскомъ обществѣ, больше видали. Писаря, переводчики, учители бурятскихъ народныхъ школъ — вотъ цвѣтъ и душа бурятскаго общества, безъ нихъ скучна всякая бесѣда, всякая пирушка.

гурбӯн сāрик яярана̀
гунàн борò ӱгэ̀й-б-дà
гунгалцзачжѝ харакдана̀
голобагà̀й бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
дӱрбӯн сāрик яярана̀
дӧнӧ̄н борò ӱгэ̀й-б-дà
дӱрмӱлцзэчжѝ харакдана̀
дӱ̄мэйн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
шинэхэ̀н сāрик яярана̀
шибшигэ̀р борò ӱгэ̀й-б-дà
шилгэ́лцзэчжѝ харакдана̀
ширэ̄тӱйн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
хацзāр ноктò яярана̀
хатаршӣ борò ӱгэ̀й-б-дà
хайба́лцзачжѝ харакдана̀
хамбо́йн бишэ̄ши ӱгэ̀й-б-дà
гхэргэ̀й борò тоголо́нъхан-дà
гхэрбэ̄р дольчжѝт ямбата́йхан-дà
гунàн борò тоголо́нъхан-дà
гуйбӯр дольчжѝт ямбата́йхан-дà
хадà дэ̄гӯр хэбтэхэ̄р
хадāлà̀йн шигò̀й я̄ху-б-та
добō̄ дэ̄гӯр хэбтэхэ̄р
дӱгнӯйн шигò̀й я̄ху-б-та?!

Переводъ.

Блестятъ три кольца (къ которымъ привязываютъ лошадей),
Вѣрно нѣтъ трехлѣтняго сѣрка;

Кажется (все) пригрустнулось,
Вѣрно нѣтъ писаря головы.

Блестятъ четыре кольца,
Вѣрно нѣтъ четырехлѣтняго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переминаясь,
Вѣрно нѣтъ думскаго писаря.

Блеститъ новое кольцо,
Вѣрно нѣтъ стройнаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переминаясь,
Вѣрно нѣтъ писаря ширетуя.

Блестятъ узда и оброть,
Вѣрно нѣтъ рысистаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переглядываясь,
Вѣрно нѣтъ писаря ханбо.

Охромѣлъ чуткій сѣрко,
Въ чести рѣзвая Дольчжитъ;
Охромѣлъ трехлѣтній сѣрко,
Въ чести податливая Дольчжитъ.

Чѣмъ лежать на скалѣ,
За чѣмъ же Хадаласкіе кусты?
Чѣмъ лежать на пригоркѣ,
За чѣмъ же Тугнуйскіе кусты?

Такъ незамѣтно для самаго народа измѣняются его привычки и вкусы. Молоденькимъ буряткамъ нравится уже теперь въ молодомъ человѣкѣ его изворотливость и развязность въ обществѣ, и отъ того бурятскому парню, чтобы быть, какъ говорятъ у насъ, похитителемъ женскихъ сердецъ, не достаточно только безстрашно ѣздить на нéукахъ, какъ то видимъ мы у Ölётовъ, ему нужно еще быть живымъ и находчивымъ въ бесѣдѣ, пѣть и аккомпанировать себѣ на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ. Въ другой пѣснѣ парни прельщаютъ дѣвушекъ ловкостью и нарядностью своихъ костюмовъ; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ способѣ нравиться для свѣтской молодежи являются еще соперниками ламы, всегда нарядно одѣтые и притомъ беззаботно и богато живущіе. Эти соперники опасны для парней тѣмъ больше, что не одна только нарядность и беззаботная жизнь нравится въ

ламахъ дѣвушкамъ: проповѣдники буддизма подчасъ и вообще то бываютъ ловки въ обращеніи ни чуть не меньше самаго лучшаго бурятскаго кавалера, въ кругу же молодежи они ведутъ себя совсѣмъ иначе чѣмъ со стариками. Проповѣдуя послѣднимъ о ничтожествѣ матеріальнаго міра и злѣ, происходящемъ отъ подавленія духа страстями, они въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ забываютъ эту проповѣдь и заводятъ съ ними любовныя шашни.

хӱхинэ̀к шурӯ кэ̄-дӱн-нѝ
хӱхӱ номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
хӱ̄хэн ба̄хан цэбчжѝт-тӱ
хӱрэ̄нэ̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

хахинà̀к шурӯ кэ̄-дӱн-ни
харà номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
харà улā̀н цэбчжѝт-тӱ
хаиртà̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

улā̀н шурӯ кэ̄-дӱн-ни
орò̀т номѝн ӱгэ́йлэкдэ̄т
урихà̀н цзанътà̀й цэбчжѝт-тӱ
оронà̀й унза̀т ӱгэ́йлэкдэ̄т

сагà̀н дунъхà̀н эрихэ̀-ни
гхальхѝн гхӱрō̄ сайбарла̄т
шиса̄наин хӱрэ̄нэ̀й унза́тхан
гхана̄ зӱрӱхэ̀н-дӱ̆ хада̄тай

улā̀н торгò̀н дэгэ̀л-ни
уйюда̀л-ду зохиста̀й
оронà̀й манѝ унза́тхан
уха̄н зӱрӱхэ̀н-дӱ̆ хада̄тай.

Переводъ.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ голубаго лазурика;
Цэбчжитѣ, маленькой дѣвочкѣ,
Не достаетъ монастырскаго уставщика.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ чернаго лазурика;

Смугленькой, розовенькой Цэбчжитѣ
Не достаетъ любезненькаго уставщика.
Краснымъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ русскаго лазурина;
Капризненькой Цэбчжитѣ
Не достаетъ здѣшняго уставщика.
Бѣлыя, раковинныя четки его
Блестятъ противъ вѣтра;
Уставщикъ чисановскаго курѣня (монастыря)
Врѣзался въ мысль и сердце.
Красная шелковая шуба его
Ловка на швахъ;
Унцзатикъ (нашей) мѣстности
Врѣзался въ умъ и сердце.

Обиліе у Бурятъ пѣсенъ подобнаго содержанія свидѣтельствуетъ о свободѣ отношеній бурятскихъ парней къ дѣвушкамъ, что впрочемъ сообщаютъ намъ и всѣ изслѣдовавшіе бытъ Бурятъ забайкальскаго края *). Въ пѣсняхъ эта сторона жизни открывается еще больше и еще яснѣе становится для насъ, что Буряты далеко не отличаются чистотою нравовъ: до брака дѣвушка любитъ многихъ, еще съ большимъ числомъ парней входитъ въ связь, но глубокая сердечная привязанность двухъ сердецъ встрѣчается очень рѣдко. По большей части все дѣло ограничивается одною животною любовью, которая, какъ и у Халхасовъ, кажется, не клеймится у Бурятъ особеннымъ презрѣніемъ: — дѣвушка, не стѣсняясь, радостно заявляетъ, что парень придетъ къ ней на ночлегъ.

ӱбшӯ сагàн халтархàн
ӱдэнѝ сэргэ̀-дӯ уя̄тàй
унтáин голобагàй чжикчжи́тхэн
ӱдэшидэ̀ манàй дӯ ирэхӯ-да

*) Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III. Буряты Нерч. края. Лангансъ — Объ иновѣрцахъ обитающихъ въ вост. Сибири; извлеченіе въ Сиб. Вѣстн. 1824 г. Т. II. Ст. «Буряты или Братскіе». Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г. Ч. XXIV, т. II.

хачжӯ сагàн халтархàн
хатхумáл сэргэ дӯ уятàй
хараганàйн голобагàй чжикчжúтхэн
харāнāр манàй-дӯ ирэхӯ-да

хошӯ сагàн халтархàн
хóйту сэргэ дӯ уятàй
хӯшинàй голобагàй чжикчжúтхэн
хоноктāн манàй дӯ ирэхӯ-да

урӯл сагàн халтархàн
уридӯ сэргэ дӯ уятàй
уридӯйн голобагàй чжикчжúтхэн
орóйда манàй-дӯ ирэхӯ-да

манънàл торгòн дэгэл-ни
манàнъ борōнду шихикдэнэ
мāчжи голобагàй чжикчжúтхэн
манàй дӯ ӱдэшӣ-дэн ирэхӯ-да

хӯшӣн торгòн дэгэл-ни
харà борōнду шихикдэнэ
хӯшинàй голобагàй чжикчжúтхэн
хоноктāн манàй-дӯ ирэхӯ-да

наптàр наптàр улāхан
нарàн дōгӯр талимарāт
намчжíйн дōчжинай долгорхан
намáйгā гэчжи гхӯнà-л-да

ӱндӯр ӱндӯр улāхан
ӯлэн дōгӯр талимарāт
ӱлэмчжúхэн долгóрхан
ӱзэсэй бӣ гэчжӣ гхӯнà-л-дà.

Переводъ.

Савраска съ бѣлою лысиною на груди
Привязанъ у столба близь двери,
Чжикчжитка унтайскаго головы
Придетъ къ намъ вечеркомъ.

Савраска съ бѣлыми лысинами по бокамъ
Привязанъ у вкопаннаго столба,
Чжикчжитка хараганаскаго головы
Придетъ къ намъ по сумеркамъ.

Савраска съ бѣлыми лысинами на мордѣ
Привязанъ у задняго столба,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Савраска съ бѣлыми губами
Привязанъ у передняго столба,
Чжикчжитка прежняго головы
Придетъ къ намъ поздно.

Его шуба изъ шелковой ткани
Промокнетъ на туманѣ и дождѣ,
Чжикчжитка головы Мачжи
Придетъ къ намъ вечеромъ.

Старая шелковая шуба его
Промокнетъ на сильномъ дождѣ,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Плавно выступаетъ ниже солнца
Спустившагося и краснаго,
Долгоръ Намцзаева Данчжинова
Сидитъ, раздумывая обо мнѣ.

Плавно выступаетъ ниже облака
Высокаго, высокаго и краснаго,
Прелестная Долгоръ
Сидитъ, желая повидѣться.

Такъ поджидаетъ своего дружка бурятская дѣвушка, который, пришедши въ домъ ея родныхъ, или прямо остается ночевать у нихъ по праву знакомства, или, если это невозможно, такъ досужая любовница припрячетъ его куда нибудь въ уголокъ, чтобы скрыть отъ посторонняго глаза, пока всѣ не погасятъ огни и не улягутся спать.

алтàн мӱнъгӱ̀н бисылы́к-ни
арбàн хуругунàй алѝн-дуни бà
аля̄ ба̄хан нӱхӱ̀р-ни
арбàн тагхулга́йн алѝн-дуни бà?

хоболтàй мӱнъгӱ̀н бисылы́к-ни
хоѝр хуругунàй алѝн-дуни бà

хоби̇-да̄н ханилагха̀н нӱхӱ̀р ни
хори̇н тагхулга̀йн али̇н-дуни ба̀?
сага̀н мӱнъгӱ̀н бисылы́к ни
гхалага̀й хуругуна̀й али̇н-дуни ба̀
гхаяха̀н ханилагха̀н нӱхӱ̀р-ни
са̄хан го̄рнисайн али̇н-дуни ба̀?
шинэхэ̀н мӱнъгӱ̀н бисылы́к-ни
шигэ̄зэй хуругуна̀й али̇н-дуни ба̀
гхэтхилы́йн гахса̀ амара̀к-ни
шинэхэ̀н го̄рнисайн али̇н-дуни ба̀?

Переводъ.

Золотой, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ десяти пальцевъ (пригоденъ);
Шалунъ, маленькій другъ ея,
Въ которой изъ десяти комнатъ (находится)?
Съ ободками серебряный перстенекъ ея
На который изъ двухъ пальцевъ (приходится);
По счастью своему слюбившійся другъ ея
Въ которой изъ бѣленькихъ горницъ (находится)?
Бѣленькій, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ лѣвыхъ (ея) пальцевъ (приходится);
Въ недавнее время слюбившійся другъ ея
Въ которой изъ дальнихъ горницъ (находится)?
Новенькій, серебряный перстенекъ ея
На какой изъ ея мизинцевъ (приходится);
Единственный, сердечный другъ ея
Въ которой изъ новыхъ горницъ (находится)?

При такомъ утѣшительномъ обиліи у Бурятъ пѣсенъ, рисующихъ ихъ бытъ и нравы, мы къ сожалѣнію въ содержаніи ихъ наталкиваемся и на такой грустный фактъ какъ снохачество, о которомъ почти не знаютъ ни въ Халхѣ, ни въ Чжунгаріи. Впрочемъ и сами Буряты признаютъ этотъ поступокъ въ высшей степени неестественнымъ и уродливымъ, относятся къ нему съ отвращеніемъ и ужасомъ, а потому окружаютъ его самою мрачною обстановкой.

талáйн чжибàр бэрхэ̀
тахатàй ла борò чжидэнэ̀
танилсагхàн нӱхӱрӗ̄ мартачжѝ
танхатàй арахíйн болобà-гӯ?

хӱндӱ̀йн чжибàр бэрхэ̀
хӱхшѝн хӱхӱ̀ чжидэнэ̀
хӗ̄рöхöй нӱхӱрӗ̄н мартачжѝ
хӱхӱртэ̀й арахíйн болобà-гӯ?

барӯн шигò̀й шāхинà
багхà гхальхѝн болхӯ̀-ни-гӯ?
басагàн шадабàл баиртàй
балӯ́йн шойдӯ̀р ирэхӯ̀-ни-гӯ

хӱндӱ̀йн модò̀н хӯ̄хинà
хӱйтӯ̀н гхалхѝн болхӯ̀-ни-гӯ?
хӯ̄хэн шадабàл баиртàй
хӱхшѝн шойдӯ̀р ирэхӯ̀-ни-гӯ

харà шигò̀й шāхинà
хакшӯ̄ хӱйтӯ̀н болхӯ̀-ни-гӯ
хаиртáйхàн шадабàл баиртàй
хадàм шойдӯ̀р ирэхӯ̀-ни-гӯ?

Переводъ.

Силенъ пронзительный вѣтръ въ степи
Гонитъ онъ и подкованнаго сѣрко;
(То что) позабыла она о своемъ слюбившемся другѣ
Сталось ли отъ кувшинной водочки?

Силенъ пронзительный вѣтръ пади,
Гонитъ онъ стараго, голубаго (коня);
(То, что) забыла она о своемъ болѣзномъ другѣ,
Сталось ли отъ налитой въ мѣху водочки?

Шумитъ западный кустарникъ,
Опять что ли будетъ вѣтеръ?
Дѣвочка Чидабалъ радуется,
Придетъ что ли Чойдуръ Балуевъ?

Шумятъ деревья въ пади,
Будетъ что ли холодный вѣтеръ?

Дѣвочка Чидабаръ радуется,
Придетъ что ли старикъ Чойдуръ?
Шумитъ черный кустарникъ,
Будетъ что ли безвѣтряный холодъ?
Любезная Чидабалъ радуется,
Придетъ что ли свекоръ Чойдуръ?

Я оканчиваю этимъ примѣры бытовыхъ пѣсенъ забайкальскихъ Бурятъ, хотя долженъ сказать, что не представилъ въ этомъ отношеніи и десятой части имѣющаго у меня подъ руками матеріала. Но подробный разборъ пѣсенъ могъ бы затянуть это изслѣдованіе весьма надолго, текстъ же вмѣстѣ съ транскрипціею и переводомъ всѣхъ собранныхъ мною пѣсенъ будетъ обнародованъ мною въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени, если мнѣ дозволятъ сдѣлать это средства. Въ настоящемъ случаѣ я могу сказать только то, что старался по преимуществу выбирать тѣ изъ записанныхъ мною пѣсенныхъ произведеній, которыя болѣе другихъ извѣстны въ народѣ и при томъ касаются тѣхъ сторонъ жизни народа, которыя онъ всего болѣе любитъ охранять въ тайнѣ. Я дѣлалъ это съ нарочитою цѣлью дать понять, что если даже объ этихъ сокровенныхъ предметахъ народъ слагаетъ свои пѣсни, то тѣмъ болѣе не будетъ онъ молчать тамъ, гдѣ уста его не сковываются законами приличія и долга, а сердце также глубоко чувствуетъ и потому естественно стремится обнаружить эти чувствованія во внѣ. Дѣйствительно, бытовыхъ пѣсенъ у Бурятъ весьма много и это въ свою очередь есть непреложное свидѣтельство того, что Буряты, не смотря на всѣ усилія ламъ привить къ нимъ отдаляющія духъ отъ мірской жизни идеи буддизма, всетаки влекутся къ этой жизни и беззавѣтно отдаются духомъ совершающимся въ ней событіямъ. Такимъ образомъ мы находимъ у Бурятъ всецѣло сохранившеюся ту жизненность, которая годъ отъ года убываетъ у Ölötовъ и почти совершенно изчезла у Халхасовъ. Буряты до настоящаго времени еще сохранили у себя и слагаютъ свой эпосъ и почти ни одно изъ выдающихся обстоятельствъ ихъ общественной жизни

не проходитъ безъ того, чтобы народъ не отозвался на него эпическою пѣснею. Правда, что чуждая волненій жизнь Бурятъ, даетъ весьма мало матеріала для твореній подобнаго рода, но фактъ существовенія у Бурятъ эпическихъ пѣсенъ современнаго намъ происхожденія служитъ при этомъ только болѣе разительныхъ доказательствомъ чуткости Бурятъ къ жизненнымъ событіямъ и способности ихъ вдохновляться всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыденной жизни. Вотъ примѣры бурятскихъ эпическихъ пѣсенъ, относящихся по происхожденію къ болѣе позднему времени.

дайбанъха̀н сага̀н дӱшнигы́йн
далайга̄ гатулху́йги ӱзэ̄-гӱ?
даланха̀н губэ̄рни эзэлэхши̇̀
эзэ̀н ха̄на̀ ӱзэ̄-гӱ?
анъга́ра голы́ин угху̀н-ни
ахтамха̀н тӱргэ̀н урутхалта̀й
аба̀й ха̄н-да̀ морилагха̀н
аха̀й нои̇̀н баирта̀й
худуры́йн сага̀н тала̀н-ни
хонъго̀р гха́йхан нуту̀к би
хо́йту ха̄н-да морилагха̀н
хорі́йн нои̇̀н баирта̀й
эркӱ̄ мӱчжі́йги ахалахші́йн
эши̇̀ зарлига̄р батулугдагха̀н
эринши̇̀н дорчжи̇̀ нои̇̀н-ни
эгэ̀ль албатуна́р-а дошхи̇̀н би̇̀
оло̀н гхӱрӱ̀к малӯда̄р
оморха̀н урши̇̀н гхӯхши
оро́йн нои̇̀н тайша̀ мани̇̀
укгхумха̀н шӱрӱ̄н занъта̀й би̇̀
аму̀р гхӯгха̀н албатуна́р-а
ачжи̇̀ байдала̄гханни хохидӯла̄т
абху̀ идэхӱ̀йн гхана̄ла̄р
айю̄ула̄т хӱно̄гӧт цзобога̀бай
хорі́йн нои̇̀н дампилы́йн
хура̄гха̀н мӱнъгӱнэ̀ хоридачжи̇̀

хомога̀й гхэтхилы́йн ташійя̄ла̄р
хорі́йн дӯмэйгэ̄н шата̄бай

хонъго̀р хэ̄рь морѝн-ни
гариха̄н эбдэ̄т дута̄бай
хоѝр тӱмэ̀н мӱнъгӱ̀йги
хойморла̄т ӱбӱрлӧ̄т дута̄бай

эзэ̀н ха̄най хӯлина̄гха
эдӱ̀й бурӯ ӱйлэдӱгхэ̀н-дэ̄н
эриншѝн дорчжѝ дампилы́йн
эрхэ̀ байдала̄гха хохидуба̀й-ла

ха̄н гӱ̀рун-ни хӯлина̄гха
хазага̀й бурӯ ябугха́н-да̄н
хаму̀к ямбуна̄гха хохида̄т
ха́таржинай хӱдӱльмӱрѝн-дӱ зарукдаба̀й-ла

энэ̀ мэтӱ̀йн ябудалы́йги
ӧдӧ̄ ӱйѣ̀йн залӯнар
эртэнэ̄гхэ гхэргэ́йлэчжи гхэрэ́мчжилэ̄т
эндӱ̄ ӱгэ̀й ябухтуй та.

Переводъ.

Видѣлъ ли (ты) переплывающимъ море
Плавно покачивающійся, бѣлый пароходъ?
Видѣлъ ли (ты) государя, повелителя,
Управляющаго семьюдесятью губерніями?

Вода рѣки Ангары
Имѣетъ бурливое, быстрое теченіе;
Отправившійся къ батюшкѣ царю
Радостенъ дядюшка нойонъ.

Кударинская, ровная степь —
Низменное, прекрасное кочевье;
Отправившійся къ сѣверному хану
Радостенъ хоринскій нойонъ.

Утвержденный опредѣленіемъ
Начальствующихъ Иркутскою губерніею,
Нойонъ Ринчинъ Дорчжи
Жестокъ къ простымъ подданнымъ.

Живущій грѣша, да гордясь
Своимъ многочисленнымъ скотомъ,

Верховный нойонъ, тайша нашъ
Рѣзокъ и суровъ по нраву.
Нанося убытки въ средствахъ къ жизни
Мирно жившимъ подданнымъ,
Онъ, съ цѣлью получить да взять,
Замучилъ стращая, да безпокоя.
Хоринскій нойонъ Дампиловъ,
Польстившись на собранныя деньги,
По страсти корыстолюбія,
Сжегъ свою хоринскую думу.
Свѣтлогнѣдая лошадь его
Убѣжала, разорвавъ свое кольцо (на уздѣ);
Двадцать тысячь серебромъ,
Положивъ въ подолъ и въ пазуху, убѣжалъ онъ.
Законами хана повелителя
Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ,
Въ силу совершенія этакихъ преступленій,
Былъ отрѣшенъ отъ власти и положенія.
Законами государя и государства (онъ)
За совершеніе несправедливыхъ преступленій,
Будучи лишенъ всѣхъ правъ,
Сосланъ былъ въ каторжныя работы.
Остерегаясь и боясь съ раннихъ поръ
Такого рода поступковъ,
Современные молодые люди
Дѣйствуйте справедливо.

Пѣсня эта по составленію относится къ 1849 г., обстоятельствомъ же, послужившимъ поводомъ къ ея составленію, было преступленіе хоринскаго тайши, подробности о жизни и дѣяніяхъ котораго мы находимъ въ лѣтописи Тугултуръ Тобоева. Лѣтопись эта разсказываетъ, что въ 1835 году, по смерти хоринскаго главнаго тайши Чжикчжита Дамба Дугарова, хоринское общество въ выборѣ главнаго тайши раздѣлилось на двѣ партіи: одна сторона выбрала въ главные тайши сына предшественника Дугарова въ должности тайши, — Галсанова, который назывался Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ; другая же

партія своего кандидата не представила, но и не соглашалась на выборъ первой. По всей вѣроятности отсутствіе другаго кандидата на должность и было причиною, по которой Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ былъ вскорѣ же утвержденъ главнымъ тайшею. Неудача въ выборѣ дѣйствительно обнаружилась почти съ перваго раза и въ первые годы. Суровое обращеніе съ народомъ, лихоимство и разнаго рода незаконные поборы такъ возбудили все общество противъ новаго тайши, что оно рѣшилось просить иркутскаго генералъ-губернатора произвести слѣдствіе объ его поступкахъ. Провѣдавъ объ этомъ, Ринчинъ Дампиловъ, какъ ловкій политикъ, уѣхалъ въ Петербургъ и, съ засвидѣтельствованіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, представился императору Николаю I, а въ 1842 г. здѣсь же въ Петербургѣ принялъ святое крещеніе, при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ отъ купели. Такимъ образомъ погасивъ возбужденное противъ него дѣло водою крещенія, Дампиловъ возвратился въ степи не только не наказаннымъ, но еще награжденнымъ (при крещеніи ему былъ пожалованъ чинъ эсаула) и началъ свою прежнюю дѣятельность въ отношеніи къ инородцамъ. Послѣдніе снова возбудили противъ него дѣло, но и по этому дѣлу Дампилову не пришлось понести наказанія, такъ какъ вскорѣ открылось участіе его въ болѣе тяжкомъ преступленіи *). Въ 1848 г., въ ночь на 26-е декабря, сгорѣла хоринская степная дума и подозрѣніе въ поджогѣ пало на тайшу Дампилова. Произведенное слѣдствіе доказало, что тайша Дампиловъ съ крещенными инородцами: Петромъ Мелентьевымъ, Николаемъ Олхоевымъ и Степаномъ Соболевымъ, похитивъ хранившіеся въ хоринской степной думѣ 11,636 р. 45¼ к. ясашнаго сбора и 233 р. 51¼ к. изъ суммъ отъ другихъ сборовъ, сожгли зданіе думы съ цѣлью скрыть слѣды своего преступленія; за симъ по рѣшенію иркутскаго суда Дампиловъ былъ сосланъ на работы въ Россію, а товарищи его въ Нерчинскіе заводы **).

*) Хори Буріядун туруйн тухэ. Л. 37.

**) Дѣло хоринской степной думы по описи № 9, стр. 293.

Еще къ болѣе позднему и ближайшему къ намъ времени по своему происхожденію относится слѣдующая эпическая пѣсня, которая составлена въ честь великаго князя Алексѣя Александровича. Путешествуя по Азіи, Его Высочество въ 1873 году проѣзжалъ чрезъ восточную Сибирь и останавливался въ Агинскомъ дацанѣ Хоринскихъ Бурятъ. Здѣсь при громадномъ стеченіи народа принималъ онъ выборныхъ отъ Хоринцевъ, осматривалъ бурятскіе храмы и ознакомился съ образомъ жизни и бытомъ инородцевъ. Событіе это Буряты воспѣли въ слѣдующихъ словахъ:

аруйн нӯрыйн хоймурӧр
алтан хонъхойн зангинана
албату-нар-ту заларāт ирэгхэн
абай хāнай тайчжи-ла

албатӯ зон-ни бидэ бэр
анāгīйн саган дасан-ду
алтан тугāр ухтучжи
амугуланги эричжи гхӯгӯтбэй

алус гэгэни ӱзэчжи
албатуйн гхэтхиль ханубай
алтан зарлиги хӯлѣчжи
нагхунай чжиргали олбой

хулугхутӯ нӯрыин хоймурӧр
хоринхан хонхойн занъгинана
хори-ду заларāт ирэгхэн
хуанъ-тайчжи эрдэни

хорīйн зон-ни бидэ бэр
хӯшинай саган дасанъ-ду
хонōт байчжи ухтучжи
хутулāр уширāт гхӯгӯтбэй

хубилган гэгэн ни ӱзэчжи
хуталайн гхэтхиль ханубай
хонъгорхан зарлиги хӯлѣчжи
хойтуйн чжиргали олбой

шилīйн нӯрыйн хоймурӧр
шинэхэн хонъхойн зангинана

сиби́ри-дӱ залара̄т ирэгхэ̀н
сэсэ̀н хуа̀нъ-та́йчжи-ла̄

сиби́рійн зо́н-ни бидэ̀ бэр
шѝль мӱрэн-нэ̀й хӧбӧ̄-дӱ
сэнгэлгэлэ̄р ухтучжѝ
гхӱгӱдӧ̄т ба́йчжи мӱргӱбэ̀й

шимэкту̀ гэгэ́нни ӱзэчжѝ
гхэтхѝль зӱрӱхэ̀н ханубà̀й
сэсэ́н зарли́ги хулѣ̄чжи
гхэльтэ́йн чжирга́ли олбо̀й.

Переводъ.

По сѣверной сторонѣ сѣвернаго озера
Звенитъ золотой колокольчикъ,
Пріѣхалъ къ своимъ подданнымъ
Принцъ батюшки царя.

Мы, его подданный народъ
Въ бѣломъ Анинскомъ дацанѣ,
Встрѣтили (его) съ золотымъ знаменемъ
И колѣнопреклоненно желали здравія.

Повидавши далекій ликъ,
Удовлетворилось желаніе подданныхъ,
Дождавшись золотаго слова,
Получили (мы) блаженство на весь вѣкъ.

По сѣверной сторонѣ поросшаго тростникомъ озера
Звенятъ двадцать колокольчиковъ,
Пріѣхалъ къ Хоринцамъ
Драгоцѣнный, царственный принцъ.

Мы, хоринскій народъ его,
Въ старинномъ бѣломъ дацанѣ
Переночевавъ, повстрѣчали (его),
И увидавшись, всѣ стали на колѣна.

Повидавши воплощенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе всѣхъ,
Дождавшись любезнаго слова
Получили (мы) блаженство на будущую жизнь.

По сѣверной сторонѣ стекловиднаго озера
Звенитъ новенькій колокольчикъ,
Пріѣхалъ въ Сибирь
Мудрый царственный принцъ.

Мы, его сибирскій народъ,
На берегу стекловидной рѣки
Повстрѣчали (его) съ ликованіемъ и
Стоя на колѣнахъ поклонились.

Повидавши изукрашенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе и сердце,
Дождавшись мудраго слова
Получили мы всеобщее блаженство.

Все что было говорено нами о Бурятахъ до сего времени относится почти исключительно до такъ называемыхъ Забайкальскихъ Бурятъ, составляющихъ какъ уже было сказано выше, только одну часть бурятскихъ родовъ; другая часть ихъ поколѣній и при томъ превышающая первую по своей численности, живетъ на сѣверной сторонѣ Байкала. Эти послѣдніе Буряты значительно разнятся отъ забайкальскихъ какъ по своему вѣроисповѣданію, такъ и по образу своей жизни, своимъ народнымъ обычаямъ и даже по языку, отличающемуся своею грубостію отъ нарѣчій всѣхъ прочихъ монголовъ. Утверждаютъ, что это нарѣчіе и было поводомъ, почему сѣверо-байкальскіе Буряты получили отъ своихъ соплеменниковъ прозваніе Баргу-Бурятовъ, т. е. грубыхъ, неотесанныхъ Бурятовъ*). Всѣ эти различія побудили меня говорить о Баргу-Бурятахъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что, познакомившись лично съ ихъ бытомъ только въ самой незначительной степени, я и не имѣю о нихъ такого яснаго представленія, какъ о Бурятахъ забайкальскихъ. Баргу-Буряты занимаютъ своими кочевьями пространство отъ впаденія рѣкъ Оки и Іи въ Нижнюю Ангару на западѣ, вплоть до оз. Байкала на востокѣ, а съ юга на сѣверъ тянутся отъ границъ Рос-

*) Землевѣд. Азіи. Риттера. Восточ. Сибирь. Перев. Семенова. Спб. 1879 года, стр. 141—142. — Asia polyglotta, v. S. Klaproth, 276—284.

сіи съ Монголіею почти до параллели города Киренска на Ленѣ и въ своихъ устныхъ преданіяхъ считаютъ свои роды аборигенами этой мѣстности. Преданій о происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ разсказывается въ народной массѣ весьма много, и хотя всѣ они довольно разнорѣчивы въ своихъ подробностяхъ, однако же всѣ сходствуютъ въ одномъ, именно въ первоначальномъ происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ отъ поколѣній Ойратъ-Бурятъ, обитавшихъ у Байкала еще во времена Чингисъ-хана*). Въ числѣ необнародованныхъ еще у насъ преданій по этому предмету мнѣ удалось узнать слѣдующія.

Однажды шаманка по имени Асуханъ, происходившая отъ племени Ойратъ-Бурятъ, въ то время уже поддавшагося Чингисъ-хану, шла по берегу Байкала и на берегу озера увидала быка, который мычалъ, извергая изо-рта пѣну. Предположивъ, что это божественный гость, предопредѣленный ей небомъ, она соединилась съ нимъ въ томъ же мѣстѣ и, сдѣлавшись немедленно беременною, родила двухъ сыновей: старшій назвался Бурядай, а младшій Хоридай. Бурядай, однажды, во время охоты взошедши на высокую гору, нашелъ сидящую на ивѣ дѣвушку и женился на ней. Отъ нея имѣлъ онъ двухъ сыновей, старшій назывался Икиридъ, а младшій Болгодъ. Икиридъ имѣлъ восемь сыновей и родъ, произшедшій отъ нихъ, составилъ поколѣнія многихъ баргу-бурятскихъ фамилій, живущихъ на сѣверной сторонѣ Байкала: Буряты верхоленскіе, балаганскіе, идинскіе, всѣ принадлежатъ къ роду Икирида. Потомки Болгода и Хоридая живутъ по обѣимъ сторонамъ Байкала, смѣшавшись съ бурятскими выходцами изъ Монголіи. Въ частности же Болгодъ имѣлъ у себя шесть сыновей, въ числѣ потомковъ которыхъ почитаются и Кударинскіе Буряты. Вотъ почему въ своихъ шаманскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ они часто поминаютъ быка и дерево иву, а при совершеніи кропленій молокомъ Кударинскіе Буряты поютъ:

---

*) Geschichte der Ost. Mongolen, S. 75.

буха̀ ноѝн аба̀
буда̀нъ хатӯ̀н ибѝ
ха̄н ӯлаин жодо̀-ду
залама̀ ноѝн

т. е. «государь батюшка — быкъ, государыня матушка — будан; на ивѣ царя горы залама князь».

Что касается Хоридая, то о немъ разсказываютъ, что ходя однажды по острову Ольхону, онъ увидалъ какъ слетѣли съ неба три лебедя и, на берегу озера превратившись въ дѣвицъ, стали купаться. Хоридай укралъ одежду одной изъ дѣвицъ, почему она искупавшись и не могла, по примѣру своихъ подругъ, снова превратиться въ лебедя и улетѣть на небо, а должна была остаться человѣкомъ и сдѣлаться женою Хоридая. Отъ нея Хоридай прижилъ одиннадцать сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками одиннадцати хоринскихъ родовъ. Так. образомъ Баргу-Буряты производятъ Хоринцевъ и говорятъ, что въ глубокую старину Хоринцы жили вмѣстѣ съ ними и не заходили на востокъ дальше Ольхона, что только потомъ они перешли въ Монголію, занявъ по началу мѣста нынѣшнихъ Урянхаевъ. Отсюда часть Хоринцевъ якобы снова перешла въ Россію, а другая часть, оставшаяся въ Монголіи, составила такъ называемыхъ Баргу-Монголовъ *). Когда Хоридай состарѣлся, продолжаетъ далѣе легенда, жена его попросила у него свое старое платье и, надѣвъ его, снова превратилась въ лебедя и улетѣла на небо. Приношеніемъ жертвъ своей прародительницѣ и объясняютъ Баргу-Бурятты происхожденіе обычая, записаннаго Спасскимъ какъ простое шаманское обыкновеніе плескать вверхъ чай и молоко, когда летитъ орелъ или лебедь **). Чудесная сторона этихъ легендъ, конечно измышленная, повторяется на различные манеры въ легендарныхъ сказаніяхъ почти всѣхъ народовъ во-

*) См. выше преданія Хоринцевъ и сказанія лѣтописи Тугултуръ Тобоева.

**) Сибирск. Вѣстн. 1822 г. Ч. I. «Буряты», стр. 67.

стока; таковы легенды о происхожденіи Маньчжуровъ *), Ölöтовъ **) и др., но реальная часть этой бурятской сказки носитъ въ себѣ весьма много правдоподобнаго относительно происхожденія и первоначальнаго мѣстожительства Бурятъ-Хори и до нѣкоторой степени подтверждается письменными сказаніями Юаньчао-ми-ши ***) и Рашидъ эддина ****). Что касается Баргу-Бурятовъ, о которыхъ начали мы свою рѣчь, то они, оставшись на своихъ мѣстахъ послѣ откочеванія отъ нихъ Хоринцевъ, кажется и до настоящаго времени не предпринимали ни какихъ перекочевокъ; это подтверждается для насъ съ одной стороны тѣмъ, что сами они не сохранили у себя ни какихъ преданій о перемѣнѣ когда либо своего мѣстожительства, а съ другой и еще болѣе тѣмъ, что они сообщаютъ множество легендъ о своихъ смѣнявшихся сосѣдяхъ: такимъ образомъ у нихъ уцѣлѣло въ памяти воспоминаніе о Киргизахъ (Хиргизъ-Хасакъ), какъ народѣ, жившемъ къ югу отъ береговъ Байкала, а равно разсказываются повѣсти о приходѣ Солоновъ, Солонгутовъ, Якутовъ, Сойотовъ, Самоѣдовъ. Саганъ (бѣлыхъ) Торгӯтовъ, Татаръ и другихъ народцевъ, живущихъ нынѣ по Ангарѣ, Енисею, Иртышу и Ленѣ.

Русскіе познакомились съ Баргу-Бурятами впервые, кажется, въ 1612 году, а въ 1628 году первые изъ нихъ, живущіе по Окѣ, были обложены ясакомъ. Впрочемъ Буряты сильно сопротивлялись этому подчиненію: уже въ 1629 г. они не хотѣли платить наложенной на нихъ дани, а въ 1635 г. перебили русскихъ казаковъ и разграбили Братскій острогъ, построенный въ 1631 г. съ нарочитою цѣлью, чтобы «Бурята въ послушаніе приведены были». Только тогда, когда съ построеніемъ остроговъ: Канскаго въ 1640 году, Верхоленскаго въ 1641, Удинскаго въ 1648, и Балаганскаго въ 1654, Русскіе окружили Бурятъ со всѣхъ сторонъ, они должны были подчиниться силѣ и

*) Труды членовъ Россійской духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. I, стр. 27, 195.
**) Эрдэнійн эрихэ. Л. 39.
***) Труды членовъ духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. IV, стр. 2.
****) Сборникъ лѣтописей Березина, стр. 86—87.

мало по малу прекратили свои возстанія и набѣги. Съ тѣхъ поръ они наслаждались полнѣйшимъ миромъ, не предпринимая ни какихъ походовъ сами и не испытывая ни чьихъ набѣговъ на свои кочевья. Снисходительность Русскихъ къ образу жизни, который ведутъ Буряты и терпимость ихъ вѣроисповѣданія были конечно главнѣйшими причинами, по которымъ они не были ни чѣмъ смущаемы и во внутренней своей жизни. Такимъ образомъ Баргу-Буряты остались и въ настоящее время почти тѣмъ же, чѣмъ были за два вѣка тому назадъ. Нѣкоторыя частности быта конечно измѣнились подъ вліяніемъ русскихъ административныхъ, юридическихъ и экономическихъ порядковъ, но общій строй домашней жизни, характеръ и понятія народа остались тѣже. Единственнымъ событіемъ, имѣвшимъ вліяніе на самыя основы народныхъ воззрѣній и жизни Баргу-Бурятъ, представляется пропаганда между ними буддизма забайкальскими ламами въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но эта миссіонерская дѣятельность буддійскихъ монаховъ была вскорѣ же остановлена Русскими и такимъ образомъ Буряты спаслись и отъ этого зла. Впрочемъ какъ ни кратковременно было пребываніе ламъ въ этомъ краѣ, имъ всетаки удалось посѣять сѣмена своего ученія и результатомъ этого было построеніе въ 1834 году Аларскаго дацана, въ числѣ прихожанъ котораго числится въ настоящее время до 8,000 Баргу-Бурятъ. Эти то прозелиты буддизма и представляютъ своими обычаями и воззрѣніями нѣкоторое исключеніе изъ общей народной массы. Правда, что удаленіе отъ Монголіи и незнакомство Баргу-Бурятъ съ монгольскою письменностію значительно задерживаетъ у нихъ успѣхи буддизма и конечно теперь онъ никогда уже не достигнетъ здѣсь до той силы, и не будетъ имѣть того вліянія на сердца людей, какія удалось пріобрѣсти ему въ забайкальи; но за всѣмъ тѣмъ Баргу-Буряты буддисты и Баргу-Буряты шаманы теперь представляются уже весьма отличными другъ отъ друга. Мы знаемъ напр. что въ прежнее время звѣроловство и охота составляли одно изъ важнѣйшихъ занятій Баргу-Бурятъ; нынѣ тѣ изъ нихъ,

которые приняли буддизмъ, уже почти совершенно оставили этотъ промыслъ и конечно главнѣйшею причиною этому было запрещеніе ихъ новой религіи убивать животныхъ. Исключительное занятіе скотоводствомъ естественно смягчило нравы Баргу-Бурятъ буддистовъ, пріучило ихъ къ большему постоянству, сдѣлало гражданственнѣе, научило уважать духовныя силы выше физическихъ, считать умственное развитіе выше тѣлесной ловкости и пр. Съ другой стороны хотя бы только въ средѣ ученой и болѣе развитой народной массы буддизмъ и непосредственно способствовалъ развитію болѣе облагороженныхъ и возвышенныхъ понятій обо всемъ, начиная съ ученія о Богѣ и служеніи ему и оканчивая нравственнымъ ученіемъ о значеніи человѣка и міра, а равно долженствующихъ быть отношеніяхъ къ нимъ. То что большинство Баргу-Бурятъ въ знакомствѣ съ буддизмомъ не пользуется книгою, а только устными наставленіями ламъ, пожалуй даже служитъ имъ ко благу, потому что они знакомятся главнѣйше съ самыми элементарными, жизненными сторонами буддизма, не касаясь развитія его въ высшихъ формахъ и почти не имѣютъ понятія о буддійскомъ подвижничествѣ, созерцаніяхъ, умерщвленіяхъ плоти и пр. Въ общемъ итогѣ нужно сказать, что Баргу-Буряты знакомятся съ теоріею догматическаго и нравственнаго ученія буддизма еще меньше чѣмъ Ölöты, оттого естественно, что понятія ихъ о предметахъ и истинахъ буддійскаго вѣроученія въ большинствѣ случаевъ не заходятъ дальше тѣхъ внѣшнихъ и пластическихъ формъ, въ которыя воплотилъ буддизмъ свои отвлеченныя идеи и истины. Понятно отсюда, что вся религіозная дѣятельность Баргу-Бурятъ ограничивается однимъ исполненіемъ обрядовъ, высшая преданность буддизму дышетъ у нихъ ханжествомъ, и всѣ религіозныя размышленія не приводятъ ни къ чему другому, какъ къ сантиментальности. Таковы черты характера, составившіяся у Баргу-Бурятъ подъ вліяніемъ буддизма, по естественнымъ же и воспитывающимся жизнью наклонностямъ духа, Баргу-Буряты кажутся ни чѣмъ не разнящимся отъ другихъ монгольскихъ племенъ: таже любовь

къ домашнему очагу, глубочайшая почтительность къ родителямъ и старшимъ, услужливость, радушіе и гостепріимство къ равнымъ себѣ и крайняя сострадательность въ отношеніи къ бѣднымъ членамъ своей общины, вотъ отличительныя и невольно вселяющія къ нимъ симпатію черты Баргу-Бурятъ. Замѣтимъ еще, что сравнительно слабое развитіе буддизма и удаленіе отъ монголовъ порождаетъ у нихъ гораздо больше связи съ Русскими, чѣмъ это находимъ мы въ забайкальи; отъ того эти Баргу-Буряты и казались русскимъ изслѣдователямъ ихъ быта менѣе скрытны и въ самомъ дѣлѣ они искреннѣе и сильнѣе преданны Россіи. Вотъ нѣсколько пѣсенъ Баргу-Бурятъ буддистовъ, свидѣтельствующихъ истинность сказаннаго.

I.

дāши ӱгэ̀й шарà зулà
далà̀й ламáйн гхӱмэ̀-дӱ
дабашѝ ӱгэ̀й буѝн хутӳ̀к
эсэгэ̀ бурхани урӯ̀н-дӱ

хайлашѝ ӱгэ̀й шарà зулà
хāни манà̀й гхӱмэ̀ дӱ
гханашѝ ӱгэ̀й буѝн хутӳ̀к
эсэгэ̀ бурханѝ урӯ̀н-ду

эргӯ́шѝ ӱгэ̀й шарà зулà
эжѝн хāни гхӱмэ̀-дӱ
ӱзэшѝ ӱгэ̀й буѝн хутӳ̀к
эжѝн бурханѝ урӯ̀н-дӱ.

Переводъ.

Непостижимая желтая лампада
Въ кумирнѣ Далай ламы,
Не нарушаемыя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не растопляемая желтая лампада
Въ храмѣ нашего царя,
Не вообразимыя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не возносимая желтая лампада
Въ храмѣ государя повелителя,
Невиданныя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца, — будды.

***

II.

арада̀ хӱрсэ̀ татахо̀
алта̀н хайлӯр номото̀й бѝ
алда̀н ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯ̄н шӧшхи
эбӱртэ̀ хӱрсэ̀ татахо̀
мӱнъгӯ̄н хайлӯр номото̀й бѝ
мэкдэ̀н ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯ̄н шӧшхи
хагхада̀ хӱрсэ̀ татахӧ̄
хатӯ̄ боло̀т гхумута̀й бѝ
харӧ̄ ӱгэ̀й харбохо̀
абиду́ин хӱбӯ̄н шӧшхи
ӯла́ин шинэ̄н зэн-тэ̀й бѝ
ӯдэни шинэ̄н гхумута̀й бѝ
ӱлишӣ ӱгэ̀й харбохо̀
абиду̀йн хӱбӯ̄н шӧшхи

Переводъ.

Натягивающій до заду (поясницы),
Имѣющій литой, золотой лукъ,
Стрѣляющій безъ промаха
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій до пазухи,
Имѣющій литой, серебряный лукъ,
Стрѣляющій не торопясь,
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій въ мѣру,
Имѣющій стрѣлу изъ закаленной стали,
Стрѣляющій такъ, что не разгибается (лукъ)
Шошхи, сынъ Абиды.

Имѣющій оконечность стрѣлы величиною съ гору,
Имѣющій стрѣлу величиною съ дверь,
Стрѣляющій несравненно
Шошхи, сынъ Абиды.

* * *

III.

хара̀ мӧнъхо̑ тэнгри̇̀ мана̀й
хайлалаши̇̀ ӱгэ̀й нара̀н гэрэлтэ̀й
хамо̀к гхӯхши зо́н мана̀й
дэ́йду бурха́нду мӱргӱлтэ̀й

хӧхо̑ мӧнъхо̑ тэнгри̇̀ мана̀й
хӱрэ́н нара̀н гэрэлтэ̀й
хӱтхӧ̄рӧ гхӯхши зо́н мана̀й
дэ́йдӱ бурха́нду мӱргӱлтэ̀й

тӱмӱ̀р хӧхо̑ тэнгри̇̀ мана̀й
тӧгӧро̑к нара̀н гэрэлтэ̀й
тӱдӱ̀й гхӯхши зо̀н мана̀й
дэ́йдӱ бурха́нду мӱргӱлтэ̀й.

Переводъ.

Наше темное, вѣчное небо
Освѣщается нерастопляемымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

Наше синее, вѣчное небо
Освѣщается темно-краснымъ солнцемъ,
Живущій массою народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

Наше желѣзно-синее небо
Освѣщается круглымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Покланяется высокому буддѣ.

* * *

IV.

октóргóй-и шимэглэхэ̀
одòн мэшѝн гэлэ̀й лэ́
олòн зó-йи томѝрахò
эжи́н сагàн хāн гэлэ̀й-лэ̀

гхаридà-йи гэгэ́йлэхэ̀
гхарà нарàн гэлэ̀й лэ̀
гхáйт зóйи томирахò
эжѝн сагàн хāн гэлэ̀йлэ̀

ӱргӱн дэлэхэ̀й-йи ӱнъгӱжӯлхэ
ӯлэн борṑн гэлэ̀й лэ̀
ӱдӱй зо-йи томирахò
эжѝн сагàн хāн гэлэ̀й лэ.

Переводъ.

Украшаютъ небо,
Говорятъ, звѣзды;
Управляетъ множествомъ народа,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Освѣщаетъ скалы, покрытыя лѣсомъ,
Говорятъ, солнце, да луна;
Управляетъ вельможами и народомъ,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Украшаетъ обширную вселенную,
Говорятъ, облака, да дождь;
Управляетъ эстолькимъ народомъ,
Говорятъ, повелитель бѣлый ханъ.

* *
*

V.

хадàйн манàй шулӯн гэ̄т
хамхарашѝ ӱгэ̀й бӧхӧ̌ бѝ
хāн бабáйн хӯли гэ̄т
сусаралтà ӱгэ̀й мӧнъхӧ̌ бѝ

ӯлаин манàй шулӯн гэ̄т
ӱмдэрэлтэ̀ ӱгэ́й бӧхӧ̄ бѝ
ӱбӱгэ̀т баба́ин хӯли гэ̄т
сусаралтà ӱгэ̀й мӧнъхӧ̄ бѝ
бо̄рійн манàй шулӯн гэ̄т
бутаралтà ӱгэ̀й бӧхӧ̄ бѝ
бурхàн баба́йн хӯли гэ̄т
бутаралтà угэ̀й мӧнъхӧ̄ бѝ.

Переводъ.

Говоритъ о камнѣ нашей скалы, —
Онъ не раздробимо крѣпокъ;
Говоритъ о законахъ царя батюшки, —
Они неизмѣнно вѣчны.
Говоритъ о камнѣ нашей горы, —
Онъ не разрушимо крѣпокъ;
Говоритъ о законахъ старцевъ батюшекъ, —
Они неизмѣнно вѣчны.
Говорить о камнѣ нашей подошвы горы, —
Онъ нераздробимо крѣпокъ;
Говорить о законахъ будды батюшки, —
Они не измѣнно вѣчны.

* *
*

VI.

мӧнъхӧ̄ сагàн тӧрӧ̄ манàй
мӧнъгӧ̄нгхӧ бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
эдӱ̄й ба́йгхан зӧн манàй
ӧрӧ̄ртӧй гха́йхан зугала̄гхай
ха̄н сагàн тӧрӧ̄ манàй
хатӯ болóтгха бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
хамàк ба́йхши зӧн манàй
амàр гха́йхан зугала̄гхай
энъхэ̀ сагàн тӧрӧ̄ манàй
тӱмӱ̄ргхэ бӧхӧ̄р бӱтэ̄гхэй
эдӱ̄й ба́йхши зӧн манàй
эбтэ̀й гха́йхан зугала̄гхай

Переводъ.

Да устроится крѣпче серебра
Вѣчное бѣлое наше правленіе;
Да будетъ веселиться въ довольствѣ и благословеніи
Этакое количество нашего народа.

Да устроится крѣпче твердой стали
Царское, бѣлое наше правленіе;
Да веселится покойно и хорошо
Весь нашъ народъ.

Да устроится крѣпче желѣза
Мирное, бѣлое наше правленіе;
Да веселится въ безмятежіи хорошенько
Этакое количество нашего народа.

* *
*

VII.

харà далáйн йорōри
харāгхай-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хāн бабáйн хӯли-йѝ
ойлгōгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хӧхӧ̄ далáйн йорōри
хӯрэ̄гхэй-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
хӯхшѝн бабáйн хӯли-йѝ
ойлгōгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
шарà далáйн йорōри
шагāгхай-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ
сагàн хāни хӯли-йѝ
ойлгōгхой-б гэжѝ гхананà-ль-бѝ.

Переводъ.

Я желалъ бы посмотрѣть
Дно чернаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы царя батюшки.
Я желалъ бы достигнуть
До дна синяго моря;

Я желалъ бы постигнуть
Законы старичковъ-батюшекъ.
Я желалъ бы пристально посмотрѣть
На дно желтаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы бѣлаго царя.

* *
*

VIII.

угхàн дундȳ харахȳ-ду
элэгхэ̀н шорòй илэрхэ̀й
улàт дундȳ харахȳ-ду
эрдэмтэ̀й хȳн илэрхэ̀й
харгй̀ дундȳ харахȳ-ду
хабтагà̀й шулȳн илэрхэ̀й
хамàк хȳн-дȳ харахȳ-ду
ноя̀н хȳн илэрхэ̀й
хулугхȳн дундȳ харахȳ-ду
хȳжй̀ шулȳн илэрхэ̀й
хȳтхȳн зо́н-ду харахȳ-ду
хȳрши хȳн илэрхэ̀й.

Переводъ.

Какъ посмотришь въ воду,
Ясны (для глаза) глина и песокъ;
Какъ посмотришь въ народъ,
Виднѣется мудрый человѣкъ.
Какъ посмотришь въ мелкій ключь,
Виднѣются выдающіеся камни;
Какъ посмотришь на весь народъ,
Виднѣется господинъ.
Какъ посмотришь въ тростникъ,
Видны плоскіе камни;
Какъ посмотришь въ народную массу,
Виденъ человѣкъ, умѣющій играть на музыкальныхъ инструментахъ.

* *
*

IX.

сагàн шубӯн ирэнэ̀ ль
шаля́кдунни гха́йхан бй̀
гха́йгхи манàй хӯбӯ̄т гэ̄т
зугà дэ́йрэ гха́йхан бй̀
ногогхòн шубӯн ирэнэ̀ ль
нӯр дэ́йрэ гха́йхан бй̀
ноягхй̀ манàй хӯбӯ̄т гэ̄т
на́ир дэ́йрэ урахàн бй̀
хӯхӯ̄ шубӯн ирэнэ̀ ль
хотхò дэ́йрэ гха́йхан бй̀
хӯхшй̀н баба́йн хӯбӯ̄т гэ̄т
бӯгӯдэ̀ дэ́йрэ зугала̄т.

Переводъ.

Прилетаетъ бѣлая птица, —
Хороша она на своемъ болотѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Хороши они на увеселеніяхъ.
Прилетаетъ утка, —
Хороша она на озерѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Ловки они на пирушкахъ.
Прилетаетъ кукушка, —
Хороша она на зелени;
Говорить объ юношахъ нашихъ старичковъ-господъ,
Веселятся они предъ всѣми (= въ обществѣ).

***

X.

бабàй манàй эргӯхэ̀ дэ
баярй̀ тола̀ эргӯнэ̀
тэрэ̀ гха́йхан баярй̀
ӧдӧ̄ ю̄га̄р харю̄лху-бдй̀
ибй̀ манàй эргӯхэ̀-дэ
ӧрӧ̄ри тола̀ эргӯнэ̀

тэрэ̀ гха́йхан ӧрӧ̄ри
ӧдӧ̄ ю̄гар харю̄лху бдѝ
аха̀ мана̀й эргӱ́хэ дэ
ахо́йн тола̀ эргӱ́нэ̀
тэрэ̀ гха́йхан эргӱ́лѝ
ӧдӧ̄ ю̄гар харю̄лху бдѝ.

Переводъ.

Когда возвышаетъ нашъ батюшка,
Возвышаетъ ради радости,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Эту прекрасную радость.
Когда возвышаетъ наша матушка,
Возвышаетъ ради благословенія,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Это прекрасное благословеніе.
Когда возвышаетъ нашъ старшій братъ,
Возвышаетъ ради существованія,
Теперь какимъ образомъ отплатимъ мы
Это прекрасное возвышеніе.

Пѣсни Баргу-Бурятъ шаманистовъ носятъ на себѣ совершенно особый характеръ, подобно тому какъ и сами эти Буряты разнятся отъ своихъ соплеменниковъ, принявшихъ буддизмъ. Всѣ ученые и путешественники, наблюдавшіе жизнь Бурятъ и оставившіе намъ описанія ихъ быта, единогласно заявляютъ, что тѣ изъ кочевыхъ бурятскихъ инородцевъ, которые исповѣдуютъ шаманство, гораздо менѣе буддистовъ развиты въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Щаповъ объяснилъ этотъ фактъ даже и физически, выставляя шаманство и его обряды какъ начало, растлѣвающее организмъ Бурятъ и убивающее ихъ умственныя способности *). Само собою разумѣется, что ученый бралъ въ основаніе своихъ заключеній главнымъ образомъ обрядовую сторону шаманства. Предоставляя однако естествоиспы-

*) Бурят. улус. родов. община. Изв. Спб. Отд. Географ. Общ. 1875 г. Т. V, №№ 3—4.

тателямъ указаніе вліяній шаманскихъ оргій на физическій составъ человѣка, мы скажемъ съ своей стороны, что шаманство какъ религія по самому своему составу никогда не могла имѣть никакого образовательнаго значенія для народа. Содержанія ея составляетъ смѣсь общечеловѣческихъ истинъ съ суевѣріями, которыми обыкновенно бываетъ полна жизнь народовъ, проходящихъ, такъ сказать, періодъ младенческаго состоянія. Изъ сказаній Плано Карпини*) и Рубруквиса**) мы можемъ выводить, что шаманство основною идеею имѣло идею единаго высочайшаго существа; но изъ замѣчаній Іоанна Мандевильскаго можно полагать, что понятіе это не было общенароднымъ. Дорчжи Банзаровъ пытался опровергнуть это послѣднее мнѣніе и представилъ намъ довольно подробный, систематическій очеркъ черной вѣры, но едва ли кто изъ знакомыхъ съ современнымъ шаманствомъ у Бурятъ будетъ сомнѣваться въ томъ, что религія эта является у нихъ въ настоящее время совершенно въ другой формѣ, чѣмъ представлена она у Банзарова, да притомъ и едва ли хоть одинъ изъ жрецовъ шаманства знаетъ свое вѣроученіе съ такою отчетливостію въ представленіяхъ, съ какою изложено оно въ монографіи нашего ученаго Бурята. Это предположеніе, что шаманство никогда не могло быть у Бурятъ отчетливо сознаваемымъ вѣроученіемъ, кажется намъ тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, что религія эта никогда не имѣла ни своего священнаго кодекса***), ни правильной іерархіи****): всякій жрецъ этой религіи могъ понимать ее иначе, составлять свои правила и толкованія на ея догматы, установлять и измѣнять по своему произволу обрядовые законы. Если въ основѣ шаманства дѣйствительно лежало высокое понятіе о высочайшемъ существѣ, которое признавалось творцемъ и правителемъ міра, вѣчнымъ, правосуднымъ,

---

*) Языковъ. — Собр. путеш. къ Татарамъ. Спб. 1825 г., стр. 83—89

**) Bergeron. — Voyages faits principalement en Asie. Haye. I. 1735. p. 27.

***) Описаніе всѣхъ обитающ. въ Рос. Госуд. народовъ. Спб. 1799. Ч. III, стр. 98.

****) Иркут. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 14.

источникомъ всякаго бытія и распорядителемъ міровыхъ судебъ, то это единое понятіе еще не возвышаетъ шаманство какъ религію. Дѣло въ томъ, что шаманисты почти не развили этого понятія въ своемъ вѣроученіи и совершенно не сдѣлали изъ него практическаго примѣненія къ нравственнымъ требованіямъ человѣка. Так. обр. въ религіозныхъ обрядахъ Бурятъ шаманистовъ въ настоящее время вмѣсто помянутаго высочайшаго существа, является цѣлый сонмъ духовъ добрыхъ и злыхъ, различествующихъ между собою по значенію, по виду, по силѣ, по мѣстонахожденію и пр. Эти то духи и суть главные предметы почитанія и вѣры, потому что имъ приписывается постоянное вліяніе на судьбу человѣка съ самаго начала его жизни и до гроба; высочайшее же существо остается въ сторонѣ, о немъ даже и не говорятъ шаманы. Всѣ религіозные обряды, какіе только существуютъ у шамановъ, совершаются для того, чтобы снискать благоволеніе добрыхъ духовъ или умилостивить злыхъ и все это для выгодъ только настоящей жизни. Въ молитвахъ шамановъ и шаманистовъ не видно, чтобы они заботились о своемъ духовномъ существѣ, совершали бы какіе либо очистительные обряды, просили бы чего либо относящагося до спасенія: всѣ молитвы ихъ ограничиваются просьбами о здоровьи, долголѣтіи, продолженіи потомства, обиліи скота и пр. Лучшимъ образцемъ такой молитвы представляется мнѣ молитва, записанная Шифнеромъ въ грамматикѣ Кастрена *):

хуруй, хуруй, хуруй-ла
хуруйлхада билэйлэ хутук кэшик хуруилба
дэлэжилэ байхула тэнъри ноянгха хуруилба
дэлгэжи байхула ўльгэнкэни дайдагха
барўлажи байхула йэрэн хāдгха
йэгхöнхэни саганла эбўгэтгхэ
буху ноян бāбаī бойногагха (?)
будан хани хатунла иби-ѣ умайгагха

*) Castren's. Versuch einer Burjätischen Sprachlehre. 1857, p. 238—239.

тӯни нāна билэй-гэ
хуруйлхада билэйлэ нэрэту кӯндулэ
уту нагхай хуруйлба
удāн жарган хуруйлба
тӧ зусāн аргхуйи хуруйлба
тӧмӧр бӯкӯ амі-йи хуруйлба
кэрэги кӯсэкӯй
кэтэ заāн орхойн хуруйлба
тахали тарāхуй
ӱлбэри эдэгэкиги хуруйлба
адӯтай баян болхойи хуруйлба
ашитай ӱнӯр болхойн хуруйлба.
иль хуруй!

Переводъ.

Собирайся, собирайся, собирайся-же
Призывая къ собранію, мы приглашаемъ собраться счастіе и милость!
Призываемъ отъ господина неба, распростершагося,
Отъ пространства — земли, широко раскинувшейся,
Отъ находящихся на западной сторонѣ девяноста царей,
Отъ (существующихъ въ количествѣ) только девяти бѣлыхъ старцевъ,
Отъ (?) отца нашего Буху нояна,
Отъ утробы матери нашей царицы Буданъ-ханъ,
При семъ присутствовалъ (здѣсь поминается имя призываемаго духа),
При призываніи былъ (такой то духъ) по имени помѣхою;
Призываемъ — долгую жизнь,
Призываемъ — долгое благоденствіе,
Призываемъ — кожу толщиною въ четверть,
Призываемъ — жизнь, крѣпкую какъ желѣзо,
Призываемъ — дѣйствительность жертвоприношенія,
Вступленіе въ счастливую судьбу,
Призываемъ — прогнаніе заразы,
Исцѣленіе болѣзни,
Призываемъ — богатство стадами,
Призываемъ — многочисленное потомство.
Скорѣе соберись!

Представленный образецъ имѣетъ однако еще форму молитвы безъ сомнѣнія потому, что «кэрэкъ», на которомъ она была произносима, принадлежитъ къ числу общихъ молебствій, совершаемыхъ одинаково всѣми и безъ всякой особенно побудительной причины; но шаманисты заставляютъ еще своихъ шамановъ совершать у себя случайныя жертвоприношенія и, по свидѣтельству Банзарова, количество совершенія ихъ даже превышаетъ количество отправленія жертвоприношеній постоянныхъ *). Поводомъ къ этимъ частнымъ жертвоприношеніямъ можетъ послужить все: начало какого нибудь предпріятія, болѣзнь кого либо изъ членовъ семьи, падежъ скота, упадокъ благосостоянія и проч. **). Отсутствіе служебниковъ и незнакомство съ письменностью вообще породило то, что шаманы не имѣютъ у себя опредѣленныхъ молитвъ; а необходимость имѣть молитву въ свою очередь служитъ причиною того, что шаманы составляютъ на каждое жертвоприношеніе свою молитву уже при самомъ совершеніи обряда. Такъ какъ всякая такая молитва излагается непремѣнно въ стихотворной формѣ, то едва ли можно противорѣчить тому, что главнѣйшее мѣсто въ общей массѣ стихотворныхъ произведеній Баргу-Бурятъ должно принадлежать именно этимъ молитвамъ. Говорить о содержаніи этихъ произведеній весьма трудно и именно въ силу его разнообразія; необходимо сказать только одно, что шаманы не стѣсняются предметомъ рѣчи въ своихъ молитвенныхъ причитаніяхъ и, слушая молитву шамана, невольно приходишь къ заключенію, что человѣкъ просто говоритъ то, что взбрѣло ему на умъ: на ряду съ призываніемъ и восхваленіемъ божествъ, онъ вводитъ подробный разсказъ о томъ частномъ событіи, которое послужило поводомъ для совершенія жертвоприношенія, а иногда присоединяетъ къ тому еще и упоминаніе обо всемъ, начиная съ картинныхъ видовъ окружающей природы, до частныхъ случаевъ изъ мелкой домашней

*) Ученыя записки Казан. Универ. 1846 г. Кн. III, стр. 113.
**) Иркут. Губ. Вѣд. 1858 г. № 14.

жизни. Вотъ для примѣра пѣснь бурятскаго шамана при совершеніи имъ обряда «Сага табяху».

арю̄ханай арю̄хан, арю̄н сэбэ̀р гэхэдэ̀, ама̀н до̄ро̄р шорого̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

ӱнӱрхэнэ̀й ӱнӱрхэ̀н, ӱнӱ̀р гха́йхан гэхэдэ̀, ӱрӱгӱ̀н до̄ро̄р шорого̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

арба̀н тайгы́йн модонгхо̀, арса́ин ӱнӱ̀р гханънаба̀, йӧро̄̀н тайгы́йн модонгхо̀ його̀гой ӱнӱ̀р гханънаба̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

булиха̀й бэйѣ̀ хӧнгӧдо̄̀, унтӯлхайя̀ болёбо̀, урӯл ама̀н хӧнгӧдо̀, утха̀ зая̄н дурдӯла; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

хэлэмгэ̀й бэйѣ̀ хӧнгӧдо̄̀, хэбтӯ̄лхэйѣ̀ болёбо̀, хэлэ̄н ама̀н йӧро̄̄ло̄р, хэлэгэ̀ зая̄н дурдӯла; айя̀ минѝ айя̀ да̀!

гхана̀ гэхэ̀й-ш гхана̄ бѝ, гха́йхан зая̄н дурда̄ бѝ; хэлэ̀ гэхэ̀й-ш хэлэ̄ бѝ, хэлэгэ̀ зая̄ дурда̄ бѝ; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

хэлэнэ̀й торго̄р хэлэ̄ ӱгэ̀й-б, хэлэгэ́йн йӧгхо̄р хэлэ̄-бѝ; урӯлай торго̄р хэлэ̄ угэ̀й-б утха́йн йогхо̄р хэлэ̄-бѝ; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

аля̄дагха̀н да́йда-ла̀, арю̄н таля̄н-тараса̀; алхулагха̀н да́йда-ла̀ тайлага́тай ӱнӱ̀р-тэ̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

мӱльхӱлэгхэ̀н да́йда-ла̀ мӱнъгӱ̀н таля̄н-тараса̀; мӱнхӱрӱгхэ̀н да́йда-ла̀ тайлага́тай ӱнӱ̀р-тэ̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

тарасая̄ тологòй-до, таба̀н галӯн боложѝ гӱнгӱ̀нӱжи гхӯхыйѝн, хэнэ̀й нӯри хараба̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

арадая̄ тологòй-до арба̀н галӯн боложѝ гӱнгӱ̀нӱжи гхӯхыйѝн хэнэ̀й нӯри хараба̀; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

ӧндӧро̄̄рӧ гӱйдэлтэ̀й сага̀н сэнхэ̀н морин-до̀ мори́ндони гарта̄гха, дӱрбэ̀н хара̀ турӯга̄ мултаражѝ уна̄гхай дӱшѝн сага̀н гхобойо̄ айралдажѝ уна̄гхай; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

ӱлӱнъгэ̄рэ гӱйдэлтэ̀й, шугху̀н зэ̄рдэ морин-до̀ мори́н-дони гарта̄гха, дӱрбэ̀н хара̀ турӯга̄ мултаражѝ уна̄гхай дӱшѝн сага̀н гхобойо̄ айралдажѝ уна̄гхай; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

буя̄гайни буйишхѝ, буйишхин торгон шобхоног шамай гэжѝ дурда̄ би; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

алāгайни йэхэдэ̀, абāхай шаргāр дӯлэлэ̀й; хӧлӧхӧйѣ̄ йэхэдэ̀, хошхѝ шаргāр дӯлэлэ̀й; айя̀ минѝ, айя̀ да! 15

зáйдан шаргāр дӯлэлэ̀й, забӯд*) бдӧ дӯлэлэ̀й, забуданѝн арахи, шāлàн хāрàн шāлай-лà оштоборон ӯлай-лà; айя̀ минѝ, айя̀ да! 16

батӯ шаргāр дӯлэлэ̀й, бӯхӯлѝ хабàк эргӯлэй, бӯхӯлѝ хабагàйн арахѝ-йи, бутӯлхэрэ̄н шāлай-лà, бутӯлхэтэ̀й архи-дà, бӯдӯн бэрхэ̀ шобхонòг шамàй гэжѝ дурданàм; айя̀ минѝ, айя̀ да! 17

склāнкатàй архин-дà шадамàр бэрхэ̀ шобхондгъ шамàй гэжѝ дурданàм; айя̀ минѝ, айя̀ да! 18

ӯхайя̀ ядха-дà, охторгòйдо гаралàй-б, одòн мэшѝн бололòй-б, олòн зóндо гайхӯлā-б гайхӯлагхàн хōрондò, газардажѝ уналàй-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 19

шӧнӧгхо̄н-дӧни уналàй-б, шулугхӯй татàн уналàй-б; хугхӯндуни уналàй-б, хорохòй татàн уналàй-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 20

харà далàй гугшалгàн, хадарāн загагхàн идэлгэ̀н; угхàн далàй гугшалгàн, ӧмоли загагхàн идэлгэ̀н; айя̀ минѝ, айя̀ да! 21

хадарáна дуран-дà, хара далàй гугшалàй-б; харàб захáйн халяжѝ; харà йэхэ̀ гхальхин-дà хагàгдажи хӧмӧрло̄й-б; āйя̀ минѝ, айя̀ да! 22

харà йэхэ̀ далāяр, хӧнжо̄л хижѝ хӧмӧрло̄й-б, хабтагáйн шулӯгāр дэрэ̀ хижѝ хӧмӧрло̄й-б айя̀ минѝ, айя̀ да! 23

ӧмӧлӧ-йо̄ дуран-дà угхàн далàй гугшалàй-б; охторгóйн гхальхиндà оройдожѝ уналàй-б. айя̀ минѝ, айя̀ да! 24

угхàн йэхэ̀ далāяр хӧнжо̄л хижѝ хӧмӧрло̄й-б; улāн йэхэ̀ шулӯгāр дэрэ̀ хижѝ хӧмӧрло̄й-б айя̀ минѝ айя̀ да! 25

харà йэхэ̀ далāя хашалàг дундӯ хӧмӧрло̄й-б, ханъгáйн йэхэ̀ ӯлāя хоромòй дундӯ хӧмӧрло̄й-б; айя̀ минѝ, айя̀ да! 26

арӯйн нáйман шандагхàй, атхулахы́ ин āха бíй; арàй багà бэйѣ̄йн уятхахы́ йн яха бíй; айя̀ минѝ айя̀ да! 27

эбэрэ̀й дӯрбэ̀н шандагхàй, эбхӯлэхы́ йн яха бíй, энэ̀ багà бэйѣ̄йн уятхахы́ йн яха бíй; айя̀ мини, айя̀ да! 28

газагāра орожѝ, гэнэлгэхы́ йн яха бíй, гэнэ̀н багà бэйѣ̄йн уятхахы́ йн яха бíй; айя̀ минѝ, айя̀ да! 29

*) Такъ называется у Бурятъ нынѣшнее селеніе Никольское, гдѣ прежде былъ Николаевскій заводъ, нынѣ уже не существующій.

доторо̄ро орожѝ, догхолгохо́ йн я̄ха бі́й, дӯса бага̀ бэйѣ̀йн уятхахы́ йн я̄ха-бі́й; айя̀ мини айя̀ да̀!

бо̄̈лӧхой-б шамай гэгхэ̄рэ, бохилгохо̀ йн я̀ха бі́й; гхана̄гхай-б шама̀й гэгхэ̄рэ, гилайгахы́ йн я̀ха бі́й; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

харанъху̀й-да хабата̀й, халӯн ӧдо̄̈р залишѝ, бӯ̈рӱнъху̀йдӱ бӱдӱтэ̀й бӱлэ̄н ӧдо̄̈р залишѝ айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

аила̀йн тал-да̀ аин-да̀ арю̄н гэртэ̀ залишѝ, зоно́й тал-да̀ зуга̄ши золто̀ гэртэ́ залишѝ; айя̀ минѝ айя̀ да̀!

энѣ̄хэдэ идэтэ̀й эгэ̄н манда хужарта̀й, уйлахада̀ урамта̀й, эгэ̄н манда̀ хужарта̀й; айя̀ мини́ айя̀ да!

хэлэхэнѝн хэлэгдэ̀ хэлэгэ̄ зая̄н мэдӯ̈чжи хӧро̄̈хӧнѝн хӧрӧгдо̄̈ хӯли зая̄н мэдӯжѝ айя̀ минѝ айя̀ да!

таба̀н шоро̀й зорӯла̄б, та̄та̀й хонѝ шорлӯлаб, хугха̄р шоро̀й зорӯла̄б, хуса̀ хурига̀й шорлӯлаб айя̀ минѝ айя̀ да̀!

нарѝн голо̀ уруда̀, намшогха̀н бӱту̀̈ хійдэлэ̀, ӱрӱгӱн голо̄ уруда̀ ӱбӱгху̀̈н бӱтӱ хійдэлэ̀; айя̀ минѝ, айя̀ да!

гунжа́н ӱнѣ̄ гха̄гхан шнѝ гушѝн хото̀н дӯрэ̄гхэй гунта̀й ашѝ оргогхо̀н-ш гушѝн гха̄дак дӯрэ̄гхэй; айя̀ минѝ, айя̀ да̀!

дӱнтэ̀й ӱнѣ̄ гха̄гхан шни́, дӱшин хото̀н дӯ̈рэ̄гхэй дӱнтэ́й ашѝ орогхо̀н ш дӱшѝн гха̄дак боло̄гхой; айя̀ мини́, айя̀ да̀!

дэ̄рэхэни дэгдэ̀, холо̀хони хологдо̀!

Переводъ.

Чистенькое изъ чистенькихъ, коль чистенькое и опрятное, проскользай по низу рта; ахъ мои ашиньки!

Потомство изъ потомствъ, коль потомство хорошенькое, проскользай по низу подбородка; ахъ мои ашиньки!

Отъ деревьевъ десяти лѣсовъ повѣялъ запахъ можевельника; отъ деревьевъ девяноста лѣсовъ повѣялъ запахъ вереска; ахъ мои ашиньки!

Легкомысленное существо при (своей) вѣтрянности лишилось сна; вслѣдствіе легкости рта губъ, на всегда заставило вспоминать (себя), ахъ мои ашиньки!

Болтливое существо при (своей) вѣтрянности, лишилось (спо-

собности) лежать, чрезъ благожеланія устъ языка, на всегда оставило воспоминаніе на словахъ. 5

Сказалъ ты — подумай, я подумалъ; вспоминалъ я всегда доброе; сказалъ ты — говори, я сказалъ; вспоминалъ я всегда въ словахъ; ахъ мои ашиньки! 6

Не говорилъ я по мягкости языка, говорилъ по законамъ рѣчи; не говорилъ я по мягкости губъ, говорилъ по законамъ смысла; ахъ мои ашиньки! 7

Мѣстность, на которой (мы) играли, чистая Талянъ-Тараса; мѣстность, по которой мы шагали, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки! 8

Мѣстность, по которой (мы) ползали, серебрянная Тялянъ-Тараса; мѣстность, по которой (мы) лазили, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки! 9

На вершинѣ Тарасайской появилось пять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки! 10

На вершинѣ Арадайской появилось десять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки! 11

У способной бѣгать по вершинамъ, изсиня бѣлой лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки! 12

У способной бѣгать по низовымъ лугамъ, искрасна рыжей лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки! 13

Добродѣтельный изъ добродѣтельныхъ, добродѣтельный, толстый Шопхоногъ я вспомнилъ тебя; ахъ мои ашиньки! 14

При обиліи шаловливости, скакали (мы) на легкихъ саняхъ; при обиліи кутежей, скакали мы на парныхъ саняхъ; ахъ мои ашиньки! 15

Скакали на бѣговыхъ саняхъ, скакали въ верхъ отъ завода; принуждая, заставляя, вливая, пили (мы) штофами заводскую водку; ахъ мои ашиньки! 16

17 Скакали на крѣпкихъ саняхъ, переѣздили всѣ кабаки; водку всѣхъ кабаковъ вливали въ себя бутылками. На водкѣ, находящейся въ бутылкѣ, толстый, здоровый Шобхоногъ, я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

18 На водкѣ налитой въ стклянку, способный, здоровый Шобхоногъ я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

19 Когда не могъ (уже) пить, я взошелъ на небо, я сдѣлался созвѣздіемъ обезьяны, я доставилъ удивленіе множеству людей, и, въ то время какъ они удивлялись, я упалъ, ударившись о землю; ахъ мои ашиньки!

20 Упалъ я на лиственницу, упалъ таща (за собой) паутину; упалъ я на березу, упалъ таща (за собой) червяка; ахъ мои ашиньки!

21 Черное море — тоня, рыба окунь — пища; водяное море — тоня, рыба омуль — пища; ахъ мои ашиньки!

22 Любя окуней, неводилъ я черное море; осматривая край большой лодки и будучи задержанъ сильною бурею, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

23 Изъ чернаго великаго моря, сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ плоскихъ камней сдѣлавъ подушку я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

24 Любя омулей, неводилъ я водяное море, при небесномъ вѣтрѣ взобравшись вверхъ я опрокинулся; ахъ мои ашиньки!

25 Изъ великаго водянаго моря сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ большихъ красныхъ камней сдѣлавъ подушку, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

26 Перепрокинулся я среди утесовъ своего великаго чернаго моря, перепрокинулся я среди подошвы своихъ большихъ лѣсистыхъ горъ; ахъ мои ашиньки!

27 Задніе восемь сухожилій сжимаются, — какъ быть?! молодое юное тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

28 Четыре грудныхъ сухожилія свертываетъ, — какъ быть?! это маленькое тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Вошедши наружу (дома, т. е. въ степь), соболѣзнуется, —

какъ быть; глупое маленькое тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки! 29

Вошедши внутрь (дома)-трясетъ, — какъ быть; совершенно молодое тѣло ослабѣваетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки! 30

Когда хочу о тебѣ шаманить, (начинаю) суетиться, — какъ быть, когда хочу о тебѣ подумать, заставляю смотрѣть косо (другихъ) какъ быть?! ахъ мои ашиньки?! 31

Находящій удовольствіе во мракѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ жаркій день, находящій удовольствіе въ темнотѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ теплый день; ахъ мои ашиньки! 32

При походѣ въ жилыхъ мѣстахъ имѣетъ обыкновеніе спать въ чистомъ домѣ; находящій удовольствіе въ людной мѣстности, имѣетъ обыкновеніе спать въ счастливомъ домѣ; ахъ тои ашиньки! 33

Аппетитно смѣющійся — солонъ для насъ простыхъ; искустный въ плачѣ—солонъ для насъ простыхъ; ахъ мои ашиньки! 34

Долженствующее быть сказаннымъ должно быть сказано, я заявлялъ всегда свои слова; долженствующее быть воспрещеннымъ должно быть воспрещено, я заявлялъ всегда законное; ахъ мои ашиньки! 35

Я выстругалъ пять вертѣловъ, я зажарилъ на вертѣлѣ хорошаго барана; я выстругалъ вертѣлъ изъ березы, я зажарилъ на вертѣлѣ барашка; ахъ мои ашиньки! 36

Внизъ по узкой рѣкѣ развѣялись лиственные кустарники, внизъ по широкой рѣкѣ развѣялись травяные кустики; ахъ мои ашиньки! 37

Трехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь, да наполнятъ тридцать хотоновъ (загоновъ), возращенные тобою потомки въ третьемъ колѣнѣ да составятъ сполна тридцать колчановъ; ахъ мои ашиньки! 38

Четырехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь, да наполнятъ сорокъ хотоновъ, возращенные тобою потомки въ четвертомъ колѣнѣ да составятъ сполна сорокъ колчановъ; ахъ мои ашиньки! 39

Возвышайся высокое, удаляйся далекое!

Съ совершеніемъ шаманскихъ обрядовъ и жертвоприношеній

у Баргу-Бурятъ соединяются еще обыкновенно и гаданія о будущей судьбѣ, какъ объ этомъ сообщаетъ и Георги *). Свои предсказанія шаманы излагаютъ также всегда въ стихотворной формѣ, при чемъ нельзя не удивляться той способности къ импровизаціи, которую они обнаруживаютъ у себя въ этихъ случаяхъ. Содержаніе шаманскихъ ворожебныхъ, или пророческихъ пѣненъ вообще также многоразлично, какъ многоразличны личности для которыхъ производятся гаданія и поводы, по которымъ они могутъ гадать, но въ частности каждая изъ ворожебныхъ пѣсенъ дышетъ однообразіемъ по содержанію, что конечно вызывается и самымъ назначеніемъ произведеній этого рода. Съ внѣшней стороны ворожебныя пѣсни являются, не говоря уже о всегдашней правильной постановкѣ риѳмъ, еще и съ соблюденіемъ нѣкотораго размѣра, что способствуетъ гладкости ихъ стиха. Вотъ примѣръ такой пѣсни:

барӯн хада́йн модо̀н
багāгхан бадайрà
ӱнъгӯ хӧхо̄р ӱнъгӱжѝ
сэсэ̀к хӧхо̄р сэсэглэ̀

ахàй тэнъри́ абы́-ш
бӯгà шомпӯр хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэй-ш
хāн-да албà табихӯ бэлэ́й-ш
хагхàк-тà улā ӱгкӯ бэлэ́й-ш

урдà хада́йн модо̀н
ӱзӱрэгхэн бадайрà
ӱнъгӯ хӧхо̄р ӱнъгӱжѝ
сэсэ́к хӧхо̄р сэсэглэ́

ахàй тэнъри́ абы́-ш
бӯгà шомпӯр хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэ́й-ш
хāн-да албà табихӯ бэлэ́й-ш
хагхàк тà улā ӱгкӯ бэлэ́й-ш

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. 1799 г. Спб. ч. III, стр. 115. Иркут. Губ. Вѣд. 1858. № 14.

хо́йту хада̀йн модо̀н
гэшӯгхэн бадайра̀
ӯнъгӯ хӧхо̄р ӯнъгӯжѝ
сэсэ́к хӧхо̄р сэсэглэ̀

ахà̀й тэнърѝ абы́ш
бӯга̀ шомпу́р хэхэ̀ бэлэ́й-ш
бугà гхого̀ алахӯ бэлэ́й-ш
ха̄н-да алба̀ табихӯ бэлэ́й-ш
хагха̀к та̀ ула̄ ӯгкӯ бэлэ́й-ш.

Переводъ.

Дерево западной скалы
Распространяйся съ молоду,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками!

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево южной скалы
Распространяйся съ своего корня;
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево сѣверной скалы
Распространяйся съ своихъ вѣтвей,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполъ,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Изъ разсмотрѣнія представленныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ шаманами при совершеніи ихъ религіозныхъ обрядовъ, можно хотя отчасти выводить, какъ долженъ быть высокъ по своимъ основамъ и воздѣйствію на своихъ поклонниковъ шаманизмъ, разсматриваемый въ той формѣ, въ которой является онъ какъ религія, исповѣдуемая Баргу-Бурятами. Не говоря уже о нелѣпостяхъ его догматическаго ученія, представляющаго какую то смѣсь понятій о духовномъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ, и не могущаго ни удовлетворить, ни возбудить серіозную дѣятельность ума, даже нравственное ученіе его очевидно не способно оказывать никакого содѣйствія къ облагороженію человѣческаго духа. Мы знаемъ, что высшіе нравственные идеалы каждой религіи, можемъ находить мы въ ея молитвахъ; изъ разсмотрѣнія же молитвъ шамановъ оказывается, что онѣ, рисуя образцы человѣческой дѣятельности, не переходятъ границу дѣйствительныхъ отношеній человѣка къ окружающему; а потому совершенно не способны отторгнуть духъ отъ мірской суеты, привести его въ умиленіе нравственною высотою представляемыхъ правилъ и примѣровъ и возбудить такимъ образомъ нѣжныя и благородныя чувствованія въ огрубѣломъ сердцѣ. При болѣе строгомъ взглядѣ можно сказать даже, что напротивъ, преслѣдуя ту же обыденную, да притомъ самую чувственную жизнь, эти молитвы дѣйствительно могутъ только растлить внутреннее существо человѣка и, вмѣсто возбужденія его духа къ торжеству надъ чувственными влеченіями, развратить его картинами самаго грубаго сладострастія. Мы видѣли уже съ какимъ увлеченіемъ рисовалъ шаманъ въ своей молитвѣ картину своихъ безнравственныхъ кутежей: его разсказъ о безобразномъ пьянствѣ и шатаньи по кабакамъ, лучше всего доказываетъ какіе нравственные идеалы жизни проповѣдуютъ шаманы своимъ послѣдователямъ. Естественно вытекаетъ отсюда, что если шаманизмъ и не можетъ быть всецѣло признанъ развращающимъ началомъ для жизни Баргу-Бурятъ, то во всякомъ случаѣ онъ и не служитъ для нихъ ни облагороживающимъ, ни сдерживающимъ началомъ. Нравственная

природа Баргу-Бурята представлена такимъ образомъ исключительно самой себѣ и духовная жизнь его течетъ только подъ вліяніемъ естественно совершающихся событій. Понятно далѣе, что умственный кругозоръ Баргу-Бурятъ, при условіи вліянія на полудикую жизнь ихъ такой религіи, необходимо долженъ быть еще болѣе узокъ, чѣмъ у Бурятъ буддистовъ. По свойственному всему монгольскому племени созерцательному направленію духа, мысль Баргу-Бурята шаманиста иногда наталкивается и на отвлеченные вопросы, стремится къ познанію и уясненію для себя мировыхъ событій, причинъ и законовъ, но конечно никогда не рѣшаетъ своихъ вопросовъ, какъ по недостаточности данныхъ, такъ и потому что не можетъ остановиться на этихъ разсужденіяхъ, будучи не привычна ни къ какимъ глубокимъ, аналитическимъ изслѣдованіямъ. Въ домашней и общественной жизни Баргу-Бурята, какъ и въ жизни вообще всякаго полудикаря, духовная природа котораго не сдерживается ни какою силой, господствуютъ эгоистичныя стремленія, преданность чувственнымъ наслажденіямъ, страхъ и раболѣпное поклоненіе предъ силой и гордое презрѣніе къ слабому. Георги, описывая Баргу-Бурятъ, характеризуетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «народъ сей предпочитаетъ всему любострастное и бездѣйственное спокойствіе; разумъ его косенъ и разсужденіе весьма слабое» *). Тоже самое только въ другихъ словахъ повторяютъ всѣ позднѣйшіе изслѣдователи Баргу-Бурятъ и самые сородичи ихъ — Буряты, обитающіе на южной сторонѣ Байкала, желая изобразить сравнительную степень духовно-нравственнаго развитія бурятскихъ поколѣній вообще, представляютъ баргу-бурятскіе роды въ общемъ рисункѣ плодовитаго и вѣтвистаго дерева бурятскихъ родовъ, не болѣе какъ въ формѣ безплодныхъ девяти отростковъ этого дерева: шесть изъ этихъ отростковъ покрыты свидѣтельствующею еще о нѣкоторой жизни зеленью, а остальные три, изображая конечную мертвенность, или въ переносномъ значеніи грубость, торчатъ какъ го-

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Рос. госуд. народовъ, ч. IV, стр. 26-я.

лыя, обгорѣлыя сучья *). Весь этотъ низкій уровень развитія ясно отражается и въ баргу-бурятской народной литературѣ, содержаніе которой даже болѣе чѣмъ что либо свидѣтельствуетъ намъ, что основныя проявленія баргу-бурятской жизни суть: безпечность, эгоизмъ и грубая чувственность, доходящая до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Вотъ образцы пѣсенъ Баргу-Бурятъ шаманистовъ:

I.

öбöль гэжѝ ю̄нин бѝ
ӱргӱльжѝ нажѝр бáйгхан я̄гàб?!
öтöльхö гэжѝ ю̄нин бѝ,
ӱргӱльжѝ залӯ бáйгхан я̄гàб?!
намàр гэжѝ ю̄нин бѝ,
намтагàй хабàр бáйгхан я̄гàб?!
нагхатӯ гэжѝ ю̄нин бѝ
нагхудà залӯ бáйгхан я̄гàб?!

Переводъ.

Зима, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы было всегда лѣто?!
Старость, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы быть всегда молодымъ?!
Осень, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы была постоянная весна?!
Престарѣлый, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы всю жизнь быть молодымъ?!

* * *

II.

сáйги бѝ болгхà сагалагѝ
гхáйхан зӱрхэ̄р зугалайя̀
идэ̄ни бѝ болгхà идэлэгѝ
инàк зӱрхэ̄р зугалайя̀
тамахѝн бѝ болгхà татагѝ
танилдажѝ гхӯга̄т зугалайя̀

*) Запис. Сиб. отд. общ., кн. VIII, стр. 124-я.

Переводъ.

Коли есть чай — будемъ пить чай,
Повеселимся добрымъ сердцемъ;
Коли есть пища, поѣдимъ,
Повеселимся товарищескимъ сердцемъ.
Коли есть табакъ, покуримъ,
Повеселимся, сидючи по дружеству.

* *
*

III.

тала́йн гансà модонгхò
тамага́йн модò дарӯлайя̀
шинэ̀ гхонѝн дӯхэйэ́гхэ
гхонѝн зугà дӯлайя̀
шибэрѝ заха́йн модонгхò
шинэ̀ тамагà абуйя̀
шинэ̀ гхонѝн дӯхэйэ́гхэ
гхонѝн зугà дӯлайя̀
гӯли заха́йн модонгхò
голѝ тамагà абуйя̀
аля̄ гхальхѝн дӯхэйэ́гхэ
гхонѝн зугà дӯлайя̀

Переводъ.

Изъ одинакого, степнаго дерева
Вырѣжемъ (кусочекъ) дерева для печати;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на окраинѣ кустарника
Вырѣжемъ новую печать;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на берегу рѣки
Вырѣжемъ стержневую печать;
Отъ рѣзвой, вѣтряной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.

* *
*

IV.

нарату̀ налага̀й тэнърѝ
на̄дату̀ налага̀й дӯхэ̀й

***

хо̄роту́ налага̀й тэнърѝ
хуримту̀ налага̀й дӯхэ̀й

***

ӯлэту̀ налага̀й тэнърѝ
ӱйѣту̀ налага̀й дӯхэ̀й

***

сагхату̀ налага̀й тэнърѝ
сасуту́ налага̀й дӯхэ̀й

Переводъ.

Солнечное, веселое небо,
Игривая, веселая дѣвочка.

***

Дожденосное, веселое небо,
Сговоренная, веселая дѣвочка.

***

Облачное, веселое небо,
Сверстница, веселая дѣвочка.

***

Снѣжное, веселое небо,
Ровестница, веселая дѣвочка.

***

V.

хӧтӧло̄ танигха̀н онгосо̀
гара̄т ошигхо̀н харамта̀й,
хэлэ̀ зугалагха̀н дӯхэ́йн
уйла̄т ошигхо̀н харамта̀й.

угхӯн дэ́йрэхи онгосо̀
ургугха̄т ошигхо̀н харамта̀й
ушира̄т зугалагха̀н дӯхэ́йн
уйяра̄т ошигхо̀н харамта̀й.

далàй дэ́йрэхи онгосò
далдà орогхòн харамтàй
дасāт хэлсэгхэ̀н дӯхэ́йн
уйярāт ошигхóн харамтàй

Переводъ.

Всесторонне знакомая лодочка
Вышла и ушла, — жалко!
Жалко, что плачетъ дѣвица,
Съ которою забавлялись мы въ бесѣдахъ.

Жалко, что ушла внизъ по теченію
Лодка (стоявшая) на водѣ;
Жалко, что крушится дѣвица,
Съ которою забавлялись мы при встрѣчѣ.

Жалко, что скрылась
Лодка, стоявшая на морѣ;
Жалко, что крушится дѣвушка,
Съ которою забавлялись мы по привычкѣ.

***

IV.

турāгха ирэгхэ̀н склянка
тогóни архидà идэ̄шэ.
томтóй гхэлэ̀й дӯхэ̀й
ахаянь öбöртӧ̄ идэ̄шэ

эжингхэ̀ ирэгхэ̀н склянка
идэ̄ни архидà идэ̄шэ
уйѣлэгхэ́н дӯхэ̀й
ахаянь öбöртӧ̄ идэ̄шэ

хāнгхà ирэгхэ̀н склянка
харà архидà идэ̄шй
ханй болгхáн дӯхэ̀й
ахаянь öбöртӧ̄ идэ̄ши.

Переводъ.

Стклянка, привезенная изъ города,
Привыкла къ тогонной водкѣ;

Скромная, миловидная (?) дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

Стклянка, привезенная отъ повелителя,
Привыкла къ водочкѣ;
Сверстница дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

Стклянка, привезенная отъ хана,
Привыкла къ черной водочкѣ;
Сдѣлавшаяся подругою дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

* *
*

VII.

харсагàй шубӯн эрэ
харсагàйн тологòй шабардā
ханилагхàн дӯхэ̀й эрэ̀
ханъгàй хажӯ шабардā

больжимӯр шубӯн эрэ
бӧрин тологòй шабардā
болзӧртò дӯхэ̀й эрэ̀
болсóйн хажӯ шабардā

хольборжѝ унтахòйи
холтòй орӧ сабшārай
хӯзэ̄дэжи́ унтахóйи
дӯхэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рӧ̄й

мӯхурижѝ унтахóйи
модòн орò сабшārай
гхӯгӯдӯжѝ унтахòйн
дӯхэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рӧй

дэлэрэжѝ унтахóйи
тэнихѝр орò сабшārай
дэбэрижѝ унтахóйн
дӯхэйэ̄гхэн ӧгӧ̄рой.

Переводъ.

Птица ястребъ мужескаго пола
Загрязнилась на Харсагайскомъ пригоркѣ;

Слюбившійся малюточка
Загрязнился на отлогѣ Хангая.

Птица жаворонокъ мужескаго пола
Загрязнилась на Бōринскомъ пригоркѣ;
Малюточка, о которомъ назначенъ срокъ (свадьбы)
Загрязнился на отлогѣ Болсойскихъ горъ.

Чтобы спать поворачиваясь,
Сруби-ка двуспальную кровать;
Чтобы спать обнявшись за шею,
Дай-ка (одну) изъ своихъ малюточекъ.

Чтобы спать свернувшись,
Сруби-ка деревянную кровать;
Чтобы спать, стоя на колѣняхъ,
Дай-ка (одну) изъ твоихъ малюточекъ.
и пр.

Чтобы покончить предпринятый нами литературный обзоръ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ, мы необходимо должны сказать, что разсматриваемая въ цѣломъ своемъ составѣ поэзія эта никакъ не можетъ быть ограничиваема одними только произведеніями народными, незаключенными въ письменность. Выше уже было говорено, что монголы имѣютъ на своемъ языкѣ довольно обширную литературу; теперь можно добавить, что эта литература обилуетъ у нихъ стихотворными произведеніями ничуть не меньше, чѣмъ и у другихъ литературныхъ народовъ востока. Отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что составлявшія до сего времени предметъ нашей рѣчи устныя произведенія народнаго творчества монголовъ представляютъ собою только одну половину единаго цѣлаго — монгольской пѣсенной поэзіи, другую же половину его должны искать мы въ монгольской литературѣ. Предположеніе это далѣе несомнѣнно должно было бы и переходить въ область дѣйствительнаго факта, если бы монгольская литература по своему характеру походила на литературы другихъ народовъ; но дѣло въ томъ, что почти вся она составляется изъ сочиненій переводныхъ съ различныхъ ино-

странныхъ языковъ и при первомъ взглядѣ на такой своеобразный составъ ея невольно порождается вопросъ, слѣдуетъ ли даже считать пѣсни и стихотворенія, встрѣчающіяся въ литературѣ монгольской, монгольскими произведеніями и должно ли потому разсмотрѣніе ихъ въ трактатѣ о пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ стоять на ряду съ изученіемъ устныхъ произведеній народнаго творчества монголовъ? Вопросъ этотъ однако, кажется мнѣ, едва ли и можетъ быть иначе рѣшенъ, какъ утвердительно; хотя я и самъ не думаю признавать за каждымъ изъ литературныхъ стихотвореній монголовъ достоинство произведенія національнаго. Въ пользу сказаннаго рѣшенія, говоритъ прежде всего то, что литературныя произведенія каждаго народа (будутъ ли они самостоятельными или переводными, являются ли какъ плодъ, свидѣтельствующій намъ о степени уже достигнутаго народомъ развитія въ какомъ либо духовномъ направленіи, или какъ сѣмя, долженствующее еще возрасти на почвѣ народнаго духа) во всякомъ случаѣ и всегда служатъ въ извѣстной степени самыхъ характеристичнымъ выраженіемъ духовной жизни народа. Это первая причина, по которой литературныя стихотворенія монголовъ должны имѣть несомнѣнное право къ изслѣдованію ихъ на ряду съ произведеніями народными даже въ томъ случаѣ, если бы литература монголовъ была переводною вся сполна и слѣдовательно таковыми же были бы и всѣ литературныя стихотворенія монголовъ. А между тѣмъ мы далеко не можемъ сказать этого обо всѣхъ литературныхъ монгольскихъ стихотвореніяхъ: въ общей массѣ монгольской литературы встрѣчаются не только переводныя стихотворенія и пѣсни, но и образцы оригинальнаго монгольскаго творчества, а оттого, отстранивъ отъ себя изслѣдованіе литературы монголовъ съ цѣлью изученія ихъ пѣсенной поэзіи, мы необходимо осудили бы себя и на неполноту знаній по этому предмету. Можетъ показаться, пожалуй, что настоящее заявленіе противорѣчитъ съ тѣмъ, что говорено было на первыхъ порахъ объ отношеніяхъ пѣсенной поэзіи монголовъ къ ихъ литературѣ; но въ объясненіе

сего нужно только замѣтить, что тогда была рѣчь о произведеніяхъ простонародныхъ, безыскуственныхъ, а также объ образцахъ древней народной поэзіи; ни того ни другаго въ буквальномъ смыслѣ въ литературѣ монголовъ дѣйствительно не находится, какъ сейчасъ мы и увидимъ то изъ болѣе подробнаго разбора.

Оригинальныя монгольскія пѣсни вообще находить въ литературѣ монголовъ очень трудно: цѣльныхъ и систематическихъ сборниковъ изъ произведеній этого рода монголы у себя никогда не составляютъ, а обыкновенно пѣсни и стихотворныя произведенія встрѣчаются у нихъ записанными по одиночкѣ гдѣ либо въ срединѣ громадныхъ прозаическихъ сочиненій. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ ихъ въ произведеніяхъ историческихъ, лѣтописяхъ, отдѣльныхъ историческихъ разсказахъ, біографіяхъ частныхъ лицъ; — но и здѣсь пѣсни не составляютъ собою чего либо отдѣльнаго, — онѣ являются разбросанными въ разныхъ мѣстахъ произведенія, послѣдуя за изложеніемъ событій и какъ бы дополняя прозаическій разсказъ о томъ или другомъ фактѣ *). Въ такомъ видѣ мы находимъ пѣсню халхаскаго дарханъ цинь-вана «тӳмэнӥ эхӥ», выписка о составленіи которой изъ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ была уже представлена вмѣстѣ съ текстомъ самой пѣсни на стр. 77—78, и это, повторяю, самый обыкновенный способъ, въ которомъ являются у монголовъ пѣсни записанными въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Этого же способа придерживаются очевидно и наши забайкальскіе Буряты, ибо, занося въ свои лѣтописи извѣстіе о проѣздѣ по степямъ В. К. Алексѣя Александровича, они приложили къ этому разсказу и составленную по сему случаю, извѣстную намъ пѣсню. Про твореніе дарханъ цинь вана говорятъ, что оно записано также и въ

*) Таково же положеніе въ литературѣ и переводныхъ стихотвореній свѣтскаго содержанія. Примѣръ сего читатели найдутъ въ нашемъ сочиненіи «Города Сѣверной Монголіи» гдѣ въ трактатѣ о монастырѣ Шара Сӳмэ стр. 113—115 привели мы стихи, текстъ которыхъ взятъ нами изъ лѣтописи Эрдэнійн эрихэ.

біографіи этого князя и это весьма неудивительно, потому что подобный примѣръ записыванія пѣсенъ въ біографіяхъ находимъ мы въ сказаніи объ ургинскихъ хутухтахъ, извѣстномъ подъ именемъ Чжибцзун дамба хутухтуйн цӑ-цзы (стр. 13); мнѣ передавали также, что въ біографіи эфу Цэрэна (цинь-ванъ сайнъ-ноиновскаго аймака) помѣщена пѣсня, составленная въ честь походовъ этого князя на Ölötовъ при Цянь-лунѣ, однимъ изъ его княжьихъ тѣлохранителей. Эта пѣсня начинается словами «ӱбӱръ хошӯнай аруду̀» и въ безсвязномъ отрывкѣ, кажется повторяется въ китайскомъ историческомъ сочиненіи «Шэнъ-у-цзи»*); я же записалъ ее сполна со словъ одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, который обѣщалъ мнѣ доставить и самую біографію эфу Цэрэна, но не исполнилъ своего обѣщанія. Изъ этихъ краткихъ указаній явствуетъ, что пѣсни, появляющіяся въ монгольской литературѣ, носятъ на себѣ главнымъ образомъ эпическій характеръ, хотя нельзя не сказать, что встрѣчаются между ними и произведенія чисто лирическія. По своему мѣстонахожденію тѣ и другія творенія болѣе всего свойственны сочиненіямъ историческимъ, но въ текстѣ ихъ они не имѣютъ другаго значенія какъ вставки съ цѣлью пояснить разсказъ и произвести болѣе сильное впечатлѣніе на читателей и слушателей. Въ біографіяхъ пѣсни способствуютъ выясненію достоинствъ описываемой личности: ибо если пѣсня, относящаяся до героя біографіи, была составлена кѣмъ либо постороннимъ, то она непремѣнно содержитъ въ себѣ картинное описаніе всѣхъ подвиговъ героя; если же напротивъ сама она по своему составленію приписывается герою, то въ этомъ случаѣ служитъ ни чѣмъ инымъ, какъ доказательствомъ его всесторонняго, высокаго развитія. Въ поясненіе сего нужно замѣтить, что, относясь съ небрежностію и даже презрѣніемъ къ пѣснямъ народнымъ, монголы однако составленіе пѣсенъ и стихотвореній искуственныхъ считаютъ дѣломъ высокой важности и авторамъ ихъ приписывается всегда

*) Шэнъ-у-цзи, Цзюань III, отд. Санн. Нонн. айм. Л. 16.

большая ученость. Гдѣ должно искать основы такого высокаго мнѣнія монголовъ о поэтахъ указать положительно трудно: весьма вѣроятно, что здѣсь имѣетъ свое примѣненіе тотъ общечеловѣческій законъ, по которому люди вообще дорожатъ всѣмъ тѣмъ, что у нихъ рѣдко, у монголовъ же появленіе какого либо искуственнаго стихотворенія можетъ быть названо дѣйствительно литературнымъ событіемъ, а отдѣльныхъ писателей поэтовъ, стихотворцевъ они не имѣютъ у себя во все, составляя въ этомъ совершенную противуположность съ древними классическими и современными намъ европейскими народами. Обстоятельство это въ свою очередь можетъ служитъ весьма естественною причиною того, что у монголовъ нѣтъ систематически собранныхъ стихотворныхъ произведеній; ибо, если бы были у нихъ писатели стихотворцы, то произведенія ихъ, безъ сомнѣнія, могли бы также образовать собою цѣлые томы и являться въ видѣ сумбумовъ, какъ мы находимъ то въ монгольской литературѣ по отношенію къ сочиненіямъ прозаическимъ. Мнѣ кажется, что всѣ оригинальныя пѣсни, монголовъ разбросаны въ различныхъ произведеніяхъ ихъ литературы по одиночкѣ именно потому, что и сами онѣ бывали чуть ли ни единственными стихотворными произведеніями ихъ авторовъ и являлись какъ плодъ случайнаго вдохновенія своихъ пѣвцевъ. Въ рукописяхъ правда иногда можно повстрѣчать сборники такихъ пѣсенъ числомъ отъ пяти до десяти, но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сборники, если только можно дать имъ такое имя, попадаются только у родовыхъ князей и ихъ приближенныхъ, при чемъ побудительною причиною для составленія и храненія ихъ является, вѣроятно, гораздо больше уваженіе къ личностямъ, воспѣваемымъ пѣснями и составителямъ ихъ, чѣмъ дѣйствительное сочувствіе къ самому тексту пѣсни.

Гораздо больше симпатіи замѣчается у монголовъ, по видимому, къ искуственнымъ пѣснямъ духовнаго содержанія, или же къ написаннымъ на религіозно-поучительныя темы. Образцы этого отдѣла пѣсенной литературы въ рукописяхъ можно находить въ юртѣ почти каждаго монгола, а нѣкоторые изъ нихъ

встрѣчаются даже и въ печатныхъ изданіяхъ отдѣльными брошурами. Такова напр. пѣсня (собственно не халхаская, а ӧлӧтская по своему происхожденію) приписываемая Цзонхавѣ, изъ которой заимствовали мы большинство примѣровъ въ своемъ трактатѣ о пріемахъ стихосложенія у монголовъ и которая распѣвается постоянно на ургинскомъ рынкѣ странствующими бадарчинами (сборщики подаяній на храмы и монастыри). Поучительныя пѣсни самыя распространенныя въ народѣ. По предмету своего содержанія всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно однообразны, разсматривая и разбирая однѣ и тѣже нравственныя истины, излагая правила и образцы однѣхъ и тѣхъ же добродѣтелей; но по характеру изложенія ихъ можно, пожалуй, раздѣлить на два отдѣла: во 1-хъ нравственно-увѣщательныя и во 2-хъ нравственно-описательныя. Въ первомъ случаѣ поучительныя пѣсни кромѣ отдѣльныхъ указаній видовъ добродѣтели заключаютъ въ себѣ еще и увѣщанія слѣдовать по пути ея; во второмъ — онѣ исключительно занимаются изложеніемъ свойствъ добродѣтели (преслѣдуя подробный разборъ этихъ свойствъ, выясняя частности ученія о нихъ путемъ историческихъ примѣровъ, или буддійскихъ разсказовъ) и могутъ быть названы по преимуществу произведеніями дидактическими. Лучшимъ примѣромъ сему мы находимъ пѣсню, приписываемую гэгэну Тоба, весьма распространенную въ средѣ монголовъ и въ рукописи встрѣчающуюся довольно часто, печатный же экземпляръ ея (изданъ въ курѣни Бандида-ламы) мнѣ пришлось видѣть всего только одинъ разъ. Пѣсня эта будетъ представлена мною во второмъ выпускѣ этого сборника, теперь же о ней, какъ и о другихъ произведеніяхъ этого рода, слѣдуетъ сказать, что всѣ они вообще такъ сухи по своему содержанію и въ изложеніи своемъ такъ близки къ прозѣ, что едва могутъ быть названы поэтическими, стихотворными произведеніями. Разбирая истины, занимающія разумъ, онѣ уже по самому своему предмету естественно должны дышать большею или меньшею отвлеченностію; но у монголовъ эта сухая отвлеченность поддерживается еще недостаточностію кар-

тинности въ общемъ изложеніи и отдѣльныхъ словахъ, которая могла бы оживить рѣчь о предлагаемыхъ истинахъ наглядными красотами и вообще представить предметъ разсужденія поучительныхъ пѣсенъ болѣе живописно. Если и встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ произведеній съ достаточнымъ количествомъ символизма и фигуральности въ короткихъ, пояснительныхъ разсказахъ, то опять таки даже и при этихъ картинахъ главный предметъ рѣчи, т. е. предлагаемыя истины, являются трудными для усвоенія оттого что эти разсказы, служащіе къ уясненію различныхъ видовъ и частей разсматриваемой истины, помѣщаются порознь, отрывками и, по видимому, совершенно безъ всякой логической связи. Наконецъ о пѣсняхъ этого рода нельзя не сказать и того, что онѣ всегда бываютъ чрезвычайно обширны по своему объему и умолительны по продолжительности, такъ что едва ли не одна только всецѣло преданная буддизму натура монгола способна безъ тягости и, пожалуй, даже съ наслажденіемъ слушать это сухое изложеніе отвлеченныхъ и избитыхъ нравственныхъ истинъ.

Такимъ образомъ и въ разсмотрѣніи литературныхъ монгольскихъ пѣсенъ мы встрѣчаемся съ тою же наклонностью монголовъ размышлять объ отвлеченностяхъ и удаляться отъ дѣйствительной жизни, которую замѣчали и въ пѣсняхъ народныхъ. Поразительное меньшинство литературныхъ пѣсенъ съ свѣтскимъ содержаніемъ предъ тѣми, которые заключаютъ въ себѣ различные трактаты о религіозныхъ и нравственныхъ истинахъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, хотя пожалуй и не единственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая памятники оригинальныхъ монгольскихъ историческихъ сочиненій, мы можемъ думать, что въ болѣе отдаленныя отъ насъ эпохи, когда буддизмъ еще не такъ сильно развился въ Монголіи и не овладѣлъ еще всецѣло умами ея обитателей, желаніе сохранить свою старину съ одной стороны и развитіе письменности съ другой побуждали монголовъ включать въ свою литературу какъ народныя пѣсни такъ и другія стихотворенія старины. Съ развитіемъ буддизма

это желаніе очевидно мало по малу угасало, такъ что современная литература этихъ пѣсенъ и стихотвореній уже не знаетъ вовсе и вотъ почему главнымъ образомъ должны были мы сказать, что монголы не хранятъ въ своей письменности образцевъ своей древней поэзіи, считая ихъ, по видимому, недостойными вниманія. Это же самое наблюденіе далѣе побудило насъ признать представляемые Габеленцомъ примѣры изъ Сананъ Сэцэновой лѣтописи не образцами древняго эпоса монголовъ, какими онъ считалъ ихъ *), а жалкими отрывками когда то цѣльныхъ и, можетъ быть обширныхъ твореній, которые нынѣ безъ сомнѣнія уже совершенно для насъ потеряны, благодаря своеобразному вліянію буддизма на умы монголовъ и развившейся у нихъ педантичности. Въ настоящее время, когда есть у насъ бо̀льшее количество древнихъ историческихъ сочиненій (которые, какъ было сказано выше, составляютъ главную литературную сокровищницу пѣсенъ и стихотвореній монголовъ), мы можемъ утверждать свое мнѣніе еще болѣе положительно; ибо имѣемъ средства прослѣдить по результатамъ эту постепенно мертвящую всякій порывъ къ дѣйствительной жизни силу буддизма. Возьмемъ для примѣра древнее стихотвореніе, влагаемое историческими легендами монголовъ въ уста Дай-Сэцэна при встрѣчѣ его съ Йэсугэй-багатуромъ, идущимъ пріискивать невѣсту своему сыну. Въ древнѣйшемъ историческомъ памятникѣ — Юань-чао (1242 г.) оно состоитъ изъ 14 стиховъ (см. прим. на стр. 320); въ текстѣ Алтанъ тобчи (1604 г.) ихъ уже сохранилось только 8 **), а Сананъ Сэцэнъ (1662 г.) едва удерживаетъ у себя 4 ***); тоже самое постепенное сокращеніе можно замѣчать и въ отношеніи другихъ стихотвореній. Замѣ-

*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. K. I S. 20.

**) Алт. Тобчи стр. 10—124. Галсанъ Гамбоевъ раздѣлилъ въ своемъ переводѣ это стихотвореніе на семь стиховъ, но это не вѣрно и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи текста дѣлается очевиднымъ, что его ошибка произошла отъ составленія изъ двухъ первыхъ стиховъ — одного; слѣдуетъ читать: гоа ӧкид-йэн || хасак тэргэн-дур сагулгачжу т. е. прекрасныхъ своихъ дѣвицъ || посадивъ въ одноколку.

***) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. Absch. 4; 363.

тимъ при этомъ, что новѣйшія историческія сочиненія монголовъ каковы отысканныя мною Эрдэнійн эрихэ̀ перваго и втораго изданія, Алтàнъ Тобчй, Хöхö̀ дэбтэ̀р, Шарà тӯчжи во все не знаютъ этихъ стихотвореній и тѣмъ вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль, что монголы въ настоящее время совершенно не заботятся о храненіи образцовъ своей древней поэзіи. Такимъ образомъ дѣлается само собою ясно, что мы не имѣемъ въ литературѣ монголовъ ни одного цѣльнаго памятника ихъ древняго эпоса, съ мало же содержательными и связными отрывками эпическихъ твореній можемъ ознакомиться болѣе полно только чрезъ посредство немногихъ древнѣйшихъ историческихъ произведеній, да и то не монгольскихъ, а собственно монголо-китайскихъ.

Запись другихъ такихъ же краткихъ стихотвореній и пѣсенъ древности, по характеру содержанія болѣе всего подходящихъ къ отдѣлу лирическихъ, можемъ мы предположить съ неменьшею достовѣрностію хотя бы то на основаніи единственнаго извѣстнаго намъ стихотворнаго сказанія о Чингисъ-ханѣ, которое носитъ у монголовъ названіе «Чингис богдà-йн йисун ӱрлӱгӱт-тӱ ӱнӱчин хӱбэгӱнӱ цэцэлэхсэн шастир» *). Разборъ этого произведенія приводитъ насъ къ положительному заключенію, что оно представляетъ собою сочетаніе нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ въ единое цѣлое; сочетаніе позднѣйшее, имѣвшее цѣлью изъ различныхъ, простыхъ и безыскуственныхъ взглядовъ народа на предметъ составить дидактическое разсужденіе о немъ и такимъ образомъ представляетъ попытку монголовъ ближайшей къ намъ эпохи удержать въ своей памяти слова и разсужденія древнихъ, удовлетворяя въ тоже время и личному педантичному направленію своего духа. Сказаніе это еще и до нынѣ распѣвается иногда на пирушкахъ монгольскихъ князей, но его языкъ и обороты рѣчи свидѣтельствуютъ объ его древности, различный же размѣръ стиха въ отдѣльныхъ частяхъ произведенія яснѣе всего под-

*) Произведеніе это въ текстѣ и переводѣ войдетъ въ содержаніе втораго выпуска.

тверждаетъ справедливость нашего предположенія относительно его происхожденія.

Что касается втораго отдѣла литературныхъ пѣсенныхъ стихотвореній, именно стихотвореній переводныхъ съ тибетскаго, то они по происхожденію своему принадлежатъ какъ тибетскимъ, такъ, кажется, и еще больше монгольскимъ авторамъ; потому что монгольскіе ламы въ послѣднее время иначе и вообще-то не пишутъ своихъ сочиненій, какъ излагая ихъ первоначально по тибетски, а потомъ уже, и только по мѣрѣ надобности, переводятъ ихъ на монгольскій языкъ. Содержаніе этихъ стихотвореній исключительно религіозное и относится по преимуществу до нравственно-практическаго ученія буддизма. Такимъ образомъ здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ хвалебныя пѣсни различнымъ божествамъ и святынямъ буддизма, молитвенныя обращенія къ нимъ, просьбы и заклинанія разнаго рода и на всѣ возможные случаи житейскихъ невзгодъ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ не маловажную роль играютъ и уцѣлѣвшія въ народѣ шаманскія вѣрованія: заклинательныя молитвы и другія обрядовыя пѣсни, не находящія для себя мѣста въ оффиціальныхъ, ламскихъ изданіяхъ, живутъ въ памяти народа именно въ видѣ этихъ стихотвореній. Наконецъ, кромѣ этихъ произведеній, руководящихъ человѣка въ отношеніяхъ его къ божеству, въ такой же стихотворной формѣ представляются и памятники отношеній божества къ людямъ: такъ являются прежде всего пророческія вѣщанія будды и его святителей къ народу; за симъ еще большее число стихотвореній этого рода содержитъ въ себѣ наставленія, предлагаемыя какъ со стороны святыхъ и «нашедшихъ премудрость» ламъ, хутухтъ и хубилгановъ, такъ и отъ лица различныхъ, одаренныхъ верховною силою звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и наконецъ разнаго рода миѳическихъ животныхъ, въ существованіе которыхъ вѣрятъ монголы. Всѣ эти стихотворенія вращаются въ народѣ отдѣльными небольшими брошурами какъ въ рукописныхъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ, собранные же въ одно цѣлое эти краткія творенія составятъ со-

бою едва ли не бо̀льшую массу, чѣмъ вся монгольская литература, которая была издана въ Пекинѣ и которая какъ у насъ такъ и у монголовъ по преимуществу и разумѣется подъ именемъ монгольской литературы. Обращаясь къ составу этой послѣдней мы находимъ, что и въ ней запасъ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеній весьма значителенъ. Почти всѣ богослужебныя и обрядовыя пѣснопѣнія при переводѣ съ тибетскаго были переложены у монголовъ на ихъ языкъ также стихами и потому кромѣ отдѣльныхъ частныхъ молитвъ, изложенныхъ въ стихотворной формѣ духовныхъ пѣсенъ и изданныхъ въ Пекинѣ отдѣльными брошурами, мы встрѣчаемъ въ стихахъ же цѣлые томы буддійскихъ служебниковъ и обрядниковъ, принятыхъ ламами какъ руководство при совершеніи различныхъ религіозныхъ требъ (конечно въ тѣхъ только мѣстахъ гдѣ богослуженіе совершается не на тибетскомъ, а на монгольскомъ языкѣ). Такъ называемые рапсалы, составляющіе обыкновенно первую часть буддійскихъ молитвенниковъ, всѣ безъ исключенія изложены стихами. По содержанію своему эти духовные гимны въ честь буддъ могутъ быть раздѣлены, да и дѣлятся монголами, на четыре отдѣла: первый изъ нихъ носитъ названіе «Бурхан-ну мактал»; въ гимнахъ этого рода среди пышныхъ похвалъ, возсылаемыхъ буддамъ, находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу существъ; второй отдѣлъ рапсаловъ, именующійся по тибетски «Харанъгу», а по монгольски «ӱбэрӱн аман-ну бисылгал» есть собственно исповѣданіе вѣры молящагося; третій — заключаетъ въ себѣ мольбы и просьбы, обращенныя къ буддамъ и называется по монгольски именно этимъ именемъ — «цзалбариль»; наконецъ четвертый — «йороль» содержитъ въ себѣ благочестивыя пожеланія достиженія святости и духовнаго блага на будущее время не только въ этой жизни, но, согласно ученію буддизма о метампсихозѣ, и въ будущихъ перерожденіяхъ. Кромѣ этихъ цѣлыхъ, объемистыхъ томовъ съ духовными пѣснями отдѣльныя стихотворенія встрѣчаются еще разбросанными по частямъ въ различныхъ переводныхъ сочиненіяхъ, особливо же испещрены ими біографіи,

въ которыхъ обыкновенно не только каждая глава заключается стихотвореніемъ, но иногда и къ описаніямъ отдѣльныхъ событій прилагаются тексты стиховъ и пѣсенъ, воспѣтыхъ въ честь описываемаго героя, или событія современниками его, или же позднѣйшими авторами. Неменѣе рѣдко монгольскіе составители книгъ и переводчики имѣли обыкновеніе прилагать также и свои стихотворенія въ концѣ издаваемыхъ ими сочиненій и переводовъ. Содержаніе этихъ стихотвореній по большей части составляетъ похвала издаваемой книгѣ, источникамъ, на основаніи которыхъ она составлена, авторамъ, написавшимъ эти источники и т. п., за симъ здѣсь же излагаются и обстоятельства перевода или составленія книги, время и мѣсто ея написанія и пр. Представлять здѣсь образцы на всѣ указанные отдѣлы монгольскихъ литературныхъ стихотвореній я не считаю нужнымъ; потому что, не нося въ своемъ содержаніи никакихъ чертъ народнаго быта, произведенія эти, по моему мнѣнію, имѣютъ единственное и исключительное значеніе для ознакомленія съ языкомъ монголовъ. Правда, что религіозныя и обрядовыя пѣсни, взятыя въ общемъ своемъ составѣ, могутъ уяснить своимъ содержаніемъ весьма многое какъ въ изученіи буддизма у монголовъ, такъ и въ пониманіи монгольскихъ религіозныхъ вѣрованій вообще (таковы напр. пѣснопѣнія при поклоненіи огню, небу, сѣверной медвѣдицѣ, жертвоприношеніяхъ обо и пр.); но я не думаю чтобы можно было доставить интересъ и пользу разборомъ одного какого либо изъ этихъ произведеній и люди, знакомые съ монгольскою литературою, безъ сомнѣнія, согласятся со мною, что подобный разборъ, въ силу своеобразнаго характера монгольскихъ литературныхъ произведеній, совершенно не можетъ способствовать ни къ составленію точнаго и опредѣленнаго понятія о какомъ либо отдѣлѣ литературныхъ стихотвореній, ни послужить руководствомъ для составленія подобныхъ разборовъ въ будущемъ. Основывается все это на томъ, что произведенія монгольской литературы вообще всегда писались и до нынѣ пишутся безъ всякаго плана, ни когда не соблюдали у себя и не держатся опредѣленнаго образа изложенія, а оттого въ своемъ содержаніи не только

не задаются подробнымъ и основательнымъ разсмотрѣніемъ предмета хотя съ одной какой либо стороны, но зачастую и не имѣютъ опредѣленнаго предмета рѣчи: въ похвальныхъ гимнахъ можно найти въ иномъ цѣлое догматическое разсужденіе, въ другомъ историческій разсказъ, въ третьемъ апологію буддизма, въ четвертомъ, пожалуй, какой нибудь астрономическій, или историко-литературный трактатъ; при томъ одни изъ этихъ гимновъ излагаются въ формѣ дидактической, другіе походятъ на эпосъ, третьи являются въ видѣ идиліи; одни представляютъ чистое и плавное стихотвореніе, у другихъ стихотворная рѣчь какъ бы смѣшивается съ прозой. Само собою разумѣется, что такія поразительныя странности въ содержаніи, когда въ сочиненіи вмѣсто ожидаемой похвалы, — изліянія восторженнаго чувства читатель повстрѣчается съ отвлеченнымъ и сухимъ разсужденіемъ, не могутъ быть находимы въ каждомъ произведеніи и что эти странности могутъ быть замѣчены только при болѣе обширномъ знакомствѣ съ монгольскою литературою; но смѣшеніе сочиненіями сторонъ, съ которыхъ предположено разсматривать предметъ такъ обыкновенно, что оно узнается почти при первомъ знакомствѣ съ литературою. Мы говорили напримѣръ, что свои духовныя пѣснопѣнія монголы обыкновенно дѣлятъ на хвалебныя, просительныя и проч., но такихъ гимновъ, въ которыхъ была бы только хвала, хотя бы они названы были хвалебными, или только просьба, хотя бы они носили названіе мольбы, совершенно не встрѣчается; всѣ указанныя стороны обращенія человѣка къ божеству всегда перемѣшиваются между собою: въ макталѣ непремѣнно попадается и молитва, и исповѣданіе вѣры, и йороль; въ цзалбарил'ѣ въ свою очередь появляется хвала, исповѣданіе вѣры и проч. Для образца мы представляемъ здѣсь коротенькій макталъ У-тай-шань'скимъ горамъ, составленный и изданный въ Пекинѣ отдѣльною брошурою въ 1794 году.

абурàл хамȳк бурхад-ун
айладулгайн мȳн чинар

арія манцзушири-дор
ашида биширэн мўргўмўй
ом'а-ра-ба-цзан-натай

манцзушири бодотайя
магат-йэр орошихсан
манълай дэдў у-тай-шань
маши хэтўрхэй орон бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

энэ орон-на орошихчи
эрхим сўмэ шитўгэт ба
эбэсўн, модон, чилагут чу
эрхим бурхад-ун хубилган бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

дэгэдў хобитан ўцзэгўр-тў
дэгэдў энэ агула-ду
дэгэдў эрдэни бэр бўтўхсэн
дэгэдў ордо харши бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

ордо харшийн дотора
ори манцзушири бэр
олан нўхўт сэльтэтэй
орошин бодотайя сагун бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

баса шибагут гўрўгэт ба
б'лама гўйлинчйн дўри бэр
байху бурхат олан бой
батуда биширэн цзалбарійя
ом'а-ра-ба-цзан-натай

тэймў ўчири мэдэгэт
тэнъсэл ўгэй цзалбарибасу
тэрэ-хў хўсэхсэн шиддиш-и
тэрэ хў даруй ўрўшийѣхў
ом'а-ра-ба-цзан-натай

ўрўшийѣхчи манцзушири
ўргўльчжи санан цзалбарибасу
ўтэлэ мини хилинцэ-йги
ўлил ўгэй арилга
ом'а-ра-ба-цзан-натай

эртэн-ӱ ӱйлэйн эрхэ-бэр
эбэчин гамшик тэригӱтэн
элдэб цзобаланъ болбасу
эрхим чи бэр арилга
ом'а-ра-ба-цзан-натай
нисванис-ун эрхэ бэр
нигӱль цзӱк-тор шинӱхчи
нилха ойуту намайги
нигӱлэсӱн ӱрӱшийѣ
ом'а-ра-ба-цзан-натай
бодонгой тӱйтхэри арилгагат
бурхану хутуг-и ологат
бусут хамук амитан-и
бурхан болгаху болтогай.

Переводъ.

Непрестанно благоговѣя, покланяюсь
Святителю Маньцзуширію,—
Истинной сущности мудрости
Всѣхъ спасительныхъ буддъ.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Верховная, высокая У-тай-шань,
На которой въ дѣйствительности
Лично обитаетъ Маньцзушири,
Есть величественное мѣсто.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Находящіеся въ этой странѣ
Величественные храмы и кумиры,
Трава, деревья и камни
Суть хубилганы верховныхъ буддъ.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
На высоко счастливыхъ вершинахъ,
На этой возвышенной горѣ
Находится высокій дворецъ
Полный высокихъ драгоцѣнностей.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Въ глубинѣ дворца
Живетъ, лично поселившись,

Молодой Манцзушири
Вмѣстѣ со множествомъ друзей.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Кромѣ того находится много буддъ,
Живущихъ подъ видомъ птицъ, звѣрей,
Ламъ и нищихъ;
Твердо уповая (на нихъ), помолимся.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Зная объ этихъ обстоятельствахъ,
Если усердно помолиться,
Они тотчасъ же благословятъ
Желанною мудростію.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если молиться, постоянно памятуя
О милосердомъ Маньцзушири,
Грубые грѣхи мои
Всесовершенно очисти.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если, по силѣ прежнихъ дѣяній,
Случатся болѣзни, моръ и прочія
Различныя страданья,
Ты верховный очисти.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Помилосердуй и спаси меня
Младенчествующаго умомъ;
И силою нисваниса
Влекущагося въ сторону грѣха.
Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Очистивъ темноту порока
И давъ возможность пріобрѣсти святости будды,
Всѣхъ другихъ существъ
Содѣлай буддами.

Изложивъ теперь вкратцѣ любимыя темы народной пѣсенной поэзіи каждаго изъ монгольскихъ племенъ и указавъ характеръ и общее содержаніе большинства стихотвореній монгольской литературы, равно какъ представивъ въ примѣрахъ и различіе въ образѣ изложенія каждымъ изъ монгольскихъ племенъ одуше-

вляющихъ его чувствованій, я закончу теперь свой обзоръ указаніемъ тѣхъ общихъ чертъ въ стихотвореніяхъ монголовъ, которыя въ большей или меньшей степени проглядываютъ въ произведеніяхъ каждаго отдѣльнаго племени и потому необходимо составляютъ характеристичныя черты монгольскихъ стихотвореній вообще.

Съ внѣшней стороны самую рѣзкую и ярко бросающуюся въ глаза особенность монгольскихъ стихотвореній составляетъ то отсутствіе простоты въ изложеніи, быстроты и свободы въ выраженіяхъ мысли и чувства, которыя составляютъ отличительныя черты пѣсенныхъ стихотвореній у другихъ народовъ и давно уже почитаются европейцами за основныя достоинства стихотвореній литературныхъ. Коренная причина этой особенности несомнѣнно лежитъ въ томъ, что большинство пѣсенъ и стихотворныхъ произведеній монголовъ не есть результатъ лирическихъ изліяній одушевленнаго какимъ либо чувствомъ пѣвца, а просто плодъ досужей фантазіи нѣкоторыхъ изъ членовъ общей народной толпы. Чуждые поэтическихъ дарованій и не одушевляемое вдохновеніемъ, такіе стихослагатели монголовъ естественно не могутъ отличаться творчествомъ и отъ того они невольно должны прилагать къ составленію стиховъ тѣ самыя правила, которыя относятъ и къ произведеніямъ прозаическимъ. Въ этомъ полагаю я источникъ всей той натянутости, которая такъ или иначе проглядываетъ въ каждой пѣснѣ монгола. Яснѣе. Понятія монголовъ о популярныхъ произведеніяхъ вообще, какъ прозаическихъ такъ и стихотворныхъ, можно сказать почти совершенно противуположны нашимъ требованіямъ, по которымъ мы лучшими качествами всякаго сочиненія ставимъ его простоту ясность и живость. По понятіямъ монголовъ только то сочиненіе и достойно популярности, которое блеститъ наборомъ отвлеченныхъ буддійскихъ мыслей и мудрыхъ изрѣченій, облеченныхъ въ напыщенныя фразы и высокопарныя выраженія. Естественно отсюда, что и всякая пѣсня, и всякое стихотвореніе, что бы подходить имъ къ народному вкусу и имѣть шансы на распространенность въ народѣ, должны обладать тѣми

же самыми качествами. Справедливость этого взгляда на вкусъ народа мнѣ кажется тѣмъ болѣе правдивою, что монгольскія пѣсни позднѣйшаго происхожденія именно и отличаются отвлеченностію своего содержанія и надутою изысканностію своего слога. Съ другой стороны извѣстно, что народныя произведенія почти никогда не живутъ въ памяти народа въ той формѣ, въ которой они являются отъ своихъ творцевъ: они постоянно измѣняются, въ устахъ народа, пополняются и улучшаются, т. е. передѣлываются по народному вкусу (ни какой народный пѣвецъ иначе и непредставляетъ сдѣланной имъ передѣлки въ старомъ какъ улучшеніемъ); но достаточно будетъ сравнить ӧлётскую пѣсню, представленную мною подъ № 10-мъ съ позднѣйшею редакціею ея у Халхасовъ (№ 11), или такое же исправленіе пѣсни № 31 съ болѣе старою редакціею ея подъ № 32-мъ, что бы видѣть въ чемъ состоитъ по понятіямъ монголовъ отдѣлка и обработка сочиненій. Въ исправленныхъ редакціяхъ мы видимъ обыкновенно большую сжатость изложенія, болѣе громкія фразы, большую высокопарность. Необходимо предположить слѣдовательно, что въ этомъ то и поставляютъ современные монголы достоинство своихъ твореній и оказывается въ самомъ дѣлѣ, что изъ желанія придать сказанныя достоинства своимъ пѣснямъ они жертвуютъ и гармоніею ихъ стиха, и плавностію ихъ рѣчи, и вѣрностію выраженной въ нихъ мысли и даже, пожалуй, самымъ смысломъ; однимъ словомъ презираютъ все ради того, чтобы блеснуть звучною фразой. Затѣйливая чопорность въ оборотахъ рѣчи, по понятіямъ монголовъ, во первыхъ есть вѣрное ручательство за ученость пѣвца, а во вторыхъ она приводитъ простое народное твореніе къ сходству съ сочиненіями буддійскими. Я уже неоднократно повторялъ, что эти послѣднія сочиненія поставляются монголами за идеалъ литературныхъ произведеній: подражать имъ въ формѣ изложенія, заимствовать изъ нихъ, хотя бы то совершенно безъ нужды и въ ущербъ ясности рѣчи, цѣлыя выраженія и даже отдѣльныя слова, значитъ, по понятіямъ монголовъ, придать лоскъ рѣчи; отсюда представляется весьма естественнымъ наплывъ въ народныя пѣсни

буддійскихъ терминовъ и отдѣльныхъ иностранныхъ выраженій, встрѣчающихся въ монгольской литературѣ по заимствованію съ языковъ индійскаго и тибетскаго. Разсматривая на сколько и какимъ образомъ входятъ эти иностранные элементы монгольской рѣчи въ языкъ стихотвореній и народныхъ пѣсенъ, нельзя не замѣтить, что индійскій элементъ есть болѣе слабый. Цѣльныхъ индійскихъ фразъ, если только исключить тарни (дарани), попадающіяся въ стихотвореніяхъ литературныхъ, а также и въ приближающихся къ нимъ религіозно обрядовыхъ пѣсняхъ, въ монгольскихъ стихахъ не встрѣчается вовсе, — попадаются только отдѣльныя индійскія слова. По своему значенію эти послѣднія больше всего относятся къ отдѣлу изображающихъ вѣрованія монголовъ, привнесенныя къ нимъ буддійскою миѳологіею, а въ фонетическомъ отношеніи являются въ самомъ искаженномъ видѣ. Таковы слова: Загарвадонъ вм. литературнаго Чакраварунъ, — санскр. Tchakravartti; Галабъ — отъ санскр. Kalpa; Бухаръ отъ санскр. Vihâra; Галбаравасъ вм. литературнаго — Галбараварсъ отъ санскр. Kalpavrikça; Очиръ вм. литературнаго Вачиръ, отъ санскр. Vadjra; Аршанъ, литературнаго Рашійянъ отъ санскр. Rasâyana и др. Тибетскій элементъ проникъ въ языкъ пѣсенъ — несравненно сильнѣе. Прежде всего здѣсь всецѣло удерживаются всѣ тѣ тибетскія слова, которыя приняты монголами въ ихъ рѣчь какъ разнаго рода научные термины буддизма, а равно и тѣ, которыя вошли въ составъ монгольскаго языка какъ собственныя и нарицательныя имена для обозначенія духовныхъ лицъ, должностей и предметовъ; таковы, цанитъ, чжудъ, шанцзотба, гэсгуй, дацанъ, цанъ, бумханъ, искаженное отъ бунханъ и др. Фонетически нѣкоторыя изъ тибетскихъ словъ представляются въ языкѣ народныхъ пѣсенъ, какъ и слова индійскія, значительно извращенными: такъ произносимое у монголовъ - дуганъ, у бурятъ дугумъ, выговаривается правильно только у Ölötовъ какъ тибет. бДу-ханъ; гӱрӱмъ, литературнаго гуримъ отъ тибет. — сГуримъ и др. Но неговоря объ этихъ словахъ, давно уже привившихся къ монгольской рѣчи, извѣстныхъ всякому и ставшихъ какъ бы

монгольскими, въ пѣсняхъ замѣчаются еще тибетскія слова, почти вовсе не слышащіеся въ обыкновенномъ говорѣ монголовъ и введеніемъ этихъ то словъ, по убѣжденію монголовъ, и придается красота слогу. Такъ напр. мы видѣли употребляемое въ пѣсняхъ тибетское слово Чжанакъ, хотя въ обыкновенной рѣчи монголы всегда замѣняютъ его своимъ роднымъ словомъ — хитатъ; таково же употребленіе слова банцзаль вм. маикъ или маякъ и др. Еще болѣе ярко бросается въ глаза употребленіе въ монгольскихъ народныхъ пѣсняхъ цѣлыхъ тибетскихъ выраженій, значительно затемняющихъ для простаго народа смыслъ самой рѣчи стихотвореній; таковъ напр. стихъ въ одной изъ приведенныхъ мною пѣсенъ

эцигэ̀ баньчэнь богдайга̄н
рикдунъ дакбо болху-ду. . . .

Тибетское выраженіе «Рикду̀нъ дакбо̀» кажется включено здѣсь положительно безъ нужды: оно могло быть замѣненнымъ безъ всякаго ущерба для смысла и плавности рѣчи монгольскими словами «Хан ӱцзӱ ртӯ» и нахожденіе его въ данномъ стихѣ именно только и возможно объяснить желаніемъ автора щегольнуть своимъ знаніемъ тибетскаго языка. Какъ результатъ этого увлеченія монгольскихъ стихотворцевъ иностранными выраженіями въ рѣчи, въ монгольскихъ пѣсняхъ является множество недостатковъ: однѣ изъ этихъ пѣсенъ носятъ темноту въ выраженіяхъ, отчего далеко не каждый монголъ можетъ съ пониманіемъ читать ихъ легко и свободно; другія, имѣя у себя ясный и чистый слогъ, не имѣютъ живости красокъ, потому что предметъ описывается ими не съ натуры и въ описаніяхъ его не берутся тѣ качества, которыя могутъ служить къ живѣйшему его изображенію, а напротивъ о немъ говорится въ общихъ отвлеченныхъ формахъ и притомъ о тѣхъ только сторонахъ, которыя извѣстны автору изъ книги. Наконецъ, благодаря тому-же увлеченію стихотворцевъ буддійскою книжною фразой, пѣсни монголовъ въ большинствѣ случаевъ утомительны по своему однообразію, и это

весьма естественно, такъ какъ заимствуя всякаго рода эпитеты, сравненія и картины изъ буддійской книги, стихотворцы необходимо ограничиваютъ массу своихъ представленій и своего лексикона; за симъ, вставляя всюду буддійскую фразу, они лишаютъ себя возможности говорить о каждомъ предметѣ такъ, какъ должно говорить о немъ, сообразуясь съ его свойствами. Возмемъ для примѣра хвалебную пѣсню лошади, составленную дарханъ цинь-ван'омъ и мы увидимъ, что монгольскіе поэты о лошадяхъ говорятъ точно также какъ и о гэгэнахъ, употребляютъ тѣже самые обороты рѣчи и чуть не тѣже самыя выраженія.

Все сказанное впрочемъ относится по преимуществу къ пѣснямъ, принадлежащимъ по происхожденію къ болѣе позднѣйшему времени, или же къ подвергшимся большей передѣлкѣ и цензурѣ со стороны ламъ. Процентъ этихъ пѣсенъ въ общемъ составѣ пѣсенной монгольской литературы въ настоящее время весьма великъ, безъ сомнѣнія потому, что къ нему именно и замѣтно теперь влеченіе народныхъ симпатій; но за всѣмъ тѣмъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ уцѣлѣлъ еще и другой родъ народныхъ пѣсенъ, дышащихъ патріархальною простотою и изображающихъ кочевника монгола именно такимъ, какимъ онъ есть по своей природѣ. Въ пѣсняхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, въ совершенную противуположность первымъ замѣтна чрезвычайная живость и близость къ природѣ: здѣсь выступаетъ чистая, стремящаяся ко благу, любвеобильная и сострадательная душа монгола; оттого и въ изложеніи ихъ вмѣсто напыщенныхъ фразъ являются простые, но чрезвычайно ловкіе обороты, множество метафоръ, легко объясняемыхъ изъ понятій монголовъ и чрезвычайно картино рисующихъ предметъ. Такимъ образомъ смерть, на которую монголы давно уже привыкли смотрѣть какъ на фактъ временнаго разлученія души съ настоящимъ матеріальнымъ міромъ, представляется здѣсь не иначе какъ простымъ уходомъ,— «нагхутан байзыш гэхэрэ, мордохойн яхаб»; она-временное возвращеніе духа въ отчизну изъ короткаго странствованія—жизни въ мірѣ. Харӣл болосо̀н эчжӣ минӣ (№ 14). Такого рода мета-

форы придаютъ не затѣйливую но геніальную живость общему теченію рѣчи. Далѣе той-же живости способствуетъ образность выраженій: Хабутай чжиргал (распухлый, раздувшійся, большой). «Сула цаган шүдүтэй» (свободный, открытый, осклабленный). Въ метафорахъ, говорю я, вполнѣ выражается затѣмъ добрая и сострадательная душа кочевника: его любовь по преимуществу сосредоточивается на беззащитномъ и слабомъ, оттого слово бага—малый равносильно въ языкѣ его пѣсни понятію—милый: Хүрхэй бага эчжи манай, (№ 15) «Аля бахан нүхүрни», хүхэн баханъ Чэбчжит-тү (№№ 54, 58) и др. Нарощеніе флексій, производящихъ имена уменительныя, съ тою же цѣлью придать рѣчи нѣжность и выразить свою любовь и расположеніе къ предмету, такъ-же обыкновенно въ пѣсняхъ монголовъ но особенно преимуществуетъ у Бурятъ, гдѣ уменьшительныя встрѣчаются подъ часъ чуть ни въ каждомъ стихѣ: халтархан, харахан, хотогорхан, унцзатхан, чжикчжитхен, хүхүхэн, и пр. Въ этихъ пѣсняхъ вполнѣ открывается близость монгола къ природѣ: ему понятенъ языкъ птицъ, звѣрей и даже шумъ растеній; онъ одухотворяетъ предметы неодушевленные, и смотритъ на нихъ какъ на существа живыя, придавая имъ тѣ особенности, которыя прямо отличаютъ животныхъ, (цзулцзага цэцэкъ). Съ другой стороны онъ воплощаетъ отвлеченныя понятія, смотря на нихъ какъ на подчиненные тѣмъ же законамъ и условіямъ жизни, которымъ подчиненъ онъ самъ (үнүчин мү). Не меньше выразительности придаетъ рѣчи въ этихъ пѣсняхъ обиліе эпитетовъ, при чемъ количество это обусловливается не тѣмъ, чтобы какимъ либо избраннымъ предметамъ приписывалось множество различныхъ эпитетовъ: въ пѣсняхъ монголовъ трудно найти даже, чтобы какой либо предметъ имѣлъ три или четыре эпитета; но за то почти ни одинъ предметъ и не остается у нихъ безъ описательныхъ словъ; болѣе часто попадаются въ приложеніи къ понятію о матери слова—«бурал, хаиртай»; къ солнцу—алтанъ, шара, уланъ; къ лунѣ—цаганъ, мунъхэ цаган; къ небу—хөхө, хөхө мүнъхэ; къ ночи—бодонъту; къ родственникамъ и друзьямъ вообще—

хаиртай; къ глазамъ—хара, алак хара, алак эрѣнъ; къ косѣ (волосы)—хара, алда хара; все дурное и несчастное въ природѣ оттѣняется словомъ хара: хара сальхи, хара бага насун, хадун хара архи и пр. Наконецъ многое множество сравненій, подобій и символовъ, которые поэтическій духъ пѣвца находитъ какъ для отдѣльныхъ предметовъ, такъ и для сложныхъ дѣйствій завершаетъ способы, при посредствѣ которыхъ придается изобразительность въ монгольскихъ пѣсняхъ. Впрочемъ къ ограниченію этого послѣдняго способа должно замѣтить, что сравненія и уподобленія извѣстны у монголовъ только положительныя, и что отрицательныя сравненія, такъ обыкновенныя въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, въ стихотвореніяхъ монголовъ не встрѣчаются вовсе.

II.

Стихотворство есть искуство изложенія внутреннихъ мыслей и чувствованій человѣка въ изящныхъ и благозвучныхъ формахъ. Эта послѣдняя особенность изысканности во внѣшней формѣ изложенія всегда была признаваема у всѣхъ народовъ необходимымъ условіемъ стихотвореній и отсюда то появилось множество разнообразныхъ способовъ стихосложенія, законы которыхъ зиждутся на индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ многоразличныхъ языковъ и нарѣчій обитателей земнаго шара. У большинства изученныхъ нами народовъ отличительную черту стихотворнаго языка составляетъ его мѣрность; но трудно сказать относится ли это условіе къ стихотвореніямъ всѣхъ народовъ, или оно составляетъ принадлежность только нѣкоторыхъ. Трудно сказать это не только потому, что мы имѣемъ за собою цѣлую массу не изслѣдованнаго и не извѣстнаго, но еще болѣе потому, что и въ самой средѣ изслѣдованнаго нами находится множество стихотвореній, мѣра которыхъ такъ нечувствительна, законы которыхъ такъ безпорядочны и трудны для наблюденій и выводовъ, что мы совершенно не можемъ сказать есть ли опре-

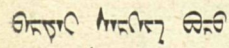
дѣленная мѣрность и какая именно въ нѣкоторыхъ такихъ стихотвореніяхъ.

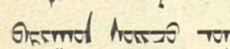
Начало стихосложенія у монголовъ, безъ сомнѣнія такъ же какъ и у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ, относится къ глубокой древности. Древнѣйшій памятникъ монгольской литературы, который имѣемъ мы въ настоящее время и который по времени своего составленія относится къ 1242 году нашего лѣтосчисленія, — Юань-чао-ми-ши уже изобилуетъ стихами; но какъ разсмотрѣніе этихъ древнихъ остатковъ творчества монголовъ, такъ и изученіе ихъ новѣйшихъ стихотвореній не даетъ намъ положительно ни какой возможности ни вывести какую либо опредѣленную метрику въ монгольскомъ стихѣ, ни установить правила, на основаніи которыхъ соединяются у монголовъ стихи отдѣльныхъ размѣровъ *). Сами монголы въ извѣстныхъ намъ грамматическихъ и риторическихъ сочиненіяхъ ихъ никогда не писали правилъ своего стихосложенія и единственную замѣтку по этому поводу нашли мы въ терминологическомъ словарѣ «Мэргэт гархуйн орон», излагающемъ вкратцѣ правила переводовъ

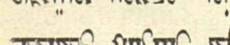
*) Чтобы познакомить читателей съ стихосложеніемъ монголовъ временъ Юань-чао-ми-ши представляемъ здѣсь образчикъ ихъ въ русской транскрипціи; копію же подлиннаго текста сего, изображенную китайскими іероглифами, мы представимъ въ приложеніяхъ къ изслѣдованіямъ о языкѣ пѣсенъ:

ха-ча-р хо-а о-ки-ди
ха-хань бэ-лу-*к*-са-на та-но
ха-са-*к* тѣ-р-гэнь—ту-р у-но-у-*л*-чжоу
ха-ра бу-у-ра ко-*л*-гэ-чжоу
ха-та-ра-у-*л*-чжоу от-чоу
ха-тунь са-у-ринь ту-р
хан-ту са-у-лу-му.
ба у-лус и-р-гэнь у-лу тѣ-мѣ-чэ-т
ба онъ-гэ са-и-т о-ки-ди-ень о-р-гэ-чжоу
о-*л*-чжи-гэ-тай тѣ-р-гэнь-ту-р у-но-у-*л*-чжоу
о-лэ бу-у-ра ко-*л*-гэ-чжоу
э-у-*с*-кэ-чжоу от-чоу
унь-ду-р са-у-ринь ту-р
о-рѣ-э-лѣ-э-тѣ-т са-у-*л*-хуй ба

съ тибетскаго языка на монгольскій, составленныя коммисіею переводчиковъ Даньчжура при Цянь-лунѣ. По словамъ этой замѣтки ламы, при трактатѣ о переводѣ тибетскихъ стиховъ, постановили такое правило: «хотя и не возможно сдѣлать при дословномъ переводѣ на монгольскій языкъ также какъ и въ тибетскомъ ровно — коротко и длинно; однако должно стихи переводить пріятными для слуха и удобопонятными словами: длинные и короткіе стихи (въ строфѣ), по возможности, нужно дѣлать ровными»*). Эти заботы ламъ о ровности стиха а равно и самый характеръ монгольскаго языка могутъ, по первоначалу, привести къ мысли, что стихосложеніе монголовъ должно быть силлабическимъ; но именно эта то форма и оказывается менѣе всего приложимою въ ихъ стихотворныхъ произведеніяхъ, такъ что читая нѣкоторыя творенія, видишь различное число слоговъ въ каждомъ стихѣ строфы. Нѣкоторыя, чисто народныя стихотворенія, правда, соблюдаютъ, хотя приблизительно, равносложность въ отдѣльныхъ стихахъ строфы: или точнѣе, мѣра ихъ не нарушается такъ осязательно для слуха, какъ въ другихъ стихотвореніяхъ, почитаемыхъ монголами собственно за болѣе отдѣланныя; но это совпаденіе числа слоговъ скорѣе всего случайное, такъ какъ оно не проходитъ никогда чрезъ все сочиненіе во первыхъ, а во вторыхъ и порядка въ размѣщеніи равносложныхъ стиховъ въ строфѣ опять таки положительно не возможно найти ни какого. Напр.:


всего 7 слог. при одномъ долгомъ


» 7 » » » »


» 7 » короткихъ

При самомъ тщательномъ и внимательномъ разборѣ я не могъ ни подвести стиховъ Юань-чао-ми-ши подъ законы силлабическаго стихосложенія, ни отыскать въ нихъ что либо общаго со стихами, слагаемыми по законамъ стихосложеній метрическаго или тоническаго; единственная же и очевидная принадлежность стиховъ — риома является здѣсь со всѣми тѣми особенностями, которыя замѣчаются въ современныхъ стихотвореніяхъ монголовъ и изложены мною ниже.

*) Мэргэт. гархуйн. орон. Отдѣлъ «Барамит.». Л. 17.

всего 9 слог.	при двухъ	долгихъ
» 9 »		короткихъ
» 10 »		»
» 10 »	при одномъ	долгомъ
» 7 »		короткихъ
» 7 »	при одномъ	»
» 9 »	» »	»
» 7 »		короткихъ
» 9 »	при одномъ	»

и т. д.

или даже болѣе плавные стихи:

всего 8 слог.	при одномъ	долгомъ
» 8 »	» »	»
» 7 »		короткихъ
» 8 »	при тремъ	долгихъ
» 8 »	» одномъ	долгомъ
» 8 »	» »	»
» 7 »		короткихъ
» 8 »	при двухъ	долгихъ.

Законы метрическаго стихосложенія не болѣе приложимы къ монгольскимъ стихотвореніямъ какъ и законы стихосложенія силлабическаго. Уже по свойству своего языка, имѣющаго ударе-ніе по преимуществу на послѣднемъ слогѣ, монголы могутъ имѣть у себя только два размѣра — ямбъ и анапестъ; однако и эти раз-мѣры положительно не могутъ быть приписаны стихотвореніямъ монголовъ. Возмемъ въ примѣръ для разбора хотя слѣдующую строфу:

всего 7 слог.	при одномъ	долгомъ
» 9 »	»	двухъ долгихъ
» 9 »	»	одномъ долгомъ

всего 10 слог.	при двухъ	долгихъ
» 9 »	» одномъ	долгомъ
» 11 »	короткихъ	
» 10 »	»	
» 9 »	при двухъ	долгихъ.

Первый стихъ этой строфы состоитъ изъ чистаго ямба, второй представляетъ чистый анапестъ, въ четырехъ послѣдующихъ за симъ ямбы и анапесты перемѣшаны между собою совершенно безпорядочно, наконецъ два послѣднихъ стиха даже совершенно не подходятъ ни подъ размѣръ ямба, ни подъ размѣръ анапеста, а въ отдѣльныхъ стопахъ скорѣе представляютъ хорей и пеонъ четвертый.

Тоническое стихосложеніе языку монголовъ во все не свойственно и слѣдовательно ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ способовъ стихосложенія не можетъ быть приложенъ къ стихотвореніямъ монголовъ. Можетъ быть въ нихъ есть что либо своеобразное, оригинальное, но при аналитическомъ разборѣ съ этой стороны монгольскихъ твореній я не пришелъ до сего времени ни къ какому положительному выводу: законы мѣры монгольскихъ стихотвореній, если они и существуютъ, остаются для меня не опредѣленны; какъ результатъ же своихъ изслѣдованій я могу сказать только то, что стихотворная рѣчь монголовъ подчасъ такъ близко граничитъ съ изложеніемъ прозаическимъ, что было бы трудно отличить стихи отъ прозы, если бы не напоминала о нихъ риѳма.

Соблюденіе риѳмы монголы поставляютъ, кажется, главнѣйшимъ закономъ своихъ стихотвореній и въ образцахъ чисто народнаго творчества едва ли и находятся даже какіе либо другіе законы стихосложеній. Правила стихосложенія литературнаго также дозволяютъ опускать риѳму только въ каноническихъ текстахъ, каковы рѣченія Будды и пр., и это въ виду того что бы за перестановкою и излишнимъ накопленіемъ словъ не затемнился и не извратился истинный смыслъ рѣчи; во всѣхъ же

прочихъ случаяхъ они требуютъ исполненія принятаго обычая риѳмовать стихи, т. е. согласовать въ звукахъ ихъ начальные слоги *). Впрочемъ, основываясь на этомъ правилѣ, было бы весьма ошибочно думать, что именно такъ не сложны и вообще стихотворные пріемы монголовъ въ ихъ литературѣ. Я говорилъ уже, что литература монголовъ постоянно бывала заимствованною отъ Тибетцевъ и Китайцевъ и что въ большей или меньшей степени она продолжаетъ быть таковою же и до настоящаго времени. При томъ уваженіи монголовъ къ буквѣ, которое существуетъ у нихъ, какъ и вообще у всякаго малоразвитаго народа, естественно предположить, что въ своихъ переводныхъ сочиненіяхъ они сполна приняли въ свою литературу законы стихосложенія тѣхъ языковъ, съ которыхъ они переводили. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ и въ этомъ то коренится основная причина развитія многочисленныхъ пріемовъ монгольскаго стихосложенія. Развитіе этихъ пріемовъ и усвоеніе ихъ въ монгольской литературѣ совершалось конечно послѣдовательно и первоначально они введены были можетъ быть даже противъ желанія и обычая ламъ, иначе по крайней мѣрѣ трудно объяснить причину, по которой коммисія переводчиковъ Даньчжура при Цянь-лунѣ сочла своимъ долгомъ рекомендовать дословность переводовъ и возможно полное соблюденіе всѣхъ оттѣнковъ изложенія. Такъ вѣроятно было по первоначалу; но впослѣдствіи монгольскіе ламы, отчасти потому что образецъ всего прекраснаго видѣли они въ Тибетѣ, а отчасти, можетъ быть, и потому что постоянно занимаясь изученіемъ тибетскаго языка уже и сроднились съ особенностями чуждой народу тибетской рѣчи, перенесли и въ свой народный языкъ способы стихосложенія тибетскаго. Такимъ образомъ законы тибетскаго стихосложенія начали фигурировать и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по своему происхожденію всецѣло принадлежатъ Монголіи и монголамъ. Но, оставляя пока въ сторонѣ эти сложные пріемы стихосложенія, относящагося все таки исклю-

*) Мэргэт. гархуйн орон. л. 21.

чительно до литературы, мы займемся прежде всего подробнымъ разсмотрѣніемъ образцевъ народнаго стихосложенія. Въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, сохраняются слѣдующіе пріемы:

α) Все стихотвореніе раздѣляется на отдѣльные стихи (бадакъ), первыя слова которыхъ согласуются между собою единозвучіемъ ихъ начальныхъ слоговъ. Напримѣръ:

a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

тогóрбил ӱгэ̀й агарāса	
тодò тунгалàк лама̀ минѝ	
толѝ мэтӯ ургума́ли	
тонилгачжѝ адисла̀	

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:

ба́й-хōр, ба́й-хōр хэчжини хō	
бай-чай голы́йн эхи́ндӯни	
ба́йдак улусы́йн санā-ни	
ба́й-хōр чама́й дэ̄рэ бишӯ	

c) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

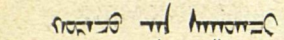
хада́йн чинѝ усӯн-ни	
ха́йлан, ха́йлан урусуна̀й	
ханѝйн бичихàн чамадāн	
хадагāрāн бэлэгэ̄н öгöнэ̀й.	

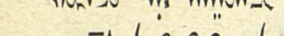
d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

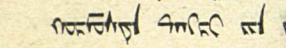
хадатайхàн ӱндӯри дабахóйя	
хазāртӯ моринду̀ найданàм	
ханиласàн хӱхӯт-ту уширахóйя	
халӯхун гхэтхиль-дӯ найданàм	

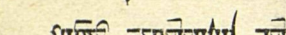
β) Иногда риѳма обнимаетъ собою не весь первый слогъ, а только входящій въ составъ его начальный согласный звукъ. Напр.:

a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

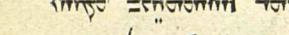

хурачжѝ энэ̀ сӯхчѝ манàй

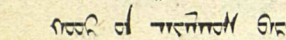

хормустà тэнгрíйн чжиргàл бáйна

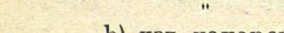

хамтӯ цугласàн олонáй дундӯ

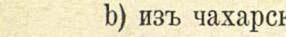

хӯрьíйн аилгус баринà

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

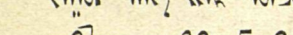

чжӯн лангāр ольчжѝ бáйги

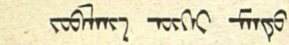

чжоболòн ӱгэй мэндӯ ябáги

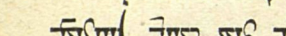

минъган лангāр ольчжи бáйги


манцзӯшри бурхан öрöшöги

c) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

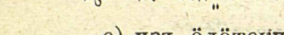

бухàн шачжинàй гэрэ̀л

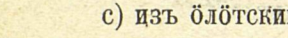

бӯм нарàн мэтӯ мандачжѝ

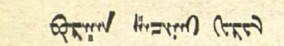

богдò хāнай töрȫ-ни

барӯн хадà мэтӯ батудачжѝ

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:


гхāралхáн-на унучжѝ,


гхэлэнъгэ́йн нāдум-ду ошíйя

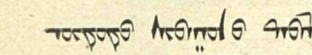

гхэтхильíйн нӱхӱдēн ӱзэчжѝ

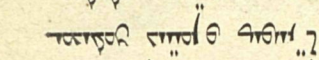
гханāни гхáйни мэдӱ̆чжим.

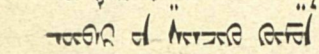
γ) Какъ гласныя буквы такъ и согласныя въ стихотвореніяхъ имѣютъ значеніе чисто звуковое и въ составленіи стиховъ монголы не обращаютъ вниманія на различіе знаковъ, употребляемыхъ въ письменности иногда для выраженія положительно однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкѣ, а иногда для болѣе точнаго изображенія оттѣнковъ одного и того же звука. На этомъ основаніи гласные звуки *o* и *y* и согласные *k*, *г*, *x*, различаемые въ правописаніи монголовъ отдѣльными знаками для твердыхъ и мягкихъ звуковъ ихъ, въ стихотвореніяхъ принимаются безразлично; такъ что изображаемые знаками для твердыхъ гласныхъ

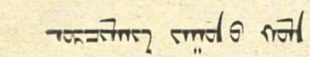
o и *y* и согласныхъ *к*, *г*, *х* считаются риѳмами для таковыхъ же звуковъ мягкихъ, хотя послѣдніе и имѣютъ свое особое начертаніе. Напр.:

а) изъ халхаской пѣсни:

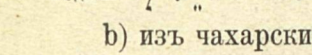

ӱдӱтӱ̄ шубӯнай дэбэлгэ́н-дӱ̆

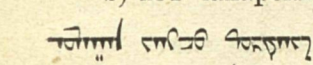

ӱндӱ̆р ӯнай дабӑ̄ бѝ

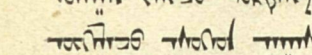

ӧбӧрӧ̄н шинчжихӱ̆ хӱмӱ̆н-дӱ̆

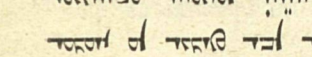

орчилàнъ ӯнай холò бѝ

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:

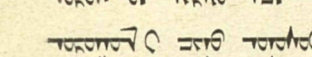

улӑ̄н я́нцзу дурдангӑ̄р

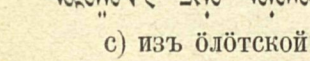

ӱгӱ̆льчжи эсэ̄т нӑ̄сайядà

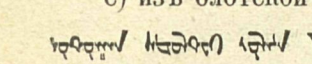

уругу́йн ирэхэсэ ӧмӧнӧ

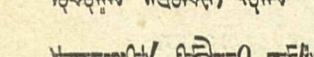

урулы́йги чинѝ унусуйя̀ дà

c) изъ ӧлӧтской пѣсни:

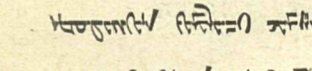

утухàн сӱ̄льтэ̀й улӑ̄н минѝ

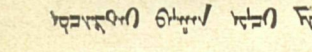

ӱ̄дэйгэ̄н кэмэлэчжѝ цэмшинэ̀й

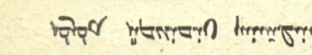

учиртàй бӑ̄хан эчжѝ минѝ

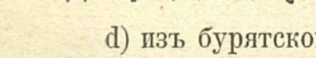

улум хòйно-ни санакданà̀й.

d) изъ бурятской пѣсни:


ӱхэры́йн олан-дӱ̆

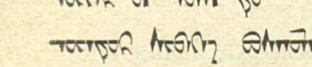

ӱндӱ̆р шибэ̄ ботхолàй

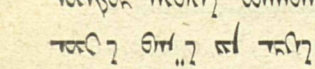

ӱйӗ̄ багá́йн эрхэ-дӱ̆

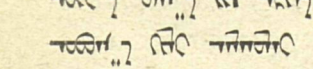

обӧ̄ хили́ алхулàй

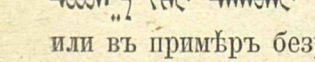
или въ примѣръ безразличія мягкихъ и твердыхъ согласныхъ:

а) изъ халхаской пѣсни:

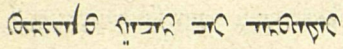

гурбӯ̆н цагы́йги мэдэхчѝ

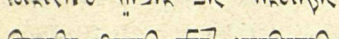

гурбӯ̆н улӑ̄н нюдӱ̆тэ̀й

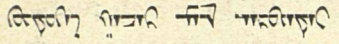

гӱ̆бчин шумнусы́йги дарухчи

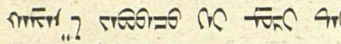

гэгэ̀н цагà̀н сойӧ̄той.

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

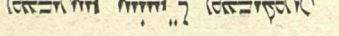

хўрѣ гачжѝр чай арбинта̀й

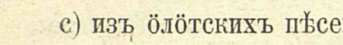

хўдо̄ гачжѝр ма̂л арбинта̀й

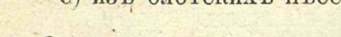

ха̄ ябуба̀чиги хій морита̀й

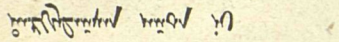

хўсэсэ̀н сана̄ чинѝ гўйцэтўгэ̀й

c) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

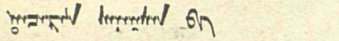

гаргѝлдасан акта̀-ни

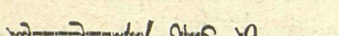

гацзара̄н санаса̀н бѝ


галўрулдуса̀н ка̄нар-нѝ

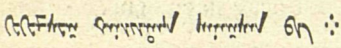

гэгэмсэ̀к таныйга̄н санаса̀н би

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

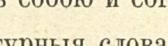
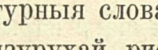

гўпшíйн модо̀ хўдўлгэхшѝ


хўхо̄ шубўн гэлэ̀й-лэ

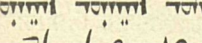
хўмўн зо́н-и хўдўлгэхши

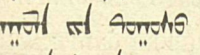

хаду́н хара̂ архѝ би́.

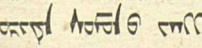
Вообще народныя пѣсни всецѣло основываютъ свои риѳмы на законахъ произношенія словъ и совершено не имѣютъ въ виду того выговора ихъ, который навязываетъ монгольской рѣчи литературное правописаніе. На этомъ основаніи въ народныхъ стихотвореніяхъ можно встрѣтить на ряду съ словами, начинающимися съ короткой гласной, слова, начинающіяся съ долгой, которыя, какъ можетъ казаться по внѣшнему виду начертанія и всецѣлому произношенію ихъ, не имѣютъ ни какого сходства и созвучія между собою: риѳма получится только тогда, когда слово будетъ произнесено согласно живому выговору въ языкѣ народа. Это замѣчаніе распространяется не на одни только слова, начинающіяся съ долгихъ гласныхъ, но одинаково относится и ко всѣмъ тѣмъ, которые начинаясь короткими гласными звуками, измѣняютъ ихъ литературное произношеніе по законамъ ассими-

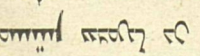
ляціи гласныхъ звуковъ въ устной рѣчи народа. Извѣстно также, что ассимилированіе гласныхъ слога отражается иногда въ живой рѣчи народа и на входящихъ въ составъ того же слога согласныхъ звукахъ: такимъ образомъ *цз*, будучи соединено съ *и* составляетъ по законамъ монгольскаго произношенія уже не слогъ *цзи*, а *чжи*. Если теперь въ народномъ выговорѣ *и* будетъ ассимилировано по законамъ созвучія гласныхъ слова, то оно измѣняетъ вмѣстѣ съ собою и согласную, обращая ее изъ *чж* въ *цз*. Посему литературныя слова  звучащія въ народѣ какъ — цзаха, цзурухай, риѳмуются со всѣми словами, начинающимися словами *цза*, *цзэ*, *цзо*, *цзу*, но не могутъ быть риѳмованы съ тѣми, которыя, по свойству языка не измѣняютъ своего *чж* въ эти звуки; каковы  и др. Иностранныя слова, искуственное изображеніе которыхъ потребовало въ свое время даже особой азбуки, извѣстной подъ именемъ галика, въ народныхъ стихахъ всегда риѳмуются съ тѣми звуками, каковыми звучитъ ихъ собственное начало въ обыкновенномъ произношеніи простолюдина, хотя нельзя сказать чтобы какой нибудь простолюдинъ не понялъ этого слова, если бы оно было сказано ему и сохраняя въ полнотѣ звуки согласно его литературному начертанію. Вотъ примѣры для подтвержденія всего сказаннаго и прежде всего относительно риѳмованія словъ начинающихся съ долгихъ гласныхъ звуковъ:

а) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

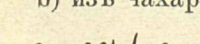
 унугун, унугун улāн ни

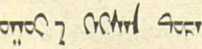
 ӯлаин тӧсу хӯдӯлгэ̄т

 урида̀ сумунàй цзангӣ-ни

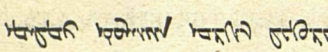
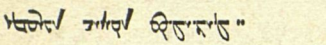
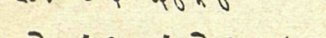
 ухāн цзӯрӯхэ̀йги минӣ булāгат

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ:

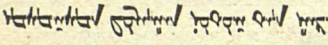
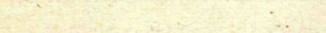
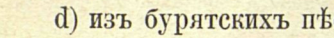
 ӯйя̀ гэсэ̀н дуран-дӯ чинӣ

 ӯ-чжа-пàйги барилā

c) изъ ölötскихъ пѣсенъ:

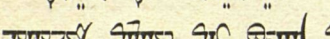
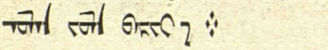
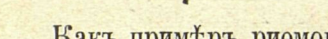
	öндöр ӯлаин оргӣл дэгурэсэ
	ӧлэн цасӯ бударāт
	ӱбуль-дэн кэйтэн болхӯ гэм-мани
	öсöсӧн дулāхан нутук-тāн харинàй би.

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

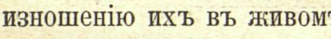
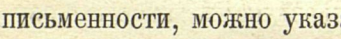
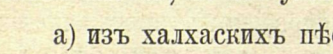
	улāн шарà нáран ни
	октогӧй-ду туя̄рāт
	ӯчжим дэлэнътэй бурхан-дāн
	олӧн цзулà барійя

Какъ примѣръ риѳмованія короткихъ гласныхъ согласно произношенію ихъ въ живомъ языкѣ народа, а не изображенію въ письменности, можно указать нā слѣдующіе образцы:

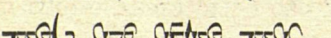
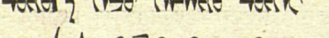
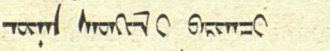
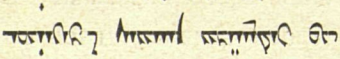
a) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

	ӱбӱтбэчиги цзобохӯ ӱгэй
	ӱхӱнэ гэчжѝ гэмшихӯ угэй
	ӱнэн сэтхилӣ барихчѝ
	унэрэ сàйхан чжиргалтàй би

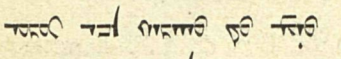
b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

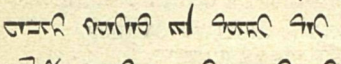
	ӱдӯр бӱгӱдэ олчжѝ бáйги
	ӱбӱчѝн хӱчин угэй мэндӯ ябāги
	олосӧн дэрэсэ ни олчжѝ бàйги
	олӧн дэшэн мандачжѝ бáйги.

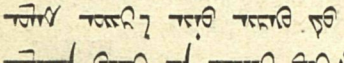
c) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

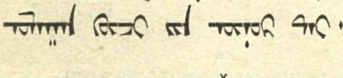
	ӱндӯр эзэн хāнāгха
	ӱнэхэр зарлѝк хӱлѣчжи
	ӱнэнтӯ орон-нѝ бӱтэ̄гхэн
	ӱбӱгӱн хамбō ламахàй.

Наконецъ риѳмованіе иностранныхъ словъ не по письменному ихъ произношенію, а по выговору народа, видимъ въ слѣдующей строфѣ бурятской пѣсни:

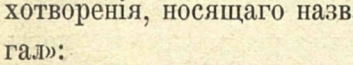

оройгōсо харахӯ-ду минѝ

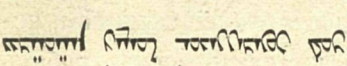

ошѝр хонъхòйн дӯритэ̀й

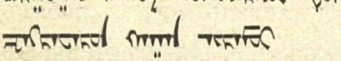

улàм óйра ни ирэхӯ дӯ минѝ

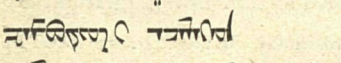

улāн хӯчжíйн ӯнӯр-тэ̀й.

или еще — примѣръ, взятый мною изъ халхаскаго народнаго стихотворенія, носящаго названіе «Орчиланъ-эцэ уйтху нэрэту сургал»:

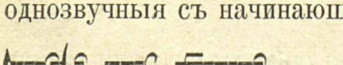

цзургàн галàб ӯнгӯрэхӯ̀й-дӯ

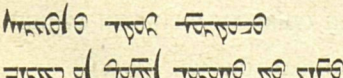

цзагарвадòн хāн ирэмӯ̀й

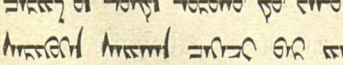

цзамбутúби эцзэлэ̄т

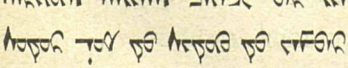

цзоболонгы́й ни арилгамӯ̀й.

Такъ какъ всѣ племена, говорящія различными нарѣчіями монгольскаго языка, составляютъ свои стихотворенія по этому общему закону — основывать риѳму на созвучіи словъ въ произношеніи народа, то еще большее уклоненіе отъ литературной правильности правописанія и произношенія словъ, составляющихъ риѳму, замѣчается въ народныхъ стихотвореніяхъ отдѣльныхъ монгольскихъ племенъ. Хоринскіе Бурята напр., по особенности своего нарѣчія, произносятъ монгольскій звукъ *ц* какъ *с* и *ч* какъ *ш*; на этомъ основаніи и въ стихотвореніяхъ ихъ слова, начинающіяся съ звука *ц*, служатъ риѳмою къ словамъ, начинающимся съ *с* и имѣющія въ началѣ согласную *ч* принимаются за однозвучныя съ начинающимися звукомъ — *ш*. Напр.:

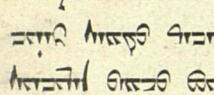

сэрюнэ̀й ӯдӯр мордочжѝ


"сэригы́йн дунду орохӯ ду ямáр би


сэрюхэн сáйхан сэ̄чжирэ̄рэ


судӯр нóм-ду шӯтӯхӯ̀ дӯ ямáр би

Какъ образецъ второй особенности языка, по которой звукъ *ч* является гармонирующимъ *ш* представляемъ слѣдующую строфу:

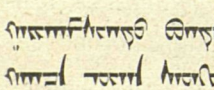


шарà булугàй эхин-дӯ
шанàр сàйту дасàнъ би
шинчжилэ̀н бàйчжи бӯтэ̄сэн
шигэмӯнíйн дӯрѝ лэ

Отъ разсмотрѣнія состава риѳмъ монгольскихъ народныхъ стихотвореній перейдемъ теперь къ способамъ расположенія ихъ въ строфахъ. Въ представленныхъ примѣрахъ мы уже могли наблюдать эти способы хотя и не въ достаточной полнотѣ и ясности; а потому скажемъ, что монгольскіе стихотворцы любятъ риѳмовать и по большей части риѳмуютъ цѣлыя строфы въ своихъ стихотвореніяхъ однимъ начальнымъ звукомъ, — этотъ, самый обыкновенный способъ расположенія риѳмъ болѣе всего и видѣли мы въ представленныхъ примѣрахъ. Кромѣ же сего риѳмы чередуются иногда въ различныхъ порядкахъ, а именно:

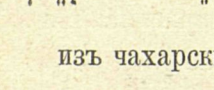
а) соединяютъ въ строфѣ непосредственно два стиха одною буквою, и два стиха другою. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсенъ:



гайхамшúкту богдойгàн
гахцà ӱнэ̀н сэтхилэ̄р
салалтà ӱгэ̀й дагамнàй
санā амӯр чжиргайѝ

изъ чахарскихъ пѣсенъ:



богдóйн орон-дӯ ӯлчжинà гэчжѝ
байн йӧрӧ̄льтӧй
алӯс нутук-тàй болбачиги
анъхáйн йӧрӧ̄льтӧй

изъ ӧлӧтскихъ пѣсенъ:

энэ̀ цагы́йн цо̋б-тӧни

э́йми ламāр учирāт

сāт зэткэ̀р ари́льчжи

са̀йхан тӯндӱ мӧргӧйѣ̀

изъ бурятскихъ пѣсенъ:

тугулы́йн анъга́йма халӯн- ду

тӯрга́йн хэ́йсэмэ сальхѝн-ду

аин-да̀ мордосо̀н аха́йгā

амурха̀н мэндӱ̀йги-ни дӯлāсай би.

б) чередуютъ риѳмы перемѣшивая ихъ одна другою. Напримѣръ:

а) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

тунъгала̀к хӧхӧ охторго̀й

хо̀б хōсун байтала̀

тунума̀л цага̀н ӱ̈лэн-ни

хэ́н хāнāса цокцалаба̀й.

b) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

насу̀н насу̀н-дāн чжирачжѝ яба̀

ӱ̈рэ ачилāран сайха̀н нӯчжи

нара̀н тэнъгрѝ ӱрушіѣкдэ̀

ӱльчжѝ хуту̀к орошига̀й

с) изъ ӧлӧтскихъ пѣсенъ:

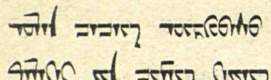
асагату́йн чинѝ ца́сунни

ӱѣрлэ̀н ӱѣрлэ̀н уруснàй

амара̀к дагина́ин āба-дāн

ӱзӱмы́йн дэ̄чжійги амсӯлана̀й-би

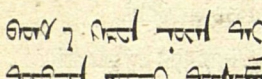
d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:



[illegible]	олòн цэцэ̀к ургубàла
[illegible]	дэлэхэ̀йн шимэ̀к гэдэ̀к бѝ
[illegible]	олòн сэсэ̀т цуглабàла
[illegible]	тӱрӱ̀йн шимэ̀к гэдэ̀к бѝ

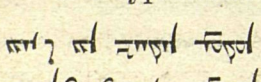
в) соединяютъ на ряду два средніе стиха подъ одною риѳмою, начальному же стиху даютъ созвучіе съ конечнымъ. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсенъ:



[illegible]	бадмà-гарвà ноинтàй
[illegible]	дубчѝн-дорчжѝ тӱшимэ̀льтэй
[illegible]	дашѝ балчжàб нӱхӱртэ̀й
[illegible]	бӱгӱдэ̀ хамтỳ чжиргайя̀.

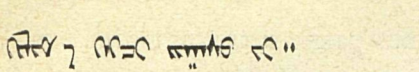
изъ бурятскихъ пѣсенъ:



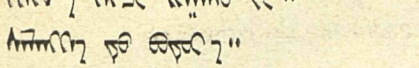
[illegible]	цзахáйн ӱндӱ̀р модон-дỳ
[illegible]	наранàй гэрэ̀ль мандана̀
[illegible]	нáйман хӱльтэ̀й ширѣ̄н-дӱ
[illegible]	цзулàйн гэрэ̀ль бадаранà.

Въ заключеніе трактата о риѳмахъ нужно замѣтить, что единственно только въ силу того, что монголы болѣе всего любятъ соединять строфы стиховъ одною буквою, можно встрѣчать у нихъ стихотворенія, написанныя по одному пріему; въ большинствѣ же случаевъ стихотворенія ихъ никогда не послѣдуютъ одному какому либо принятому расположенію риѳмъ въ стихахъ. Иначе сказать, монгольскіе стихотворцы никогда не стѣсняются измѣнять въ своихъ стихотвореніяхъ способъ расположенія риѳмъ, принятый ими въ первой строфѣ: они пищутъ одну строфу по одному способу, другую по другому, третью по третьему и т. д. Вотъ для примѣра нѣсколько строфъ изъ бурятской пѣсни:

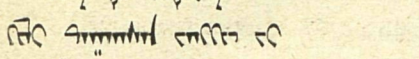
хилэмэ̀ гэ̄ши цзагагхӯйги



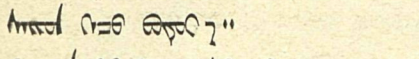
гхэлэнъгэ̀-дӯ бодойя̀



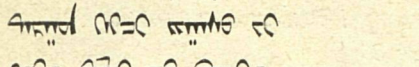
хилѝ да̄гхан цзангíйги,



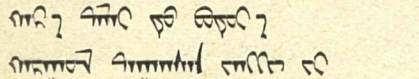
гхайт гэчжѝ бодойя̀



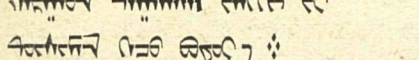
таргӯн гэ̄ши загагхӯйги



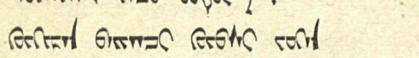
хара̀ дала́й-ду бодойя̀



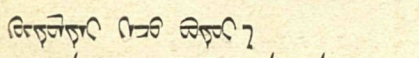
харӯл да̄гхан занъгíйги



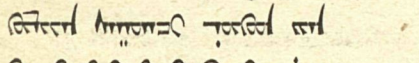
тӯшимэ́ль гэчжѝ бодойя̀



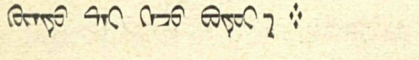
хӯхирэ̀н ба́йхши хубшíй-га̄н



хӯтӯлтэ̀й гэчжѝ бодойя̀



хӯлэ̄н гхӯхши нӯхӯдэ̄н



хӯндӯтэ̀й гэчжѝ бодойя̀.

Какъ видно изъ этого примѣра всѣ три строфы, рядомъ стоящія въ стихотвореніи, представляютъ собою три отдѣльные пріема расположенія риѳмъ; въ первой строфѣ мы видимъ перемѣжающееся попарное соединеніе поэтическихъ строкъ риѳмами; во второй — риѳмы поэтическихъ строкъ представляются соединенными въ срединѣ; третья строфа имѣетъ у себя всѣ четыре стиха соединенными однимъ слогомъ. Эта непослѣдовательность не составляетъ даже и исключительнаго свойства стихотвореній народныхъ, но всецѣло имѣетъ свое мѣсто и въ литературныхъ произведеніяхъ монголовъ: наблюдать это мы можемъ въ любомъ йӧрӧлѣ, макталѣ и цзалбарилѣ, написанныхъ въ стихотворной формѣ.

Пѣсни и стихотворенія монголовъ, подобно и европейскимъ произведеніямъ этого рода, дѣлятся на строфы (шӯлӯкъ), которыя по большей части составляются изъ четырехъ отдѣльныхъ стиховъ (бадакъ). Образцы сего мы уже достаточно видѣли въ представленныхъ примѣрахъ, которые всѣ представляли собою строфы, состоящія изъ четверостишій. Впрочемъ иногда строфы заключаютъ въ себѣ и пять стиховъ, а иногда и шесть, при чемъ то и другое количество одинаково замѣчается какъ въ народныхъ

стихотворныхъ произведеніяхъ, такъ равно встрѣчается и въ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ. Напр.:

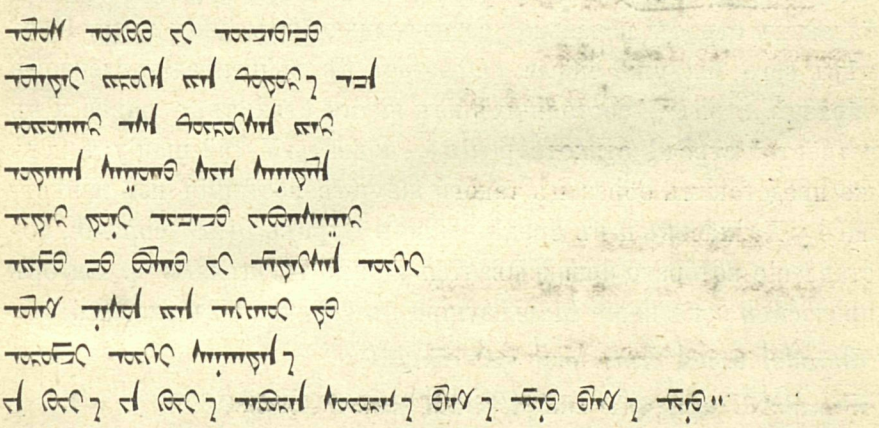
a) изъ народной халхаской пѣсни:

b) изъ бурятской пѣсни:

c) изъ біографіи Цзонъхавы:

Болѣе шести стиховъ въ строфѣ бываетъ рѣдко и по большей части строфы такой величины встрѣчаются тогда, когда въ стихотвореніе вводятся припѣвы, которые поставляются обыкновенно или за шестымъ или за восьмымъ стихомъ. Въ послѣд-

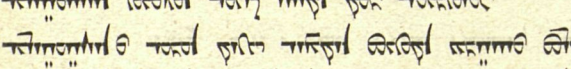
немъ случаѣ будетъ однако едва ли не вѣрнѣе предположить, что припѣвъ повторяется черезъ двѣ строфы, или черезъ два четверостишія и не считать одну строфу состоящею изъ восьми стиховъ. Къ этому положенію приводитъ насъ съ одной стороны то соображеніе, что эти восемь стиховъ никогда не соединяются одною риѳмою и гармонія ихъ начальныхъ звуковъ дѣлится по большей части на два четверостишія, съ другой весьма часто можно встрѣтить, что припѣвы эти, слѣдующіе во всей пѣснѣ за восьмистишіемъ, въ началѣ или въ концѣ стихотворенія заключаютъ собою строфы, состоящія только изъ четверостишій. Въ примѣръ такихъ строфъ изъ восьми стиховъ представляемъ слѣдующую:



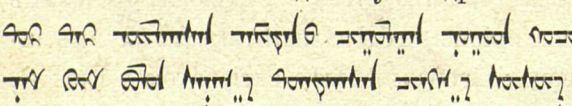
Законы тибетскаго стихосложенія, усвоенные монголами и привзошедшіе въ монгольскую литературу, отличаются большею требовательностію искуства. По первоначалу они безъ сомнѣнія были гораздо болѣе трудны для монголовъ къ выполненію чѣмъ ихъ собственныя правила стихотворства, но за то они принесли съ собою болѣе изысканные пріемы, и сдѣлали рѣчь монгольскихъ литературныхъ стихотвореній гораздо болѣе витіеватою и гибкою, чѣмъ видимъ мы ее въ сочиненіяхъ прозаическихъ, или въ образцахъ народной поэзіи. Отсутствіе всякихъ изслѣдованій о законахъ тибетскаго стихосложенія не дозволяетъ мнѣ ничего сказать о томъ, въ какой степени воспользовались ими монголы, т. е.

перенесли ли они всѣ ихъ сполна на свою почву, или усвоили себѣ только извѣстную часть ихъ; поэтому оставляя въ сторонѣ помянутый вопросъ, я считаю долгомъ указать только на тѣ пріемы тибетскаго стихосложенія, которые усвоили себѣ монголы по преимуществу и которые потому болѣе часто могъ я наблюдать при чтеніи разнаго рода монгольскихъ сочиненій. Пріемы эти слѣдующіе:

а) Вмѣсто того чтобы по законамъ монгольскаго народнаго стихосложенія риѳмовать бадакъ начальнымъ слогомъ, или даже начальною согласною перваго слова, стихи (бадакъ) литературныхъ произведеній, взятыхъ съ тибетскаго, риѳмуются всѣмъ начальнымъ словомъ; иначе сказать: по этому закону, въ четырехъ бадакахъ строфы начальное слово должно быть одно и тоже. Примѣръ сего мы уже могли наблюдать въ вышепредставленномъ образцѣ строфъ, состоящихъ изъ шести стиховъ, а равно и въ четвертой строфѣ стихотворенія — похвалы У-тай-шан'у; теперь же представимъ образецъ такого же четверостишія изъ извѣстнаго у Халхасовъ и въ средѣ вашихъ Бурятъ стихотворенія, составленіе котораго приписывается у нихъ Цзонъхавѣ *). Авторъ приноситъ поклоненіе Маньцзушри въ слѣдующихъ словахъ:



b) Оставляютъ совершенно риѳму въ смыслѣ созвучія звуковъ начальныхъ слоговъ и въ замѣнъ сего въ началѣ каждаго стиха поставляютъ по два звукоподражательныхъ слова. Напр.:



*) Богда цзонкавайн цзохіяхсан шулук орошибай — въ рукописи имѣется въ моей библіотекѣ.

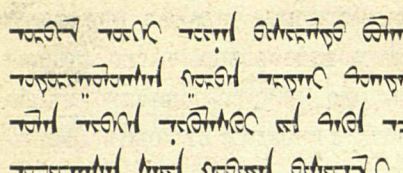
с) Подобнымъ образомъ употребляютъ попарное соединеніе одинаковыхъ словъ въ каждомъ отдѣльномъ бадакѣ; при томъ соединеніе это можетъ быть весьма разнообразно по своему положенію въ общемъ составѣ стиха: оно можетъ занимать мѣсто иногда въ началѣ, иногда въ срединѣ, а иногда и въ концѣ. Напр. въ началѣ:

въ срединѣ:

Какъ можно замѣтить въ этомъ послѣднемъ четверостишіи кромѣ соблюденія принятаго отъ тибетцевъ пріема попарнаго соединенія двухъ одинаковыхъ словъ соблюдается еще и основной пріемъ монгольскаго стихосложенія риѳмовать рѣчь начальнымъ звукомъ каждаго стиха. Подобное обоюдное согласованіе пріемовъ тибетскаго и монгольскаго стихосложенія находимъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ попарное сочетаніе одинаковыхъ словъ полагается въ концѣ:

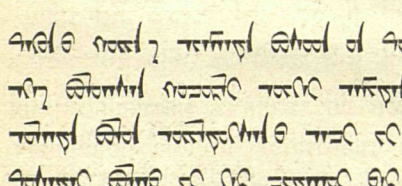
Замѣчаются и еще особые пріемы парнаго соединенія словъ, по которымъ иногда во всемъ стихотвореніи отдѣльные стихи, изъ которыхъ составлены его строфы, оканчиваются одними и тѣми же словами.

Такъ въ біографіи Райчжунба-хутухты:

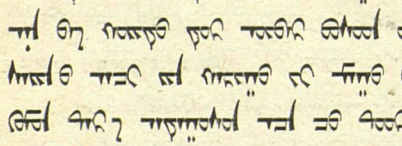


Во всемъ стихотвореніи, первая строфа котораго сейчасъ представлена, проходитъ та особенность, что второй стихъ каждой строфы оканчивается словомъ «токтамуй», третій — «боломуй-цза», четвертый — бүгүдэгэр:

Иногда парное соединеніе словъ выражается въ томъ, что каждый бадакъ или стихъ въ строфѣ долженствуетъ начинаться и оканчиваться однимъ и тѣмъ же словомъ. Такова напримѣръ слѣдующая строфа изъ вышеупомянутаго стихотворенія Цзонхавы:



Или же конечное слово перваго стиха въ строфѣ бываетъ тѣмъ самымъ, которымъ начинается второй стихъ ея, въ свою очередь оканчивающійся тѣмъ словомъ, которымъ начинается третій и такъ далѣе по всей строфѣ. Напр.:

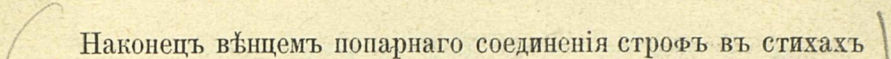


---

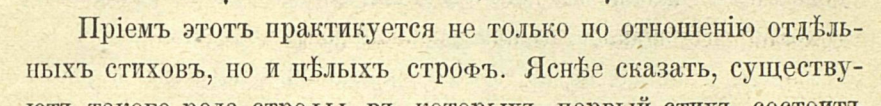
*) Хатагу чинъ цзорикту бэрхэ хатагучилъ йэр гакцахан насун даган номун бэйги олохсан Богда Милайн хамук хубэгуд'ун манълай алдаршихсан богда райчжунба вачир'ун гайхамшикту бэлгэ билиг'ун гэлэн толи нэрэтү тучжи орошиба. Глава 10 Л. 4-й.

**) Богда Цзонъхабайн цзохіясанъ щулук.

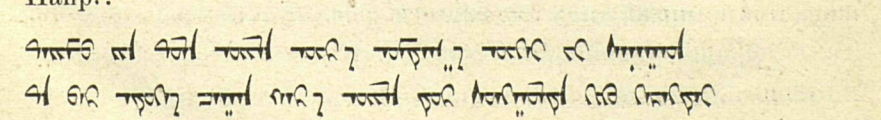
Наконецъ вѣнцемъ попарнаго соединенія строфъ въ стихахъ является пріемъ, по которому каждый стихъ строфы раздѣленный по поламъ одинаково читается съ начала и съ конца. Напр.:

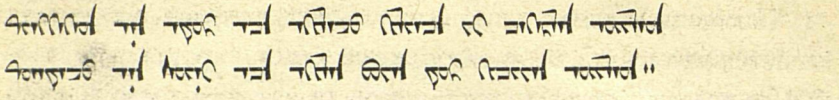


Пріемъ этотъ практикуется не только по отношенію отдѣльныхъ стиховъ, но и цѣлыхъ строфъ. Яснѣе сказать, существуютъ такого рода строфы, въ которыхъ первый стихъ состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ словъ, которыя составляютъ и второй стихъ, только въ этомъ послѣднемъ они должны быть прочитаны на оборотъ. Напр.:

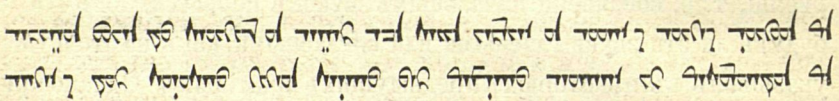


Такого рода ухищренные пріемы встрѣчаются однако въ переводахъ довольно рѣдко, безъ сомнѣнія потому что они трудны для выполненія; гораздо чаще въ переводныхъ стихахъ литературы монгольской соблюдается основной законъ монгольской риѳмы, т. е. соединеніе начальныхъ звуковъ первыхъ словъ стиха будутъ ли эти звуки гласными или согласными, какъ на это я уже указывалъ въ нѣкоторыхъ предыдущихъ примѣрахъ. Однако при внимательномъ разсмотрѣніи стихотвореній, составленныхъ по сказанному пріему, оказываются и въ этомъ случаѣ нѣкоторыя особенности, не встрѣчаемыя въ образцахъ монгольскаго народнаго стихотворства. Такъ въ нѣкоторыхъ изъ литературныхъ стихотвореній, при соединеніи всѣхъ стиховъ одной строфы единствомъ начальной согласной въ то же время поставляютъ за правило не повторять слѣдующихъ за этою согласною гласныхъ звуковъ, но послѣдовательно измѣнять ихъ въ каждомъ стихѣ строфы, Напр.:





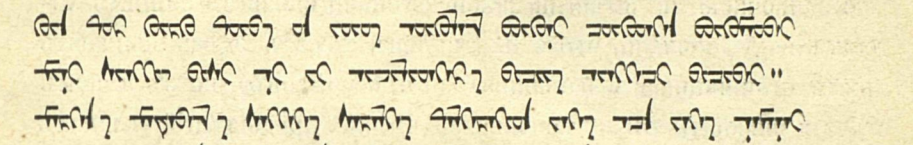
Риѳма этой строфы составляется согласнымъ звукомъ «т» единымъ для начала каждаго стиха, но, какъ сказано уже выше, стихотворецъ задался цѣлою разнообразить соединяющіеся съ этимъ — *т* гласные звуки, оттого начальный слогъ въ первомъ стихѣ этой строфы его стихотворенія есть *тэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ти* въ четвертомъ — *то*. Послѣдовательность гласныхъ при выполненіи этого пріема бываетъ весьма разнообразна, и опредѣленнаго азбучнаго порядка ихъ, стихотворцы не держатся, кажется, никогда; что же касается положенія слоговъ, составляющихъ такого рода риѳму, то его можно встрѣчать въ различныхъ стихотвореніяхъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стиховъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ стихахъ по большей части соблюдается въ началѣ монгольской законъ стихосложенія, основывающійся на единозвучіи начальныхъ слоговъ, а въ концѣ исполняется сказанный тибетскій пріемъ единства согласныхъ послѣдняго слога, при не повторяемости въ разныхъ стихахъ той же строфы входящихъ въ составъ этихъ слоговъ гласныхъ. Напр.:



Конечные слоги въ стихахъ этой строфы суть: въ первомъ — *тэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ту* въ четвертомъ — *то*.

Этотъ послѣдній пріемъ созвучія согласныхъ въ концѣ стиховъ встрѣчается однако чрезвычайно рѣдко, потому что монгольскіе стихотворцы главное вниманіе обращаютъ на риѳму первоначальнаго слога въ стихѣ и около этого начальнаго слога группируются по преимуществу всѣ особенности ихъ стихосложенія. Такъ, обращая вниманіе на особенности этихъ первыхъ слоговъ и отношеніе ихъ къ послѣдующимъ слогамъ стиховъ, мы замѣ-

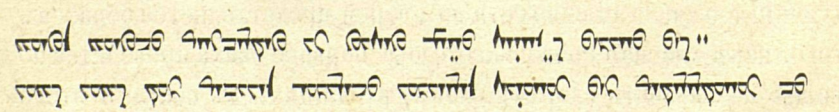
тили и еще одинъ пріемъ, по которому стихотворцы, удерживая разнообразіе гласныхъ звуковъ перваго слога въ стихахъ, иногда берутъ еще на себя задачу провести эту начальную гласную перваго слога въ стихѣ по начальнымъ слогамъ всѣхъ словъ входящихъ въ составъ этого стиха. Напр.:

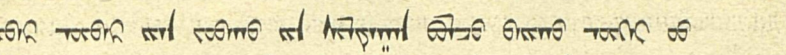


При такой ухищренности законовъ стихосложенія составители стихотвореній у монголовъ естественно должны были для удовлетворенія ихъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ изворотамъ рѣчи и мы дѣйствительно замѣчаемъ весьма многое противорѣчащее истинной чистотѣ, точности и ясности языка даже въ произведеніяхъ народнаго творчества. Еще въ большемъ количествѣ такого рода поэтическія волности выступаютъ въ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ и въ стихахъ переведенныхъ съ тибетскаго. Соблюденіе чуждыхъ языку законовъ рѣчи заставляютъ здѣсь переводчиковъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ для удовлетворенія требованіямъ риѳмы и внѣшнихъ красотъ изложенія. Съ этою цѣлью они мѣшаютъ здѣсь разговорныя выраженія съ литературными, употребляютъ всякаго рода провинціализмы на-равнѣ съ формами рѣчи, принятыми исключительно въ языкѣ книжномъ, наконецъ навязываютъ въ предложеніе слова и формы совершенно произвольно въ ущербъ правильному и плавному теченію рѣчи и ясности ея смысла. Примѣры всего этого мы безъ труда можемъ видѣть въ представленныхъ уже образцахъ и для своихъ указаній возьмемъ двѣ строфы, изъ которыхъ въ одной указывается способъ соединенія стиховъ единствомъ согласной начальнаго слова при различіи слѣдующихъ за нею гласныхъ, а во второй представляется образецъ того, какъ гласная начальнаго слова перваго стиха проводится по всѣмъ начальвымъ слогамъ словъ, входящихъ въ составъ этого

стиха. Разсматривая первую изъ этихъ строфъ, мы находимъ въ ней на-равнѣ съ чисто-литературными оборотами какъ «тэймуйн тула», извращенное быстротою народнаго выговора выраженні «гинъгэт» (вм. тэйн гэгэт) въ слѣдующемъ за симъ бадакѣ того-же шўлўка начальное слово «тохточжу» стоитъ какою то угловатою одиночкою, не имѣя ни какой внѣшней связи съ общимъ ходомъ рѣчи. Очевидно, что стихотворецъ хотѣлъ здѣсь выразить мысль «рѣшившись воздерживаться отъ грѣховъ», но въ такомъ случаѣ ясность рѣчи требовала, чтобы предыдущій глаголъ «уйлэт» стоялъ не въ повелительномъ наклоненіи, а имѣлъ бы форму отглагольнаго существительнаго, связь котораго съ глаголомъ «тохточжу» выражалась бы винительнымъ падежемъ по требованію этого глагола. Всѣми этими условіями правильности рѣчи переводчикъ очевидно пожертвовалъ ради соблюденія ухищренныхъ пріемовъ стихосложенія. Въ другомъ указанномъ мною примѣрѣ находимъ также перемѣшанными выраженія литературныя и разговорныя, каковы напр, чисто народныя слова «шинъги» вм. литературнаго «мэту»; «биши» — вм. «бусу»; ингэчжи вм. эйн гэчжу и др.

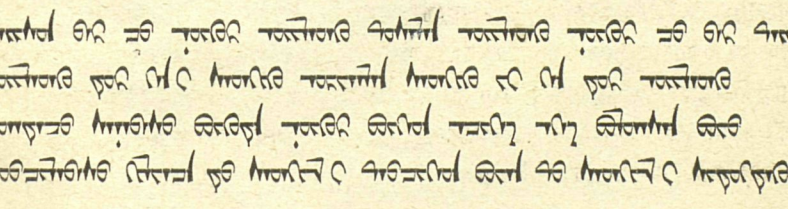
Такого рода поэтическія вольности встрѣчаются рѣшительно при каждомъ пріемѣ стихосложенія, но какъ, по общему міровому закону, чѣмъ больше требованій тѣмъ больше опущеній, — отступленій отъ правильности языка встрѣчается конечно больше въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя ставятъ себѣ болѣе трудныя задачи въ искуственномъ сочетаніи словъ и звуковъ. Такимъ образомъ если уже при требованіи сочетанія единственно слоговъ мы находили противорѣчіе правильности построенія рѣчи, то мы можемъ съ достовѣренностію предположить существованіе тѣхъ же самыхъ противорѣчій и въ тѣхъ стихахъ, которые требуютъ сочетанія не слоговъ, а цѣльныхъ словъ. Оно такъ и оказывается въ дѣйствительности. Напр.:





Слова: «мэдэл тэгусўхсэн нўгўт», такъ какъ составляютъ они подлежащее предложенія, никогда не могутъ занимать въ немъ послѣдняго мѣста: отступленіе это допущено очевидно вслѣдствіе необходимости выполнить принятый переводчикомъ способъ стихосложенія. Ту-же неправильность въ расположеніи словъ мы находимъ и въ другихъ представленныхъ нами образцахъ, а именно: таково положеніе послѣдняго слова «бўгўдэгэр» въ строфѣ стихотворенія, заимствованнаго нами изъ біографіи Райчжунбахутухты (см. выше стр. 340 стр. 5-я); или слова «окто» (стр. 342 стр. 23) и др.

Наконецъ, говоря о переводныхъ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ, нельзя не сказать, что монголы иногда, будучи не въ состояніи совладать совершенно съ принятыми въ строфѣ пріемами стихотворенія чужаго языка и не желая опустить выражаемой въ этой строфѣ мысли, часто оставляютъ въ своихъ переводахъ извѣстный стихотворный пріемъ на половинѣ строфы и дальнѣйшую рѣчь продолжаютъ по законамъ своего роднаго стихосложенія; иногда наконецъ они и вовсе прерываютъ стихотвореніе и на половинѣ строфы низводятъ изящную, гармоническую рѣчь на степень простой прозы. Прозаическая форма изложенія является въ этомъ случаѣ то какъ бы дополненіемъ къ мысли выраженной въ стихахъ, то просто продолженіемъ того же предложенія, которое по своему началу выражалось стихами. Напр.:



Здѣсь два первые стиха строфы имѣютъ у себя ту особенность, что, раздѣленные пополамъ, они читаются одинаково сверху и снизу; но, не будучи въ состояніи совладать съ этимъ пріемомъ

въ дальнѣйшихъ стихахъ, переводчикъ оставляетъ его на полострофы и заканчиваетъ свою стихотворную рѣчь по обыкновенному способу монгольскаго стихосложенія. А вотъ примѣръ того, что переводчикъ, начавъ стихотвореніе по способу сочетанія стиховъ единствомъ для всѣхъ ихъ начальнаго слова, оканчиваетъ строфу совершенно прозаическою формою изложенія:

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	4		
—	5		
7	10		
—	11		
13	11		
14	8		
20	9		
21	12		
23	7		
24	7		
32	8		
64	15	хояра̄н	хоира̄н
80	10	буддинскихъ	буддійскихъ
182	36	развалистою	развилистою
328	5		
330	21		
337	16		
338	30		
339	12		
—	24		
340	2		
343	6		
—	8		
—	9		

2007096202